

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО
И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

г. Волгоград 2021

УДК 346.26+347(08)

ББК 67.404.91+67.404я431

А 43

Под редакцией:

кандидат юридических наук *С. М. Миронова*, доцент;

кандидат юридических наук *Е. Н. Агибалова*, доцент;

кандидат юридических наук *И. Б. Иловайский*, доцент;

А. Е. Пономарченко, ассистент

Тексты статей печатаются в авторской редакции

Точки зрения редакционной коллегии и авторов могут не совпадать

А 43 **Актуальные проблемы предпринимательского и гражданского права: сборник научных трудов** (2021; Волгоград): [материалы] / под ред. С. М. Мироновой, А. Е. Пономарченко, Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского; Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана. – 506 с.

В первой части сборника представлены материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы и перспективы развития предпринимательского права в современном мире», которая состоялась в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС 9 апреля 2021 года. Организатором выступила кафедра финансового и предпринимательского права ВИУ РАНХиГС.

Во второй части сборника представлены материалы Межрегиональной научно-практической конференции памяти Михаила Федоровича Медведева (Медведевские чтения) «Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах», которая состоялась в Волгоградском институте управления – филиале РАНХиГС 28 мая 2021 года. Организатором выступила кафедра гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС при информационной поддержке Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Целью конференции являлось обращение внимания на актуальные вопросы современного деликтного права, исследование которого составляло при жизни область научных интересов профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС М. Ф. Медведева (1925–2011).

Работы носят научно-практический характер и будут интересны преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам юридических факультетов, представителям органов власти, практикующим юристам, специалистам в области предпринимательского и деликтного права.

ISBN 978-5-7786-0823-8

© Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Моатассам Бел Аллах Мостафа, Степанова Е. В., Хадир Эссам Аль Дин Али</i> ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ ПОДДЕРЖКИ БИЗНЕСА В ЕГИПТЕ И РОССИИ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ COVID-19	11
<i>Скотт Д.</i> О БИЗНЕС-ЛАНДШАФТЕ В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА В УСЛОВИЯХ COVID	17
<i>Абакумова Е. Б.</i> ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ИНВАЛИДОВ НА ТРУД И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО.....	21
<i>Абдуллаева Т. М.</i> К ПОНЯТИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	27
<i>Алехина А. В.</i> СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ.....	36
<i>Анипенко Е. Д.</i> ПРАВООБЛАДАТЕЛЬ ТОВАРНОГО ЗНАКА: СРАВНЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	43
<i>Аширбекова М. Т.</i> К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПО НОРМАМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	53
<i>Бирюлькин Д. С.</i> РОЛЬ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ АРБИТРАЖНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО.....	61
<i>Великанов А. П.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ТОРГОВ В АНТИМОНОПОЛЬНОМ ОРГАНЕ	68
<i>Вихлянцева Е. Ф.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ.....	77

<i>Глебов В. Г.</i> ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	86
<i>Голоманчук Э. В., Меграбян Д. А.</i> ЗАНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ.....	93
<i>Гулай Е. А., Королева П. В.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ.....	97
<i>Гусев Г. Д.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ.....	107
<i>Гусейнов Т. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	115
<i>Егоров А. В.</i> ФАКТИЧЕСКОЕ ДОПУЩЕНИЕ К РАБОТЕ НЕ УПОЛНОМОЧЕННЫМ НА ЭТО ЛИЦОМ: ПРАВОВАЯ СТОРОНА.....	130
<i>Епифанов А. Е., Алимова Е. Н.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ВАКЦИНАЦИИ ПРОТИВ COVID-19: ВОПРОСЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА	137
<i>Ермоленко О. М., Бракий М. И.</i> СОВРЕМЕННЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ОБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦПРОЕКТА «МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПОДДЕРЖКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ»	148
<i>Иванова Т. Б.</i> ПРОАКТИВНОСТЬ И ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	158
<i>Иловайский И. Б., Залевская Д. В.</i> ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ В РФ – СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	165
<i>Каменнов И. А.</i> ЦЕЛИ И ОСНОВАНИЯ ВВЕДЕНИЯ ВНЕШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ	176
<i>Канцер Ю. А.</i> ОНЛАЙН ЗАСЕДАНИЯ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ: ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	183
<i>Куркина Н. В.</i> СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАЛОГОВЫЕ РЕЖИМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	195
<i>Лубянцева А. Е.</i> РЕГУЛИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ.....	204

<i>Малева Е. А.</i> К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА).....	211
<i>Малышкин С. П.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ НОРМ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ...	218
<i>Мартыненко Е. И.</i> РАЗГЛАШЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ (ТАЙНЫ) ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА ПРИ УСМОТРЕНИИ В НЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	225
<i>Миронова С. М., Петров А. П.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОКАЗАНИЮ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ	230
<i>Мирошниченко В. В.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ.....	239
<i>Мудуева М. У.</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В СУБЪЕКТАХ РФ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	244
<i>Мхитарян Д. М.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В США.....	253
<i>Откидач Н. А.</i> ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА РЫНКА ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	258
<i>Подзолкова А. А.</i> АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ЦЕННИКОВ В СЕГМЕНТЕ FOOD – RETAIL.....	264
<i>Пономарченко А. Е.</i> БЛОКЧЕЙН КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ КОМПАНИЯМИ	269
<i>Радостева Я. Н.</i> СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	275
<i>Сандалова В. А., Литвинова А. Д.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В КОММЕРЧЕСКОМ ЭЛЕКТРОННОМ ДОКУМЕНТООБОРОТЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФРАСТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	282
<i>Сергеева К. В., Афанасьева Т. А.</i> ПРОБЛЕМЫ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА НА ПРИМЕРЕ НАРУШЕНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА РЫНКЕ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ПРАВА НА РАЗМЕЩЕНИЕ РЕКЛАМНЫХ КОНСТРУКЦИЙ	289

Симонян А. Г. ОСОБЕННОСТИ СДАЧИ-ПРИЕМКИ ВЫПОЛНЕННЫХ РАБОТ В РАМКАХ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО СТРОИТЕЛЬНОМУ ПОДРЯДУ	296
Скобельцева Д. А. ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЙ УСТАНОВЛЕННОЙ ПРОЦЕДУРЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНТРАКТА НА ПОСТАВКУ ТОВАРА, ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ И ОКАЗАНИЕ УСЛУГ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД.....	302
Токарев Е. А. КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В БРОКЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	309
Усанова В. А., Кайль Я. Я. СПРАВЕДЛИВАЯ КОМПЕНСАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ ВНЕДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	314
Чухирь В. С. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	319
Шептулин М. П. ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В НЕДРОПОЛЬЗОВАНИИ	326
Шумакова Е. А. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ТРУДА РАБОТНИКОВ	333
Яковлев Н. Ю. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	341

Часть II

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

- Агибалова Е. Н., Наумов М. А.* НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ ВРЕДА ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ 348
- Александрова Н. С.* ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ: ПРОБЛЕМАТИКА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 356
- Высогурская Т. В.* РОССИЙСКИЙ И ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА 361
- Галкина Д. В.* ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ 372
- Ивченко Н. И.* НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МОЗГОВЫХ ИМПЛАНТАТОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА 385
- Идрисов Х. В.* ДЕЛА, СВЯЗАННЫЕ С ПРИЧИНЕНИЕМ ЯТРОГЕННОГО ВРЕДА: ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ПО СЛЕДАМ ОДНОГО КОНКРЕТНОГО ДЕЛА 391
- Козлова М. В.* УСТАНОВЛЕНИЕ ВИНЫ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА: ПОДХОДЫ НЕЙРОПРАВА 407
- Кравченко Н. А.* К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ И НАЛОГОВЫЙ ДЕЛИКТ 413
- Летуца Т. В.* ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ 420
- Мананкова Е. В.* ПРОБЛЕМЫ БЕЗВИНОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ... 427
- Минакова А. С.* РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПОНЯТИЯ ВРЕД, УЩЕРБ, УБЫТКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ 434
- Мхитарян С. Э.* ДЕЛИКТНОЕ ПРАВО РОССИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ: ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ 440
- Немчинова С. А.* ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА 448

Подъяпольская В. А. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ»	454
Романова Д. П. ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСОБЫЕ ОБЪЕКТЫ ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ.....	460
Сергеева Ю. А. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НОТАРИУСА ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА.....	469
Филиппов С. А. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ»	476
ФОТООТЧЕТ	
Межрегиональной научно-практической конференции памяти Михаила Федоровича Медведева (Медведевские чтения) «Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах».....	490

ЧАСТЬ I

**Кафедра финансового
и предпринимательского права
ВИУ РАНХиГС**

**Международная научно-
практическая конференция**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

9 апреля 2021 г.

г. Волгоград

УДК 346.5

GOVERNMENT BUSINESS SUPPORT PROGRAMS TO OVERCOME ECONOMIC CONSEQUENCES OF COVID-19 IN EGYPT AND RUSSIA

Moatassam Bel Allah Mostafa, Ph.D., Mansoura University, Mansoura, Egypt

Stepanova E. V., Ph.D., Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА,
Volgograd, Russia

Hadeer Essam AlDin Ali, Mansoura University, Mansoura, Egypt

Abstract. The paper conducts a brief on the current situation of entrepreneurship conditions in Egypt and Russia. The authors define entrepreneurship, examine entrepreneurship conditions in Egypt and Russia in the period of pandemic of COVID-19 and highlight some Egyptian and Russian innovative startups and government measures to support national economies. The purpose of the research is to determine the specifics and opportunities for government solutions towards the development of economy in the course of adapting to new conditions in order to identify most promising areas of public support for the industry.

Keywords: business support, government programs, national economy, COVID-19 pandemic, most affected industries.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ ПОДДЕРЖКИ БИЗНЕСА В ЕГИПТЕ И РОССИИ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ COVID-19

Моатассам Бел Аллах Мостафа, доктор философии, Ph.D. юриспруденции,
Университет Эль-Мансуры, Мансура, Египет

Степанова Е. В., кандидат филологических наук, Волгоградский институт
управления – филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия

Хадир Эссам АльДин Али, Эль-Мансуры, Мансура, Египет

Аннотация. Правительства, предприятия, домашние хозяйства, финансовые рынки, различные секторы экономики сильно пострадали от массовых сбоев, высокого уровня неопределенности и экспоненциального распространения новой коронавирусной инфекции. В статье дается краткое описание текущего состояния условий для предпринимательства в Египте и

России. Авторы дают определение предпринимательства, условия для ведения предпринимательства в Египте и России в период пандемии COVID-19, описывают инновационные стартапы и меры Правительства РФ и Египта по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики. Целью исследования является определение специфики и возможностей государственных решений по развитию экономики в процессе адаптации к новым условиям с целью выявления наиболее перспективных направлений государственной поддержки отрасли.

Ключевые слова: поддержка предпринимательства, государственные программы, национальная экономика, пандемия COVID-19, наиболее пострадавшие отрасли экономики.

Introduction. It has almost been two years since the outbreak of the global pandemic which has already severely impacted the global economy. Governments, businesses, households, financial markets and economic sectors have been hit hard by mass disruptions, high levels of uncertainty and exponential spread of coronavirus.

The performance of financial markets and most other economic sectors fell accordingly. GDP forecasts have been significantly revised downwards, even after major economies deployed major stimulus packages to avoid a recession. In addition, global foreign direct investment (FDI) levels may have hit their lowest levels since the 2008-09 global financial crisis. On the back of the supply chain disruptions and slowdown in manufacturing, companies worldwide have lowered their earnings forecasts [1].

Supporting new start-ups especially Fintech ones is becoming more of a priority for policy at both the national and local levels. The government modified several laws, including bankruptcy and investment. But the start-ups still facing a high rate of VAT and bureaucracy (many entrepreneurs may spend a year or two to just get a license). The government launched some support programs that offering funding for early-stage startups like Fakretak Sherketak, Bedaya and Rowad 2030 initiative [5].

While Entrepreneurship education is a top priority for Egypt, the government educational reforms are not touchable and extremely slow, so it is not surprising that Egypt ranks at the bottom of all GEM countries for both school level and post school level entrepreneurship education in 2017.

Materials and Methods

The purpose of this study is to determine supporting measures in Egypt and Russia in order to identify promising areas for public support programs in this industry. The following study objectives were identified in order to achieve this purpose:

- identify existing government support measures for business entities;
- analyze national economic situation in Russia and Egypt;
- determine promising direction of government support for small, medium business with the aim of sustainable development of national economies.

The main research methods in this paper include comparative analysis.

Results

The link between the market/industry and universities and public research centers is extremely low. Access to knowledge and information in Egypt is not easy for supposed security reasons and gathering information is illegal sometimes, but on the positive side, there are some initiatives by the Academy for scientific research and technology to fill this gap.

Egypt reported its first case of COVID-19 on March 8, 2020. As of March 30, 2020 the Ministry of Health has reported 609 confirmed cases of COVID-19.

Local businesses and multinationals are adopting new policies to preserve their staffs' health and welfare while maintaining operations at minimal losses. These include teleworking, reduced staffing on premises and paid sick leave. Companies that need workers physically present, such as factories and other production-oriented businesses are implementing social distancing strategies by reducing shift hours and work weeks, reducing the number of shifts, and replacing onsite meal services with cash stipends. Following the PM's curfew extensions, output at production facilities across different sectors may be severely impacted [6].

Other corporate measures include:

- Suspension of fingerprint biometric attendance;
- Closing onsite food outlets and banning external delivery services;
- Banning external visitors and meetings;
- Rescheduling in-person meetings, training, etc. or resorting to digital alternatives.

Mobile network operators, banks and other businesses with front-end services are directing clients to online services and limiting the number of clients allowed in branches to 1-4 people at a time. These include F&B outlets, grocery stores, pharmacies and other retail stores. Banks have reduced their business hours and the EGX has shortened its trading day.

Consequently, the Egyptian government has taken a number of measures to contain the outbreak's effects on the economy, which has made giant strides over the past few years.

Fiscal policy

Similar to other nations, Egypt's government rolled out a full-fledged stimulus package worth at least EGP 100 billion to absorb the shocks of the pandemic. Fiscal measures to support the economy and the financial market include:

- Lowering the price of electricity for industrial use and freezing rates for the next 3-5 years. Government sources estimate these electricity price cuts could cost around EGP 6 billion alone.
- Relaxing real estate tax payment settlements for industrial and tourism companies by giving them a three-month tax break [2].
- Reducing the stamp tax on EGX transactions.
- Postponing the capital gains tax on stock market transactions until January 1, 2022, and permanently exempting foreign investors from the duty.
- Cutting tax on dividends by 50 %
- Fast-tracking payouts from the Export Subsidy Fund, which is a government agency that aims to encourage export of goods through direct payments, low-cost loans, tax relief for exporters.

The Government of the Russian Federation has published a Plan to overcome the economic consequences of the new coronavirus infection in June 2021. The Plan presents the main measures to support the population, regions of Russia, business, backbone enterprises and the most affected industries, which include road transport, air, water, rail transport, tourism, exhibition activities, hotels, entertainment and leisure, public catering, consumer services, culture and sports, non-food retail, dental services, additional education, media. As a result, the measures will affect 6.7 million people, of which 5.3 million rubles are in the field of small and medium-sized businesses [4].

The Russian government also envisages expanding the program of concessional lending to 8.5 %, while it is planned to simplify the requirements for the borrower since debts on taxes, fees and wages will not be taken into account. This program will include micro-enterprises operating in the field of trade, as well as refinancing loans for working capital and investment ideas. The marginal rate has been reduced to 7.75 %. As a result, as of June 24, 2021, 12.8 thousand agreements were concluded in the amount of 688 billion rubles. In total, 14,000 loans were issued under the loan support program.

In the second quarter of 2020, small and medium-sized businesses as most affected sectors of the Russian economy were exempted from taxes for 20.7 billion rubles as of June 21, 2021.

The support program launches a new investment cycle to improve the business climate. As of June 15, 2021, 1.6 trillion rubles were issued within the framework of mortgage lending at 6.5 %; 540 thousand individuals took advantage of the preferential mortgage program in 68 credit institutions and banks.

As for sectorial measures to support the recovery and development of individual industries, the Russian government proposed 2 main measures: a deferral of tax payments and insurance premiums for 5.4 thousand people and an extension and deferral of payments on loans to farmers for 2.6 billion rubles [3].

A series of measures to support the population has also been integrated, including for example, monthly payments to needy families for children from 3 to 7 years old in the amount of half of the subsistence minimum established in the region. The amount of funds paid amounted to 129.2 billion rubles for 1.2 million children as of June 24, 2021. Also, payments were made to doctors who fell ill with COVID-19 in the amount of 27.9 billion rubles. Insurance payments to employees of social institutions in connection with the detection of COVID-19 were 8 billion rubles [7].

Discussion

Last but not least, although my research note is related mainly to fiscal policy aimed at supporting businesses in Egypt. It is important to note that along with 39 other central banks around the world, the Central Bank of Egypt (CBE)'s Monetary Policy Committee (MPC) slashed interest rates as a part of monetary policy to address the economic impacts of the pandemic. The latest interest cuts are meant to encourage industrial sector growth and capital expenditure lending for businesses.

An additional measure of Russian Government to support entrepreneurship includes the creation of a guarantee fund for restructuring loans to companies: the total potential for issuing guarantees is up to 70 billion rubles, 46 billion rubles were actually spent as of June 21, 2021. Also, shopping centers were provided with deferrals for paying taxes (except for VAT) and insurance premiums for 6 months to support tenants as a small and medium-sized business entity. The amount of released funds is 699 million rubles.

Conclusion

Thus, Egypt and Russia have a high potential to support innovative startups and adopt government measures to support national economies including: reduction of

electricity for industrial use and freezing rates, relaxing real estate tax payment settlements for industrial and tourism companies by giving them a three-month tax break; decrease the stamp tax on Russian and Egyptian Exchange transactions; cutting tax on dividends; simplification of requirements for the borrower since debts on taxes for micro-enterprises operating in the field of trade; refinancing loans for working capital and investment ideas; reduction of marginal rate for small and medium-sized businesses.

References

1. Agibalova E. N., Ilovaysky I. B., Kayl Y. Y., Usanova V. A. Use of Letter of Credit Form of Payment in the Implementation of Smart Contracts and Blockchain Technology, 2020, Lecture Notes in Networks and Systems, 129 LNNS, p. 160-170.
2. Buletova N. E., Stepanova E. V., Abou-Raya. Genetic Technologies in Agriculture as a Condition of Competitiveness and National Security in Post-COVID Period, M. M., 2021, IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 723 (3), 032077.
3. Buletova N. E., Zlochevsky I. A., Kravchenko E. N., Sharkevich I. V. Application of method of effective ranking in the construction of the ratings (for example, GDP per Capita) Journal of Engineering and Applied Sciences, 2018, 13 (7), p. 1725–1731.
4. Economy Without Virus, Measures to support small and medium-sized businesses, as well as NGOs to overcome the consequences new coronavirus infection, Russian Government Report, Russian Ministry of Economic Development (assessed 30.06.2021) <https://covid.economy.gov.ru/>.
5. Egypt's Economic Update – April 2021, The World Bank report, (assessed 30.06.2021) <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/9dbe40280b581a94ff950a11cab42fb3-0280012021/original/4-mpo-sm21-egypt-egy-kcm2.pdf>
6. Oleynik Olga S.; Yakovenko Vadim V., Borisova Irina V. Systemization of Factors Affecting Public Administration Efficiency Through the Use of ICT, AEBMR, Advances in economics business and management research, Volume 83 Page 422-425. Published 2019.
7. Russkova E. G. a, Oleynik O. S. Factors of employment institution transformation in Russia, Lecture Notes in Networks and Systems, Tom 110, Pages 247 – 2532020, Book Chapter, ISSN-23673370, DOI10.1007/978-3-030-45913-0_28.

УДК 334.722.1

ON THE BUSINESS LANDSCAPE IN NEW ZEALAND: GOVERNMENT SUPPORT IN A COVID ENVIRONMENT

Scott D., an entrepreneur, the head of «Spyglass Group Ltd», New Zealand

Abstract. You will gain insight into how to setup and run a company in New Zealand, what regulatory structures to be aware of, where to look if you need help, and finally what the New Zealand Government has done to support businesses during the Covid pandemic.

Keywords: company, small business, state support, losses.

О БИЗНЕС-ЛАНДШАФТЕ В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА В УСЛОВИЯХ COVID

Скотт Д., предприниматель, генеральный директор Spyglass Group Ltd,
г. Окленд, Новая Зеландия

Аннотация. Вы получите представление о том, как создать и управлять компанией в Новой Зеландии, на какие нормативные структуры следует обратить внимание, куда обращаться, если вам нужна помощь, и, наконец, что правительство Новой Зеландии сделало для поддержки бизнеса во время пандемии Ковид-19.

Ключевые слова: компания, малый бизнес, государственная поддержка, убытки.

According to the 2020 World Bank ‘*Doing Business*’ study, New Zealand is the easiest country in the world to do business in. The World Bank also rate us the easiest place in the world to start a business.

In 2020, The World Bank commissioned the ‘*Doing Business*’ study. This study rated New Zealand as the easiest country in the world to do business in. The World Bank also rate us the easiest place in the world to start a business. Transparency International rank us as the least corrupt country in the world along with Denmark.

As small businesses are the backbone of the NZ economy, we could ask... what is a small business? New Zealand has a higher % of small and micro businesses than

other countries. Noting that most countries define small businesses as having fewer than 50 employees and in Russia I understand it is fewer than 100 employees.

New Zealand defines a small business as having fewer than 20 employees. Even our medium size businesses have fewer than 50 employees.

Small businesses make up 97 % of the total number of companies in New Zealand. If you add in Medium businesses and the number climbs to 99 %. Of course this means that only 1 % of New Zealand's companies are defined as «large».

Small business employs around 30 % of the workforce and contributes 27 % to our gross domestic product (GDP)... that's around \$160b for the New Zealand economy. Interestingly though, 70 % of these small businesses have ZERO employees! It's only the owner working.

So the government has made the process of opening and operating a company here extremely easy and provides a lot of resources to tap into. There are few restrictions on establishing, owning and operating a business in New Zealand. In fact, by using the Government's online portals and websites, the process of reserving a name and incorporating your company can be completed in a matter of hours with a small fee of \$115.

You will need to ask yourself... «What kind of a company is best suited for you?» There are 3 types generally and they have different financial & legal obligations for each.

1. Sole Trader

- a. *Business and personal finances are mixed.*
- b. *You personally are responsible for all income & losses*

2. Partnership

- a. *You and your business partners share personal responsibility for income, losses and control of the business.*

3. Company

- a. *The business is a separate legal entity with one or more owners.*
- b. *Losses are not usually held against the owners personally.*

Once you figure this out, then you need 3 things to get up and running.

1. Decide on a company name (legal name / trading name)
2. Confirm at least one shareholder (director and shareholder consent forms)
3. Supply contact addresses (where company records are kept, Communication, Services address)

And once you've registered a company, there are four things to address.

- Setup a tax number with the Inland Revenue Department (our taxation office)

- Find an Accountant to act for you
- Find a lawyer to act for you • Choose a bank.

It's as simple as that. So let's say you're all setup in your company but you need help. What resources are available? By using the Government's online portals and websites you can access a lot of help.

MBIE (Ministry of Business, Innovation and Employment) play a central role in shaping and delivering a strong economy by delivering policy, services, advice and regulation to support business

EMA (Employers & Manufacturers Association) focus on supporting businesses through advice, learning and advocacy to create a business environment where their members can transform and grow. They even offer free legal advice to members.

Even the IRD (Inland Revenue Department) will happily answer your tax questions over the phone. You never have to go to an IRD office – it's all done over the phone or through their website. And they are very friendly!

So how do we operate a business in a pandemic world? I mentioned at the start that my business interests are based in the conference and events industry. Well I couldn't have picked a worse industry! We went from annual sales of \$50,000,000 to nothing – everybody cancelled. No tours, no conferences – nothing.

We were burning through cash at \$3,500,000 per month because businesses have monthly expenses committed. Some very tough and unavoidable measures were required to survive. Thankfully there is some normality returning as we have in the last couple of days opened our borders to our Australian neighbours.

To recap... Here's a little snap shot of the New Zealand responded to Covid-19 2020:

28th Feb 1st Covid case reported in NZ last year.

19th March All indoor gatherings of more than 100 people are cancelled. Borders closed to all but NZ citizens and permanent residents.

21 March Govt announced 4 tier alert system – and PM sets NZ at L2 25 March. PM announces move to L4. Entire nation goes into self isolation for a full 6 weeks. A state-of-emergency is declared giving authorities more powers.

29 March NZ 1st Covid related death (currently the total stands at 26)

4 May No new cases reported in NZ.

Since then our major city, Auckland has been in and out of lockdowns with a few recorded community cases from people that arrived home. And we have now seen how small businesses have had to evolve to operate in this pandemic environment?

- Over the past 12 months o 49 % looked into new technology to help their businesses. o Before Covid, 31 % of small businesses had employees working away from the office. That number has now doubled. o 27 % of small businesses increased staff training on the use of 'work from home' technology

- 24 % implemented digital marketing strategies where they hadn't previously.
- 14 % created e-commerce sites in an effort to boost online sales.
- In fact 1 in 10 businesses have reduced or even closed their physical store space to put greater emphasis into online sales.

- Now If you enter a business, they must display Covid ScanCodes and they encourage people to use the NZ Covid Tracer App.

- If you own and operate a business, you must have a plan to educate staff with clear guidance of what to do if you suspect you or a colleague are sick, how to deal with outbreaks and how to report them.

Those previous points are how businesses have evolved and adapted but what about our government? Well they have been very supportive. There is a specific Covid-19 website which has been setup to help small (and large) business with strategies and financial support.

- Wage/Salary subsidy schemes during longer lockdown periods meant we could continue to pay staff at least for the short term future.

- Covid-19 Resurgence support payment to cover staff salary after an increase in alert level.

- Covid-19 Short term absence and leave payment to staff salary who are awaiting test results at home.

- Business Finance Guarantee scheme (funding for capital and operating expenses jointly between bank and government)

- Business cashflow & tax measures (along with consultancy support there is some relaxing of statutory tax deadlines and tax loss continuity rules)

- Insolvency relief for businesses (safe harbor rules)

- Covid-19 commercial lease dispute services for landlords & tenants who are not able to agree on rent arrangements during lockdown periods [1].

So our government has been and continues to be very pro-active in helping the continuation of business operations.

References

1. Government Covid-19 website... <https://covid19.govt.nz/business-work-and-money/financial-support/financial-supportfor-businesses/>

УДК 347.7

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ИНВАЛИДОВ НА ТРУД И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Абакумова Е. Б., кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права СО РАН, доцент кафедры гражданского права Новосибирского военного института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск

Аннотация. Статья посвящена проблеме правового обеспечения конституционного права инвалидов на труд и предпринимательство. В ходе проведенного анализа действующего законодательства и правоприменительной практики была установлена недостаточная эффективность государственного регулирования в рассматриваемой сфере. Автором предложен ряд мер по совершенствованию механизма государственно-правового обеспечения реализации прав инвалидов в экономической деятельности.

Ключевые слова: инвалиды, экономические права инвалидов, домашний труд, дистанционная работа, предпринимательство инвалидов.

STATE-LEGAL SUPPORT OF THE RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES TO WORK AND ENTREPRENEURSHIP

Abakumova E. B., Candidate of Law, Senior Researcher of the Department of Social and Legal Studies of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk

Abstract. The article is devoted to the problem of legal support of the constitutional right of persons with disabilities to work and entrepreneurship. In the course of the analysis of the current legislation and law enforcement practice, the insufficient effectiveness of state regulation in this area was established. The author proposes a number of measures to improve the mechanism of state-legal support for the realization of the rights of persons with disabilities in economic activity.

Keywords: disabled people, economic rights of disabled people, home work, remote work, entrepreneurship of disabled people.

Конституционное право на труд лиц с ограниченными возможностями здоровья может быть реализовано только при активной государственной политике, направленной на достижение продуктивной занятости трудоспособных инвалидов. Россия, ратифицировав в 2012 году Конвенцию о правах инвалидов, взяла на себя обязательства создать условия для полной интеграции этой категории граждан в общество. Надо сказать, что даже до этого времени российские программы поддержки занятости инвалидов соответствовали международным документам о правах инвалидов и были довольно прогрессивными в контексте общемировых тенденций. Тем не менее предпринимаемые государством законодательные и административные решения по обеспечению занятости инвалидов до сих пор не привели к существенному изменению ситуации с трудоустройством и занятостью людей с ограниченными возможностями здоровья.

Анализ системы государственно-правовой защиты прав инвалидов в сфере труда и занятости, показал, что основной мерой правового обеспечения занятости инвалидов в регионах России является квотирование рабочих мест. Но при этом инструменты принуждения к исполнению квот в виде государственного контроля и соответствующих штрафных санкций в текущей конструкции неэффективны. Во-первых, контроль распространяется на незначительное количество предприятий, а во-вторых, суммарный объем накладываемых на практике штрафов за неисполнение квот или непредставление отчетности составляет незначительную величину.

Стимулирование работодателей с целью найма инвалидов в большинстве регионов осуществляется в сильно ограниченном объеме. При этом упор делается на информационно-координационные меры взаимодействия с работодателями (проводятся информационно-разъяснительные кампании, консультации, семинары, круглые столы, дни открытых дверей, ярмарки вакансий и т.п.), в то время как очевидным является факт, что отсутствие экономических стимулов для найма инвалидов делает невозможными кардинальные сдвиги в решении проблемы конкурентоспособности данной категории лиц на рынке труда.

Касаемо законодательного обеспечения трудовой деятельности инвалидов отметим, что структура Трудового кодекса РФ характеризуется отсутствием специальной главы, посвященной правам инвалидов. Отдельные положения содержатся лишь внутри различных норм (ст. 92, 94, 96, 99, 128, 224), что на наш взгляд, не только затрудняет правоприменение, но и препятствует восприятию

инвалидов как специальных субъектов трудового права [5]. В качестве положительного примера можно привести Трудовой кодекс Республики Беларусь, где в гл. 21 «Особенности регулирования труда инвалидов» объединены наиболее важные аспекты правового регулирования трудовой деятельности данной категории лиц, в том числе, указывается на преимущества и гарантии для нанимателей, применяющих труд инвалидов [6].

Стоит отдельно остановиться на проблеме законодательного регулирования вопросов организации удаленных рабочих мест для инвалидов. Работа на дому считается наиболее приемлемым и оптимальным вариантом трудовых отношений для инвалидов. По мнению специалистов, меры по содействию занятости инвалидов на дому могли бы вдвое повысить включенность инвалидов в рынок труда [10, с. 170]. В настоящее время потенциал данной формы занятости не раскрыт, несмотря на очевидную востребованность со стороны самих инвалидов. Как отмечают, Г.В. Толстых, Е.С. Заиченко, главное преимущество труда на дому заключается в его гибкости, позволяющей производить прием на работу на гораздо более обширной территории, поскольку удаленность работника от места нахождения работодателя решающего значения не имеет и определяется сторонами исходя из принципа целесообразности [11, с. 54]. Помимо этого, надомная форма организации труда способствует уменьшению затрат работодателя на содержание помещений, арендные платежи и пр.

Отметим, что до 2017 года в соответствии с действовавшим до этого времени Положением об условиях труда надомников (1981 г.), инвалидам было предоставлено преимущественное право заключения трудового договора на выполнение работы на дому [1]. Однако федеральный законодатель отказался от этой нормы, не включив ее в Трудовой кодекс РФ и признав неприменимость указанного Положения.

Согласно ст. 310 Трудового кодекса РФ надомниками считаются лица, заключившие трудовой договор о выполнении работы на дому из материалов и с использованием инструментов и механизмов, выделяемых работодателем либо приобретаемых надомником за свой счет. Надомник может выполнять работу, обусловленную трудовым договором, с участием членов его семьи. При этом трудовые отношения между членами семьи надомника и работодателем не возникают [5].

Более точное определение надомного труда закреплено в п. «а» ст. 1 Конвенции № 177 «О надомном труде» (1996 г.): «термин «надомный труд» означает

работу, которую лицо, именуемое надомником, выполняет: i) по месту его жительства или в других помещениях по его выбору, но не в производственных помещениях работодателя; ii) за вознаграждение; iii) с целью производства товаров или услуг, согласно указаниям работодателя, независимо от того, кто предоставляет оборудование, материалы или другие используемые ресурсы» [3]. Такое же определение надомного труда приведено и в п. «а» ст. 1 Рекомендации МОТ № 184 о надомном труде (1996 г.) [4].

В подпункте «iii» п. «а» ст. 1 Конвенции МОТ № 177 сделана оговорка: «...если только это лицо не располагает такой степенью автономии и экономической независимости, которая необходима для того, чтобы считать его независимым работником в соответствии с национальным законодательством или судебными решениями». Подобного положения нет в Трудовом кодексе РФ, однако в научной литературе обращается внимание на юридическую и практическую значимость данной оговорки, поскольку в условиях развития гибких форм занятости современные производственные отношения различают два вида работников: наемные (зависимые) и свободные (независимые, квазизависимые – лица, подобные работникам) [12]. Если первые – традиционный субъект трудовых отношений, то вторые занимают промежуточное положение между участниками трудовых и гражданских отношений.

Надо заметить, что в настоящее время ручной труд мало востребован и традиционные виды надомной работы (шитье, вязание и т.п.) не пользуются большим спросом у работодателей. Современная работа на дому приобретает все более интеллектуальный характер, в связи с чем в 2013 году Трудовой кодекс РФ был дополнен главой 49.1 об особенностях регулирования труда дистанционных работников, исполняющих обязанности вне места нахождения организации и посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе «Интернет» [2].

Но несмотря на то, что «современные надомники» – это переводчики, консультанты, редакторы, диспетчеры, программисты, дизайнеры, бухгалтеры, журналисты и т.д., на наш взгляд, пока еще рано списывать со счетов ручной надомный труд, ведь далеко не все инвалиды способны овладеть компьютерными технологиями. Поэтому важно, чтобы данное направление в сфере занятости инвалидов получило достаточную поддержку со стороны государства и помимо субсидирования создания рабочего места (что, можно предположить, требуется редко), предусматривало бы иные меры стимулирования работодателей, причем,

хорошо поддающиеся контролю (например, компенсацию работодателям обязательных страховых взносов за надомного работника).

Касаемо дистанционной работы следует сказать, что удаленная занятость имеет большие перспективы в условиях возрастающей цифровизации экономики и, как верно отмечает, Ю. С. Ненахова, в плане трудоустройства инвалидов является одним из наиболее эффективных инструментов повышения качества их жизни [9, с. 96]. Среди сфер, где сегодня широко востребованы инвалиды, можно назвать продажи, маркетинг, программирование и т.п.

Поскольку поиск дистанционной работы для инвалида-специалиста обычно не представляет трудностей, данное направление содействия занятости не требует особого внимания со стороны государственных органов. К тому же сегодня для этих целей существуют достаточно эффективно работающие частные социальные рекрутинговые агентства. Так, например, Центр по трудоустройству выпускников детских домов и молодых людей с ограниченными возможностями «Работа-і» помогает инвалидам в трудоустройстве в российские и международные компании, проводит тренинги, семинары и практические занятия по поиску работы [7].

Вместе с тем, внедрение дистанционной формы занятости в систему трудоустройства инвалидов несет для государства социальные и экономические выгоды (не требует больших финансовых вложений, является источником налоговых поступлений, снижает напряженность на рынке труда), поэтому обосновано государственное вмешательство в ее ускоренное развитие [8, с. 75]. Данной цели может послужить организация обучения инвалидов простым навыкам работы на компьютере, ведению телефонных переговоров (например, для работы в call-центре), а также активное взаимодействие служб занятости с негосударственными инклюзивными организациями («Everland», «Работа-і» и др.), создание системы обмена информацией между органами служб занятости и установление контактов с работодателями из других регионов.

Библиографический список

1. Об утверждении положения об условиях труда надомников: Постановление Секретариата ВЦСПС от 29.09.1981 г. № 17-99, Постановление Госкомтруда СССР от 29.09.1981 г. № 275 (не действует на территории РФ на основании приказа Минтруда России от 29.12.2016 № 848) // Бюллетень трудового и социального законодательства Российской Федерации. 2017. № 2.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 60-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Офиц. интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 08.04.2013.
3. О надомном труде: Конвенция МОТ № 177 (Женева, 20 июня 1996 г.) // Приложение к «Российской газете». 2007. № 10.
4. О надомном труде: Рекомендация МОТ №184 от 20.06.1996 г. // Офиц. сайт МОТ [Электронный ресурс]. URL: www.ilo.org (дата обращения 21.03.2021).
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. № 256, 31.12.2001.
6. Трудовой кодекс Республики Беларусь 26.07.1999 г. № 296-З (ред. от 18.07.2019) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by>, 27.07.2019 (дата обращения 21.03.2021).
7. Сайт «Работа-і» [Электронный ресурс] URL: <https://rabota-i.org> (дата обращения 21.03.2021).
8. Карасаева Л. А., Лучкевич В. С., Каличава А. Ш., Владимирова О. Н. Инновационные подходы к трудоустройству инвалидов с выраженными ограничениями жизнедеятельности в самостоятельном передвижении // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2017. № 2. С. 75–79.
9. Ненахова Ю. С. Трудовой потенциал инвалидов: проблемы реализации // Народонаселение. 2018. № 3. С. 96–108.
10. Пашкова Г. Г. Проблемы занятости и трудоустройства инвалидов в Российской Федерации // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2018. № 29. С. 162–173.
11. Толстых Г. В., Заиченко Е. С. Правовое регулирование надомного труда в Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 47. С. 53–57.
12. Томашевский К. Л. Законодательство о надомном труде Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнение на предмет соответствия международным трудовым стандартам // Актуальные проблемы российского права. – 2019. № 10 (107). С. 146–154.

УДК 346.21

ПОНЯТИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Абдуллаева Т. М. к., магистрант 1 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Усанова В. А.**, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой финансового и предпринимательского права

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье раскрыто понятие молодежного предпринимательства в современных условиях развития государства. Выявлены специфические особенности субъектов молодежного предпринимательства. Проанализированы нормативно-правовые и институциональные аспекты становления развития молодежного предпринимательства в Российской Федерации.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, молодежное предпринимательство, бизнес, развитие молодежного предпринимательства.

THE CONCEPT AND DISTINCTIVE FEATURES OF YOUTH ENTREPRENEURSHIP

Abdullaeva T. M. k., 1th year undergraduate of the Law Faculty

Supervisor: **Usanova V. A.**, D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Financial and Business Law

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article reveals the concept of youth entrepreneurship in the modern conditions of state development. The specific features of the subjects of youth entrepreneurship are revealed. Analyzed the regulatory and institutional aspects of the formation of the development of youth entrepreneurship in the Russian Federation.

Keywords: entrepreneurship, youth entrepreneurship, business, support for youth entrepreneurship.

В соответствии со статьей 8 Конституции Российской Федерации, государством гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. В условиях современных реалий общества все чаще поднимается вопрос о необходимости модернизации страны, построения инновационной экономики и создания предпринимательской инфраструктуры. В этой связи, молодое поколение, как особый субъект предпринимательской деятельности, способно быстро реагировать на всевозможные изменения экономической ситуации в стране и в кратчайшие сроки адаптироваться к негативным экономическим факторам. Молодое поколение способно быстро подстраиваться к изменениям в обществе, активно применяет технологические инновации в своей деятельности, обладает гибким мышлением и навыками (soft skills). Поэтому во многих странах, стараются своевременно выявлять и наращивать этот потенциал.

Говоря об особенностях молодежного предпринимательства, необходимо, прежде всего, определить сущность его содержания. Анализ научной литературы, позволяет утверждать, что данная категория носит междисциплинарный характер, так как является предметом исследования социологических, экономических, юридических, психологических и других наук.

В то же время, государство законодательно не определяет понятие «молодежное предпринимательство» на федеральном уровне, что затрудняет определение данной категории как субъектов предпринимательской деятельности и как следствие не позволяет узаконить предоставление государственной поддержки таким участникам бизнеса.

В результате возникают проблемы определения возрастных границ молодых предпринимателей, так, одни авторы предельный возраст отмечают до 25–30 лет, другие до 35 лет.

Впервые о молодежи как хозяйствующем субъекте было упомянуто в Постановлении Верховного Совета Российской Федерации от 03.06.1993 г. «Основные направления государственной молодежной политики Российской Федерации» [6]. Постановление не раскрывало понятие молодежного предпринимательства, однако определяло перечень мер, направленных на реализацию инновационного потенциала молодежи, предоставление государственного стимулирования, а также предлагало установить правовой статус молодых субъектов предпринимательской деятельности.

В настоящее время понятие молодежного предпринимательства закреплено на уровне подзаконного акта в виде Распоряжения Правительства. Так, в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р) (далее – Основы) молодежное предпринимательство характеризуется как «предпринимательская деятельность граждан в возрасте до 30 лет, а также юридических лиц (субъектов малого и среднего предпринимательства), средний возраст штатных работников которых, а также возраст руководителя не превышает 30 лет, либо в уставном (складочном) капитале которых доля вкладов лиц не старше 30 лет превышает 75 %» [9].

С 10 января 2021 года вступил в законную силу Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (далее – Закон о молодежной политике). Стоит отметить, что на стадии законопроекта, в перечень основных понятий была включена и категория «молодежное предпринимательство», по содержанию она была аналогична определению, которое содержится в упомянутом ранее Основы. Пункт 3 статьи 1 законопроекта содержало указание, что предельный возраст может быть увеличен до 35 лет, а для отдельной категории граждан «участников программ решения отдельных социальных проблем работников – до 45 лет». Однако, в данной редакции законопроекта не было. В действующей редакции, Закона о молодежной политике определено лишь понятие молодежи как социально-демографической группы лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации [4]. Также закон содержит указание, что предельный возраст может быть увеличен в отдельных случаях. Как следствие, выявленные противоречия в законодательстве приводят к коллизиям в практике правового регулирования молодежного предпринимательства.

Исходя из норм российского законодательства, вовлечение молодых предпринимателей в бизнес среду можно или даже нужно с юных лет. Законодатель не определяет четких возрастных рамок молодых предпринимателей, но, опираясь на положения статьи 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), мы можем утверждать, что право на занятие предпринимательской деятельностью следует реализовывать с наступления полной дееспособности, т.е. с наступлением совершеннолетия, если отсутствуют иные ограничения, однако, возможность начать предпринимательскую деятельность может возникнуть и раньше 18 лет:

— с 16 лет, при эмансипации, т.е. в случае признания такого лица полностью дееспособным в связи с осуществлением им трудовой деятельности по трудовому договору;

— с 14 лет при наличии письменного нотариально заверенного согласия родителей (законных представителей), а также в случае вступления в брак, если такая возможность установлена законами субъекта РФ.

Лицам в возрасте от 6 до 14 лет, не допускается возможность вести предпринимательскую деятельность.

Однако существуют некоторые проблемы, с которыми сталкиваются несовершеннолетние при реализации права на предпринимательскую деятельность. Согласно п. 2 ст. 26 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителя:

- 1) распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами;
- 2) осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности;
- 3) в соответствии с законом вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими;
- 4) совершать мелкие бытовые сделки и иные сделки, предусмотренные пунктом 2 статьи 28 ГК РФ.

По достижении шестнадцати лет несовершеннолетние также вправе быть членами кооперативов в соответствии с законами о кооперативах [2].

В то же время, все сделки, которые не подпадают под действие п. 2 ст. 26 ГК РФ, несовершеннолетний должен будет совершать при получении предварительного письменного согласия своих законных представителей (для каждой сделки необходимо отдельное согласие). Данное положение вызывает сложности ведения предпринимательской деятельности несовершеннолетним, ограничивает его самостоятельность и инициативность, кроме того создает дополнительные риски для его потенциальных контрагентов: при отсутствии письменного одобрения со стороны законных представителей заключенной несовершеннолетним сделки она впоследствии может быть признана судом недействительной ст. 175 ГК РФ. Кроме того, п.4 ст.26 ограничивает самостоятельность несовершеннолетних предпринимателей с частичной дееспособностью нормой,

предусматривающей возможность ограничить или лишить несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своими заработком, стипендией или иными доходами [2].

Расширение возможностей и усиление влияния молодежного предпринимательства обуславливает необходимость использования его потенциала. Именно молодежь является основной движущей силой малого и среднего бизнеса, в том числе инновационного, и играет главную роль в решении социально-экономических проблем. В то же время, можно выделить ряд проблем, препятствующих развитию молодёжного предпринимательства.

По данным опросов молодежи к таким проблемам относят [9]:

- несовершенство налоговой и кредитной систем;
- отсутствие необходимых знаний и опыта и сложности их получения;
- негативное отношение, как со стороны родных и близких, так и общества в целом (негативный образ молодого предпринимателя в общественном сознании);
- недостаточная мотивация к постоянному развитию и совершенствованию своего бизнеса;
- дефицит квалифицированных работников на рынке труда [9] и др.

Безусловно данный перечень не является исчерпывающим, на наш взгляд дополнить его можно также такими проблемами как недостаточный уровень правовой и финансовой культуры предпринимателей.

В связи с тем, что в настоящее время отсутствует единый специализированный закон, регулирующий предпринимательскую деятельность молодежи и определяющий место молодежного предпринимательства среди остальных хозяйствующих субъектов, возникает еще одна проблема – несовершенство законодательной базы.

Также отмечают, несовершенство законодательной базы молодежного предпринимательства О.Ю. Гончарова, О.В. Мальцева, В.И. Марков, С.А. Куприна авторы указывают на необходимость четкого определения категории молодежи и обозначения точных возрастных пределов.

Общественные отношения в сфере молодежного предпринимательства регулируются Федеральным законом от 24.07.2007 №209-ФЗ (ред. от 27.10.2020) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Следовательно, молодежное предпринимательство получает государственную поддержку на общих основаниях наравне с другими субъектами малого и

среднего предпринимательства. Данный закон не определяет понятие молодежного предпринимательства. Однако, работа с молодежью рассматривается как реализация молодежной политики.

Государственное регулирование реализации молодежной политики определяет Закон о молодежной политике. Закон определяет единый подход к установлению возрастной группы, который относится к категории молодежь – это лица в возрасте от 14 до 35 лет включительно. При этом в отдельных случаях (например, в целях применения мер господдержки) возрастная планка может быть поднята. В соответствии со статьёй 6 законодатель в качестве основных направлений реализации молодёжной политики определяет поддержку инициатив молодежи, а также поддержку и содействие предпринимательской деятельности молодежи.

Аналогичные направления содержит и ранее упомянутый документ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Кроме того, в данном документе, раскрыто понятие «молодёжное предпринимательство», определены принципы деятельности, сформулированы задачи и методы взаимодействия государства с молодежью, а также меры поддержки предпринимательской деятельности молодежи.

Таким образом, мы предлагаем следующее определение молодежного предпринимательства – деятельность лиц, в возрасте от 14 до 35 лет, зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя, а также юридических лиц (субъектов малого и среднего предпринимательства), учредителями которой являются граждане РФ, возраст которых не превышает 35 лет, и в штате которых не менее 70 % сотрудников, достигших 35 лет.

В настоящее время молодежное предпринимательство в своем развитии претерпевает серьезные системные проблемы, в связи с жесткими ограничительными мерами, предпринятыми в борьбе с пандемией COVID-19.

В то же время во многих государствах разрабатываются федеральные проекты в целях популяризации предпринимательской деятельности в молодежной среде и поощрения успешных молодых предпринимателей, в их числе и Российская Федерация.

С июля 2020 года одной из национальных целей развития Российской Федерации является достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О наци-

ональных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» зафиксировал вопросы приоритета и развития предпринимательства. Предполагается увеличение к 2030 году численности занятости в сфере малого и среднего бизнеса, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых с 4 % до 20 %, а именно до 25 млн человек [6].

Одной из задач государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» является создание условий для выявления и развития талантов и профессионального роста научных, инженерных и предпринимательских кадров [7]. В этой связи, стимулирование молодежного предпринимательства, вовлечение молодых людей в предпринимательскую деятельность является одной из приоритетных направлений развития и укрепления экономической сферы государства.

Кроме того, в настоящее время уделяется пристальное внимание созданию предпринимательской экосистемы в учебных заведениях страны. В то же время отмечается, что новое направление развития молодежного предпринимательства не должно носить профориентационный характер, поскольку должно способствовать осознанному выбору молодежи своей будущей деятельности.

В ноябре 2020 года Агентство стратегических инициатив совместно с Минобрнауки России подписало соглашение, в рамках которого планируется развитие программы: «Стартап как диплом» в высших учебных заведениях. Данная инициатива открывает перед учащимися возможность реализовать свою идею для бизнеса, применить теоретические знания на практике и получить опыт командной работы, использовать ресурсы университета для коммерциализации своей идеи. Кроме того, студенты на первоначальном этапе с помощью наставников имеют возможность провести анализ показателей для своего бизнес плана, проработать навыки презентации своей идеи и понять принцип поиска инвесторов и как следствие вышеизложенного запустить свой проект.

Таким образом, институт молодежного предпринимательства нуждается в совершенствовании.

Анализ нормативно-правового регулирования института молодежного предпринимательства позволяет выделить несколько дискуссионных вопросов, связанных с наличием несовершенств и пробелов в действующем правовом порядке, которые способствуют возникновению проблем в процессе правоприменительной практики.

Так, отсутствие четких определений в федеральном законодательстве понятий «молодёжное предпринимательство», «молодой предприниматель» создает значительные трудности в осуществлении Правительством Российской Федерации полномочий по реализации молодежной политики, а государственными органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления – полномочий по реализации программ и мероприятий, направленных на развитие молодежного предпринимательства. Кроме того, отсутствие единого подхода к определению возрастных границ субъектов молодежного предпринимательства, порождает правовые коллизии. Как следствие наблюдается разное правовое регулирование в региональных нормативных актах, что нарушает конституционные положения в части гарантии единства экономического пространства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
3. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 01.01.2021) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» / (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.12.2020) // Собрание законодательства РФ, 30.07.2007. № 31. ст. 4006.
4. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2021, № 1 (часть I). Ст. 28.
5. Основные направления государственной молодежной политики: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 года № 5090-1 // Государственная молодежная политика в законодательстве Российской Федерации: Сборник документов. М.: Социум, 2002 г. Ч. 3, с. 16.
6. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 27.07.2020. № 30. Ст. 4884.

7. Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 (ред. от 31.03.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.04.2019. № 15 (часть III). Ст. 1750.

8. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2014. № 50. ст. 7185.

9. Долгорукова И. В. Факторы развития молодежного предпринимательства в современной России // Социальная политика и социология. 2019. Том 18. № 2. С. 26–34.

УДК 330.354

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Алехина А. В., преподаватель

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье рассмотрено понятие социального предпринимательства, проанализированы идеи его проектов. Обозначены факторы, сдерживающие развитие социального предпринимательства, а также приведены примеры реальных предпринимателей из сферы такого бизнеса.

Ключевые слова: оказание социальных услуг, социальное предпринимательство.

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP AND ITS DEVELOPMENT PROSPECTS IN RUSSIA

Alekhina A. V., teacher

South-Russian Institute of management – branch of RANEPA, Rostov-on-Don

Abstract. The article considers the concept of social entrepreneurship, analyzes the ideas of its projects. The factors hindering the development of social entrepreneurship are identified, as well as examples of real entrepreneurs from the field of such business.

Keywords: provision of social services, social entrepreneurship.

Социальное предпринимательство является одним из направлений деятельности в сфере бизнеса, основной идеей которого выступает поддержка и решение проблем таких категорий лиц как матери-одиночки, многодетные семьи, инвалиды, выпускники детских домов и другие. Не стоит данный вид бизнеса отождествлять с благотворительностью, так как эти проекты способны самоокупаться и даже приносить прибыль. По сути, сфера социального предпринимательства – это новый сектор экономики, который находится на стыке коммерческого и некоммерческого секторов (рис. 1) [2, с. 218].

Рис. 1. Компоненты социального предпринимательства [2]

Подразумевается, что предприниматель предоставляет необходимые услуги определенному контингенту граждан. Социальное предпринимательство зачастую проявляется в области спорта, экологии или культурного развития.

В Российской Федерации данное явление еще находится на стадии развития и совершенствования. Первые упоминания о таком предпринимательстве в нашей стране датируются началом нулевых. Несмотря на интервал в двадцать лет, сегодня в данном бизнесе задействован лишь 1 % от общего количества предпринимателей. Это объясняется недостаточной информационной обеспеченностью и низким уровнем поддержки со стороны государства. Немаловажным фактором является и недостаточно развитая законодательная база этого бизнеса, которая еще развивается и корректируется. Законодательно закрепленное определение понятия «социальное предпринимательство» в России на текущий момент отсутствует, но при этом существуют нормативно-правовые акты, определяющие рамки принадлежности хозяйствующих субъектов к социальным предпринимателям [4, с. 139]. Итак, говоря о факторах, сдерживающих улучшение социального предпринимательства можно выделить 3 основных фактора:

1. Особое восприятие. В России большинство предпринимателей понимают социальный бизнес как благотворительность. Не будем спорить, что похожие свойства есть, но все же это не одно и то же. Социальное предпринимательство является пограничной чертой, тонкой гранью между благотворительностью и бизнесом. По этой причине его сложно реализовать.

2. Правовой аспект. Как было сказано ранее, законодательная база этого бизнеса находится на стадии развития и становления, именно поэтому начинающие предприниматели не рискуют заниматься такой деятельностью, даже если имеют большое желание оказывать помощь гражданам.

3. Ограниченные финансы. Проблема медленного темпа развития связана с недостаточной финансовой поддержкой социального предпринимательства в принципе. В настоящее время большая часть грантов этой сферы финансируется

за счет средств иностранных частных инвесторов. На федеральном уровне наблюдается недостаток финансирования социального предпринимательства.

В настоящее время, в связи с развитием социальных сетей, которыми пользуются все жители нашей страны, стало возможно придумывать и реализовывать абсолютно любые идеи социального предпринимательства. Для этого создаются группы, где каждый, отдельно взятый человек может познакомиться со своими будущими партнерами и инвесторами.

Социальное предпринимательство в России возникло совсем недавно, и, следовательно, для его развития можно применять нестандартные или креативные идеи. Также для этой сферы характерно взаимодействие с творческими людьми, которые могут реализовывать смелые эксперименты. Но важно помнить, что первоочередная его цель – оказание помощи людям, ждущим поддержки и нуждающихся в чем-либо.

Социальное предпринимательство базируется на социальной миссии, а его составляющими являются инновации, устойчивость в финансовом отношении и самоокупаемость, социальное влияние, масштаб охвата целевой аудитории, а также предпринимательский подход [1, с. 126].

Ниже приведены примеры идей социального предпринимательства, которые уже реализованы во многих городах и имеют положительные отзывы.

Первой идеей, с которой знаком каждый из нас, является переработка пластика. Ведь в каждом городе можно наблюдать большое количество специальных контейнеров для мусора из пластика, например, бутылок, упаковочной тары и др. Основным недостатком такой упаковки является не только загрязнение экологии, но также и нерациональное расходование ресурсов. Ежедневно на свалки попадают тонны бутылок, но такая же партия новых бутылок выпускается заводами для продажи продукции. Важно отметить, что из пластикового мусора, после его переработки можно получить следующие предметы: канцелярские принадлежности; мебель для дома и общественных заведений; одежду; детали для автомобилей и многое другое.

Как видно из рис. 2 производство изделий из пластмасс в Российской Федерации за I полугодие 2020 года увеличилось по сравнению с тем же периодом в 2019 году, когда как их переработка в нашей стране по-прежнему находится на низком уровне развития, что является отрицательным фактором.

Актуальные проблемы и перспективы развития предпринимательского права в современном мире

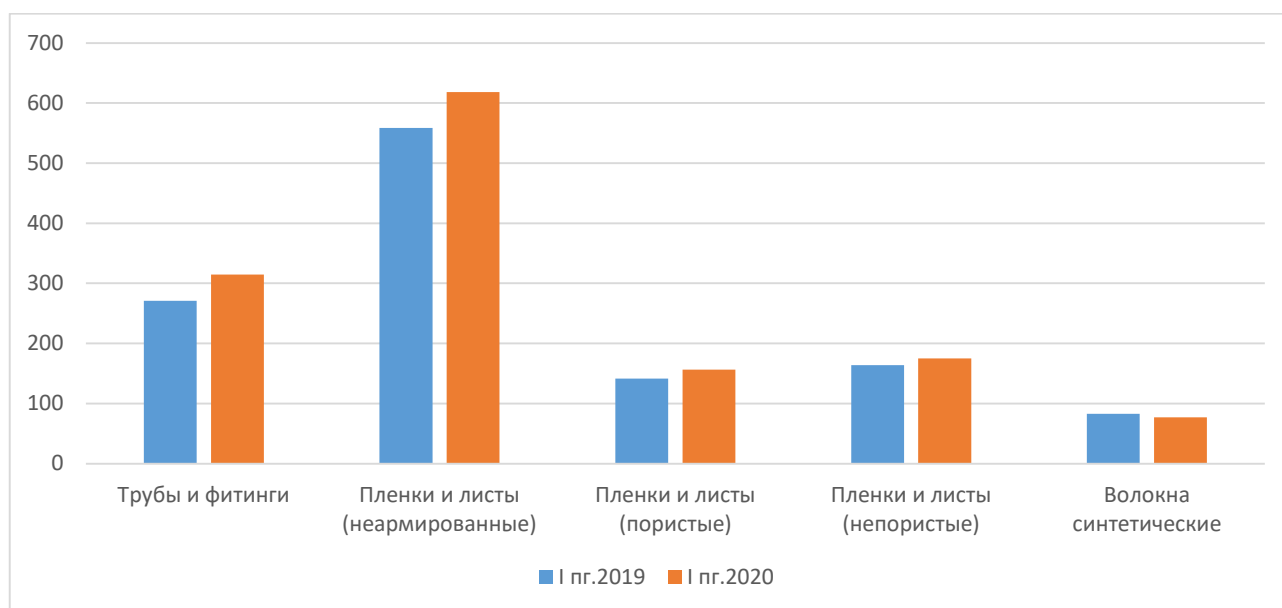

Рис. 2. Производство изделий из пластмасс в Российской Федерации за I полугодие 2019 и 2020 гг. (в тыс. тонн) [3].

Вторая идея тоже связана с пластиком – экоупаковка. Как мы знаем, для полного разложения пластиковой упаковки должно пройти примерно двести лет. Если мы продолжим массово использовать в повседневной жизни такое большое количество пластика, то в скором времени наша планета будет состоять из гор этого мусора. Именно поэтому сейчас внедряется новая упаковочная тара в магазинах – бумажные пакеты, или картонные коробки. Данный тип упаковки намного экологичнее чем пластик, ведь период его разложения составляет всего 2 года, что является весомым преимуществом по сравнению с полиэтиленом.

Третья идея для развития социального предпринимательства – открытие частных детских садов. Такие учреждения приносят огромную пользу тем семьям, где оба родителя много работают, и им не с кем оставить ребенка, ведь попасть в обычный муниципальный детский сад тоже не просто. Кроме того, сотрудники частного детского сада могут найти индивидуальный подход к каждому ребенку, и раскрыть его таланты и способности. Как правило, такие организации оборудованы современными устройствами, которые предполагают эффективные программы развития. Стоит отметить и о недостатке частного детского сада – высокая плата за услуги такого качества.

Далее рассмотрим пять основных этапов из которых состоит процесс социального предпринимательства (рис. 3).

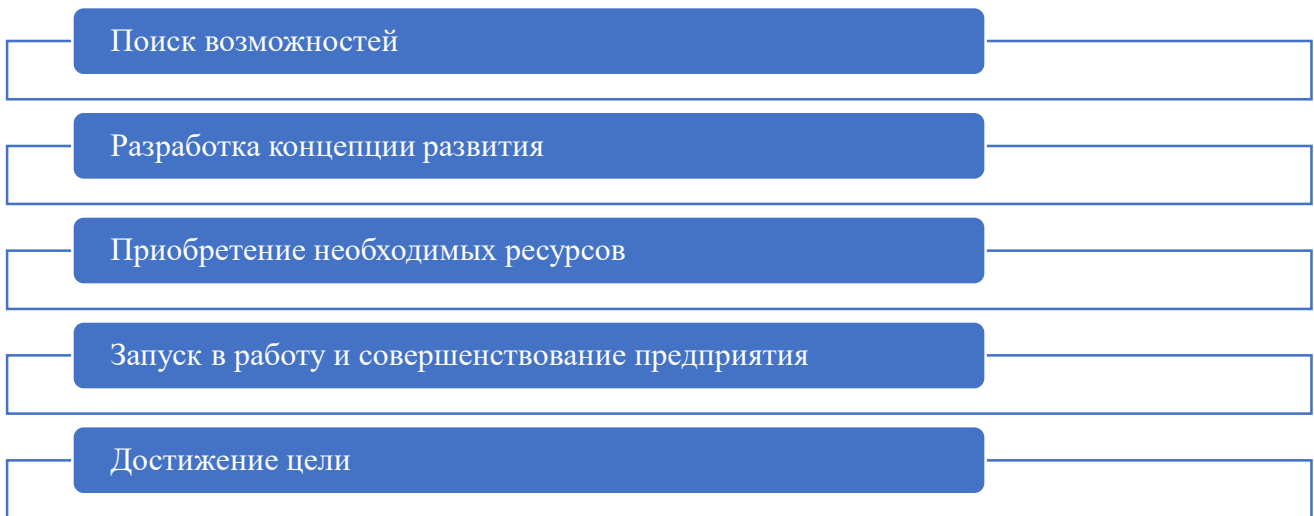

Рис. 3. Этапы социального предпринимательства

На первом этапе происходит поиск возможностей для удовлетворения потребностей нуждающихся и решения их проблем. При разработке концепции развития необходимо определить рынки, рассчитать выгоду от деятельности, а также создать новый продукт. К необходимым ресурсам относят: финансы, специалистов, их знания и опыт, навыки и компетенции. Запуск в работу и совершенствование предприятия предполагает анализ достигнутых результатов, развитие организации. Достижение цели может быть выражено в таких аспектах как: слияние с другой компанией, расширение предприятия, установление новых целей, их достижение и закрытие фирмы.

Ниже рассмотрим примеры реализации социального предпринимательства в Российской Федерации.

Ресторан «В темноте?!». Весь персонал данного заведения состоит из людей, которые имеют серьезные проблемы со зрением. Приходя в это место со своим собеседником, и общаясь с ним в полной темноте, можно сосредоточиться на важном, не отвлекаясь на его выражение лица, на яркие лампы или одежду посетителей, только голос и интонация собеседника могут рассказать о его заинтересованности каким-либо вопросом, отношению к обсуждаемой теме. Молодые парни и девушки, тотально незрячие, помогают посетителям освоиться в темноте, также как и они, в свою очередь, помогают ориентироваться в транспорте или на улицах города в светлое время суток.

Мастерская по производству свечей CandleBar. Производством свечей на данном предприятии занимаются люди с ограниченными возможностями здоровья: инвалиды по слуху, зрению, опорно-двигательному аппарату и с ментальными нарушениями. Многие фирмы очень часто отказывают потенциальным работникам из-за их проблем со здоровьем. На примере этого предприятия мы можем убедиться, что люди в силу определенных обстоятельств, получившие пожизненную травму, могут снова почувствовать себя важной и нужной частью общества, принести кому-то пользу и при этом заработать денежные средства для своей семьи.

Проект «Мама работает». Целью проекта является оказание помощи молодым мамам в получении образования, открытии своего бизнеса, или поиске вакансий для работы на дому. В рамках проекта осуществляется взаимодействие с ведущими ВУЗами и центрами дополнительного профессионального образования в Российской Федерации, которые предоставляют бюджетные места для девушек. Кроме того, в рамках этого проекта предусмотрено оказание психологической поддержки мамам и организация для них встреч с психологами. Проект помогает женщинам самореализоваться во время отпуска по уходу за ребенком, заработать денежные средства, профессионально развиваться без отрыва от воспитания ребенка.

Эко-канцелярия «Добробук». Основной деятельностью компании является производство многоразовых эко-тетрадей, которые пользуются популярностью у всех возрастных категорий покупателей – от дошкольников и их родителей до работающих пенсионеров. Целью организации является сохранение леса от его вырубki для производства бумаги. Ведь в наше время, в потоке большого количества информации, и постоянного взаимодействия с большим количеством людей, мы стараемся ничего не забыть, и поэтому фиксируем полученные данные, пусть даже на маленьких стикерах, которые вскоре выбрасываем. За счет идеи многоразового использования тетрадей и листов для записи, информация которая больше не представляет ценности можно стереть и опять вносить новые записи.

В настоящее время социальное предпринимательство в нашей стране находится только у истоков развития. Следует отметить, что благодаря развитию интернет-ресурсов, представителей данной сферы можно встретить почти в каждом регионе России. Взаимодействие с государством в отношении применяемой к ним политики пока является сложным процессом, в силу того, что численность

таких предпринимателей крайне низкая, они разобщены и, как правило, плохо осведомлены об этом бизнесе, и уровне его развития в зарубежных странах.

Библиографический список

1. Комарова Е. С., Лещенко Ю. К. Идеи социального предпринимательства // Устойчивое развитие: вызовы и возможности. 2020. С. 125–130.
2. Рожкова Е. В., Мингачева Л. Р. Услуги социальной сферы как объект социального предпринимательства // Экономика устойчивого развития. 2019. С. 217–220.
3. Россия. Производство резиновых и пластмассовых изделий в I кв. выросло на 1,3 %. URL: https://plastinfo.ru/information/news/46026_4.8.2020/ (дата обращения: 13.03.2021)
4. Севрюгина Н. И., Зуйко В. А. Социальное предпринимательство и его роль в решении социальных проблем // Modern science. 2019. С. 136–140.

УДК 347.772

ПРАВООБЛАДАТЕЛЬ ТОВАРНОГО ЗНАКА: СРАВНЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Анипенко Е. Д., студент 4 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Усанова В. А.**, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой финансового и предпринимательского права

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена различием в современном законодателем подходе к определению и закреплению статуса правообладателя товарных или знаком обслуживания. В статье предлагается сравнение российского и французского подхода к определению статуса правообладателя товарного знака (знака обслуживания).

Ключевые слова: товарные знаки, знаки обслуживания, правообладатель товарного знака, правообладатель знака обслуживания, законодательство.

TRADEMARK HOLDER: A COMPARISON OF FRENCH AND RUSSIAN LAW

Anipenko E. D., 4th year law student

Supervisor: **Usanova V. A.**, PhD in Law, Associate Professor, Head of Financial and Business Law Department

Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPA

Abstract. The relevance of the article is due to the difference in the modern legislator's approach to determining and fixing the status of the copyright holder of trademarks or the service mark. The article proposes a comparison of the Russian and French approach to determining the status of the copyright holder of a trademark (service mark).

Keywords: trademarks, service marks, copyright holder of trademark, copyright holder of service mark, legislation.

Товарный знак (знак обслуживания) – охраняемое средство индивидуализации хозяйствующего субъекта. Это охраняемый объект, поименованный в ст. 128 ГК РФ, который может свободно отчуждаться, переходить в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация фирмы) либо отчуждаться иным законным способом (п. 1 ст. 129 ГК РФ).

Распоряжаться исключительным правом на товарный знак субъект может лишь после его регистрации в Роспатенте (ст. 1480 ГК РФ); по крайней мере, так предписано законодателем. Но при более тщательном анализе норм Гражданского законодательства, относящихся к товарным знакам, можно заключить, что распоряжаться исключительным правом на товарный знак вправе и физическое лицо.

Личность правообладателя представляет в таком случае отдельный интерес.

Воззрения российского законодателя однозначны и прямо отражены в ст. 1478 ГК РФ, закрепляющей в качестве субъектов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Однако неясными остаются несколько моментов. Во-первых, законом не установлено прямого запрета на распоряжение исключительным правом на товарный знак (знак обслуживания) физическими лицами. Во-вторых, какие именно юридические лица могут распоряжаться исключительными правами на товарный знак?

Изначально товарные знаки были тесно связаны с личностью правообладателя, идентифицируя качество продукции, происхождение товара. В следствие чего охранялась репутация самого правообладателя.

Сегодня товарный знак (знак обслуживания) больше служит для маркировки продукции и нацелен на защиту потребителя от введения в заблуждение. Тем самым отделяясь от личности правообладателя.

Современные участники рынка сегодня продолжают выступать в статусе индивидуальных предпринимателей или коммерческих компаний.

Легальное определение, представленное в п. 1 ст. 1477 ГК РФ, закрепляет, что товарный знак или знак обслуживания предназначен для индивидуализации юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Некоммерческие организации также вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, если это предусмотрено целью их создания [1].

Некоммерческие организации, в ходе осуществления предусмотренной уставом предпринимательской деятельности, вправе использовать также коммерческое обозначение (п. 1 ст. 1538 ГК РФ). В регистрации коммерческого обозначения нет необходимости (п. 1 ст. 1538 ГК РФ).

М.А. Рожкова и С.В. Михайлов, анализируя правовую возможность обладания некоммерческой – в их примере религиозной – организацией товарным знаком, отмечают: «...эволюция понимания товарных знаков, а также текст пункта 1 статьи 1477 ГК РФ указывают, что под товарным знаком и знаком обслуживания (далее в отношении обоих обозначенных категорий будет использоваться термин «товарный знак») подразумевается обозначение, служащее идентификации не самих юридических лиц, являющихся субъектами права, а предназначенное для выделения из ряда прочих производимых ими товаров, работ или услуг (далее – товары (работы, услуги)), то есть объектов права.

Товарный знак признается законом правовым средством, главная функция которого состоит в выделении соответствующих объектов – товаров (работ, услуг).

Если религиозная организация отвечает условиям, указанным в п. 4 (осуществление приносящей доход деятельности предусмотрено ее уставом, и лишь служит достижению целей, ради которых она создана, и если это соответствует таким целям) и п. 5 (имеется достаточное для осуществления указанной деятельности имущество) ст. 50 ГК РФ, то деятельность, связанная с извлечением дохода, является одним из ее уставных видов деятельности. Соответственно такая религиозная организация уполномочена осуществлять приносящую доход деятельность, а также она, осуществляя такую уставную деятельность, вправе распространять товары, производить работы или услуги с использованием зарегистрированных в установленном законе порядке товарных знаков. Осуществление подобной деятельности не переводит религиозную организацию в категорию коммерческих организаций» [2].

Аналогична позиция представлена и в информационном Письме Президиума ВАС РФ от 29 июля 1997 г. № 19: «действующее законодательство не ограничивает возможность регистрации товарных знаков и знаков обслуживания видом осуществляемой деятельности, выданной лицензией или специальной правосубъектностью» [3].

Статья 6 *quinquies* Парижской конвенции об охране промышленной собственности также не запрещает регистрацию товарного знака лицами, не занимающимися предпринимательской деятельностью.

Разительного иного подхода придерживается зарубежная цивилистическая доктрина. Французский Кодекс интеллектуальной собственности, определяя товарный знак (знак продукции или услуги), в качестве правообладателей выделяет

физических и юридических лиц: «La marque de produits ou de services est un signe servant à distinguer les produits ou services d'une personne physique ou morale de ceux d'autres personnes physiques ou morales» [4].

В довесок, французский законодатель напрямую закрепляет возможность регистрации товарного знака профсоюзными организациями (Артикул L712-13).

В России профсоюзные организации являются юридическими лицами (п. 1 ст. 8 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 10 «О профессиональных союзах, их правах, и гарантиях деятельности»). Это некоммерческие организации. Профсоюзы вправе осуществлять предпринимательскую деятельность самостоятельно или через учрежденные ими организации. Данный вид деятельности должен предусматриваться уставом и служить достижению цели, для которой они организованы.

В статье 5 Регламента Совета (ЕС) от 26 февраля 2009 г. № 207/2009 «О товарном знаке сообщества», в числе правообладателей выделяются: физические лица, юридические лица, государственные органы власти.

Исключительное право возникает после регистрации знака (ст. 6 Регламента Совета (ЕС)).

Государственные органы власти РФ являются владельцами товарных знаков, поскольку регистрируется в качестве юридических лиц.

Разительные отличия в субъектном составе, которые мы можем наблюдать, представляются не случайными. Как уже было выше отмечено, знак обслуживания призван выделять продукцию, представленную на рынке. И здесь необходимо рассматривать личность продавца, его капитал и доходы, получаемые от реализации.

Если учесть названные нюансы и проанализировать современный российский рынок, то вполне можно обнаружить, что основными продавцами выступают именно коммерческие компании (фирмы).

Другим фактором выступает стоимость регистрации товарного знака или знака обслуживания. На территории Российской Федерации товарные знаки подлежат обязательной государственной регистрации в Роспатенте (ст. 1480 ГК РФ). Она подтверждается свидетельством – лицензией (ст. 1481 ГК РФ). При желании, российские правообладатели вправе зарегистрировать свой знак и за пределами РФ (ст. 1507 ГК РФ), также через Роспатент.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 10 декабря 2008 г. № 941, затраты на регистрацию товарного знака составляют:

Актуальные проблемы и перспективы развития предпринимательского права в современном мире

<i>регистрация знака + формальная экспертиза (проверка документов соответствию перечню)</i>	<i>3500 рублей + 1000 рублей за каждый из классов Международной классификации товаров и услуг, для которых запрашивается регистрация, свыше 5</i>
<i>проведение экспертизы по существу (проверка уникальности и соответствия нормам законодательства)</i>	<i>11500 + 2500 рублей за каждый из классов Международной классификации товаров и услуг, для которых запрашивается регистрация, свыше 1</i>
<i>регистрация товарного знака (при положительном решении патентного ведомства)</i>	<i>16000 рублей + 1000 рублей за каждый из классов Международной «классификации» товаров и услуг, для которых запрашивается регистрация, свыше 5</i>
<i>регистрация коллективного знака</i>	<i>20000 рублей + 1000 рублей за каждый из классов Международной «классификации» товаров и услуг, для которых запрашивается регистрация, свыше 5</i>
<i>выдача свидетельства на товарные знаки, знаки обслуживания, в том числе свидетельства на коллективный товарный знак</i>	<i>2000 рублей</i>

* за каждую правку или ошибку придется заплатить еще 2800 рублей.

** Регистрация товарного знака в Евросоюзе обойдется в 1430 EUR + плата за каждый из классов Международной классификации товаров и услуг (МКТУ). А оплата регистрации товарного знака во Франции составит от 640 EUR.

Обладателю товарного знака принадлежит некоторое число правомочий тождественных праву собственности: право владения; пользования; распоряжения. Правообладатель осуществляет их в полном объеме.

Интересно, что физическое лицо, при анализе норм российского права, наделен ограниченным числом таких правомочий, а именно: владения и распоряжения товарным знаком. Право пользования – это исключительное (абсолютное право), которое принадлежит лицу коммерческому лицу: юридическим лицам либо индивидуальным предпринимателям.

Товарные знаки (знаки обслуживания) – это объекты гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), неограниченные в обороте. Поэтому ими можно свободно распоряжаться, то есть они – объект различного рода сделок (ст. 1488, 1489 ГК РФ). В том числе, товарный знак можно перейти в порядке универсального правопреемства.

Представим ситуацию: лицо прекратило заниматься предпринимательской деятельностью (ст. 22.3 Федерального закона от 08. 08. 2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»). То есть, умерло как субъект хозяйственной деятельности. А вот исключительное право на товарный знак еще действует. Статья 1491 ГК РФ закрепляет срок действия исключительного права в течении 10 лет с правом продления. Оно будет действовать пока не истечет оставшееся время, после отпадения статуса индивидуального предпринимателя, либо до тех пор, когда правообладатель или заинтересованное лицо заявят о прекращении действия правовой охраны на товарный знак (ст. 1514 ГК РФ). Роспатент принимает решение о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с прекращением деятельности в качестве предпринимателя или юридического лица. «...с момента, когда физическое лицо прекратило быть индивидуальным предпринимателем, и до момента, когда Роспатент по заявлению любого лица прекратит правовую охрану товарного знака, исключительное право на товарный знак будет действовать и принадлежать физическому лицу, не являющемуся индивидуальным предпринимателем» [5].

Итак, физическое лицо может передать исключительное право, например, по лицензионному договору (ст. 1489 ГК РФ) либо заключить договор об отчуждении исключительного права (ст. 1488 ГК РФ) или иной договор (ст. 1490 ГК РФ).

Французское законодательство закрепляет право собственности на товарный знак после его регистрации, в отношении продукции и услуг, обозначенные знаком (Артикул L713-1 Кодекса интеллектуальной собственности). С позиции французского законодателя, такое право является вещным.

В Кодексе интеллектуальной собственности делается акцент и на возможности использовать товарный знак, знак обслуживания и третьими лицами. «*Est interdit, sauf autorisation du titulaire de la marque, l'usage dans la vie des affaires pour des produits ou des services:*

1° D'un signe identique à la marque et utilisé pour des produits ou des services identiques à ceux pour lesquels la marque est enregistrée;

2° D'un signe identique ou similaire à la marque et utilisé pour des produits ou des services identiques ou similaires à ceux pour lesquels la marque est enregistrée, s'il existe, dans l'esprit du public, un risque de confusion incluant le risque d'association du signe avec la marque» [6].

«Запрещается, кроме как с разрешения владельца товарного знака, использовать в процессе торговли продуктами или услугами:

1° Знака, идентичного знаку и используемого для продуктов или услуг, идентичных тем, для которых зарегистрирован знак;

2° Знака, идентичного или похожего на знак и используемого для товаров или услуг, идентичных или аналогичных тем, для которых знак зарегистрирован, если в сознании общественности существует вероятность смешения, включая риск ассоциации знака с отметкой» [6].

Вероятнее всего речь идет о лицензионных договорах и других соглашениях гражданско-правового характера.

Гражданское законодательство РФ также предусматривает возможность передачи правообладателем прав на обозначения по лицензионному соглашению. Лицензиар, согласно нормы ст. 1489 ГК РФ, передает или обязуется передать лицензиату исключительное право использования товарного знака в границах договора с указанием или без указания территории на которой допускается использование, в отношении всех или части товаров, работ или услуг, для которых зарегистрирован товарный знак. А также предоставить лицензиату право заключать сублицензионные договоры (ст. 1238 ГК РФ).

Заключать лицензионные договоры и другие договоры об отчуждении исключительного права могут все субъекты на территории РФ – физические и юридические лица. Что согласуется с принципом свободы договоров. Следовательно, обладатель товарного знака, который является по каким-то причинам физическим лицом, может передать исключительное право на товарный знак или знак обслуживания юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю.

Интересным представляется и вопрос с наследованием товарного знака, знака обслуживания (ст. 1112 ГК РФ). В п. 85 Постановления Пленума ВС РФ № 9 от 29.05.2012 г. «О судебной практике по делам о наследовании» разъясняется, что принадлежавшее индивидуальному предпринимателю исключительное право на товарный знак и знак обслуживания (пункт 1 статьи 1484 ГК РФ), унаследованное гражданином, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, должно быть отчуждено им в течение года со дня открытия наследства (за исключением случая, если в течение этого срока он регистрируется в качестве индивидуального предпринимателя). До истечения этого срока правовая охрана товарного знака, знака обслуживания по основанию, предусмотренному подпунктом 4 пункта 1 статьи 1514 ГК РФ, не может быть прекращена.

Исключительное право переходит в части оставшегося срока действия.

Как известно, юридическое лицо прекращает свою деятельность в результате слияния или реорганизации. В случае последнего, права на средство индивидуализации передаются в порядке универсального правопреемства компании, появившейся в результате реорганизации. К такому выводу, в частности, пришел Суд по интеллектуальным правам в деле № СИП-270/2014 [7].

Кодекс интеллектуальной собственности Франции прямо оговаривает возможность перехода исключительного права на знак обслуживания «по смерти» и «передачи после слияния, разделения или поглощения» [6]. Несмотря на то, что речь идет о праве наследников о получении выписки из реестра, но, как представляется, важен факт законодательного упоминания.

Говорить о том, что в Гражданском кодексе Российской Федерации в данном вопросе существует недоработка – не приходится. Во-первых, право наследования исключительных прав в порядке универсального правопреемства, по завещанию или по наследственному договору предусматривается в общих положениях ГК РФ, применимых и к части 4. Кроме того, существует Постановление Пленума ВС РФ № 9 от 29.05.2012 г., которое и дополняет (разъясняет) некоторые положения ГК РФ.

Исключительное право на товарный знак на территории Российской Федерации может принадлежать физическому лицу в силу Мадридского соглашения о международной регистрации знаков от 14 апреля и 1891 и Протокола к нему от 28 июня 1989 г. Данный вывод можно сделать из анализа международных соглашений. Так, если в государстве «базовой» регистрации исключительное право на знак может принадлежать физическому лицу, (например – Франция), этому лицу принадлежит исключительное право и на территории Российской Федерации. Согласно ст. 4 Мадридского соглашения, с даты регистрации знака в Международном бюро в каждой заинтересованной Договаривающейся стране знаку предоставляется аналогичная охрана, так если он был заявлен в стране непосредственно.

Стоит отметить: нормы Мадридского соглашения от 14 апреля и 1891 и Протокола к нему от 28 июня 1989 г. действуют и в отношении Франции.

При территориальном расширении правовой охраны товарного знака по международной регистрации Роспатент статус правообладателя не проверяет [5].

Отличия прослеживаются и в возможности совместного обладания исключительным правом на знак обслуживания. Речь, в конкретном случае, идет не о

соавторстве, поскольку (с позиции российского подхода) право авторства на средства индивидуализации не распространяется.

Гражданское законодательство РФ с этой позиции выделяет единоличного правообладателя (ст. 1478 ГК РФ) и коллективный товарный знак (ст. 1510 ГК РФ). Коллективный товарный знак в отношении определенной продукции закрепляется за объединением предпринимателей или юридических лиц, производящих сходную продукцию. В таком случае каждый из членов объединения вправе использовать на своих товарах и услугах, в рекламе и т.п. коллективное обозначение.

Лицо, входящее в объединение, которое зарегистрировало коллективный знак, вправе пользоваться своим товарным знаком наряду с коллективным знаком [8].

Французский законодатель, что примечательно, право на коллективный товарный знак закрепил за юридическим лицом: «Peut déposer une marque collective toute association ou tout groupement doté de la personnalité morale représentant des fabricants, des producteurs, des prestataires de services ou des commerçants, ainsi que toute personne morale de droit public», т.е. «Любая ассоциация или группа с юридическим лицом, представляющая производителей, поставщиков услуг или торговцев, а также любое юридическое лицо, регулируемое публичным правом, может зарегистрировать коллективный знак» [4].

Отличительной особенностью в этом ключе будет право распоряжения коллективным знаком. Российский законодатель запрещает отчуждение (передачу) коллективного знака, в это же время французская доктрина допускает переуступку или передачу коллективного знака только юридическому лицу, отвечающему законодательным требованиям (Артикул L715-8).

Законодательно закрепляя физического лица в качестве правообладателя, французский законодатель умалчивает о возможности, в таком случае, супружеской собственности на товарный знак. В отличие от него, в Российском законодательстве исключительное право на знак обслуживания может принадлежать только одному субъекту, а если таковым выступает физическое лицо, то исключительное право на товарный знак принадлежит только ему на момент отчуждения.

Таким образом, французское и российское законодательства схожи в преобладающем количестве вопросов в части регулирования правообладателей товарных знаков, хотя, как можно заметить, некоторые моменты определяются ими

по-своему. Такие законодательные отличия нельзя списать на правовую недоработку или плохую проработанность гражданских норм. Напротив, здесь усматривается, во-первых, индивидуальный подход каждого законодателя к правовому регулированию. Во-вторых, что не мало важно, особенность субъектного состава объясняется с позицией специфики экономического развития и регулирования. Производители и продавцы на российском рынке в подавляющем большинстве выступают в форме индивидуальных предпринимателей и юридических. В-третьих, рискнем предположить, что регистрация товарного знака во Франции для ее граждан дешевле, нежели регистрация товарного знака в России.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 145.
2. Рожкова М. А. Обладание некоммерческой организацией правами на товарный знак: вопросы, выявленные правоприменительной практикой / Рожкова М. А., Михайлов С. В. // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2016. № 12. С. 64-73 URL: <http://ipcmagazine.ru/trademark-law/owning-a-non-profit-organization-trademark-rights-the-issues-identified-by-the-law-enforcement-practice>
3. Информационное Письмо Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 29 июля 1997 г. № 19 «Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой прав на товарный знак» / Приложение к письму Высшего арбитражного суда Российской Федерации. (п. 3) // Российская газета (Ведомственное приложение). 1998. № 66.
4. Law on the Intellectual Property Code of July 1, 1992, – Book VII Article L711-1 URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/581980>
5. Корнеев В. А. Исключительное право на товарный знак – право только предпринимателей? / В. А. Корнеев // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 26. С. 100–105. URL.: <http://ipcmagazine.ru/trademark-law/the-exclusive-right-to-a-trademark-is-the-right-of-only-entrepreneurs/>
6. Law on the Intellectual Property Code of July 1, 1992, – Book VII Article L713 -2 URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/58198>
7. Решение Суда по интеллектуальным правам от 17 октября 2014 г. по делу № СИП-270/2014 // СПС «Система ГАРАНТ» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70673284/>
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Российская газета. 22.12.2006. № 289.

УДК 343.16

К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПО НОРМАМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аширбекова М. Т., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Предусмотренная Конституцией РФ свобода предпринимательской деятельности и связанные с ней интересы предпринимателей подвергаются существенному ограничению в ходе уголовного преследования предпринимателей. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не в полной мере обеспечивает эти интересы, что вызывает потребность корректировки его норм в направлении создания для обвиняемых из числа предпринимателей условий для продолжения ими своей хозяйственно-экономической деятельности.

Ключевые слова: предпринимательские свободы; защита; уголовное преследование; прекращение; уполномоченный по правам предпринимателей.

ON THE ISSUE OF PROTECTING THE INTERESTS OF ENTREPRENEURS ACCORDING TO THE NORMS OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

Ashirbekova M. T., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics

Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The freedom of entrepreneurial activity provided for by the Constitution of the Russian Federation and the interests of entrepreneurs associated with it are subject to significant restrictions in the course of criminal prosecution of entrepreneurs. The current criminal procedure legislation does not fully ensure these interests, which makes it necessary to adjust its norms in the direction of creating conditions for the accused entrepreneurs to continue their economic and economic activities.

Keywords: business freedoms; protection; criminal prosecution; termination; commissioner for the rights of entrepreneurs.

Интересы предпринимателей, безусловно, связаны со свободой предпринимательской деятельности, которая как ценность подлежит правовой охране и защите. Об этом свидетельствует сам факт закрепления в Конституции Российской Федерации положений, устанавливающих свободу предпринимательства, что позволяет оценивать её как часть системы прав и свобод личности. Так, в Российской Федерации закреплено право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, на свободный выбор рода деятельности (ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 37 Конституции РФ).

Интересы предпринимателей, вытекающие из закрепленной в Основном законе государства свободы предпринимательства, являются предметом межотраслевого регулирования как в аспекте их расширения и защиты, так и оснований для их ограничения. Так, в плане расширения и защиты предпринимательских свобод преимущественную роль играют нормы отраслей частного права, например, гражданского и корпоративного. Но и со стороны норм отраслей публичного права, например, уголовного, правовая поддержка предпринимательских свобод довольно ощутима.

Это выражается в том, что современный УК РФ предусматривает уголовную ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, если оно совершается должностным лицом с использованием своего служебного положения (ст. 169). Тут уголовный закон берет под охрану интересы субъектов предпринимательской деятельности, оберегая их от незаконных действий со стороны субъектов, представляющих публичную власть, и тем самым подчеркивая роль государства в обеспечении свободы предпринимательской деятельности. Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности по смыслу приведенной статьи УК РФ осуществляется путем неправомерного отказа в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонения от их регистрации, неправомерного отказа в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонения от его выдачи, а также посредством ограничения прав и законных интересов перечисленных субъектов предпринимательской деятельности, незаконного ограничения самостоятельности либо иного незаконного вмешательства в деятельность последних. Как правило, субъектами такого преступления становятся должностные лица, представляющие регистрационно-лицензионные или контрольно-ревизионные органы.

Примечательно, что и должностным лицам органов предварительного расследования уголовный закон также адресует запрет на воспрепятствование законной предпринимательской деятельности. Но такой запрет содержится уже в другой статье УК РФ, а именно в ст. 299 «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела».

Так, часть третья указанной статьи усиливает уголовную ответственность следователя и дознавателя за незаконное возбуждение уголовного дела в отношении предпринимателя, если оно произведено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо по мотиву корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности, либо причинили крупный ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей.

Иначе говоря, незаконное возбуждение уголовного дела, которое само по себе является преступлением, приобретает повышенную общественную опасность, если оно совершено с целью препятствования предпринимательским свободам. Несмотря на то, что конструкция этого состава преступления (ч. 3 ст. 299 УК РФ) далеко небезупречна и не очень «жизнеспособна» в смысле реализации на практике [5, с. 10-11], ее введение в УК РФ в 2016 году знаменовала очередной виток нормативного оформления идей уголовной политики, ориентированной на защиту интересов предпринимателей путем обережения их от незаконного уголовного преследования, в том числе и ограничений, возникающих в силу применения к ним мер процессуального принуждения, затрудняющих их хозяйственно-экономическую деятельность. Так или иначе, рассматриваемый запрет выступает как средство сдерживания возможного недобросовестного и преступного поведения следователя и дознавателя, если последние реализуют свои корыстные мотивы и личную заинтересованность посредством незаконного уголовного преследования субъектов предпринимательской деятельности. Понятно, что в случае установления фактов таких действий и виновности означенных должностных лиц, привлеченные ими к уголовной ответственности предприниматели подлежат реабилитации со всеми вытекающими из этого последствиями (гл. 18 УПК РФ).

Но значит ли это, что в случаях законного и обоснованного уголовного преследования предпринимателей, их интересы, связанные с осуществляемой

хозяйственно-экономической деятельностью, игнорируются в ходе производства по уголовному делу? Иначе говоря, учитывает ли эти интересы уголовно-процессуальный закон?

На самом деле, начиная с 2010 года, не только уголовное законодательство (материальное), но процессуальное законодательство стало активно развиваться в сторону защиты интересов предпринимателей, привлекаемых к уголовной ответственности.

Таковая защита может быть достигнута при условии исключения избыточной репрессивности уголовного преследования предпринимателей и, соответственно, создания условий для сохранения и продолжения, насколько это возможно, их бизнеса. Именно данное направление уголовной политики озвучивалось в Указе Президента РФ от 07.05.2012 N 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» [2], а также в выступлении В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД (15 марта 2016 года) [4].

В развитии указанной политики в УПК РФ был введен целый ряд экономико-ориентированных нормативных положений, устанавливающих: частно-публичный порядок возбуждения уголовного дела по преступлениям, совершенным в сфере предпринимательской деятельности (ч. 3 ст. 20 УПК РФ); специальные основания для прекращения уголовного преследования (ст. 28.1 УПК РФ); запрет на избрание к ним в качестве меры пресечения заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ); запрет определенных действий, как новый вид мер пресечения, введенный в интересах предпринимателей, но распространяемый и на иных обвиняемых и подозреваемых (ст. 105.1 УПК РФ); запрет при производстве следственных действий необоснованного применения мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе запрет на изъятие электронных носителей информации, необходимой для нормального продолжения хозяйственно-экономической деятельности (ч. 4.1 ст. 164, ст. 164.1 УПК РФ); особый порядок признания изъятых электронных носителей информации, документов и предметов в качестве вещественного доказательств (ст. 81.1 УПК РФ).

Кроме этого, для обеспечения нормального продолжения бизнеса предпринимателями, находящимися под стражей и (или) домашним арестом, в УПК РФ было закреплено их право на доступ к нотариальным услугам. Так, положения п. 3.1 ч. 4 ст. 46, п. 9.1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ устанавливают право таких лиц иметь свидания без ограничения их числа и продолжительности с нотариусом в

целях удостоверения доверенности на право представления интересов в сфере предпринимательской деятельности. Безусловно, это значимое дополнение, способствующее некоторому смягчению чувства беспокойства предпринимателя за состояние его хозяйственно-экономической деятельности и позволяющее продолжать последнюю.

Потребность защиты интересов подозреваемых и обвиняемых из числа предпринимателей обогатила современное уголовно-процессуальное законодательство появлением нового субъекта уголовного процесса – Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей (Далее – Уполномоченный по правам предпринимателей).

Понятно, что миссия Уполномоченного по правам предпринимателей универсальна: в любой сфере, где возникает угроза предпринимательским свободам, ожидается его помощь и содействие. Не стало исключением и уголовное судопроизводство. Так, в связи с политикой «амнистии капиталов» уголовный закон, то есть ч. 3 ст. 76 УК РФ предусматривает освобождение лица от уголовной ответственности при выявлении факта совершения им до 1 января 2015 года либо до 1 января 2019 года деяний, содержащих признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 193, ч.ч. 1-2 ст. 194, ст.ст. 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ, при условии, если это лицо является декларантом или лицом, информация о котором содержится в соответствующей специальной декларации, поданной в соответствии с Федеральным законом от 8 июня 2015 г. N 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], и если такие деяния связаны с приобретением (формированием источников приобретения), использованием либо распоряжением имуществом и (или) контролируруемыми иностранными компаниями, информация о которых содержится в соответствующей специальной декларации, и (или) с открытием и (или) зачислением денежных средств на счета (вклады), информация о которых содержится в соответствующей специальной декларации.

Данное основание получило свое «процессуальное» отражение в ч. 3.1 ст. 28.1 УПК РФ в виде положения о том, что суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 193, ч.ч. 1-2 ст. 194, ст.ст. 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ, при

условии добровольного предоставления им декларации о владении активами, перечисленными в ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 8 июня 2015 г. N 140-ФЗ.

Как видим, для прекращения уголовного преследования лица, которому вменяются перечисленные налоговые преступления, следовательно необходимо согласие руководителя следственного органа как должностного лица, осуществляющего ведомственный процессуальный контроль за ходом расследования. А это значит, что вопрос о прекращении такого преследования не решается автоматически: руководитель следственного органа решает по своему усмотрению и, как вариант, может не согласиться со следователем. В этом случае им выносятся весьма специфичный процессуальный акт, а именно постановление об отказе в прекращении уголовного преследования. Примечательно то, что в положениях ч. 3.2 этой же статьи, то есть 28.1 УПК РФ, говорится, что о таком решении должны быть немедленно уведомлены и лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, и Генеральный прокурор Российской Федерации, и Уполномоченный по правам предпринимателей.

Очевидно, упоминание Уполномоченного по правам предпринимателей в этом нормативном положении является неким маркером, показывающим, что законодатель настроен на продолжение учета предпринимательских интересов в процессуальном законе. Но, видимо, в данном случае этим все и ограничилось, поскольку в этом нормативном положении не указывается, для чего необходимо, причем, немедленно, информировать Уполномоченного по правам предпринимателей о принятом отказе в прекращении уголовного преследования того или иного предпринимателя. Проще говоря, зачем? Если Уполномоченный по правам предпринимателей позиционируется как заинтересованный субъект (а это так в силу его миссии), то логично предположить, что он должен знать не только о факте принятия «отказного» решения, но и об основаниях и мотивах такого отказа. Для этого достаточно направить ему копию решения, которое в соответствии с положениями ч. 3.2 ст. 28.1 УПК РФ должно быть мотивировано. Кроме того, логично предположить, что даже на простое уведомление должна ожидать реакция со стороны Уполномоченного по правам предпринимателей в плане его согласия или несогласия с «отказным» решением. В частности, в случае его несогласия ожидаемы те или иные процессуально значимые действия, которые он должен предпринять в интересах предпринимателя. В противном случае теряется сам смысл оповещения Уполномоченного по правам предпринимателей о судьбе того или иного предпринимателя, добровольно представившего

декларацию по условиям Федерального закона от 8 июня 2015 г. N 140-ФЗ. Но, как уже отмечено выше, нормы ч. 3.2 ст. 28.1 УПК РФ об этом умалчивают. И это неслучайно.

Дело в том, что из положений п. 4 ч. 5 ст. 4 Федерального закона от 07.05.2013 N 78-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [3] вытекает, что Уполномоченный при обнаружении нарушений прав и интересов предпринимателей решением государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц обязан обратиться в суд с заявлением о признании таких решений незаконными. Но, это право, как прямо указано в положениях п. 4 ч. 5 ст. 4 названного федерального закона, не распространяется на решения и действия органов прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации, органов судебной власти. Получается, что Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации», что называется «на берегу», заблокировал Уполномоченному по правам предпринимателей возможность обжаловать в суд решения органов Следственного комитета Российской Федерации, в частности решение руководителя следственного органа об отказе в прекращении уголовного преследования за налоговые преступления предпринимателя, добровольно предоставившего декларацию в порядке Федерального закона от 8 июня 2015 г. N 140-ФЗ.

Как итог, в ч. 3.2 ст. 28.1 УПК РФ, с одной стороны, заявлено о вовлечении Уполномоченного по правам предпринимателей в сферу уголовного судопроизводства в интересах лиц, обвиняемых и подозреваемых в совершении налоговых преступлений, а с другой – для него, как участника уголовного процесса, не определены процессуальные права, которые он мог бы реализовать в этих целях. Понятно, что это противоречие и неопределенность в нормах, регулирующих участие Уполномоченного по правам предпринимателей в уголовном судопроизводстве, должны быть устранены.

В этих целях, ст. 28.1 УПК РФ следовало бы дополнить новой частью 3.3 со следующим содержанием: *«Постановление руководителя следственного органа об отказе в прекращении преследования может быть обжаловано в суд Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей в порядке статьи 125 настоящего Кодекса».*

Кроме этого, видится необходимость корректировки содержания п. 4 ч. 5 ст. 4 Федерального закона «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» путем исключения запрета на обжалование Уполномоченному по правам предпринимателей в суд процессуальных решений и действий органов прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации, принимаемых в ходе досудебного производства по уголовному делу по обвинению предпринимателей.

Бесспорно, действенное участие Уполномоченного по защите прав предпринимателей лично либо через региональных уполномоченных по защите прав предпринимателей в производстве по уголовному делу о преступлениях, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, могло бы углубить либерализацию порядка уголовного преследования предпринимателей, усилить гарантии защиты их интересов, связанных с реализуемой ими хозяйственно-экономической деятельностью.

Библиографический список

1. О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 08.06.2015 N 140-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Российская газета. 2015. 10 июня; 2018. 21 фев.
2. О долгосрочной государственной экономической политике: Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 596 // Российская газета. 2012. 9 мая.
3. Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации: федер. закон от 07.05.2013 N 78-ФЗ (ред. от 28.11.2015) URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-07052013-n-78-fz-ob/#000001> (дата обращения: 18.02.2021).
4. Расширенное заседание коллегии МВД 15 марта 2016 года. Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515/> (дата обращения: 18.03.2016).
5. Симоненко А. А. Уголовно-правовое противодействие заведомо незаконному уголовному преследованию: дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Симоненко. М., 2019. 235 с.

УДК 347.191.43

**РОЛЬ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ АРБИТРАЖНЫХ
УПРАВЛЯЮЩИХ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО**

Бирюлькин Д. С., магистрант группы МЮ-103

Научный руководитель: **Канцер Ю. А.**, кандидат юридических наук

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье исследуются проблемы обеспечения гражданско-правовой ответственности за причинение убытков арбитражным управляющим в деле о банкротстве. Раскрываются способы ее обеспечения, показывается взаимодействие страховщика и саморегулируемой организации арбитражных управляющих, исследуется механизм реализации функции обеспечения гражданско-правовой ответственности, строится цепочка ответственных субъектов.

Ключевые слова: закон о банкротстве, арбитражный управляющий, саморегулируемая организация арбитражных управляющих, ответственность арбитражного управляющего, страхование, субсидиарная ответственность, компенсационный фонд.

**THE ROLE OF SELF-REGULATING ORGANIZATIONS OF
ARBITRATION MANAGERS IN ENSURING THE PROPERTY LIABILITY
OF THE ARBITRATION MANAGER**

Biryulkin D. S., master student of the group MU-103

Supervisor: **Kantser Yu. A.**, Candidate of Legal Sciences

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article examines the problems of ensuring civil liability for causing losses to arbitration managers in a bankruptcy case. The methods of its provision are revealed, the interaction of the insurer and the self-regulating organization of arbitration managers is shown, the mechanism of implementation of

the function of ensuring civil liability is investigated, the chain of responsible subjects is built.

Keywords: bankruptcy law, arbitration manager, self-regulating organization of arbitration managers, liability of the arbitration manager, insurance, subsidiary liability, compensation fund.

В последнее время арбитражное управление в России претерпевает множество трансформаций. Как специалисты в области права, в частности в сфере банкротства, так и государство в целом понимают необходимость корректировок подхода к процедурам банкротства и арбитражного управления. Несостоятельность должна перейти от реализации имущества к реабилитации организаций, а управляющие стать антикризисными менеджерами, восстанавливающими и поддерживающими на определенных этапах их работу, однако, первым шагом на пути глобальных перемен, конечно, должно стать решение текущих проблем, в качестве одной из которых выступают некоторые аспекты деятельности саморегулируемых организаций арбитражных управляющих.

Известно, что арбитражный управляющий в целях утверждения его в деле о банкротстве обязан состоять в соответствующей саморегулируемой организации, о чем говорится в легальном определении. Согласно п. 1 ст. 20 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту – Закон о несостоятельности) арбитражным управляющим признается гражданин Российской Федерации, являющийся членом одной из саморегулируемых организаций арбитражных управляющих [5] (далее по тексту – СРО АУ). Деятельность данного участника дела о банкротстве и его гражданско-правовая ответственность отличаются определенной спецификой, что требует обязательного применения способов обеспечения последней, среди которых страхование и ответственность СРО АУ. Отмечается, что «ответственность организации следует признать субсидиарной, поскольку компенсация убытков допускается в случае недостаточности суммы страхового возмещения для покрытия возникших убытков, полученных потерпевшим от страховщика, у которого арбитражный управляющий застраховал риск своей ответственности» [7]. Сущность способов обеспечения – восстановить нарушенное право лица, которое подверглось неправомерному поведению со стороны арбитражного управляющего. Такими лицами могут быть кредиторы по делу о банкротстве.

Арбитражный управляющий находится в числе «профессий, наиболее востребованных в гражданских правоотношениях и которые при оказании определенных видов услуг могут причинить вред своим клиентам» [6, с. 178], в силу чего на него возложена обязанность заключить договор обязательного страхования гражданской ответственности. Представляется, что такое возложение преследует цель гарантирования ответственности перед лицами, участвующими в деле о банкротстве [6, с. 181].

Уже на этапе страхования ответственности СРО АУ играет немаловажную роль, поскольку в силу п. 1 ст. 24.1 Закона о несостоятельности страховая организация, с которой заключает соответствующий договор арбитражный управляющий, должна быть ею аккредитована. Саморегулируемая организация контролирует осуществление арбитражным управляющим обязательного страхования своей ответственности, в том числе путем установления дополнительных требований к договорам обязательного страхования в случае, если сочтет это целесообразным; уже заключенные договоры должны быть представлены в СРО АУ в установленные ими сроки, а если обнаружится, что арбитражным управляющим было не соблюдено какое-либо требование, касающееся договора, то он может быть исключен из членов саморегулируемой организации.

Минимальный срок действия договора – 1 год, причем, в нем должно быть предусмотрено условие его возобновления на этот же срок. Он подлежит пролонгации на следующий срок, если арбитражный управляющий не уведомил страховщика об отказе от его продления не позднее чем за 1 месяц до истечения срока его действия. Действие продленного договора не прекращается в случае просрочки уплаты арбитражным управляющим страховой премии или внесения очередного страхового взноса не более чем на 30 дней. А. В. Перфилов указывает на деструктивность такого подхода и полагает, что «указанные нормы заставляют страховые компании «кредитовать» арбитражного управляющего, что нарушает равенство сторон договора. Подобное регулирование отношений не способствует повышению устойчивости финансовых организаций, а только угрожает стабильности рынка страхования» [2, с. 88].

Минимальный размер страховой суммы составляет 10 миллионов рублей в год, объектами страхования выступают имущественные интересы арбитражного управляющего, коррелирующие с его обязанностью возмещения убытков в результате допущенных им нарушений. В случае причинения убытков он высту-

пает в роли должника, а решение суда об их взыскании есть не что иное как страховой случай, предоставляющий возможность обращения кредитора к страховщику с требованием о выплате страхового возмещения, который в свою очередь приобретает право регресса к арбитражному управляющему. Реализовать его не так просто, сама по себе выплата не означает возникновение соответствующего права. В Поволжском судебном округе данное положение нашло подтверждение. Так, страховое акционерное общество осуществило выплату страховой суммы, в связи с чем обратилось в арбитражный суд с целью возмещения убытков в порядке регресса. Исковые требования были удовлетворены, при этом суд первой инстанции не принял во внимание то, что в правоотношениях по имущественному страхованию событие, с которым связывается возникновение убытков, подлежащих возмещению посредством выплаты страхового возмещения, должно обладать признаками вероятности и случайности; если же страховой случай наступил вследствие умысла страхователя, страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения. Страховая компания не поставила под сомнение наличие умысла в действиях арбитражного управляющего и не подняла вопрос об освобождении от выплаты страхового возмещения в связи с умышленным причинением убытков, ею не были представлены доказательства наличия признаков заведомой противоправности или направленности на извлечение им собственной выгоды. Поскольку при указанных обстоятельствах регрессные требования страховой компании были удовлетворены судом первой инстанции, постольку суд кассационной инстанции усмотрел нарушение норм материального права, отменив решение суда и отказав в иске [3].

Страховщик не выступает в качестве единственного субъекта, к которому можно обращаться в случае причинения убытков, поскольку ответственность арбитражного управляющего обеспечивается компенсационным фондом саморегулируемой организации, членом которой он является, то есть помимо обязанности страхования своей ответственности на арбитражного управляющего возлагается еще одна – участие в формировании компенсационного фонда СРО АУ.

В соответствии с действующим законодательством компенсационный фонд – это обособленное имущество СРО АУ. Он формируется из членских взносов, минимальный размер которых составляет 200 тысяч рублей, а минимальный размер самого фонда – 50 миллионов рублей, при этом арбитражный управляющий не может быть освобожден от обязанности вносить в него взносы.

Средства обозначенного фонда – результат аккумуляции членских взносов и доходов от их размещения – используются для возмещения лицам, участвующим в процедуре банкротства, убытков, понесенных ими в результате ненадлежащей деятельности арбитражного управляющего. Произведенные саморегулируемой организацией выплаты порождают для последнего обязанность возместить ее членам убытки в целях необходимости соблюсти баланс, нарушенный произведенными из компенсационного фонда отчислениями. Обращение за выплатами к средствам компенсационного фонда может привести к тому, что его размер станет меньше установленного законодательством, а если учесть возможный размер подлежащего возмещению ущерба и факт предъявления повышенных требований к осуществлению профессиональной деятельности арбитражных управляющих, то можно обнаружить, что компенсационный фонд может быть исчерпан очень быстро. Следствием этого станет либо возложение на членов саморегулируемой организации обязанности восполнить компенсационный фонд, либо лишение СРО АУ ее статуса.

Действующий Закон о несостоятельности закрепляет лишь общую норму о возможности обращения взыскания на средства компенсационного фонда СРО АУ и не конкретизирует при этом порядок обращения взыскания. Вместе с тем, нормативный акт предусматривает положение, согласно которому возникновение обязательств должно быть связано с осуществлением арбитражным управляющим его профессиональной деятельности. Говоря об общем механизме осуществления выплат из фонда в связи с возмещением убытков, В. В. Кванина отмечает его неопределенность. Между тем, автор считает, что анализ норм Закона о несостоятельности помогает выявить его [1, с. 60-63]. А. В. Перфилов, в свою очередь, указывает на несовершенство существующего механизма, подразумевая под этим отсутствие непогашенной задолженности арбитражного управляющего в случае возмещения убытков СРО АУ, и предлагает внести в Закон о несостоятельности следующую норму: «Саморегулируемой организации арбитражных управляющих, производшей компенсационную выплату, переходит в пределах выплаченной суммы право требования, которое потерпевший имеет к арбитражному управляющему, ответственному за убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве» [2, с. 89].

Сравнение страховщика и саморегулируемой организации показывает, что последняя выступает своего рода субсидиарным должником, так как требование

о компенсационной выплате к ней может быть предъявлено только в том случае, когда убытки не были возмещены полностью в силу недостаточности денежных средств, полученных по договору обязательного страхования гражданской ответственности, при этом должен иметь место отказ арбитражного управляющего удовлетворить требование, обращенное к нему. Складывается цепочка ответственных субъектов, открывает которую страховщик, а замыкает саморегулируемая организация; промежуточное положение занимает арбитражный управляющий. Так это выглядит согласно позиции законодателя и соответствует смыслу п. 3 ст. 25.1 Закона о несостоятельности в том, что компенсационную выплату должны совокупно предварять такие юридические факты, как выплата страхового возмещения при условии ее непокрытия убытков в полном объеме и отказ арбитражного управляющего в удовлетворении требования заинтересованного лица, что указывалось выше. Имеется мнение, что подобный механизм противоречит сути обеспечительной функции, поскольку цель создания компенсационного фонда СРО АУ – обеспечение имущественной ответственности ее членов и освобождение от нее в случае причинения вреда. Возникает вопрос о целесообразности использования средств компенсационного фонда по так называемому остаточному принципу. В силу сказанного представляется более уместным поставить арбитражного управляющего в конец цепочки, поскольку договор обязательного страхования ответственности наряду с компенсационным фондом являются способами обеспечения его гражданско-правовой ответственности, призванными оградить его от наступления таковой.

Таким образом, считается, что анализ норм Закона о несостоятельности показывает, что механизм реализации функции обеспечения гражданско-правовой ответственности арбитражного управляющего не регламентирован в полном объеме и нуждается в некотором корректировании. В частности, можно согласиться с позицией А. В. Перфилова о необходимости включения в текст ст. 25. 1 Закона о несостоятельности право регресса СРО АУ к арбитражному управляющему, если имеет место осуществление выплаты из компенсационного фонда.

Библиографический список

1. Кванина В. В. Механизм обеспечительной функции саморегулирования / В. В. Кванина. Текст : непосредственный // Журнал российского права. 2014. № 1 (205). С. 59–67.

2. Перфилов А. В. Способы защиты прав на возмещение убытков, причиненных арбитражным управляющим / А. В. Перфилов. Текст : непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. № 2. С. 88-90.

3. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 6 июня 2017 г. N Ф06-20902/2017 по делу N А72-5493/2016.

4. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 года № 127-ФЗ / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 52. Ст. 7825.

5. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 года № 127-ФЗ / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 2. Ст. 326.

6. Христенко А. В. Страхования профессиональной ответственности / А. В. Христенко. Текст : непосредственный // Московский экономический журнал. 2018. № 5 (2). С. 177–178.

7. Шишмарева Т. П. Саморегулируемая организация арбитражных управляющих и ее участие в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) / Т. П. Шишмарева. – Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.03.2021). Текст : электронный.

УДК 346(075)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА
ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ ТОРГОВ
В АНТИМОНОПОЛЬНОМ ОРГАНЕ**

Великанов А. П., заместитель руководителя Управления Федеральной антимонопольной службы по Волгоградской области, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемных аспектов и поиску путей совершенствования механизма защиты прав и законных интересов участников торгов в антимонопольном органе. В результате исследования определено, что административный способ защиты, будучи не лишенным ряда недостатков, все же является наиболее удобным для участников торгов, права которых ущемляются действиями организатора торгов и иных лиц. Автором предлагается внесение ряда изменений в ст. 18.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», направленных на повышение оперативности и эффективности защиты прав и законных интересов добросовестных участников торгов.

Ключевые слова: административный способ защиты права, торги, участник торгов, организатор торгов, антимонопольный орган.

**IMPROVING THE PROCEDURAL MECHANISM FOR PROTECTING THE
RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF BIDDERS BY THE
ANTIMONOPOLY AUTHORITY**

Velikanov A. P., Deputy Head, Volgograd Office of the Federal Antimonopoly Service, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of problematic aspects and the search for ways to improve the mechanism for protecting the rights and legitimate interests of bidders by the competition authority. As a result of the study, it is determined that the protection in the administrative order, while being not devoid of a number of shortcomings, is still the most convenient for bidders whose rights are infringed by the actions of the organizer of the competitive bidding and other violators. The author proposes to introduce series of amendments to Federal Law No. 135-FZ of 26.07.2006 «On Protection of Competition» art.

18.1, aimed at improving the efficiency and effectiveness of protecting the rights and legitimate interests of bona fide bidders.

Keywords: protection of rights in the administrative order, competitive bidding, bidder, bid organizer, antimonopoly authority.

В ситуации глобального экономического кризиса, обусловленного распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и последующим стагнированием или даже коллапсом целого ряда сфер экономической деятельности, рынок регламентированных процедур закупок, в меньшей степени затронутый кризисными явлениями, вызывает все большую привлекательность для хозяйствующих субъектов, заинтересованных стать потенциальными поставщиками, подрядчиками или исполнителями в борьбе за заключение договора по итогам проводимых процедур торгов.

Однако такое желание, во-первых, не всегда совпадает с организационными и финансовыми возможностями самих участников закупок (особенно впервые участвующих в процедурах торгов), во-вторых, нередко перечеркивается злоупотреблениями со стороны организаторов торгов, зачастую прямо заинтересованных в продолжении устоявшегося сотрудничества с уже известными контрагентами.

И если решение первой проблемы всецело зависит от усилий самих участников закупок, то для решения второй одних лишь подобных усилий недостаточно.

Пунктом 2 статьи Гражданского кодекса Российской Федерации [1] допускается два альтернативных способа защиты нарушенных гражданских прав – в судебном порядке и в административном порядке, причем для возможности применения административного способа защиты необходимо специальное законодательное регулирование [2].

Несомненной заслугой российского антимонопольного законодательства является имплементация ряда процессуальных норм, предусматривающих оперативную возможность защиты и восстановления нарушенных прав и законных интересов участников торгов в административном порядке – посредством обращения участника закупки (торгов) с жалобой в антимонопольный орган.

Подобный процессуальный механизм в настоящее время предусмотрен, в частности:

- главой 6 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3] (далее – Закон о контрактной системе) (применительно к процедурам государственных и муниципальных закупок, осуществляемых в соответствии с указанным законом);

- статьей 18.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [4] (далее – Закон о защите конкуренции) (применительно к процедурам иных торгов, проведение которых является обязательным в соответствии с российским законодательством – в частности, торгов по реализации имущества должника, осуществляемых в соответствии с положениями Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [5] (далее – Закон о несостоятельности (банкротстве)); торгов на право заключения договора водопользования, проводимых в соответствии с Водным кодексом Российской Федерации; торгов по продаже или предоставлению в аренду земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации; торгов на право заключения договоров аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, а также на право заключения договора купли-продажи лесных насаждений, осуществляемых в соответствии с положениями Лесного кодекса Российской Федерации; торгов на право заключения договора водопользования в порядке, предусмотренном Водным кодексом Российской Федерации и постановлением Правительства РФ от 14.04.2007 № 230; организации и проведении закупок в соответствии с положениями Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [6] (далее – Закон о закупках отдельными видами юридических лиц)) и др.)

Преимущества административного способа защиты прав и законных интересов участников торгов по сравнению с судебным способом защиты в данном случае очевидны – максимально сжатые сроки рассмотрения жалоб (которые не могут превышать 5 рабочих дней с даты поступления жалобы по правилам ст. 106 Закона о контрактной системе, 14 рабочих дней с даты поступления жалобы в порядке ст. 18.1 Закона о защите конкуренции) по сравнению с длительным, многомесячным оспариванием действий в судебном порядке до момента вступления решения суда в законную силу; предусмотренная императивными нормами соответствующих федеральных законов обязательность приостановле-

ния торгов в случае принятия жалобы к производству, равно как и обязательность исполнения предписания, выдаваемого по результатам рассмотрения жалобы антимонопольным органом, направленного на устранение нарушенных прав и законных интересов участников торгов, обеспечиваемая мерами государственного принуждения, в том числе, привлечением юридического лица, не исполнившего предписание в установленный срок, а также его должностных лиц, к административной ответственности, последующим контролем со стороны антимонопольного органа за исполнением выданного им предписания.

Вместе с тем, к сожалению, действующий процессуальный механизм защиты прав и законных интересов участников торгов в антимонопольном органе не лишен и ряда недостатков, которые способны в значительной степени снижать эффективность антимонопольного контроля за действиями организаторов торгов и, в конечном итоге, ущемлять интересы добросовестных лиц, вовлеченных в процедуры организации и проведения торгов.

С учетом того обстоятельства, что в 2021 году в Закон о контрактной системе ожидается внесение пакета изменений, предметно направленных на оптимизацию процедур контроля за соблюдением процедур государственных и муниципальных закупок, автору представляется целесообразным рассмотреть проблематику процессуального механизма защиты прав и законных интересов участников торгов, предусмотренного ст. 18.1 Закона о защите конкуренции, ввиду того, что уже более пяти лет в указанную норму, регламентирующую процедуры подачи и рассмотрения жалоб на многочисленные разрозненные процедуры торгов, в отличие от гл. 6 Закона о контрактной системе, не вносилось каких-либо изменений.

Кроме того, за указанный длительный период накопилась и противоречивая судебная практика применения ст. 18.1 Закона о защите конкуренции, в указанной норме обнаружилось и явные пробелы, и заметные противоречия в сравнении с иными положениями действующего законодательства.

Во-первых, следует обратить внимание на процедуру приостановления торгов, предусмотренную ч. 11 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции.

Явным изъяном указанной нормы выступает недостаток детализации процедуры приостановления торгов.

В частности, законодатель буквально не определил, приостанавливаются ли обжалуемые торги полностью (то есть, с момента принятия жалобы к производству будут являться недопустимыми любые действия организатора торгов и иных лиц, совершаемые в рамках данных торгов) или только в части заключения

договора (то есть, недопустимыми будут являться лишь действия в стадии, завершающей процедуру торгов).

Не удивительно, что указанный пробел закона сам по себе вызвал ожесточенные споры заинтересованных лиц, что нашло отражение в весьма противоречивой правоприменительной практике.

К примеру, согласно постановлению Арбитражного суда Поволжского округа от 29.06.2016 по делу № А12-31374/2015 [7], а также письмам Федеральной антимонопольной службы от 07.08.2017 № АЦ/53975/17, от 24.09.2019 № РП/83261/19 процедура торгов в случае их обжалования приостанавливается лишь в части заключения договора.

В то же время, согласно решению Верховного Суда Российской Федерации от 14.05.2020 № АКПИ20-161, «Федеральный закон «О защите конкуренции» не содержит предписаний, что при рассмотрении антимонопольным органом жалобы в порядке, предусмотренном его статьей 18.1, полномочия антимонопольного органа ограничиваются возможностью приостановления торгов только в части заключения договора» [8].

Тем самым, согласно указанной позиции суда, торги с момента принятия жалобы к производству все-таки приостанавливаются полностью.

Помимо изложенного, нельзя не отметить, что нормами ряда законодательных актов, в соответствии с которыми проводятся сами торги, обжалуемые в порядке ст. 18.1 Закона о защите конкуренции, возможность приостановления торгов вообще не предусмотрена.

Так, к примеру, нормы Закона о несостоятельности (банкротстве) не предусматривают возможности приостановления торгов, что вызывает двусмысленность в толковании содержания и обязательности применения данной процедуры, в первую очередь, со стороны арбитражных управляющих и операторов электронных площадок.

Во-вторых, статистика работы антимонопольных органов печально демонстрирует, что за прошедшие годы существенно увеличилось количество жалоб, направляемых в антимонопольный орган для рассмотрения так называемыми «профессиональными жалобщиками» [9]. Данные лица, как правило, сами не заинтересованы участвовать в торгах и, соответственно, не могут претендовать на заключение договоров по их итогам, однако нередко осуществляют вымогательство у организаторов и добросовестных участников торгов денежных средств в обмен на последующий отзыв жалобы либо предлагают организаторам торгов последующее содействие в работе на возмездной основе.

По мнению автора, подобные недобросовестные действия отчасти вызваны положениями ч.ч. 2 и 5 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции, с одной стороны, допускающими возможность обжалования действий организатора торгов по размещению информации о торгах фактически любыми лицами, с другой стороны, устанавливающими весьма длительный срок, в течение которого допустимо обжалование – до трех месяцев со дня подведения итогов торгов.

В-третьих, также имеется ряд противоречий в процессуальном механизме подачи и рассмотрения жалоб, предусмотренном ст. 18.1 Закона о защите конкуренции и в отраслевых законах, регламентирующих данные правоотношения (к примеру, ст. 18.1 Закона о защите конкуренции предусмотрено проведение комиссией антимонопольного органа внеплановой проверки всей процедуры торгов при обжаловании участником закупки каким-либо отдельных действий организатора, а нормы Закона о закупках отдельными видами юридических лиц исключают возможность рассмотрения комиссией антимонопольного органа иных действий заказчика, не являющихся предметом обжалования) (ч. 13 ст. 3 Закона о закупках отдельными видами юридических лиц: «Рассмотрение жалобы антимонопольным органом должно ограничиваться только доводами, составляющими предмет обжалования»).

Наконец, ряд положений ст. 18.1 Закона о защите конкуренции также существенно осложняет работу антимонопольного органа в рамках принятия поступившей жалобы к производству, а также ее дальнейшего рассмотрения по существу.

В частности, указанной нормой буквально не предусмотрена обязанность подателя жалобы указывать на реестровый номер торгов и федеральный закон или иной нормативный акт, в рамках которого осуществляется процедура торгов, что усложняет как процесс идентификации спорных торгов на стадии принятия жалобы к производству, так и применимых норм права для целей рассмотрения жалобы по существу.

Кроме того, устанавливая в ч.ч. 4 и 5 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции предельные сроки для обжалования, законодатель в ч. 9 ст. 18.1 указанного закона не предусмотрел ни такого основания для возвращения жалобы заявителю, как пропуск срока на обжалование, ни возможности восстановления пропущенного срока на обжалование.

Формально, совершая любые действия по жалобе, поданной по истечению срока, установленного ч.ч. 4 и 5 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции, антимонопольный орган действует вне правового поля.

Указанный пробел в настоящее время разрешен исключительно разъяснительными письмами Федеральной антимонопольной службы, где указывается на необходимость оставления жалобы, поданной с нарушением сроков, установленных в ч.ч. 4 и 5 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции, без рассмотрения.

Также согласно правовым позициям, высказываемым в судебной арбитражной практике, в подобном случае антимонопольный орган не вправе рассматривать жалобу по существу. Например, в определении Верховного Суда РФ от 26.02.2020 № 306-ЭС20-999 по делу № А65-38647/2018 отмечено, что: «...рассматривая спор, суды учли, что обжалование действий (бездействия) организатора торгов, конкурсной комиссии в антимонопольный орган допускается с соблюдением сроков, установленных частями 4 и 5 статьи 18.1 Закона о защите конкуренции. Исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства, суды установили, что на момент обращения главы Тетюшского муниципального района Сафиуллова Р.Х. в антимонопольный орган истек установленный пунктом 4 статьи 18.1 Закона о защите конкуренции срок. При таких обстоятельствах суды пришли к выводу о том, что в целях защиты интересов добросовестных участников торгов, заключивших и исполняющих договоры по итогам торгов, управление не вправе было рассматривать материалы дела» [10].

Однако положениями ст. 18.1 Закона о защите конкуренции такие действия также не предусмотрены.

В целях устранения выявленных недостатков правового регулирования процессуального механизма защиты прав и законных интересов участников торгов в антимонопольном органе автором предлагается внесение следующих изменений в ст. 18.1 Закона о защите конкуренции и связанные положения иных законодательных актов:

1. Детализировать процедуру приостановления торгов в случае принятия жалобы к производству (ч. 11 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции), дополнив указанную норму предложением: «С момента принятия жалобы к производству все действия, совершаемые в рамках проведения торгов, приостанавливаются».

2. Предусмотреть обязательные процедуры приостановления торгов (в случае их обжалования) в отраслевом законодательстве, регламентирующем порядок проведения конкретных торгов (например, посредством дополнения ст. 110

Закона о несостоятельности (банкротстве) ч. 11, изложив ее в следующей редакции: «В случае обжалования торгов в антимонопольном органе, с момента принятия антимонопольным органом жалобы к производству все действия, совершаемые в рамках проведения торгов, приостанавливаются».

3. В целях повышения оперативности и эффективности восстановления нарушенных прав и законных интересов участников торгов, исключения случаев затягивания закупочных процедур по причине необоснованных обращений «профессиональных жалобщиков» исключить из ст. 18.1 Закона о защите конкуренции ч. 5, предусматривающую трехмесячный срок обжалования действий организатора торгов в случае признания закупки несостоявшейся.

4. В целях повышения оперативности и эффективности восстановления нарушенных прав и законных интересов участников торгов, исключения случаев затягивания закупочных процедур по причине необоснованных обращений «профессиональных жалобщиков» предусмотреть в качестве требований к содержанию жалобы (ч. 6 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции) обязанность подателя жалобы мотивировать ущемление его прав и законных интересов оспариваемыми действиями организатора торгов.

5. Исключить противоречия в процессуальном механизме рассмотрения жалоб и проведения внеплановых проверок торгов, предусмотренном ст. 18.1 Закона о защите конкуренции и в отраслевых законах, регламентирующих данные правоотношения (например, исключить из ст. 3 Закона о закупках отдельными видами юридических лиц ч. 13, предусматривающую возможность рассмотрения жалобы антимонопольным органом только в пределах доводов, составляющих предмет обжалования).

6. Предусмотреть в качестве требований к содержанию жалобы (ч. 6 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции) обязанность подателя жалобы указывать на реестровый номер торгов и федеральный закон или иной нормативный акт, в рамках которого осуществляется процедура торгов.

7. Предусмотреть в качестве требований к содержанию жалобы (ч. 6 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции) контактные данные организатора торгов (электронная почта, факс) для оперативного извещения организатора торгов о дате, времени и месте рассмотрения жалобы.

8. Предусмотреть в качестве основания для возвращения жалобы заявителю (ч. 9 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции) истечение процессуального срока для подачи жалобы.

Полагаем, что все выявленные проблемы действующего процессуального механизма защиты прав и законных интересов участников торгов в антимонопольном органе могут и должны быть решены федеральным законодателем посредством внесения вышеуказанных изменений в ст. 18.1 Закона о защите конкуренции и связанные законодательные акты.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 : Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : [ред. от 09 марта 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Стёпин А. Б. Механизмы защиты гражданских прав // Гражданское право. 2020. № 6. С. 16–19.
3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 05 апр. 2013 г. № 44-ФЗ : принят Гос. Думой 22 марта 2013 г., одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 г. : [ред. от 24 февр. 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.
4. О защите конкуренции: Федер. закон от 26 июл. 2006 г. № 135-ФЗ : принят Гос. Думой 08 июл. 2006 г., одобрен Советом Федерации 14 июл. 2006 г. : [ред. от 17 февр. 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3434.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ : принят Гос. Думой 27 сент. 2002 г., одобрен Советом Федерации 16 окт. 2002 г. : [ред. от 30 дек. 2020 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
6. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федер. закон от 22 июл. 2011 г. № 223-ФЗ : принят Гос. Думой 08 июл. 2011 г., одобрен Советом Федерации 13 июл. 2011 г. : [ред. от 24 февр. 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.06.2016 по делу № А12-31374/2015. URL: <https://www.kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.04.2021)
8. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14.05.2020 № АКПИ20-161. URL: <https://www.kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.04.2021)
9. Панкратова И. Киллеры госзаказа: как устроен бизнес жалобщиков в сфере госзакупок // Деловой журнал РБК. 2019. 01-02 (147). URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2019/01/5c1badcb9a79470d4886ca09/> (дата обращения: 01.04.2021)
10. Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2020 № 306-ЭС20-999 по делу № А65-38647/2018. URL: <https://www.kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.04.2021)

УДК 339.137.2

ПРОБЛЕМЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Вихлянцева Е. Ф., магистрант группы МЮ-103

Научный руководитель: **Токарев Д. А.**, кандидат юридических наук

Волгоградский Институт Управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена законодательным и правоприменительным проблемам, связанных с вопросами, возникающими при квалификации недобросовестной конкуренции. Автор рассматривает актуальное законодательство, регулирующее названную область, судебную и правоприменительную практику, а также отмечает, что существует еще множество недоработок и недостатков в правовой регламентации недобросовестной конкуренции, поскольку рынок товаров постоянно развивается и по мере его развития появляются новые механизмы ограничения конкуренции.

Ключевые слова: рынок, конкуренция, недобросовестная конкуренция, конкурентные отношения, правовая защита, антимонопольный орган, пресечение недобросовестной конкуренции.

PROBLEMS OF PREVENTING UNFAIR COMPETITION

Vikhlyantseva E. F., master student of the group MU-103

Supervisor: **Tokarev D. A.**, Candidate of Legal Sciences

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the legislative and law enforcement problems related to the issues arising from the qualification of unfair competition. The author examines the current legislation governing this area, judicial and law enforcement practice, and also notes that there are still many shortcomings and shortcomings in the legal regulation of unfair competition, since the market for goods is constantly evolving and, as it develops, new mechanisms to restrict competition appear.

Keywords: market, competition, unfair competition, competitive relations, legal protection, antimonopoly authority, suppression of unfair competition.

Конкуренция является значимым фактором развития рыночных отношений. Степень становления конкурентной среды напрямую оказывает влияние на достижения экономических отношений, эффективность производства, качество товаров, услуг, что, в свою очередь, благоприятно влияет на удовлетворение потребностей потребителей. Конкуренция заставляет производителей использовать механизмы, направленные на улучшение качества их продукции, а также является регулятором цен на рынке, что не позволяет продавцам увеличивать свою прибыль [1, с. 13].

Таким образом, современное развитие рыночных отношений требует решения множества социально-экономических проблем. Одним из более значимых моментов является развитие конкурентных отношений между хозяйствующими субъектами. Поэтому данная сфера отношений нуждается в соответствующем нормативно-правовом регулировании, что на данном этапе развития не соответствует должному уровню. В связи с этим возникает повышенный интерес правовой доктрины к развитию антимонопольного законодательства.

Наиболее значимыми механизмом, на мой взгляд, является преодоление недобросовестной конкуренции. Так как эффективное и прогрессивное развитие рыночных отношений возможно в условиях добросовестных и цивилизованных отношений между субъектами, которые должны быть четко регламентированы законом. Но на данном этапе развития рыночных отношений большое проявление оказывают недобросовестные методы ведения конкуренции, участники которой пытаются извлечь для себя выгоду прибегая к способам, запрещенных законом.

Проблемы, возникающие с пресечением актов недобросовестной конкуренции, обусловлены множеством судебных споров, которые связаны с наличием пробелов, неясностью толкования норм антимонопольного законодательства, а также с неточностью разграничения компетенции органов, уполномоченных пресекать недобросовестные действия хозяйствующих субъектов, что, в своей совокупности, вызывает нарушение прав участников экономических отношений.

Конституция Российской Федерации в ст. 8 гарантирует «единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности» [6, п. 1 ст. 8]. Данная норма определяет основные начала осуществления экономической

деятельности. Наше государство признает единство рынка, которое способно порождать такое явление, как – конкуренция. Между тем, ст. 34 Конституции Российской Федерации не допускает: «экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию» [6, ч. 2 ст. 34]. Таким образом, в следствие ограничения свободы экономической деятельности возникает недобросовестная конкуренция.

Обращаясь к нормативно-правовому закреплению «недобросовестной конкуренции», следует начать с Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883г., согласно п.2 ст. 10-bis которой «актом недобросовестной конкуренции считается всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах» [5, п. 2 ст. 10-bis]. Также следует отметить, что для нашего государства имплементация норм данной конвенции произошла в 1968 году, после того как СССР ратифицировала его.

Основным отечественным нормативно-правовым актом, который регулирует рыночные отношения в целом и недобросовестную конкуренцию в частности, является Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ. Нормативно определение закреплено в п. 9 ст. 4 указанного закона, согласно которому «недобросовестная конкуренция – любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» [8, ст. 4].

Таким образом, анализируя вышеприведенные нормы, можно сделать вывод о том, что понятие «недобросовестная конкуренция» знакомо праву нашего государства задолго до создания антимонопольного законодательства, которое, в свою очередь, такое явление определяет более ограниченно по сравнению с международным источником.

Интересным является вопрос о соотношении конкуренции и недобросовестной конкуренции, как общего и частного. Так, А.И. Каминка утверждает, что «недобросовестная конкуренция – это вид конкуренции вообще... И если, в общем, в настоящее время признание конкуренции как необходимого элемента хозяйственной деятельности может казаться бесспорным, то в такой же мере бесспорно, что недобросовестная конкуренция является злом, которое не должно

быть терпимо» [4, с. 1]. Но соответствует ли данное высказывание реалиям законодательства? Само название Закона «О защите конкуренции» говорит о распространении своего действия на конкуренцию в широком смысле, то есть на добросовестную и недобросовестную. Конкуренция, согласно п. 7 ст. 4 Закона № 135-ФЗ, проявляется в «соперничестве хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» [8, п. 7 ст. 4], которое может существовать только в активной форме, как и недобросовестная конкуренция в буквальном её толковании. Но, тогда нельзя утверждать, что недобросовестная конкуренция может проявлять себя в форме бездействия, что противоречит ст. 14.6 комментируемого Закона. Следовательно, это проявление несовершенства понятийного аппарата Закона, которое порождает дискуссию в доктрине права.

В свою очередь, в связи с изменениями ст. 5 ГК РФ, внесенными Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», необходимо исключить слова «делового оборота» [10].

Таким образом, с целью устранения коллизии норм Закона о защите конкуренции, представляется необходимым разграничить категории «конкуренция» и «недобросовестная конкуренция», путем видоизменения содержания понятия недобросовестной конкуренции, изложенной в п.9 ст.4 Закона следующим образом: «Недобросовестная конкуренция – любые действия (бездействие) хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам - конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации», а также конкретизировать название Закона – «О защите добросовестной конкуренции», и ввести данную дефиниции в понятийный аппарат ст. 4 Закона № 139-ФЗ.

В свою очередь, реализация норм антимонопольного законодательства в настоящее время имеет некоторые сложности как в судебной, так и административной практике. Это связано, как с частыми изменениями законодательства, так

и появлением новых условий функционирования товарных рынков, что, как следствие, вызывает необходимость корректировки сложившейся практики.

Статистика внутриведомственной апелляции ФАС России показывает, что лишь за период с 1 июня по 1 июля 2020 г. было рассмотрено 52 жалобы, 5 из которых – по актам недобросовестной конкуренции [7].

Имеющиеся большое количество споров на практике свидетельствует о неправильной квалификации актов недобросовестной конкуренции, что может быть вызвано неточностью норм или же наличием коллизий в законодательстве. Что в своей совокупности говорит о его несовершенстве.

Я провела краткий анализ судебных и административных решений по часто возникающим спорам.

На практике имеются случаи неправильной квалификации действий по ст. 14.4 Закона о защите конкуренции. Примером существующей проблемы может послужить решение Президиума Суда по интеллектуальным правам от 1.01.2018 г. по делу № СИП-587/2018.

Согласно фактическим обстоятельствам дела Комиссия УФАС признала действия ООО «Социальная Аптека Ставрополь» нарушающими ст. 14.4 Закона о защите конкуренции, в связи с тем, что Общество использовало исключительное право на фирменное наименование «Социальная аптека», принадлежащее другому субъекту. Соответствующее решение изначально было обжаловано в Апелляционную коллегию, которая жалобу Общества не удовлетворила, но указала на необходимость при квалификации акта недобросовестной конкуренции по признакам состава нарушения, предусмотренного ст. 14.4 ФЗ-135, одновременно установить все признаки недобросовестной конкуренции, которые предусмотрены общей нормой п. 9 ст. 4 Закона о защите конкуренции в совокупности.

Таким образом, Апелляционный антимонопольный орган доказал, что Общество своей целью имело получение преимуществ в предпринимательской деятельности посредством использования его деловой репутации. Решение соответствующих органов Суд по интеллектуальным правам оставил без изменений, тем самым подтверждая его законность.

Следующая категория дел, вызывающая споры в правоприменительной деятельности связана с реализацией ст. 14.6 Закона о защите конкуренции.

Согласно решению Арбитражного суда Новосибирской области от 29.01.2018 г. по жалобе на решение по делу N 06-01-13-14-16, суд пришел к выводу, что нарушившим положения ст. 14.6 ФЗ-135 может быть признано лицо,

которое на данном этапе не имеет выхода на товарный рынок, но имеет потенциальную на это возможность.

Суть дела заключалась в том, что Новосибирский антимонопольный орган квалифицировал действия ООО «Стандарт» в соответствии п. 1,2 ст. 14.6 Закона о защите конкуренции, которые заключались в использовании во внешнем оформлении автозаправочных станций цветовой гаммы, имитирующей общий стиль другой сети АЗС, а также изобразительных элементов, символов, букв, обозначений, сходных до степени смешения с товарными знаками, принадлежащими и используемыми другими субъектами [3]. Коллегиальный орган ФАС в своем решении указал, что действия по использованию объектов интеллектуальной собственности другого субъекта без его согласия в целях получения конкурентных преимуществ, должны быть расценены как действия хозяйствующего субъекта-конкурента.

В таком случае, следует, что антимонопольным органам необходимо при выявлении правонарушений согласно ст. 14.6 ФЗ-135, оценивать действия всех субъектов, которые обладают правом собственности, либо правом владения, пользования или распоряжения, с учетом намерений лиц, а также достигнутых ими целей.

Таким образом, судебный орган пришел к выводу, что нарушение положений указанной нормы содержится не только в действиях арендатора, но и в действиях собственников АЗС, которые определяли внешнее оформление автозаправочной станции и имели своей целью получение прибыли от ее функционирования путем реализации топлива.

Важно отметить, что при применении п. 2 ст. 14.6 Закона о защите конкуренции, решение органа должно содержать оценку противопоставляемых товаров на факт сходства и различия, а также содержать выводы о различительной способности внешнего вида товаров.

К соответствующему выводу пришла Апелляционная коллегия, которая рассматривала жалобу Комбината на решение Ростовского УФАС о прекращении рассмотрения дела в связи с отсутствием нарушения в действиях Общества нарушения антимонопольного законодательства и отменила решение антимонопольного органа, направив дело на новое рассмотрение [2].

В ходе рассмотрения дела антимонопольный орган, проанализировав товары сторон на предмет возможности их смешения и пришел к выводам, что эти-

кетки товара (туалетной бумаги) частично сходны, что обусловлено обычаем делового оборота на рынке такого рода товаров низкого ценового сегмента; сходство до степени смешения не достигается, поскольку Комбинат и Общество использовали собственные товарные знаки и разные шрифты. Что в таком случае, не противоречит законодательству, а также требованиям добропорядочности, разумности и справедливости, а, следовательно, не содержит нарушений, предусмотренных п. 2 ст. 14.6 Закона № 135-ФЗ.

Апелляционная коллегия при рассмотрении жалобы учла правоприменительную практику Суда по интеллектуальным правам. А также взяла во внимание позицию ФАС, изложенную в Письме от 24.12.2015 N ИА/74666/15 «О применении «четвертого антимонопольного пакета», согласно которому: «имитация внешнего вида товара представляет собой своеобразное подражание товару конкурента с целью создания у покупателей впечатления о принадлежности таких товаров линейке имитируемых товаров» [9]. Апелляционный орган отметил и то, что Ростовское УФАС не произвело оценку элементов товаров на предмет их сходства и различия, а также не обратило внимание на то, что у Комбината вся этикетка товара охраняется в качестве товарного знака, когда товарный знак Общества – элемент небольшой площади, который никак не играет особого значения при формировании впечатления об упаковке потребителями.

Таким образом, Апелляционная коллегия удовлетворила жалобу Комбината в связи с тем, что территориальный антимонопольный орган не исследовал все обстоятельства дела в полном объеме.

Интересным является реализация ст. 14.8 Закона о защите конкуренции, согласно которой предусмотрен запрет на иные формы недобросовестной конкуренции, непоименованных в законе.

Как показала практика, действия хозяйствующих субъектов могут быть квалифицированы как акт недобросовестной конкуренции, только в том случае, если они содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства. Что в свою очередь, ограничивает вторжение антимонопольных органов в компетенцию других органов власти. Для наглядности следует привести пример.

Согласно определению Верховного Суда от 26.04.2019 г. № 303-КГ 18-23327, акционерным обществом было обжаловано решение УФАС по Амурской области, согласно которому общество реализовывало табачную продукцию вопреки ограничениям п. 2 ч. 7 ст. 19 ФЗ от 23.02.2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья

граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака», которые запрещают продажу соответствующей продукции в пределах расстояния 100 метров от учебных заведений. В связи с чем антимонопольный орган выдал Обществу предупреждение и квалифицировал его действия, как акт недобросовестной конкуренции, запрещенный ст. 14.8 Закона № 135-ФЗ, обосновывая это тем, что соответствующий хозяйствующий субъект имеет более выгодное положение по сравнению с добросовестными конкурентами, которые соблюдают положения Закона № 15-ФЗ.

Все последующие судебные инстанции не удовлетворяли требование заявителя.

Но, судебная коллегия Верховного Суда сочла законным отменить решения нижестоящих органов, тем самым удовлетворить жалобу Общества, объяснив это следующим: согласно п. 2 ч. 4 ст. 39.1 Закона о защите конкуренции предупреждение должно содержать: «нормы антимонопольного законодательства, которые нарушены действиями (бездействием) лица, которому выдается предупреждение» [8, п. 2 ч. 4 ст. 39.1], а так как Общество нарушило ограничения Закона № 15-ФЗ, то антимонопольный орган не вправе вторгаться в ведомственную компетенцию других органов, и выносить предупреждение о прекращении действий, которые нарушают ограничения иного законодательства. То есть, Верховный Суд указал на не подконтрольность соответствующей сферы отношений, которая не связана с защитой антимонопольного законодательства.

По итогам проанализированной практики в области пресечения актов недобросовестной конкуренции, необходимо сделать вывод о том, что существуют трудности их квалификации, в связи с чем я считаю целесообразным предложить Федеральной антимонопольной службе России в рамках функции по даче разъяснений о практике применения антимонопольным органом законодательства дать разъяснения, содержащие правила квалификации путем систематизации правоприменительной практики.

Подводя итог исследовательской работы, нужно сказать, что правовому регулированию отношений, связанных с недобросовестной конкуренцией, а также смежных проблем на сегодняшний день посвящена немалая часть российского законодательства, несмотря на что, является неоспоримым факт наличия коллизий, неясности толкования норм антимонопольного законодательства, а также неточности разграничения компетенции органов, уполномоченных пресекать недобросовестные действия хозяйствующих субъектов, что, в своей совокупности,

вызывает нарушение прав участников экономических отношений. Таким образом, объясняется актуальность вопроса совершенствования антимонопольного законодательства, в части института недобросовестной конкуренции.

Библиографический список

1. Алешин Д. А., Артемьев И. Ю., Борзило Е. Ю. и др. Конкурентное право России. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 47 с.
2. Апелляционная коллегия ФАС России. Решение по делу № 167/04 от 15.08.2018. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.03.2021).
3. Арбитражный суд Новосибирской области. Решение по делу по делу N А45-27365/2017 от 29.01.2018. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.03.2021).
4. Городов О. А. К понятию недобросовестной конкуренции // Конкурентное право. 2011. № 1. 12 с.
5. Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // Закон. 1999. № 7.
6. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. от 01.07.2020) // Российская газета. 25.12.1993.
7. Обзор практики применения антимонопольного законодательства коллегияльными органами ФАС России. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.03.2021).
8. О защите конкуренции : федер. закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ // Российская газета. 2006. № 162.
9. О применении «четвертого антимонопольного пакета»: письмо от 24.12.2015 № ИА/74666/15. Режим доступа: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 24.03.2021).
10. Петров Д. А. Недобросовестная конкуренция и категории добропорядочности, разумности и справедливости: анализ правоприменительной практики. Режим доступа: <http://monitoring.law.edu.ru> (дата обращения: 22.03.2021).

УДК 343.13

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глебов В. Г., кандидат юридических наук, профессор, зав. кафедрой кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу нормативно-правового регулирования полномочий и деятельности органов прокуратуры по надзору за исполнением законов в сфере предпринимательской деятельности. Показано, что данное направление прокурорского надзора достаточно подробно регламентировано приказами Генерального прокурора Российской Федерации, однако в федеральном законе ему не уделено необходимого внимания. Особенно важно это в связи с совершенствованием правового регулирования государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

Ключевые слова: права предпринимателей, прокурорский надзор, государственный контроль.

PROSECUTOR'S SUPERVISION IN ENSURING THE RIGHTS OF BUSINESS ENTITIES

Glebov V. G., Candidate of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics

Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the regulatory and legal regulation of the powers and activities of the prosecutor's office for the supervision of the implementation of laws in the field of business activity. It is shown that this area of prosecutor's supervision is regulated in sufficient detail by the orders of the Prosecutor General of the Russian Federation, but the federal law does not pay the necessary attention to it. This is especially important in connection with the improvement of the legal regulation of state control (supervision) and municipal control.

Keywords: the rights of entrepreneurs, prosecutor's supervision, state control.

В последние десятилетия в Российской Федерации вопросам развития экономической деятельности и, в частности, малого и среднего предпринимательства, уделяется повышенное внимание [4]. Такой подход государства без сомнения понятен – экономическое развитие страны является основой ее безопасности и достойного уровня жизни ее граждан.

Правовую основу предпринимательской деятельности составляют ряд федеральных законов и нормативно-правовых актов, в ряду которых, как представляется, особое место занимает Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

Практически сразу же после его принятия возникла потребность в совершенствовании и приведении в соответствие с новыми экономическими реалиями системы защиты и обеспечения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, что являлось актуальным в связи с увеличивающимися нарушениями практически во всех сферах экономики. Особенно это проявилось в незаконном вмешательстве в деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и ущемлении их прав при осуществлении контрольных мероприятий органами государственной власти. Поэтому с позиций правообеспечительной поддержки предпринимателей был принят Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Не остались в стороне и органы прокуратуры, реализующие конституционную функцию надзора за исполнением действующих в Российской Федерации законов, защиты прав и законных интересов граждан. Генеральным прокурором был издан приказ от 31 марта 2008 г. № 53 (действующая редакция от 5 декабря 2017 г.) «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности». В данном документе отмечалось, что «состояние законности в данной сфере продолжает оставаться неблагоприятным» – были распространены факты злоупотребления должностных лиц своими служебными полномочиями, коррупционные проявления, рейдерские захваты предприятий, влекущие за собой передел собственности. Все это требовало активизации, повышения эффективности прокурорского надзора на данном направлении.

Поэтому в развитие данного приказа фактически через год были изданы приказ № 93 от 27 марта 2009 г. «О реализации федерального закона от

26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», а затем указание от 13 августа 2009 г. № 260/7 «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов малого и среднего предпринимательства, устранением административных барьеров предпринимательской деятельности, исполнением законов органами исполнительной власти, обладающими контрольно-надзорными полномочиями и реализующими разрешительные процедуры».

В последующем была продолжена регламентация деятельности органов прокуратуры уже непосредственно связанная с упорядочением осуществления реализации соответствующими компетентными органами контрольно-проверочных функций в отношении субъектов предпринимательской деятельности. В этих целях был издан приказ Генерального прокурора России от 11 августа 2010 г. № 313 «О порядке формирования органами прокуратуры ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Он действовал вплоть до 2019 года, когда его заменил новый приказ № 783 от 8 ноября 2019 г. «О Порядке формирования органами прокуратуры Российской Федерации ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

О результатах принимаемых органами прокуратуры мер по обеспечению защиты прав субъектов предпринимательской деятельности можно судить по следующим данным. Так, если в 2011 году в данной сфере было выявлено 110876 нарушений, то в 2019 году уже 186 948 [1]. Но при этом, сопоставляя количество выявленных нарушений и результаты реагирования на них, усматривается некоторый дисбаланс. Так прокуратурой было за последний отчетный год принесено 30 460 протестов, направлено в суд исков и заявлений 3 033, внесено представлений 46 684, привлечено к дисциплинарной ответственности 32 712 лиц и к административной ответственности – 7 172. В итоге относительно общего числа выявленных нарушений указанные акты прокурорского реагирования составляют примерно 60 %. Соответственно в остальных случаях можно предполагать отсутствие принятия каких-либо мер по восстановлению нарушенных прав субъектов предпринимательской деятельности. Кроме того, приведенные статистические данные не дают полного и точного представления об эффективности прокурорского надзора в этой сфере, так как в них указываются примененные акты

реагирования прокуроров, а не их результаты, ведь, например, не все протесты или заявления в суд удовлетворяются.

Таким образом неразрешенные проблемы остаются, что указывает на потребность совершенствования как непосредственно прокурорской деятельности по защите прав и законных интересов предпринимателей, так и по ее нормативно-правовому регулированию. Сказанное позволяет сделать вывод о необходимости придания надзору за исполнением законов в сфере предпринимательской деятельности более высокого уровня правового регулирования путем закрепления на законодательном уровне некоторых положений, который предусматриваются в настоящее время только приказами Генерального прокурора.

Так примером может служить тот факт, что в законе «О прокуратуре Российской Федерации» слова предпринимательская или экономическая деятельность вообще не упоминаются. В силу того, что в нормативно-правовых актах иногда также наблюдается смешение этих понятий, целесообразно обратиться к научным исследованиям о соотношении понятий «предпринимательская деятельность», «коммерческая деятельность» и «торговая деятельность» [5]. При этом данной сфере уделяется значительное внимание Генерального прокурора РФ, о чем свидетельствуют изданные им выше перечисленные приказы.

Тем более, что на законодательном уровне происходят конкретные перемены, требующие приведения в соответствие ряда ранее существовавших положений, регламентирующих сферу контрольно-надзорной деятельности и, соответственно, роль и полномочия прокуратуры в обеспечении законности при ее осуществлении. Речь идет о принятом 31 июля 2020 г. федеральном законе № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который вступает в силу с 1 июля 2021 года. Он призван регулировать более широкий спектр отношений по сравнению с федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», включая при этом и сферу предпринимательской деятельности. Данный закон уже в целом положительно оценен юридической общественностью, хотя отмечаются и имеющиеся в нем недостатки [2].

Но и в новом законе в ч. 7 ст. 3 в качестве одной из гарантий соблюдения прав контролируемых лиц предусмотрен прокурорский надзор за исполнением

данного закона в соответствии с полномочиями, предоставленными Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Однако, как представляется, с учетом конкретизации и расширения видов контрольных (надзорных) мероприятий, которые могут осуществлять контролирующие органы, должно последовать и соответствующее уточнение прокурорских полномочий по обеспечению соблюдения прав и законных интересов контролируемых лиц.

Так, федеральный закон № 248-ФЗ предусматривает такие виды контрольных (надзорных) мероприятий как:

- 1) контрольная закупка;
- 2) мониторинговая закупка;
- 3) выборочный контроль;
- 4) инспекционный визит;
- 5) рейдовый осмотр;
- 6) документарная проверка;
- 7) выездная проверка;
- 8) наблюдение за соблюдением обязательных требований;
- 9) выездное обследование.

Непосредственно по каждому из видов контроля устанавливается его предмет и совокупность обязательных требований для его осуществления с указанием отнесения к федеральному государственному контролю (надзору), региональному государственному контролю (надзору), муниципальному контролю, что требует внесения соответствующих изменений в отраслевое законодательство или отдельные законодательные акты (работа над соответствующим законопроектом уже ведется) [3].

Отсюда следует, что и Закон «О прокуратуре Российской Федерации» должен отражать специфику прокурорского надзора применительно к исполнению требований и правил проведения компетентными органами конкретных контрольно-надзорных мероприятий. Особенно это касается полномочий органов прокуратуры по согласованию проведения внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий и обеспечения соблюдения прав контролируемых субъектов.

С другой стороны, органы прокуратуры получают новую возможность в осуществлении прокурорского надзора путем поручения проведения контрольных (надзорных) мероприятий соответствующим правоохранительными органами в рамках проверки поступившей в органы прокуратуры информации о фак-

тах нарушения законов. Такое новое право прокуроров предусмотрено в статье 63 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Поэтому целесообразным является и дополнение статей главы 1 раздела III Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 (ред. от 30.12.2020 г.) «О прокуратуре Российской Федерации», посвященным полномочиям прокуроров при осуществлении надзора за исполнением законов, аналогичными положениями о требовании прокурора о проведении контрольного (надзорного) мероприятия. Такие требования направляются в уполномоченные контрольные (надзорные) органы на основании поступивших в органы прокуратуры материалов и обращений, свидетельствующих о причинении вреда (ущерба) или об угрозе причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, в том числе и правам, законным интересам лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Еще одним нововведением Федерального закона от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» является создание информационных систем государственного контроля (надзора) и муниципального контроля. К ним среди прочих, отнесены: единый реестр видов федерального государственного контроля (надзора), регионального государственного контроля (надзора), муниципального контроля; единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий, а также информационные системы контрольных (надзорных) органов, которые предполагается сформировать до 1 января 2022 года.

Представляется, что в Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (ред. от 30.12.2020 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» также необходимо предусмотреть прокурорские полномочия как по использованию создаваемых информационных систем при осуществлении надзорной деятельности, так и как объект прокурорского надзора. Особенно это видится актуальным для обеспечения законности проверок в сфере предпринимательской деятельности, так как в данных информационных системах должны аккумулироваться различные учетные и иные важные сведения, отражающие данные об объектах контроля и связанных с ними контролируемым лицам. Так используя соответствующие информационные системы, прокурор может, с одной стороны, получить сведения о соблюдении или несоблюдении проверяемыми лицами обязательных требований, в том числе посредством сбора данных, использования технических средств, включая электронные устройства и инструменты анализа данных и выявления индикаторов риска нарушения обязательных требований. А с другой стороны –

сведения о действиях и решениях должностных лиц контрольного или надзорного органа, принимаемых при организации и осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля, сведения о пресечении выявленных нарушений обязательных требований, об устранении их последствий и (или) о восстановлении правового положения, существовавшего до таких нарушений.

Представляется, что использование такой информации позволит прокурорам осуществлять свою деятельность более объективно и обеспечивать защиту прав и законных интересов как граждан и организаций, в том числе осуществляющих предпринимательскую деятельность, так и государственных и муниципальных контрольно-надзорных органов и их должностных лиц.

В связи с указанным представляется уместным отметить и относительно новую возможность предпринимателей сообщать о нарушениях их прав руководству органов прокуратуры путем направления соответствующих заявлений или жалоб с использованием цифровых технологий связи (интернета). Нормативной основой такого нововведения явился приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 8 сентября 2016 г. № 564 «Об утверждении регламента рассмотрения личных сообщений Генеральному прокурору российской федерации, поступивших от субъектов предпринимательской деятельности посредством электронной почты businesspravo@genproc.gov.ru».

Библиографический список

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры https://genproc.gov.ru/stat/data/?PAGEN_1=7
2. Борисов А. Н., Игнатов С. Л. Комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (постатейный) // «Деловой двор». 2020.
3. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Российской Федерации // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1051647-7>
4. Усанова В. А., Березнева С. Г. Защита прав предпринимателей // Юридическая ответственность в публичном и частном праве: материалы международной научно-практической конференции (2018; Волгоград). Волгоград: Изд-во ВИУ РАНХиГС, 2019. С. 229–233.
5. Усанова В. А., Рахманина Н. В. О соотношении понятий «предпринимательская деятельность», «коммерческая деятельность» и «торговая деятельность» // Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография в 2 т. Т. I / отв. ред. С. Д. Могилевский, Ю. Г. Лескова, О. А. Золотова, О. В. Сушкова. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 254-262.

УДК. 34.096

ЗАНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ¹

Голоманчук Э. В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права

Меграбян Д. А., специалист-эксперт отдела регионального законодательства и регистрации уставов муниципальных образований Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Волгоградской области, студент 1 курса магистратуры юридического факультета,

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия государства и бизнеса, через призму госслужбы. В результате исследования было сформулировано собственное видение решения проблемы взаимодействия частного и публичного интереса в предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: Предпринимательская деятельность, государственная служба, конфликт интересов, бизнес госслужащих.

TAKING PUBLIC OFFICERS IN BUSINESS ACTIVITIES

Golomanchuk E. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law

Mehrabyan D. A., Specialist-expert of the department of regional legislation and registration of charters of municipalities of the Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Volgograd region, 1st year student of the magistracy of the Faculty of Law

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the interaction between the state and business, through the prism of the civil service. As a result of the study,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16119 «Формирование антикоррупционной среды в органе государственной и муниципальной власти путем внедрения информационно-аналитической системы «Методика и тактика противодействия коррупции для государственных и муниципальных служащих».

we formulated our own vision of solving the problem of the interaction of private and public interest in business.

Keywords: Entrepreneurial activity, civil service, conflict of interests, business of civil servants.

Не так давно Россия перешла к рыночной, капиталистической экономике. Этого требовало общество, время, правительство, и такое желание было небезосновательным, ведь постоянное поглядывание на Запад, появляющаяся новая иностранная техника, мода, да и банальная усталость от привычных устоев дали о себе знать.

Спустя почти тридцать лет можно сказать, что рыночная экономика стала уже неотъемлемой частью нашей жизни и то поколение, которое родилось уже в девяностых и раньше даже не могут себе представить какво это – жить не в рыночной экономике.

Вообще рыночная экономика – это экономическая система, которая основана на принципах свободного предпринимательства, она характеризуется господством частной собственности на средства производства, использованием системы рынков и цен для координации экономической деятельности. Все решения субъекты рыночной экономики принимают самостоятельно, на свой страх и риск, руководствуясь стремлением получения наибольшей выгоды [1].

Таким образом, мы видим, что в результате жизни в такой экономической системе у всего общества вырабатывается определенный образ мышления, который направлен на получение прибыли путем участия в рыночных отношениях.

Подобный тип мышления присущ и такому важному государственному сектору, как государственная служба, что вызывает некоторые проблемы как со стороны государства, так и со стороны потенциальных участников рыночных отношений.

В соответствии с законодательством Российской Федерации введен запрет на занятие государственными служащими предпринимательской и иной приносящей доход деятельностью (за некоторыми исключениями). Такой запрет в перспективе порождает возникновение конфликта интересов [3].

Справедливо утверждение, что рассматриваемый запрет обусловлен предупреждением возникновения конфликта интересов.

Говоря о конфликте интересов, необходимо дать понятие. Конфликт интересов – ситуация, при которой личная заинтересованность человека может повлиять на процесс принятия решения и, таким образом, принести ущерб интересам общества либо компании, являющейся работодателем сотрудника [2].

Возникновение конфликта интересов дает возможность вернуться к мысли о том, что государственная служба – это место, где происходит конфликт публичного и частного интереса, и соответственно возникает необходимость своевременно реагировать на данную ситуацию.

Однако данный запрет не исполняется в должной степени, ведь по сути у любого лица всегда имеется возможность заниматься предпринимательской и иной приносящей доход деятельностью через своих родственников и получается, что формально запрет соблюден, а запретить родственникам заниматься такой деятельностью невозможно, да и не нужно.

И получается, что запрет как бы есть, и его как бы нет, и в данной ситуации предпринимательская деятельность уводится в тень.

Считаем, что целесообразнее было бы не бороться с занятием предпринимательской деятельностью государственными служащими, а легализовать ее.

Предлагаем ввести специальный налоговый режим для государственных служащих, по аналогии с налогом на профессиональный доход, который в ходе эксперимента показал большую заинтересованность со стороны населения [4].

Если ввести такой специальный налоговый режим для государственных служащих, то это будет выгодно для всех.

Предлагаем установить не пониженную налоговую ставку, а, наоборот, повышенную, не 4,1 % как у самозанятых, а 20 %, и обеспечить невозможность занятия предпринимательской деятельностью в случае, если она связана с местом службы любым способом. Хочешь зарабатывать деньги и быть слугой народа? Зарабатывай, только пополняй бюджет страны в больших объемах. И тогда решится сразу несколько проблем, а именно:

- уйдет проблема запретного плода, который, как мы знаем, сладок;
- государственным служащим будет дана реальная возможность заниматься предпринимательской деятельностью;
- бюджет страны будет пополняться, а уровень жизни населения расти.

По аналогии с налогом на профессиональный доход предлагаем ограничить виды деятельности, которой могут заниматься плательщики такого налога,

а именно ограничить занятие в том секторе экономики, а также смежные с ним сектора, в которых осуществляет свою государственную функцию служащий.

Считаем, что это будет обосновано и целесообразно, ведь если у человека есть талант к предпринимательской деятельности и управленческим функциям, то почему мы должны его ограничивать? Хочет и умеет? Тогда пускай поработает еще и на благо страны, а если не хочет платить такой налог, тогда пускай такой деятельностью и не занимается.

Библиографический список

1. Рыночная экономика, ее модели [Электронный ресурс]: конспект. Режим доступа URL: <https://www.vsavm.by/wp-content/uploads/2013/02/Rynohnaya-ekonomikaaee-modeli.Materialy-dlya-samostoyatelnoi-raboty.pdf> (27.03.2021);
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
3. Голоманчук Э. В., Яготинцева Т. Ю., Астафурова О. А. Некоторые проблемы предоставления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственными гражданскими служащими и пути их решения // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 249–254.
4. Миронова С. М., Стеценко Е. Я. Налогообложение самозанятых лиц (некоторые вопросы применения налога на профессиональный доход) // Право и экономика. 2019. № 9. С. 74–79.

УДК 346.62

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ

Гулай Е. А., студент 3 курса факультета государственного и муниципального управления

Королева П. В., студент 3 курса факультета государственного и муниципального управления

Научный руководитель: **Иванова Т. Б.**, доктор экономических наук, профессор
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена современной технологии блокчейн и её правовому регулированию в различных странах. В результате исследования были определены сфера использования и нормативное закрепление технологии блокчейн в Австралии, Китае, Эстонии, Казахстане и России.

Ключевые слова: блокчейн, инновации, правовое регулирование, криптография, законодательство, криптовалюта, стандартизация.

LEGAL FRAMEWORK FOR THE APPLICATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN VARIOUS COUNTRIES

Gulai E. A., 3th year student of the Faculty of State and Municipal Administration

Koroleva P. V., 3th year student of the Faculty of State and Municipal Administration

Supervisor: **Ivanova T. B.**, Doctor of Economics, Professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to modern blockchain technology and its legal regulation in various countries. As a result of the study, the scope of use and regulatory consolidation of blockchain technology in Australia, China, Estonia, Kazakhstan and Russia were identified.

Keywords: blockchain, innovation, legal regulation, cryptography, legislation, cryptocurrency, standardization.

Технологии блокчейн получают последнее десятилетие все большее распространение, но в национальных экономиках и наднациональной деятельности пока ещё не сложилась достаточная система регулирования их использования, что делает актуальным представленный в данной статье анализ.

В конце 2017 года был обнародован доклад Международной ассоциацией юристов (International Bar Association) основная идея, которого была о правовом регулировании технологии блокчейн и криптовалюте, их влиянию на законодательство, осуществление юридических услуг на данный момент и в ближайшем будущем [12]. Основные положения этого доклада дают ясное понимание о содержании понятий блокчейна, криптовалюты, децентрализованной автономной системы, мульти-подписи, смарт-контракта и других, относящихся к данной области, дефиниций. Следует отметить, что образовавшаяся правовая лакуна значительно затрудняет дальнейшее введение в использование этой технологии. На сегодняшний день ряд стран уже вносят изменения в законодательство с целью устранить этот пробел. Но всё же ещё ни одной международной организацией не был утвержден стандарт, устанавливающий понятийный аппарат, свойства и методы регулирования технологии. На данный момент действует проект ISO / TC 307 «Blockchain и distributed ledger technologies». Так Великобритания, Финляндия, Австралия, Россия, Канада, США и еще 36 стран задействованы в проекте. Также в проекте участвуют 13 стран-наблюдателей [7; 9].

Рассмотрим действия и отношение различных государств по внедрению блокчейн технологии.

Правительство Содружества Австралии уделяется постоянное внимание блокчейну с помощью ряда ведущих блокчейн-инициатив, включая отраслевые испытания в сферах финансовых услуг, энергетике, сельском хозяйстве и государственном секторе. В последнем правительство рассмотрело применение блокчейна австралийским Налоговым управлением (ATO), которое использует его в хакатонах для проверки дилерской истории автомобилей для соблюдения налога на роскошь [14]. Государственная Национальная система страхования по инвалидности также экспериментировала с блокчейном и новой платежной платформой для создания «умных денег», которые имеют возможность управлять страховыми выплатами, бюджетированием и доверительным управлением. Австралийская биржа ценных бумаг также предложила новую блокчейн-систему, охватывающую клиринг, расчеты, регистрацию активов и другие услуги пост-

торговой направленности. Эта система представляет собой первое массовое, масштабное использование блокчейна любой фондовой биржей во всем мире и, вероятно, даст ценную информацию, поскольку политики и регулирующие органы рассматривают свой подход к блокчейну в будущем.

В настоящее время в Австралии нет никаких конкретных правил или законов, касающихся рассматриваемой технологии. Австралийская комиссия по ценным бумагам и инвестициям, являющаяся основным австралийским регулятором корпоративных, рыночных, финансовых услуг и потребительских кредитов, подтвердила мнение о том, что австралийские законодательные обязательства и нормативные требования являются технологически нейтральными и применяются независимо от способа, используемого для предоставления регулируемых услуг.

Правительство планирует разработать национальную дорожную карту блокчейна, направленную на ряд областей политики, таких как регулирование, повышение квалификации, инвестиции, международная конкурентоспособность и сотрудничество. Кроме того, правительство Австралии инвестировало в позиционирование Австралии на переднем крае блокчейн-сектора, пообещав финансирование в размере 100 000 долларов австралийским компаниям, присоединившимся к миссии Austrade на премьерном блокчейн-мероприятии в Нью-Йорке Consensus. Также было направлено 700 000 долларов в австралийское агентство цифровой трансформации для исследований, необходимых для использования данной технологии в сфере государственных услуг в будущем [14].

В настоящее время отсутствует совместимость между платформами технологии блокчейн. Решению этой проблемы будет способствовать разработка стандартов блокчейн.

Китайская Народная республика не менее активно по сравнению с Австралией внедряет технологии блокчейн. Например, в 2016 году Китай начал строить умные города и даже внедрил систему блокчейна City ID, которая обеспечивает связь и обмен данными между городами.

Один из специализированных интернет-судов Китая, расположенный в Ханчжоу и рассматривающий исключительно споры, связанные с интернетом, теперь разрешает использование технологии блокчейн в качестве средства предоставления доказательств. Изменения в политике последовали за спором об авторских правах, который касался предполагаемого нарушения авторских прав на определенных веб-страницах. Пострадавшая сторона смогла зафиксировать

нарушение в блокчейне, что было признано допустимым с юридической точки зрения. В сентябре 2018 года Верховный суд Китая также подтвердил, что блокчейн можно использовать для проверки электронных доказательств, представленных в суд.

Технология блокчейн была впервые упомянута в проекте пятилетнего плана национальной политики Китая, окончательная версия которого была одобрена законодателями и советниками в середине марта 2021 года. К марту 2021 года Китай запретил криптовалюты по всей стране, но страна приняла такие инновации, как искусственный интеллект и «умные города» [10].

В 14-м пятилетнем плане Китая подчеркиваются общие цели и приоритеты страны на период до 2025 года. В рамках стратегии президента Си Цзиньпина «Видение до 2035» блокчейн будет играть «важную роль в технологических инновациях следующего цикла и промышленной трансформации» [5].

Ожидается, что в рамках пятилетней инициативы президента китайские суды модернизируют свои системы. Их задача – интегрировать данные при хранении доказательств в сети блокчейн. Это будет первая правовая система на основе искусственного интеллекта в Китае. Кроме того, китайская правовая система давно работает над усилением защиты прав человека, поскольку хранение доказательств в сети блокчейн исключает возможность изменений.

Важным с нашей точки зрения кажется рассмотрение опыта Эстонии. Еще в 2007 году, еще до публикации «Белой книги биткойна», эстонское правительство уже тестировало блокчейн-приложения в рамках резолюции об устойчивости к внешним кибератакам.

Государственная политика Эстонии по облегчению взаимодействия граждан с государством с помощью электронных решений, уже много лет тестирует и внедряет блокчейн в отношении государственных услуг. Настолько, что блокчейн был протестирован в широком спектре государственных служб и баз данных, одна из которых система национального здравоохранения. Кроме того, планируется испытать и, при высоких результатах, внедрить данную технологию в другие, не менее важные сферы, такие как, например, кибербезопасность. KSI, блокчейн-технология, разработанная в Эстонии в 2007 году, обеспечивает высокоскоростную аутентификацию в реальном времени для всех сетевых цифровых активов мира. Она используется для независимой проверки всех государственных процессов и защиты услуг электронного управления, предлагаемых населению [11]. Другими словами, с помощью блокчейна KSI исчезает возможность

кем-либо переписать историю, а подлинность охраняемых данных легко доказывается математически. Это защищает эстонские электронные услуги как, например, электронная медицинская карта, электронная судебная система и др.

В целом Эстония не рассматривает регуляторные инициативы, необходимые для борьбы с блокчейном. Это происходит потому, что государственный аппарат Эстонии не видит использование блокчейна в государственном секторе, которое требовало бы регулирования. Если посмотреть на некоторые конкретные виды использования блокчейна, такие как криптовалюты, то, конечно, есть некоторые проблемы регулирования и требования, но не в государственном секторе. Эстония не рассматривает блокчейн как конкретную нишу. Любые блокчейн компании приветствуются так же, как и любые другие технологические компании, и это не требует специального регулирования.

Значительный опыт использования блокчейн технологий накоплен в Республике Казахстан. На данный момент в Республике действует Национальная ассоциация развития Блокчейна и криптотехнологий, которая объявляет интеграцию страны в мировую экосистему данной технологии, создаются IT-кластеры, а казахстанские частные компании и иностранные разработчики совместно с представителями данной страны выходят на международную арену, достигая высоких результатов и признание мировых экспертов.

В настоящее время в Парламенте Республики Казахстан принят закон Республики Казахстан «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий». Закон предусматривает внесение изменений в ряд нормативных правовых актов в части правового обеспечения внедрения и применения цифровых технологий в Казахстане [3].

Одной из важнейших новелл закона являются положения, направленные на внедрение и применение технологии блокчейн в Казахстане, что можно назвать ключевым прорывом в области информационных технологий за последние десять лет. Закон также предусматривает закрепление концепции блокчейна и ключевых положений о ней путем внесения изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан «Об информатизации» от 24.11.2015 г. В нем введены новые понятия в области цифровых технологий и установлена законодательная база некоторых из них. Статья 33-1 «Правовой режим обращения цифровых активов» Закона устанавливает требования и правила обращения цифровых активов, регулирует общественные отношения при заключении сделок с цифровыми

активами как объектами имущественных прав, а также обеспечивает правовую защиту [4; 13]. Согласно статье: цифровые активы не являются платежным средством; цифровые активы бывают безопасными и необеспеченными; выпуск и обращение необеспеченных цифровых активов запрещены, за исключением случаев, предусмотренных законами Республики Казахстан; цифровые активы не являются финансовыми инструментами и не предоставляют их держателям или владельцам соответствующих прав в отношении юридических лиц и др.

На сегодняшний день в Казахстане запускаются проекты на основе технологии блокчейн в сфере государственных услуг и документооборота. Эти проекты включают в себя [13]:

- информационную систему «VAT Blockchain»;
- «Инвест Онлайн» – продукт (мобильное приложение) Национального Банка Казахстана;
- государственный реестр лекарственных средств и изделий медицинского назначения;
- единый реестр административных производств;
- государственный электронный реестр держателей зерновых расписок.

Регулирование введения блокчейн-технологии в России подразделяется на регулирование 1) самой технологии блокчейн и 2) отношений, в которых он применяется [6]. Такое разделение обусловлено тем, что вопросами составления единой терминологии и регулирования правил использования технологии занимаются технические комитеты по стандартизации.

Первой сферой регулирования в России занимаются технические комитеты при Росстандарте. Первоначально этим занимался Технический комитет по стандартизации «Криптографическая защита информации» (ТК 26), который выпустил методические рекомендации по терминологии – МР 26.4.001–2018 «Термины и определения в области технологий цепной записи данных (блокчейн) и распределенных реестров». Позже “блокчейн” для регулирования технических вопросов был создан Технический комитет по стандартизации ТК 159 «Программно-аппаратные средства технологий распределенного реестра и блокчейн» [2].

Второе направление регулирования блокчейн в России связано с введением с 1 января 2021 года Федерального закона «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Нормы закона по большей части посвящены цифровым финансовым активам (ЦФА). ЦФА рассматривается как своего рода

цифровые права, к которым относится одно из следующих прав (перечень которых является исчерпывающим) при условии, что выдача, учет и обращение этих прав осуществляются в электронном виде путем внесения записей в информационную систему: денежные требования; возможность осуществления прав по долевым ценным бумагам; право на участие в капитале непубличного акционерного общества; право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг указано в решении о выпуске ЦФА. Как отметил председатель Комитета Госдумы по финансовому рынку А. Г. Аксаков, Закон № 259-ФЗ должен помочь в более активном использовании технологии блокчейн для выпуска ЦФА с целью привлечения инвестиций под реализацию различных проектов [8].

Данный проект, фиксирующий нововведения в рамках обязанностей и ответственности за их неисполнение в пока не урегулированной полностью сфере, широко обсуждается научным сообществом, состоящим из экспертов в данной области. Он не устанавливает единое правовое регулирование отношений с использованием блокчейна, а затрагивает только небольшую часть, одно направление его применения – цифровую валюту. По мнению специалистов, он не в полной мере выполняет даже эту задачу, во-первых, закон является заблаговременным, вследствие чего нет какого-либо смысла для рассмотрения вопросов, касающихся налогов и налогообложения, в отсутствие норм, закрепляющих правила оборота криптовалют, а во-вторых, нуждается в серьезной доработки, в особенности, такого понятия, как прибыль от использования криптовалют для целей как раз налогообложения. Закон № 259-ФЗ косвенно регулирует технологию блокчейн, ее применение, только в направлении использования цифровых финансовых активов, а это значит, что законодательство должно дальше дорабатываться и расширяться.

Таким образом, в настоящее время все большее число стран присоединяется к гонке по внедрению технологии блокчейн, принимая нормативные правовые акты и запуская пилотные проекты, связанные с этой технологией. Многие страны используют технологию блокчейн для обеспечения кибербезопасности, оптимизации процессов и интеграции услуг, а также укрепления доверия граждан к информационным системам и подотчетности. Блокчейн может быть использован во многих областях государственного и общественного сектора, включая цифровую валюту и платежи, регистрацию земли, управление идентификацией, отслеживание цепочек поставок, здравоохранение, корпоративную регистрацию, налогообложение, голосование (выборы) и корпоративное управление.

Технология блокчейн имеет высокую степень защиты и безопасности, что позволяет использовать ее для безопасной обработки персональных данных. Высокий уровень безопасности достигается за счет криптографии (шифрования), прозрачности и неизменности данных, хранящихся в цепочке блоков. Однако при использовании блокчейна необходимо учитывать следующие моменты:

А. использование блокчейна для хранения данных намного дороже, чем использование других типов баз данных.

Б. при пользовании любой базой данных необходимо соблюдать законодательные требования, действующие на территории конкретного государства. Например, при сборе и обработке персональных данных лиц, находящихся в Европейском Союзе, необходимо соблюдать GDPR (Общие правила защиты данных). Принцип работы блокчейна может привести к нарушению многих правил и требований по защите персональных данных, предусмотренных GDPR, поскольку:

- личные данные часто передаются через государственные границы, но не всегда возможно выполнить требования GDPR для трансграничной передачи данных;

- неверные или устаревшие данные не могут быть исправлены (право на исправление);

- обработка данных не прекращается при достижении целей обработки (принцип минимизации и право на возражение);

- данные не могут быть удалены (право на удаление).

Таким образом, с точки зрения безопасности хранения персональных данных блокчейн является подходящим и эффективным решением, однако следует учитывать аспекты экономического характера и правовые ограничения, устанавливаемые данной технологией.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ / Российская Федерация // Законы. – Доступ из СПС Гарант. (Дата обращения: 28.03.2021).

2. Российская Федерация. Федеральное агентство. О создании технического комитета по стандартизации «Программно-аппаратные средства технологий распределенного реестра и блокчейн» [Электронный ресурс] : приказ Федер. аг-ва по тех. рег. и метр. от 15 декабря 2017 г. N 2831 / Российская Федерация // Федеральное агентство. – Доступ из Гарант. (Дата обращения: 28.03.2021).

3. Республика Казахстан. Законы. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий [Электронный ресурс] : закон Республики Казахстан от 25 июня 2020 / Республика Казахстан. Законы // Онлайн закон. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=34230083. (Дата обращения: 25.03.2021).

4. Республика Казахстан. Законы. Об информатизации [Электронный ресурс] : от 24 ноября 2015 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2021 г.) / Казахстан. Законы // Онлайн закон. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=33885902. (Дата обращения: 25.03.2021).

5. Блокчейн в Китае [Электронный ресурс] : интернет ресурс Tadviser. – 15.03.2021. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D1%87%D0%B5%D0%B9%D0%BD_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5. (Дата обращения: 26.03.2021).

6. Былинкина Е. В. Блокчейн: правовое регулирование и стандартизация [Текст] : статья / Е. В. Былинкина // Право и политика. 2020. № 9. С. 143–155.

7. Никольская К. Ю., Варкентин В. В. Правовые основы применения технологии блокчейн в различных странах [Текст] : статья / К. Ю. Никольская, В. В. Варкентин (Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск). Сборник научных статей по итогам работы четвертого международного круглого стола (31 мая 2019 г.) Часть 1. – Шахты: ООО «Конверт», 2019. С. 58-60.

8. Шувалова, М. Криптовалюта в России: законодательное недорегулирование [Электронный ресурс] : статья / М. Шувалова. – Гарант. ру. Москва: – 01 марта 2021. URL: <http://www.garant.ru/news/1448450/>. (Дата обращения: 25.03.2021).

9. ISO / TC 307 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.iso.org/committee/6266604/x/catalogue/p/0/u/1/w/0/d/0>. (Дата обращения: 25.03.2021).
10. Anirudh Tiwari. Blockchain Mentioned in China 5-Year Policy Plan [Electronic resource] / BeInCrypto Staff // Tiwari Anirudh. – 15 March 2021. – URL: <https://beincrypto.com/blockchain-gets-first-mention-in-china-5-year-policy-plan/>. (Дата обращения: 26.03.2021).
11. Blockchain: Estonia [Electronic resource] / GovChain. Site developed by SOKA Studio. 2021. URL : <https://govchain.world/estonia/> (Date of request: 25.03.2021).
12. Disruptive Innovation [Electronic resource] / International Bar Association. – London, 2020. – URL : <https://www.ibanet.org/LPRU/Disruptive-Innovation.aspx>. (Date of request: 25.03.2021).
13. Nurtaı R., Makhmetova L. Kazakhstan: Expected Changes In Kazakh Legislation Related To The Implementation Of The Blockchain Technology [Electronic resource] / R. Nurtaı, L. Makhmetova // Mondaq, GRATA International. – 29 June 2020. – URL : <https://www.mondaq.com/fin-tech/958656/expected-changes-in-kazakh-legislation-related-to-the-implementation-of-the-blockchain-technology>. (Date of request: 27.03.2021).
14. Reeves P., Harrison G., O’Grady R. Comparative Legal Guid Australia: Blockchain [Electronic resource] / P. Reeves, G. Harrison, R. O’Grady // The Legal 500 Country Comparative Guides, Gilbert + Tobin. – 2020. – URL : https://cdn.brandfolder.io/3RTTK3BV/as/4z5zv35b9p546qtqxcw8qn/The_Legal_500_-_Blockchain_Australia.pdf. (Date of request: 30.03.2021).

УДК 346.9

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ**

Гусев Г. Д., студент 3 курса ИТиУ

Научный руководитель: **Щукина Т. В.**, доктор юридических наук, доцент

ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет», г. Москва

Аннотация. Данная статья посвящена теме защиты прав предпринимателей в современной России. В статье рассматривается совокупность проблем, с которыми сталкиваются предпринимательство, а также возможные решения и пути развития предпринимательства в Российской Федерации.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, проблемы, защита прав, предпринимательство, экономика.

**LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF
ENTREPRENEURS PROBLEMS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT**

Gusev G. D., 3rd year student of IT&U

Supervisor: **Shchukina T. V.**, Doctor of Law, Associate Professor

MIREA – Russian Technological University, Moscow

Abstract. This article is devoted to the topic of protecting the rights of entrepreneurs in modern Russia. The article examines the set of problems faced by entrepreneurship, as well as possible solutions and ways of developing entrepreneurship in the Russian Federation.

Keywords: law, legal regulation, problems, protection of rights, entrepreneurship, economy.

В современном обществе очень важна тема защиты прав предпринимателей, это связано как с обширной и обновляющейся законодательной базой, так и вопросами правоприменительной практики. Но, прежде всего, вопрос обеспечения свободы экономической деятельности и ограничений для предпринимателей

всегда касается баланса между свободой ведения предпринимательской деятельности и контроля со стороны государственных органов.

Ведение предпринимательской деятельности в Российской Федерации предполагает осуществление и соблюдение ее субъектами определенных правил, без соблюдения которых такая деятельность будет являться незаконной. Предприниматель, имеющий доход от реализации товаров, услуг, использования имущества не единично, а постоянно, используя свои навыки или имущество в целях получения прибыли, должен получить соответствующий правовой статус через процедуру государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица (организации).

Как указывает Трофимова Е. В. [8], приобретение предпринимательского статуса не дает никаких преимуществ или преимуществ перед другими людьми, но позволяет государству контролировать деятельность предпринимателей, проводить эффективную налоговую политику, предотвращать недобросовестную конкуренцию, контролировать качество товаров и безопасность предоставляемых услуг и, наконец, обеспечивать свободу предпринимательства, защиту адекватных отношений. Регулирующая функция государства проявляется здесь в формировании четких и понятных правил доступа субъектов к сфере предпринимательства и предоставлении людям свободы выбора легализации деятельности для получения дохода, а также в определении вида деятельности, что, в совокупности составляет правовой статус предпринимателя на данный момент.

Государство, как указывает Соловых С. Ж. [7], всё чаще обращает внимание на важность защиты прав предпринимателей, более того, к данному вопросу относится и право на судебную защиту ч. 1 ст. 46 Конституции РФ [10]. Исходя из выше сказанного, можно подойти к одной из проблем правового регулирования предпринимательской деятельности. Одной из таких проблем, как отмечает Иванова Е. Л. [4], является недействующих правовых актов, например, по тарифному регулированию. В такой ситуации происходит оспаривание нормативного правового акта, в связи с тем, что данный правовой акт противоречит правовому акту с более высокой, по отношению к нему, юридической силой. В таком случае нормативный правовой акт может потерять свою юридическую значимость исключительно в процессе судебного разбирательства, и признании того недействительным.

Однако, проблема возникает тогда, когда арбитражный суд может применить данный акт, даже если тот является предметом обжалования, при этом,

даже усомнившись в его законности, проверить на соответствие нормативному правовому акту с более высокой юридической силой полномочий у арбитражного суда нет.

Таким образом проблема становится более очевидной, так как такой подход, как указывает Болдырев О. Ю. [2], не согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой гарантированное Конституцией РФ право на судебную защиту подразумевает под собой введением и регулированием государством необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела именно в суде первой инстанции, где подлежат разрешению все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы.

Вместе с тем, статья 34 Конституции РФ гарантирует конституционное право на свободное осуществление экономической деятельности на территории Российской Федерации. Однако, вопрос касается не только законодательной части вопроса, сколько вопрос толкования и правоприменения данной статьи. Например, Приказ Генерального прокурора РФ № 53 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности» от 31.03.2008 г. [6], который остаётся актуальным по сей день, является явным фактом нарушения в сфере как государственного контроля, прокурорского контроля, что нарушает и ущемляет права предпринимателей.

Данную проблему также подняла и автор статьи Абакумова Е. Б. [1], и дополняет вышесказанное тем, что такой приказ также создаёт множество административных барьеров для ведения свободной предпринимательской деятельности. Ярким примером подобного нарушения прав будет являться проблема погашения долгов по оплате выполненных государственных и муниципальных контрактов, которая, помимо нарушения их прав, влечет за собой такие негативные последствия, как возникновение задолженности по заработной плате, а также неуплата налогов и сборов.

Для защиты прав предпринимателей существует такой уполномоченный по защите прав предпринимателей, который взаимодействует как с предпринимателями и бизнес-омбудсменами, так и с региональными властями, тем самым, создаётся системный режим решения важных проблем, связанных с осуществлением предпринимательской деятельностью.

Однако, на данный момент времени, реальная независимость заинтересованных лиц, которые системно и на добровольной основе решают правовые вопросы (к ним относятся как уполномоченные по защите прав предпринимателей,

так и бизнес-омбудсмены), зависит от федеральных и региональных властей. Таким образом единственным путём решения проблемы независимости данных лиц, а вместе с тем и всего предпринимательского сообщества является более активная популяризация проблем, связанных с осуществлением экономической деятельностью и правоприменением, опора на общественное движение, правозащитников и активных предпринимателей позволит осуществлять в полной мере достижения законности исполнения законов и отсутствия нарушения данных законов региональным властям. В дальнейшем это может привести к преодолению «парового нигилизма», что также является проблемой не только предпринимателей, но и всех сфер правового регулирования.

Существует ещё ряд проблем, даже несмотря на то, что государство многое делает для поддержания бизнеса, и вместе с тем предприниматели в своей деятельности сталкиваются с различными проблемами, не всегда зависящими от них. Это и принятие в их отношении неправомерных решений, недобросовестность контрагентов, необоснованное привлечение к ответственности и т. д. Ряд вопросов десятилетиями сохраняет накал (как например, налоговое бремя, проблемы малого предпринимательства, давление со стороны доминирующих организаций и монополий, административное давление, проблемы в контрактной системе закупок для государственных нужд и т. д.) и не удается, к сожалению, достичь по ним баланса интересов. Немало проблем провоцирует несовершенное правовое регулирование в отдельных моментах предпринимательской деятельности. Регулирование предпринимательских отношений практически всегда догоняющее. И сегодня можно наблюдать очередной виток законодательных изменений в регулировании бизнес-отношений.

Подобные нарушения ущемляют права хозяйствующих субъектов, нарушая один из основополагающих принципов защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля и возможность обжалования действий должностных лиц органов государственного надзора, нарушающих порядок проведения мероприятий по контролю. Нередки случаи необоснованного привлечения хозяйствующих субъектов к административной ответственности.

Также необходимо акцентировать внимание на проблемах применения оценки регулирующего воздействия как инструмента защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. В числе ключевых проблем докладчик от-

метила: отсутствие заинтересованности в оказании помощи со стороны предпринимателей и организаций, целью деятельности которых является защита и представление интересов субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности; отсутствие в полном объеме у субъектов предпринимательства информации, необходимой предпринимателям для осуществления своей деятельности; отсутствие ответственности за не проведение оценки регулирующего воздействия; незаинтересованность предпринимателей в принятии участие в оценке регулирующего воздействия, а также рассогласованность сроков, связанных с проведением этой процедуры. В качестве первоочередной меры преодоления обозначенных проблем О. О. Чеботарева указывает на необходимость разработки комплекса мероприятий, направленных на популяризацию института оценки регулирующего воздействия и повышение заинтересованности участия субъектов предпринимательской деятельности в обсуждении нормативных правовых актов.

Выше было сказано, что основным способом для защиты прав предпринимателей является обращение в суд. Однако по данному вопросу существует положительная практика внесудебных разбирательств по решению данных вопросов.

Первое, что, может показаться на первый взгляд, является судебным способом решения проблемы, по содержанию же является в полной мере решением вопроса во внесудебном порядке. На данный момент речь идёт о третейских судах, где участники процесса принимают участие на добровольных началах. Такие суды способствуют, как утверждает Галушевская К. А. [3], к снижению нагрузки судов и ускорению рассмотрения дела, таким образом такой способ внесудебного разбирательства может являться удобной альтернативой для предпринимателей.

Также существует такой способ как претензионный порядок урегулирования спора. По своей сути такой способ является одной из разновидностей решения спора посредством примирения сторон, который применяется в досудебном или же внесудебном порядке.

Однако, также необходимо упомянуть об одном крайне важном законодательном акте, который наиболее полно регламентирует все возможные виды проверок, условия и порядок их проведения. Федеральный закон от 26.12.2008 г. «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при

осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» № 294-ФЗ [9].

Ещё одним немало важным аспектом, касающемся правового регулирования защиты прав предпринимателей является то, что именно субъект как носитель этого права является инициатором процесса по защите своих прав. Иными словами, данный субъект самостоятельно решает стоит ли считать его права нарушенными, а если решает защитить собственные (по его мнению, ущемлённые права), то он сам же способен самостоятельно решить каким средством он, как субъект права, воспользуется для защиты своих прав: обратиться в прокуратуру, или к уполномоченному по правам предпринимателей, тем самым делегировав им полномочия по защите своих прав, либо же избрать судебный, досудебный или иной порядок защиты права.

Автор научной статьи, Кудинов С. В. [5], считает, что, касательно данного вопроса, на данный момент в современной российской правовой системе правового регулирования защиты прав предпринимателей сформировалась комплексная система по защите прав предпринимателей, которая состоит как из институтов права, так и из государственных механизмов гражданско-правовой защиты.

Необходимо отметить, что наибольший эффект в борьбе с нарушениями прав субъектов предпринимательской деятельности достигается при своевременном обращении предпринимателей в правоохранительные органы, что позволяет провести результативные мероприятия.

Подводя итог, можно утверждать о том, что проблем в сфере защиты предпринимательства ещё достаточно много. Например, до настоящего времени не искоренены случаи непринятия муниципальных программ поддержки бизнеса, недостаточного их финансирования, нарушения прав предпринимателей при оказании поддержки, в том числе информационной, продолжают иметь место нарушения прав хозяйствующих субъектов при оказании им государственных и муниципальных услуг, создания административных барьеров предпринимательской деятельности.

Что касается развития правового регулирования прав предпринимателей, в большинстве случаев, как показывает практика, необходимо усилить взаимодействия предпринимательского сообщества с государственными органами для системного выявления и рассмотрения проблем, а также их разрешения. Также необходимо усилить взаимодействие между предпринимателями и органами гос-

ударственного надзора для более быстрого и полного выявления правонарушений и преступлений в сфере экономической деятельности.

Поскольку предпринимательская деятельность не выделяет какую-то одну определённую проблему, а сталкивается с различными препятствиями для ведения своей деятельности, необходимо, как это было указано в настоящей статье, усилить взаимодействие с уполномоченным по защите прав предпринимателей, наделить его независимостью как субъекта правоотношений, а также и в общем порядке усилить контроль за исполнением законодательства.

Библиографический список

1. Абакумова Е. Б. Независимость уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации как условие развития предпринимательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. № 2 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-upolnomochennyh-po-zaschite-prav-predprinimateley-v-subektah-rossiyskoy-federatsii-kak-uslovie-razvitiya> (дата обращения: 13.03.2021).

2. Болдырев О. Ю. Некоторые проблемы и особенности оспаривания нормативно-правовых актов в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 64–71.

3. Галушевская К. А. Внесудебные формы защиты прав предпринимателей // Евразийский научный журнал. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnesudebnye-formy-zaschity-prav-predprinimateley> (дата обращения: 13.03.2021).

4. Иванова Е. Л. Проблемы судебной защиты прав предпринимателей, нарушенных недействующими нормативными правовыми актами (на примере актов по тарифному регулированию) // Пролог: журнал о праве. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sudebnoy-zaschity-prav-predprinimateley-narushennyh-nedeystvuyuschimi-normativnymi-pravovymi-aktami-na-primere-aktov-po> (дата обращения: 13.03.2021).

5. Кудинов С. В. Гражданско-правовые механизмы защиты прав предпринимателей от незаконных действий органов власти и должностных лиц // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovye-mehanizmy-zaschity-prav-predprinimateley-ot-nezakonnyh-deystviy-organov-vlasti-i-dolzhnostnyh-lits> (дата обращения: 13.03.2021).

6. Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности: Приказ Генерального прокурора РФ № 53 от 31.03.2008 // Генеральная прокуратура РФ. Официальный сайт. URL: <https://genproc.gov.ru/documents/orders/document-14284/> (дата обращения: 02.05.2018).

7. Соловых С. Ж. Участие Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в Арбитражном процессе // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 31–33.

8. Трофимова Е. В. Государственная регистрация физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей: пустая формальность или насущная необходимость? // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 7–11.

9. Федеральный закон от 26.12.2008 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» № 294-ФЗ.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

УДК 347.751

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Гусейнов Т. А., студент 4 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Усанова В. А.**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового и предпринимательского права

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация. Статья посвящена особенностям торговли (купли-продажи/поставки товара) между профессиональными коммерческими лицами в условиях цифровизации. В статье анализируются нормативные акты (их проекты) в этой сфере, теоретические подходы и судебная практика. Общим выводом статьи является выявления соответствия законодательства поставленным задачам, в целом, однако предлагается и перспектива развития законодательного регулирования в этой сфере.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая торговля, цифровая коммерция, интернет, электронные сделки, интернет-торговля.

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF TRADE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Huseynov T. A., 4th year student of the Faculty of Law

Supervisor: **Usanova V. A.**, PhD in Law, Associate Professor, Head of Financial and Business Law Department

Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPA

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of trade (sale and purchase / supply of goods) between professional commercial entities in the context of digitalization. The article analyzes normative acts (their drafts) in this area, theoretical approaches and judicial practice. The general conclusion is the message that the presented tasks are proposed, in general, the message and the prospect of electronic regulation in this area.

Keywords: digitalization, digital trade, digital commerce, internet, electronic transactions, internet commerce.

Торговая коммерческая деятельность всегда была одной из наиболее важных составляющих в развитии экономики государства, а также способствовало укреплению внешнеполитических и внутренних связей. Безусловно, торговая деятельность не утратила своей важности и в наше время, особенно в эпоху повсеместной цифровизации и эпидемиологической обстановке в мире. Поэтому, особой актуальностью и интересом, на наш взгляд, пользуются вопросы, связанные с ведением коммерческой деятельности в сложившейся ситуации.

Считаем необходимым отметить, что в научной литературе большое внимание уделяется цифровизации именно трансграничной торговли, а не внутригосударственной. Полагаем, что такой подход не совсем справедлив, т.к. особенности взаимодействия предпринимателей на российском рынке остается без внимания. Тем не менее, из анализа научных изысканий в области международных торговых отношений можно сделать вывод, что основную положительную оценку диджитализация этой сферы получает за счет ускорения во взаимодействии и автоматизации отношений между продавцом и покупателем. В частности, Стрелец И.А. и С.В. Чебанов [1] указывают, что ввиду перехода взаимодействия в цифровой формат удастся снизить издержки, связанные с географическим положением стран и объемом их торговли (гравитационная модель). С учетом площади Российской Федерации, различных часовых поясах в её регионах, специфичности каждого из них ввиду особенностей климатических, экономических и приемлемых различий в менталитете разных народов на территории нашего государства, полагаем, что можно применить мнением указанных нами выше авторов и в рассмотрении во «внутригосударственном купечестве».

Переходя к анализу российских реалий ведения профессиональной коммерческой деятельности, отметим, что в 2000-2001 году предпринималась попытка принятия специального федерального закона, который бы регулировал особенности электронной торговли. Однако, как становится очевидно из стенограммы заседания, основной причиной отклонения этого законопроекта стало решение о его неэффективности, т.к. по мнению. Кравец А.А. «правовые условия осуществления электронной торговли в настоящее время уже определены действующими федеральными законами, в частности законами «Об информации, информатизации и защите информации», «Об электронной цифровой подписи»,

«О бухгалтерском учете», Гражданским кодексом Российской Федерации, Арбитражно-процессуальным кодексом Российской Федерации, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. По этой причине необходимости в дополнительном регулировании этой сферы в настоящее время не имеется» [2].

В целом, можно согласиться с мнением политиков по этому вопросу, т.к. многие положения этого проекта нормативного акта либо уже содержатся в нормативных актах (признание электронного документа судебным доказательством (ст. 10 Проекта) уже содержится в АПК РФ. Аналогична ситуация с правовой регламентацией электронных подписей, статус которых подробно регламентирован в специальном федеральном законе [3].

Этот законопроект, однако, заслуживает внимания. Так, достаточно детально раскрываются особенности хранения таких электронных документов (информации в них), требования к оферте и акцепту при их заключении, и, что весьма важно, предусматривает обязательные условия, которые должны содержаться в договоре. В частности выделяются положения о получении акцепта, форме подписи (её аналогах), саму технологию заключения договора. Думается, что все эти вопросы получили бы более детальное разъяснение либо в итоговой редакции закона, либо же в актах толкования.

Учеными также предпринимались попытки разработки закона о ведении электронной коммерции. Так, сотрудники ИГП РАН, Бачило И.Л. и Семилетов С.И. разработали проект федерального закона «Об электронной коммерции» [4]. В отличие от предыдущего проекта закон о коммерции, судя по всему, предполагал возможность его применения для торговли с потребителями-физическими лицами, то есть имел более широкое толкование и сферу применения.

С содержательной точки зрения этот нормативный акт схож с ранее рассмотренными нами (формально совпадает цель принятия, основные положения), однако является более юридически законченным и логичным. В отличие от предшественника в нем нет норм о судебных доказательствах, что видимо, обусловлено существованием этих норм в других актах. Также более подробно дается характеристика статуса информационного посредника (провайдера, оператора платежной системы и т.д.), который обеспечивает связь между субъектами правоотношений. Также, немаловажным является признание возможности заключе-

ния торгового договора путем переписки между сторонами посредством электронных сообщений² (наравне с составлением электронного документа или обмена документами).

Неоднозначно, на наш взгляд, оба документа характеризуют термины «электронная торговля» и «электронная коммерция». В проекте закона от 2001 года используется термин «электронная торговля», который раскрывается путем перечисления достаточно широкого круга сделок, включая, к примеру договоры банковского счета, займа, кредита, хранения, страхования, поручения и т.д., причем указывается, что могут быть предусмотрены и иные, не названные сделки.

Проект закона об электронной коммерции, напротив первоочередным образом указывает на договор поставки/купли продажи, оказание услуг, а также *иные действия направленные на извлечение прибыли* путем исполнения электронных процедур. То есть, проект избегает использования такого термина, как *иные сделки* или *договоры*, заменяя их *действиями*.

Считаем, что здесь происходит подмена значения терминов «коммерческий» и «торговый», т.к. в законопроекте о торговле, фактически дается максимально широкий перечень сделок коммерческого характера, которые предполагают получение выгоды при их осуществлении как таковых, причем включая такие специфические и спорные по своей природе сделки как публичное обещание награды и публичный конкурс. Законопроект об электронной коммерции, напротив более сдержанно подходит к определению ключевого термина и раскрывает коммерцию через краткий перечень сделок, основой которых выступает договор купли-продажи.

Предлагаем разграничить понятия, признавая торговлю одним из основных видов коммерческой деятельности, трактовать её через такие договоры, как: договор купли-продажи (и её отдельные виды, за исключением розничной), договор поставки, контрактации, перевозки грузов (в том числе со включением оказания экспедиторских услуг), договор мены. Также, полагаем уместным включать смешанные договоры (например, поставку и перевозку, поставка и хранение), однако из существа договора должны явствовать лишь *некоторые* элементы иных договоров, не меняющие его сущности.

Заслуживает также внимания раздел VI законопроекта о коммерции, который предусматривает решение вопроса о применимом праве при трансграничной коммерции, отдавая его на усмотрение сторон, а если применимый порядок не

² Речь идет, к примеру, об оферте, которая содержится в самом тексте письма и дачи на неё акцепта.

выбран, то применяется российское право. Считаем наличие этого раздела нецелесообразным, т.к., во-первых, международная электронная коммерция действует в поле международного частного права, а с учетом разрозненности норм этой области права, включение этих норм в такого рода закон неоправданно. Более того, попытка безоговорочной привязки этих отношений к праву РФ свидетельствует о негибкости правотворца, что может негативно сказаться на появлении интереса у заграничных партнеров. Во, во-вторых, тенденции в области международного частного права свидетельствуют об отсутствии императивных привязок к праву какой-либо страны, а также на достаточность уже существующих формул прикрепления (закон суда, закон продавца и т.д.).

Что касается вопроса об употреблении самих терминов, то считаем, что в т.н. «официальном законопроекте» начала 2000-х, термин «торговля», применяется по аналогии с Типовым законом ЮНСИТРАЛ [5], о чем свидетельствует и пояснительная записка к законопроекту [6]. Причем в самом типовом законе указано, что торговлю необходимо рассматривать в широком смысле, включая факторинг, инжиниринг, агентирование и т.д. Считаем, что более успешным было бы применение именно термина «электронная торговля», но в предложенной нами выше трактовке, т.к. именно он включает в себя те сделки, которые необходимы для ведения торговых отношений.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель в настоящее время не считает необходимым каким-либо образом регламентировать особенности заключения торговых сделок в цифровом формате, однако факт наличия цифровой торговли как таковой и наличие присущих ей особенностей под вопрос не ставится.

В литературе уже сформировались разные точки зрения по этому вопросу, которые заслуживают внимания. Так, Быданова А.А. признает наличие разного толкования и значения терминов в электронной торговле [7]. Правовед одновременно выделяет понятия электронного бизнеса, электронной торговли и электронной коммерции. Из содержания работы можно сделать вывод, что ряд ученых, например Дэвид Козье, полагает, что понятия электронной торговли и электронной коммерции следует отождествлять и использовать как синонимы. Однако позволим не согласиться с такой точкой зрения, т.к. считаем, что исходя из сущности этих терминов, электронную торговлю стоит рассматривать как часть электронной коммерции. Такая точка зрения находит поддержку в научной литературе [8]. Электронный бизнес же, считаем, не стоит считать краеугольным

понятием в этом перечне, т.к. его стоит рассматривать скорее как цифровизацию и оптимизацию организационных составляющих производства (применение новых технологий, ускорение производства и т.д.).

Относительно электронной торговли необходимо признать возможность выделения различных её видов, основные из которых:

1. B2B (торговля между юридическими лицами);
2. B2C (торговля между юридическими лицами и потребителем (покупателем));
3. B2G (торговля между юридическими лицами и государством).

Для нас наиболее интересным является сфера электронной торговли B2B, т.к. именно она и осуществляется как вид профессиональной торговой деятельности.

Что же касается таких формул взаимодействия, как, бизнес-индивидуальный предприниматель и бизнес-самозанятый, то полагаем, что оправданно было бы приравнять их к торговле между юридическими лицами, т.к. различного рода ресурсы (мука для кондитерских изделий; краски для картин или иные средства, которые, возможно используются в процессе оказания косметологических услуг) могут закупаться, как правило, в больших объемах. Здесь, стоит остановиться на вопросе разграничения статуса ИП и самозанятого, так как ни в науке, ни в законодательстве четкого статуса самозанятого не сформировалось, считаем, что его стоит приравнять к статусу ИП в этой работе. Также, необходимо четко различать цели приобретения тех или иных товаров (для личного пользования или в коммерческих целях) Такие вопросы, на наш взгляд, можно решить исходя из совокупности обстоятельств, таких, например, как: объём закупки; её характер; периодичность, рекламирование своих услуг, а также иных факторов.

Стоит отметить, что при анализе электронной торговли зачастую речь идет о форме торговле B2C, на том основании, что в интернет-магазинах (интернет-площадках) покупки как правило совершают физические лица для бытовых или личных нужд путем выбора товара из специального виртуального каталога, считаем эту точку зрения неоправданной, т.к. и юридические лица часто оформляют заказы через интернет для закупки какого-либо оборудования или вещей, используемых в работе.

Ярким примером можно считать предусмотренные многими магазинами разделы сайта «для бизнеса», «юридические лица» и т.д. Например, сайт интер-

нет-магазина «Офисмаг» при оформлении заказа предлагает выбрать в чьих целях происходит покупка: физического лица или организации, а «Комус», магазин, который также специализируется на оргтехнике, содержит специальный раздел и инструкцию для юридических лиц. Предполагаем, что покупая продукцию для работы в офисе в таких магазинах (бумага, картриджи, принтеры и т.д.), стоит говорить все-таки как о торговле между юридическими лицами, а не о розничной в чистом виде, т.к. покупка таких материалов выполняет обеспечительную функцию в работе коммерческой организации и позволяет ей осуществлять свою деятельность.

Эту точку зрения также поддерживает И.В. Окуловский. Он отмечает, что «электронные продажи в B2B-сегменте не ограничены предложением компонентов, которые бизнес использует для создания собственных продуктов. Востребована продажа сопутствующих товаров и типовых услуг, обеспечивающих функционирование бизнеса (офисной мебели, оргтехники, услуг клининга, бухгалтерского аудита и т. д.)» [9, с. 1940].

Там же, авторы указывают, что необходимо рассматривать также полностью профилированные сайты для ведения профессионально торговли. Речь идет о сайтах компаний-поставщиков, где продукция также представлена в форме каталогов (изображение товара и его описание). Примером такого сайта в РФ можно назвать интернет-сайт компании «Русский свет», которая занимается продажей электротехники. Среди продуктов можно приобрести монтажные стойки, заглушки, кабели ответвители для монтажных лотков и т.д. Сложно представить, что такого рода продукция закупалась бы клиентами в личных бытовых целях. Также напомним, что сейчас такие знаменитые интернет-платформы, как Alibaba.com и Amazon.com предлагают свою продукцию не только физическим лицам для личных и бытовых нужд, но и организуют продажу различной продукции в коммерческих объемах.

Следовательно, профессиональной электронной торговлей можно считать любые коммерческие действия, связанные с товарооборотом, в случае, если сторонами выступают юридические лица и товары приобретаются в целях извлечения прибыли прямым образом (перепродажа с наценкой), либо косвенным (обеспечение работы организации). Решающую роль играет именно цель произведенной сделки и её участники.

С точки зрения анализа российского рынка электронной торговли, можно привести мнение Гаврюшина О.Ю. [10], который приводит следующие типы электронной торговли, существующие в России.

1. Интернет-представительство. Здесь возможно несколько вариантов, которые могут включать розничные магазины; оптовую продажу, а также специализированные структуры (как правило, ими являются интернет-магазины на базе книжных издательств).

2. Модель информационного посредничества заключается в том, что интернет-посредник (агрегатор) предоставляет продавцу услуги по размещению краткой информации о его товаре на своем сайте. Такого рода агрегаторами можно считать «Яндекс.Маркет» (для клиентов-физических лиц) и «Сделки.ру» (для юридических лиц).

3. Модель маркетплейсов, которая выражается в создании специализированной виртуальной торговой площадки, которая предоставляет место на своем пространстве различным поставщикам (как правило, торгующими однородной продукцией).

Сходную классификацию предлагают уже приводимые нами ранее в пример ученые [9, с. 1943]. Правоведы, в целом дающие ту же классификацию, отдельно выделяют групповые интернет сайты (по типу Tiu.ru), где представлены многие бренды и товары, которые возможно закупать оптом (прослеживается аналогия с маркетплейсами), а также сайты крупных компаний (например, «Русский свет»).

В целом, можно сказать, что признается наибольшая эффективность по модели маркетплейсов, т.к. компания, которая осуществляет свою деятельность по такой модели, не несет риск хранения имущества на складе и получает комиссионные платежи за заключение сделок между продавцами и покупателями.

При анализе договоров поставки и купли-продажи товаров, заключенных в электронной форме, можно привести мнение Е.П. Татариновой [11], которая выделяет ряд проблем, связанных с продажей таких товаров. Так, среди сложностей автор указывает, к примеру, анонимность покупателя при заключении сделки, т.к., например, при заключении договора часто видны только реквизиты организации, но не то лицо, которое заключает сделку. Ученый, для решения этой задачи предлагает ужесточить требования для такой купли-продажи путем внедрения требования об электронной цифровой подписи для заключения таких контрактов.

Полагаем такую точку зрения справедливой, однако считаем, не совсем обоснованной, т.к., во-первых, перед заказом товара пользователь проходит регистрацию, где указывает свои личные данные, а во-вторых, вопросы, связанные с личностью продавца/покупателя в электронной торговле нивелируются, как правило, дополнительными способами связи (телефонные разговоры, личные встречи, видео-конференции). Более того, заключению торговой сделки между юридическими лицами, как правило, предшествует достаточно немалый срок переговоров на преддоговорном этапе, согласование всех условий, устранение разногласий по условиям договора, причем иногда это происходит на высшем уровне. То есть, при настоящем положении вещей возможность ошибочного заключения контракта практически минимальна. Если предположить ситуацию, при которой какой-либо сотрудник компании злонамеренно в одностороннем порядке меняет условия договора (например, войдя в систему, меняет цену товара на более низкую или высокую), то контрагент, настороженный такой резкой сменой поведения, исходя из принципов добросовестности, обязан уточнить новые условия, в т.ч. лично (через представителя).

Следует также отметить, что в конце 2019 года в письме Казначейства и ФНС РФ [12] была предусмотрена необходимость подписания электронных документов в сфере государственных закупок в системе ЕИС и приравнивание их письменной форме документа.

Анализ судебной практики подтверждает изложенную нами точку зрения. Так, в 2016 году, АС Московской области рассмотрел иск ООО «Андрей Первый» (поставщик) к ИП Назаровой (интернет-магазин) о поставке товара, однако покупатель не исполнил свои обязательства по оплате, в связи с чем и был подан иск [13].

В 2015 году, АС Ростовской области рассматривал дело ИП Крутикова Д. Е. к ООО «Интернет-магазин», в соответствии с которым контакт между сторонами (в т.ч. по таким важным условиям как срок поставки) осуществлялся путем переписки через электронную почту. Однако спор возник ввиду невыполнения поставщиком своих обязательств [14].

Также, в 2020 году АС Ставропольского края вынес решение по делу, где договор на поставку товара между ИП и ООО был заключен посредством дачи акцепта путем оформления заказа на сайте интернет-магазина, где товар был описан и представлен в электронном каталоге. Окончательно товар был оформлен путем получения автоматического письма на электронную почту заказчика.

Затем, после начала транспортировки товара истец уведомил ответчика об отказе от договора, но не смог предоставить доказательств такого уведомления, позже им была направлена претензия. Суд удовлетворил требования истца, ввиду его правомерного отказа от заключения договора в соответствии с Соглашением между сторонами, однако за вычетом денежных средств, потраченных ответчиком на транспортные услуги по перевозке товара [15].

Таким образом, можно сделать вывод, что в большинстве случаев споры в электронной торговле имеют достаточно житейский и обыденный характер. Речь идет о ненадлежащем исполнении сторонами своих обязательств (недопоставка товара, его неоплата, поставка товара ненадлежащего качества). Вопрос обеспечения надлежащей интернет-коммуникации между контрагентами в целом не является насущной и первоочередной проблемой. Что же касается надлежащего исполнения обязательств сторонами, то здесь возможно упомянуть использование технологий смарт-контрактов³. Исходя из сущности этих технологий исполнение каждого этапа контракта наступает после исполнения предыдущего автоматически. Такой способ заключения контракта позволяет сторонам в любой момент ознакомиться с состоянием исполнения контракта, его стадией.

Разумным считаем упомянуть, что рынок электронной торговли РФ также взаимодействует с рынком Европейского Союза. Так, такие компании как Joom, Lamoda, Wildberries ведут активную экспансию на зарубежный рынок. Однако, в то же время отмечается, что пока результаты этих компаний (за исключением, возможно, Joom) нельзя назвать очень высокими. В то же время, Wildberries нацелено на расширение своего рынка на странах ЕС, что, в целом можно считать наличием определенного потенциала у российских торговцев [16].

Думается, что такая посредственная ситуация обусловлена в том числе экономическими рисками российских продавцов на европейском рынке, высокая конкуренция с другими торговыми гигантами (Amazon и eBay), а также сложности, связанные с налоговым и таможенным законодательством.

В целом, указывая особенности электронной торговли можно выразить солидарность с мнением Быстровой Н. В. [17]., которая к основным признакам электронной торговли относит использование электронных систем платежа, использование информационных технологий в такой деятельности, возможность

³ Сущность смарт-контрактов, построенный на блокчейне заключается в исполнении обязательств автоматически, без участия человека. Например, датчик GPS на грузе сообщает о доставке товара в место приемки (что является одной из составляющих программного кода/этапа), активируя тем самым автоматическую оплату оказанных услуг, например, путем списания денежных средств со счета покупателя на счет поставщика.

нахождения активов как в вещественной, так и в электронной форме. Последнее утверждение считаем спорным, т.к. ученый не разъясняет, что именно стоит понимать под активом в цифровой электронной форме. Если речь идет о цифровых финансовых активах, то упоминание их в контексте торговых операций весьма специфично, т.к. в соответствии с федеральным законом, принятым для регулирования этой отрасли [18], оборот таких активов значительно ограничен и, по сути, осуществляется только в интересах государства. Поэтому, считаем этот пункт неоправданным.

Среди проблем, выделенных правоведом согласимся, что основными являются обеспечение финансовой безопасности сделки (как, в целом и любой), неразвитость кадрового обеспечения, т.к. в условиях повсеместного перехода в цифровую среду даже таким участникам торговых отношений, как коммерческие юридические лица, совершающим оптовые поставки товаров необходимо развивать сферу маркетинга для осуществления своей основной деятельности и привлечения клиентов.

О положительном эффекте электронной торговли можно сказать, что основными достоинствами здесь выступает экономия времени и средств для совершения операций, минимизация издержек [7], которые несут стороны при реализации (исполнения) договора (быстрый способ связи, к примеру, позволяет выбрать наиболее эффективный и выгодный способ поставки товара, определить его время), а также анализ рынка и деятельности контрагентов. Также, если не принимать во внимание сторонние факторы (конкурентоспособность, монополию на рынке, уровень финансовой обеспеченности) можно предположить, что электронная торговля позволит мелким фирмам вести бизнес наравне с более крупными, по крайней мере, такая возможность предполагается.

Вывод

Подводя итог проведенному нами исследованию можно прийти к следующему выводу.

1. Электронная торговля, как на профессиональном, так и на потребительском уровне, в РФ безусловно существует. Нормативно-правовая база, существующая в настоящий момент, в целом соответствует необходимому уровню для обеспечения деятельности хозяйствующих субъектов на рынке.

2. Вопрос, связанный с необходимостью принятия новых законов, которые бы регулировали эту сферу пока остро не стоит, т.к., закрепление статуса такого, по сути нового субъекта правоотношений, как интернет-посредник (в том числе

провайдера или оператора электронных платежных систем) в отношениях между лицами в торговой сделки, является неоднозначным. Так, хотя провайдер и может быть признан лицом, по вине которого возникло невыполнение обязательств (например, не были переведены во время средства для оплаты товара и т.д.), однако, с учетом рискованного характера предпринимательской деятельности ответственность по такому случаю будет нести покупатель, а требовать понесенных убытков он вправе от оператора в отдельном порядке. Тем не менее, такая ситуация, в целом имеет случайный характер, т.к. оператор сразу сообщает об ошибке в проведении операции. К тому же, такие операции в профессиональной торговой деятельности будут производиться путем платежных поручений, что повышает точность и эффективность совершения операции и профессионализма оператора.

Судебная практика отражает лишь типичные для гражданского права нарушения обязательств, которые не имеют какого-либо экзотического аспекта.

С другой стороны, считаем уместной рекомендацию более подробно обеспечивать нормативную базу для работы различных интернет-площадок, предусмотреть их легальный статус, особенности взаимодействия участников таких отношений, по сути, юридическое оформление существующих и достаточно успешно функционирующих форм взаимодействия между участниками. Тем не менее, о создании такого рода нововведении стоит задумываться, только при наличии к этому значительных предпосылок, таких как масштабный и повсеместный переход к такому способу торговли коммерческих субъектов, а также наличие *реальных* и *систематических* прецедентов нарушения обязательств в этой сфере, которые не могут быть урегулированы существующим законодательством.

Таким образом, несмотря на то, что и законодателем и учеными предпринимались попытки создания специального закона для ведения электронной торговли, полагаем, что в настоящих условиях его принятие в том виде, в котором он предлагался не имеет необходимости. Возможно, конечно внесение отдельных положений об электронной торговле в уже существующие нормативные акты. Так, например, возможно стоит внести редакцию в ГК РФ, путем создания специального параграфа/раздела, который бы регулировал электронную торговлю или отдельные её особенности (специальный вид договора купли-продажи (поставки) товара). Здесь можно также предусмотреть общий статус маркетплейсов как субъектов правоотношений, либо принять сведения об их статусе в качестве одного из способов торговли в законодательстве о торговле.

Следовательно, можно сделать вывод, что никаких новых нормативных актов в этой сфере принимать не стоит, ограничиваясь лишь перспективой внесения специальных редакционных изменений в уже существующие. Такой подход, на наш взгляд обеспечит наиболее эргономичное расходование средств и времени законодателя. Возможно, с развитием торговли, в том числе заграничной потребуются принятие специальных актов в этой сфере, однако сейчас такой проблемы не существует.

Библиографический список

1. Стрелец И. А., Чебанов С. В. Цифровизация мировой торговли: масштабы, формы, последствия // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 15–25.
2. Фрагмент стенограммы. О проекте федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле» (принят в первом чтении 6 июня 2001 года) // Система обеспечения законодательной деятельности // Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/11081-3> (дата обращения: 20.03.21).
3. Об электронной подписи: федер. закон от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 19.03.2021).
4. Бачило И. Л., Семилетов С. И. Федеральный закон об электронной коммерции. Проект. // Режим доступа: http://www.igpran.ru/public/publiconsite/e-commerce_proekt.pdf (дата обращения: 19.03.2021).
5. Типовой закон об электронной торговле и Руководство по принятию (с дополнительной статьей 5 бис, принятой в 1998 г.) / ЮНСИТРАЛ. 1996 г. // Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/v1504119_ebook.pdf (дата обращения 21.03.2021).
6. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «Об электронной торговле» // Федеральное собрание. Парламент Российской Федерации // Режим доступа: [file:///C:/Users/Startus/Downloads/93040AC18E433ABE432571BV0057F6BA%20\(1\).html](file:///C:/Users/Startus/Downloads/93040AC18E433ABE432571BV0057F6BA%20(1).html) (дата обращения: 21.03.2021).
7. Быданова А. А., Макарова А. Р., Смирнова Ж. В. Электронная коммерция, как вид предпринимательской деятельности // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 6 (40). С. 78–84.
8. Климченя Л. С. Электронная коммерция: учеб. пособие. Мн.: Выш. шк., 2004. 191 с.

9. Окуловский И. В., Рягин Ю. И., Бабушкин А. Н. Инновационная В2В-платформа для работы в сетевой рыночной среде // Креативная экономика. 2018. № 12. С. 1939–1952.

10. Гаврюшин О. Ю., Долгов С. И., Савинов С. А., Тарановская Е. В. Изменение фирменной структуры онлайн продаж в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 8. С. 77–93.

11. Татаринова Е. П. Роль использования инновационных технологий в договорах купли-продажи // Matters of Russian and International Law. 2018. Vol. 8. Is. 10A. С. 47–55.

12. Письмо Казначейства России N 14-00-06/27476, ФНС России N AC-4-15/26126@ от 18.12.2019 «Об электронном документообороте документов о приемке товаров (выполнении работ, оказании услуг), сформированных с использованием единой информационной системы в сфере закупок» // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.03.2021).

https://sudact.ru/arbitral/doc/OhhTkFwx0q6j/?arbitral-txt=%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82-%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD+%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80++%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0+%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B0&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1616105360396&snippet_pos=518%23snippet

13. Решение Арбитражного суда Московской области (АС Московской области) от 26 февраля 2016 г. по делу № А41-108217/2015. // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/OhhTkFwx0q6j/?arbitral-txt=%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82-%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD+%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80++%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0+%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B0&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_=1616105360396&snippet_pos=518#snippet (дата обращения: 22.03.2021).

14. Решение Арбитражного суда Ростовской области (АС Ростовской области) от 2 сентября 2015 г. по делу № А53-4258/2015. // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/WAqpkpDFxJYw/?arbitral-txt=%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD+%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0+%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B0&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1616105283439&snippet_pos=1382#snippet (дата обращения: 22.03.2021).

15. Решение Арбитражного суда Ставропольского края (АС Ставропольского края) от 17 августа 2020 г. по делу № А63-18083/2019. // Судебные и нормативные акты РФ. Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/DIdVo9H1DnJx/?arbitral-txt=%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%BC%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D0%BD+%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80++%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0+%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B0&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1616105360396&snippet_pos=1250#snippet (дата обращения: 22.03.2021).

16. Невская А. А. Цифровизация в торговле России и Европейского союза // Современная Европа. 2020. № 4. С. 91–101.

17. Быстрова Н. В., Максимова К. А. Электронная коммерция и перспективы её развития // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 7 (33). Т. 1. С. 86–90.

18. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.03.2021).

УДК 349.2

**ФАКТИЧЕСКОЕ ДОПУЩЕНИЕ К РАБОТЕ НЕ УПОЛНОМОЧЕННЫМ
НА ЭТО ЛИЦОМ: ПРАВОВАЯ СТОРОНА**

Егоров А. В., кандидат юридических наук, декан юридического факультета
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена юридической оценке вопросов фактического допущения к работе не уполномоченным на это лицом. В результате выявлена необходимость устранения системно-правового пробела регулирования вопросов делегирования полномочий путем внесения соответствующих изменений в трудовое законодательство, направленных на введение группы норм, регулирующих вопросы представительства в индивидуальных трудовых правоотношениях.

Ключевые слова: трудовой договор, представительство, трудовая функция, фактическое допущение до рабочего места.

**ACTUAL ADMISSION TO WORK BY AN UNAUTHORIZED PERSON:
LEGAL SIDE**

Egorov A. V., Candidate of Law Sciences, Dean of the Faculty of Law
Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the legal assessment of the issues of actual admission to work by an unauthorized person. As a result, the need to eliminate the system-legal gap in the regulation of issues of delegation of authority by making appropriate changes to the labor legislation aimed at introducing a group of norms regulating the issues of representation in individual labor relations is revealed.

Keywords: employment contract, representation, employment function, actual admission to the workplace.

В практике хозяйственного оборота не так уж и редко до рабочего места допускаются лица, не оформленные в установленном законодательством по-

рядке. Равным образом, не являются редким исключением случаи, когда подобный допуск осуществляется без согласия/ведома работодателя либо его уполномоченного представителя. Внесение в 2013 году изменений в Трудовой кодекс РФ (далее также – ТК РФ) [6] частично сняло напряжение в понимании как надлежит действовать в подобных ситуациях, при этом одновременно обозначило новые вопросы, связанные с институтом делегирования полномочий, привлечения к юридической ответственности, которые и станут предметом рассмотрения в настоящей статье.

В рамках общего правила, предусмотренного ст. 67 ТК РФ, трудовой договор, не оформленный в письменной форме, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя. При фактическом допущении работника к работе работодатель обязан оформить с ним трудовой договор в письменной форме не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения работника к работе, а если отношения, связанные с использованием личного труда, возникли на основании гражданско-правового договора, но впоследствии были признаны трудовыми отношениями, – не позднее трех рабочих дней со дня признания этих отношений трудовыми отношениями, если иное не установлено судом.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О специальной оценке условий труда» [8], в Трудовой кодекс РФ была введена новая статья – 67.1, согласно которой, если физическое лицо было фактически допущено к работе работником, не уполномоченным на это работодателем, и работодатель или его уполномоченный на это представитель отказывается признать отношения, возникшие между лицом, фактически допущенным к работе, и данным работодателем, трудовыми отношениями (заключить с лицом, фактически допущенным к работе, трудовой договор), работодатель, в интересах которого была выполнена работа, обязан оплатить такому физическому лицу фактически отработанное им время (выполненную работу).

Как видно из приведенных положений, законодательством предпринята попытка регулирования случаев представительства работодателя без полномочий, когда речь идет о допуске лица до рабочего места. При этом, корень проблемы в судебной практике выявлен был почти сразу после принятия Трудового кодекса РФ. В п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта

2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [4] было разъяснено, что представителем работодателя является лицо, которое в соответствии с законом, иными нормативными правовыми актами, учредительными документами юридического лица (организации) либо локальными нормативными актами или в силу заключенного с этим лицом трудового договора наделено полномочиями по найму работников, поскольку именно в этом случае при фактическом допущении работника к работе с ведома или по поручению такого лица возникают трудовые отношения (ст. 16 ТК РФ) и на работодателя может быть возложена обязанность оформить трудовой договор с этим работником надлежащим образом.

Отсюда можно сделать вывод о видах правовых актов, в которых может содержаться наделение соответствующими полномочиями. Наиболее значимым для юридической оценки, на наш взгляд, является следующее:

Из разъяснений Верховного суда РФ следует, что правоприменительные акты должны исключаться из перечня уполномочивающих документов. В частности, не допускается наделение функцией по приему на работу сотрудников через приказы/распоряжения, принимаемые должностными лицами работодателя без внесения соответствующих изменений в трудовой договор, локальные нормативные акты либо учредительные документы организации. Следовательно, если такое лицо приняло решение допустить до рабочего места сотрудника, такие действия должны квалифицироваться как представительство без полномочий.

Вместе с тем, касательно представителей работодателей – физических лиц (являющихся индивидуальными предпринимателями и не являющихся индивидуальными предпринимателями) и работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям, следует отметить, что данные полномочия могут быть возложены на уполномоченного представителя работодателя не только в соответствии с законом, иными нормативными правовыми актами, учредительными документами юридического лица (организации), локальными нормативными актами, заключенным с этим лицом трудовым договором, но также и иным способом, выбранным работодателем [5].

На наш взгляд, наличие подобных вариантов трактовки вариантов делегирования полномочий в рамках трудовых отношений от одного органа – Верховного суда РФ, свидетельствует о необходимости внесения изменений в трудовое

законодательство и введения соответствующего института представительства в трудовых отношениях.

Из положений ст. 67.1 ТК РФ следует, что представительство без полномочий на стадии возникновения трудовых отношений имеет два варианта развития правовой ситуации:

Первый вариант – признание работодателем трудовых отношений с лицом, фактически допущенным до рабочего места, предполагающее заключение с ним трудового договора. Полагаем, что в данном случае работодатель обязан оформить трудовой договор в письменной форме не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения. Если же трехдневный срок выдержать не удалось, то возникают признаки объективной стороны трудового правонарушения, последствия совершения которого регулируются как трудовым, так и административным законодательством. Так, например, в п. 4 ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях [2] предусмотрено, что уклонение от оформления или ненадлежащее оформление трудового договора либо заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения между работником и работодателем, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, - от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц - от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей. Вместе с тем, изучение судебной практики [1] показало, что признание работодателем трудовых отношений с некоторыми работниками, которые были допущены к работе не уполномоченным лицом, не обязывает его признавать трудовые отношения со всеми работниками, допущенными к работе этим лицом.

Второй вариант, соответственно – непризнание работодателем трудовых отношений с фактически допущенным до работы лицом. В данном случае у работодателя возникает обязанность оплатить указанному лицу выполненную работу. В литературе высказывается мнение, что возлагая такую обязанность на работодателя, закон не определяет, в каком размере должна производиться оплата выполненной работы. Размер оплаты выполненной работы в таком случае может быть определен либо исходя из расценок, установленных в организации для данного рода работ, либо по соглашению сторон [3].

Здесь сразу же возникает вопрос о правовой природе возникших отношений. Буквальное толкование норм ТК РФ позволяет идентифицировать такие отношения как гражданско-правовые (прим. что на первый взгляд, очевидно, поскольку работодатель ведь не признает трудовые отношения трудовыми). Однако если признать возникшие отношения гражданско-правовыми, то речь идет о причинении работнику убытков, следовательно, возмещение нужно производить по гражданско-правовым правилам. Вместе с тем, как показывает судебная практика, при рассмотрении подобных дел суды исходят из презумпции признания данных отношений трудовыми и взыскание производят по нормам трудового права [7]. Основной проблемой, с учетом сложившегося подхода, при подробном рассмотрении видится отсутствие в ст. 1 ТК РФ указания на соответствующую группу правоотношений, которая бы входила в предмет регулирования трудового законодательства. Как нам представляется, подобный системно-правовой пробел может ставить под угрозу стабильности порядка разрешения подобных ситуаций.

Поскольку действие без полномочий признается правонарушением, важным аспектом рассматриваемой проблематики является вопрос о возможной юридической ответственности неуполномоченного представителя работодателя. Толкование положений ст. 67.1 ТК РФ приводит к выводу о том, что она может быть следующих видов:

Во-первых, это материальная ответственность в пределах причиненного работодателю прямого действительного ущерба, под которым понимается реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества (в том числе, имущества третьих лиц, находящегося у работодателя, если работодатель несет ответственность за сохранность этого имущества), а также необходимость для работодателя произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение, восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам. Применительно к исследуемому вопросу сюда могут быть отнесены, к примеру, излишние выплаты в виде штрафа.

Во-вторых, работодатель вправе применить в отношении работника одну из доступных мер дисциплинарного воздействия (в порядке ст.ст. 192, 193 ТК РФ). При оценке состава дисциплинарного проступка особенности присущи, прежде всего, объективной его стороне. Предметом проверки, помимо прочего, должны быть обстоятельства, связанные с делегированием полномочий от работодателя

к данному работнику. Базовой категорией в данном случае, на наш взгляд, является «трудовая функция». В силу ст. 57 ТК РФ это работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации, либо это может быть конкретный вид поручаемой работнику работы. Алгоритмом, предусмотренным ст. 60.2 ТК РФ, объем трудовой функции может корректироваться, как правило, в сторону увеличения. В частности, поручаемая работнику дополнительная работа по другой профессии (должности) может осуществляться путем совмещения профессий (должностей), а по такой же профессии (должности) путем расширения зон обслуживания либо увеличения объема работ. По результатам проверки дисциплинарным проступком работника может признаваться совершение трудовой операции по допуску лица до рабочего места, которая выходила за пределы установленных ему трудовых обязанностей.

Третьим возможным видом юридической ответственности является административная. Пунктом 3 ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях установлено, что фактическое допущение к работе лицом, не уполномоченным на это работодателем, в случае, если работодатель или его уполномоченный на это представитель отказывается признать отношения, возникшие между лицом, фактически допущенным к работе, и данным работодателем, трудовыми отношениями (не заключает с лицом, фактически допущенным к работе, трудовой договор), - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей.

Поскольку перечисленные неблагоприятные последствия являются самостоятельными видами юридической ответственности, они могут наступать за совершение лицом одного факта правонарушения.

Подводя итоги проведенного исследования, следует обратить внимание, прежде всего, на необходимость устранения системно-правового пробела регулирования вопросов делегирования полномочий путем внесения соответствующих изменений в трудовое законодательство, направленных на введение группы норм, регулирующих вопросы представительства в индивидуальных трудовых правоотношениях.

Библиографический список

1. Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 12 апреля 2016 г. по делу № 33-6035/2016 // СПС Гарант

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I). Ст. 1.

3. Орловский Ю. П., Нуртдинова А. Ф., Чиканова Л. А., Белицкая И. Я. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (краткий, постатейный) (отв. ред. д.ю.н., проф. Ю. П. Орловский; 3-е изд.). М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2017. 608 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, июнь 2004 г., № 6.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» Постановление размещено на сайте Верховного Суда РФ // <http://www.vsr.f.ru>

6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 3.

7. Фарафонтова Е. Л. Проблемы правового регулирования неформальных отношений при заключении трудового договора // «Российский юридический журнал», 2018, № 1. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/podborki/>

8. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О специальной оценке условий труда» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 52 (часть I) ст. 6986.

УДК 34.07

**ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ВАКЦИНАЦИИ ПРОТИВ COVID-19:
ВОПРОСЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА**

Епифанов А. Е., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права

Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС

Алимова Е. Н., заместитель главного врача по клинико-экспертной работе

ГУЗ «Клиническая больница № 5», Волгоград, Магистр права

Аннотация. В статье предпринимается попытка раскрыть организационные и правовые основы вакцинации против коронавирусной инфекции COVID-19. Особое внимание при этом уделено вопросам производства и распространения вакцины; развитию межгосударственного сотрудничества в изучаемой сфере.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, ВТО, вакцина, фармакология, пандемия.

**ORGANIZATION AND CONDUCT OF COVID-19 VACCINATION:
BUSINESS LAW ISSUES**

Epifanov A. E., doctor of law, professor, professor of constitutional and administrative law

Volgograd Institute of Management, a branch of RANEPA

Alimova E. N., Deputy Chief Medical Officer for Clinical and Expert Work

State Health Institution «Clinical Hospital No. 5», Volgograd, Master of Law

Abstract. The article attempts to uncover the organizational and legal basis for vaccination against covid-19 coronavirus infection. Particular attention has been paid to the production and distribution of the vaccine; development of interstate cooperation in the area studied.

Keywords: coronavirus infection, WTO, vaccine, pharmacology, pandemic.

Мы живем в век торжества прав человека, эпоху конституций, деклараций, манифестов, провозглашающих права человека. В международном контексте права человека являются инструментом достижения глобальной справедливости. Не подлежит сомнению то факт, что международное право в области прав человека способствует укреплению здоровья и благополучия каждого человека, расширению прав и возможностей сообществ и усилению ответственности правительств за достижение наивысшего достижимого уровня здоровья.

Существует множество международных регуляторов фармацевтической отрасли, которые играют важную роль в области реализации права человека на охрану здоровья. В последние годы Правительством Российской Федерации прикладываются значительные усилия для продвижения стратегий инновационного развития экономики, которые требуют постоянного реформирования законодательства в различных областях для приближения его к международным стандартам. Для достижения цели эффективного функционирования инновационной экономики товар отечественного производства должен стать конкурентоспособным на мировом рынке. Особые надежды в этой сфере связывают с продукцией фармацевтической отрасли, с учетом того что Российский фармацевтический рынок считается одним из самых быстрорастущих. Необходимым условием для достижения указанных целей явилось присоединение РФ к международным организациям, регулирующих отношения (правовые, экономические, организационные и т.д.) в сфере товарооборота, а также соблюдение всех основополагающих документов, разработанных с целью либерализации мировой торговли. Среди такого рода организаций стоит отметить Всемирную торговую организацию (ВТО) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Вступление России в 2012 г. в ВТО и образование в 2014 г. ЕАЭС потребовало от государства перехода от национального нормативного регулирования фармацевтической деятельности на стандарты GXP – правила надлежащих практик, которые являются признанной во всем мире системой обеспечения качества фармацевтической промышленности.

Первым приказом в этой сфере стал приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 14 июня 2013 г. № 916 «Об утверждении правил надлежащей производственной практики» и Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 3 ноября 2016 г. № 77 «Об утверждении Правил надлежащей производственной практики Евразийского экономического союза», которые, по сути, являются адаптированным переводом правил, регулирующих лекарственные средства в Европейском союзе [1].

Помимо этого, национальными эквивалентами стандартов GXP являются ГОСТы: «ГОСТ Р 52249-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Правила производства и контроля качества лекарственных средств»; «ГОСТ 33044-2014. Межгосударственный стандарт. Принципы надлежащей лабораторной практики»; «ГОСТ Р 52379-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Надлежащая клиническая практика».

Соответствие руководящим принципам GXP является жизненно важным компонентом фармацевтической промышленности. Руководящие принципы, как правило, схожи от страны к стране, но каждая страна имеет свой собственный внутренний регулятор, который определяет процедур и порядок одобрения и допуска лекарственного средства на национальный рынок. В 2001 г. ВОЗ выпустило руководство по требованиям GMP – надлежащей практике организации производства изготовителям вакцин с тем, чтобы предложить их вниманию основные принципы проведения оценки планируемой и уже принятой документации, в которой дается описание технологии производства, тестирования и административного контроля процесса изготовления вакцин [2].

Любая компания, которая хочет производить лекарства для человека, нуждается в лицензии производителя, выданной отраслевым национальным регулятором. В Великобритании это агентство по регулированию лекарственных средств и медицинских изделий (MHRA) [3]. MHRA выдаст лицензию только тогда, когда компания сможет доказать, что она соответствует требованиям GMP и проходит регулярные проверки. В Евросоюзе это Европейское медицинское агентство (EMA) и национальные агентства стран-членов Евросоюза [4].

Помимо этого, вступление в ВТО потребовало от РФ приведение к международным стандартам процедур по *защите интеллектуальной собственности и обеспечения режима эксклюзивности данных в рамках реализации соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS)*. Во исполнение положений TRIPS в ст. 18 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ была введена часть 6, запрещающая использование информации о клинических и доклинических исследованиях оригинального препарата без согласия разработчика в течение шести лет с даты государственной регистрации оригинального препарата. Эксклюзивность данных представляет собой элемент защиты интеллектуальной собственности оригинальных инновационных средств, фактически продлевая патентную защиту и представляет собой право производителя оригинального лекарственного

средства в течение определенного периода времени использовать данные проведенных им исследований только в собственных целях, в том числе для компенсации затрат на разработку и вывод на рынок нового лекарственного препарата.

В свете происходящих в мире событий требующих ускоренного доступа на рынок новых лекарственных препаратов особое значение приобретает международный стандарт разработки, проведения, регистрации и отчетности клинических испытаний, в которых принимают участие люди [26, с. 197].

Соблюдая этот стандарт, организации, проводящие клинические испытания, могут гарантировать, что они защищают права, безопасность и благополучие испытуемых, а также производят надежные, заслуживающие доверия данные. Во многих странах процедура регистрации лекарственных средств включает в себя несколько конкретных этапов, последовательность которых строго контролируется.

Стремительное распространение новой коронавирусной инфекции в 2020 г. по всему миру изменило подходы стран к процедуре регистрации лекарственных средств запустив ускоренные или упрощенные процедуры. Понимание необходимости экстраординарных мер в связи с резко нарастающим кризисом в сфере общественного здравоохранения, обусловленного отсутствием общепринятых стандартов и взглядов в научном сообществе по лечению новой коронавирусной инфекции и ее осложнений побудило Правительство РФ на законодательном уровне ввести возможность упрощенной процедуры регистрации новых лекарственных препаратов, которая позволила максимально ускорить допуск на рынок новых лекарств в условиях пандемии и закупки лекарственных средств у одного поставщика, что отражает мировой опыт по ускоренной регистрации лекарственных средств в необходимых случаях [5]. Подобные процедуры, например, предусмотрены в Управлении по контролю за продуктами и лекарствами в США (FDA) для рассмотрения заявок на одобрение препаратов, предназначенных для лечения серьезных заболеваний в отсутствии адекватных методов лечения или имеющих преимущества перед существующей терапией.

В июне 2020 г. на сайте Министерства здравоохранения была размещена информация о регистрации первого лекарственного препарата прямого противовирусного действия «Фавипиравир» (торговое наименование «Авифавир») отечественного производства, с оценкой предварительной эффективности в 90 % [6].

Вторым препаратом, зарегистрированным по ускоренной процедуре, предусмотренной постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 441,

регулирующим особенности обращения лекарственных средств в условиях угрозы возникновения и ликвидации ЧС, стал препарат Левилимаб, показанный пациентам с тяжелым течением заболевания [7].

24 марта 2021 г. в соответствии с новым европейским планом готовности к биологической обороне против COVID-19, еврокомиссия так же ввела меру по ускорению выдачи разрешений на адаптированные вакцины COVID-19 [8].

В феврале 2020 г. в Национальном исследовательском центре эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи начали работу над вакциной от COVID-19. В мае сотрудники центра объявили об успешном тестировании векторной вакцины от COVID-19 на себе [9]. Несмотря на то, что создатели вакцины имели опыт в разработке подобных вакцин и не сомневались в успехе своей вакцины, одним из главных упреков критиков российской вакцины явилось отсутствие данных о результатах клинических испытаний, а тестирование вакцины на сотрудниках центра не выглядело убедительным основанием в безопасности применения вакцины [10]. Тем не менее, в августе 2020 г. Министерство здравоохранения РФ сообщило о регистрации первой в мире вакцины от COVID-19 «Sputnik V». И только в феврале 2021 г. на сайте авторитетного научного журнала «The Lancet» были опубликованы данные о хорошем профиле безопасности вакцины [11].

Так же в январе 2020 г. ученые из Оксфорда начали работу над созданием вакцины от COVID-19, а в апреле 2020 г. MHRA одобрило испытание вакцины него [12]. И только 30 декабря 2020 г. вакцина Оксфордского университета AstraZeneca получила одобрение национального регулятора и разрешение к использованию в Великобритании [13]. В последствии в конце января 2021 г. вакцина COVID-19 AstraZeneca получила условное разрешение на продажу от ЕМА.

Несмотря на новую реальность, которая изменила мир настолько быстро, что вчерашние данные оказываются сегодня неактуальными, рассчитывать на революционный прорыв РФ на мировом фармацевтическом рынке было бы опрометчиво. В ТОП-3 по объему фармрынка входят США, Китай и Япония, на которые приходится порядка 60 % продаж в мире. Доля российского фармрынка в глобальном контексте невелика и варьируется в диапазоне 2–2,5 %. Основным фактором роста российского фармрынка за прошедший год является увеличение государственных инвестиций в здравоохранение [13].

Крупнейшим экспортером является Европа, доля которой в мировом экспорте составляет 80 %. На втором месте – азиатский регион с долей 9,5 %. Объем

российского экспорта фармпродукции несоизмеримо мал при сравнении с объемами ведущих стран экспортеров [13].

Через год после пандемии COVID-19 первые разрешенные препараты и вакцины, показанные для вируса, принесли более \$4,23 млрд. для их разработчиков, согласно данным о продажах, опубликованным в последние недели разработчиками терапии [14]. В соответствии с сформированным рейтингом продаж, которые были раскрыты их разработчиками в течение 2020 г., на первое место выходит продажа Веклури[®] (ремдесивир (Gilead Sciences) – \$2,811 млрд. На втором и последующих местах соответственно разместились: Бамланивимаб (Эли Лилли) – \$871,2 млн., вакцина Moderna COVID-19 – \$199,872 млн. REGENCOV (casirivimab и imdevimab) (Regeneron Pharmaceuticals-\$185,7 млн., BNT162b2 (продается как Comirnaty[®] в ЕС и Швейцарии) Pfizer, BioNTech и Fosun Pharma) – \$154 млн., Коронавак (Sinovac Biotech) – \$6,622 млн., вакцина COVID-19 AstraZeneca-\$2 млн.

Еще в начале пандемии, в апреле 2020 г. генеральный директор ВТО Роберто Азеведу и генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Тедрос Адханом Гебрейесус выступили с совместным заявлением, в котором подчеркнули свою поддержку усилиям по обеспечению нормального трансграничного потока жизненно важных медицинских товаров и других товаров и услуг в целях защиты человеческих жизней. При этом они призвали правительства к скоординированным действиям и сохранению торговли товарами здравоохранения как можно более открытой и предсказуемой. Было рекомендовано избегать мер, которые могут нарушить глобальные цепочки поставок. Среди озвученных инициатив было обеспечение открытого доступа к результатам клинических испытаний, совместное использование соответствующих прав интеллектуальной собственности, увеличение производственных мощностей, открытые и прозрачные режимы закупок, отмена тарифов на соответствующие технологии здравоохранения, а также меры по упрощению процедур торговли [15].

В России Постановлением правительства РФ от 18 апреля 2020 года № 545 в период с 16 марта по 30 сентября 2020 г. была упрощена и ускорена процедура беспошлинного ввоза медицинских товаров для борьбы с коронавирусом [27]. Речь при этом шла о тестах на COVID-19, аппаратах искусственной вентиляции легких, медицинских масках, защитных костюмах.

Поскольку в начале пандемии новой коронавирусной инфекции отсутствовали действенные схемы лечения, а вакцины находились только в стадии разработки, на первый план в мировых продажах вышел противовирусный препарат ремдесивир, в отношении которого по распоряжению премьер-министра РФ М. Мишустина от 31 декабря 2020 г. № 3731-р, впервые в истории РФ была запущена процедура принудительного лицензирования в интересах национальной безопасности [16]. Она подразумевает использование изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации [17]. Это позволило российской группе компаний «Фармасинтез» в течение 2021 г. выпускать ремдесивир – препарат для терапии COVID-19 [16].

Патентообладателям «Фармасинтез» полагалось в течение трех месяцев выплатить компенсацию. Однако в самой Gilead посчитали это решение излишним и контрпродуктивным, поскольку установленная компанией цена на препарат позволяет в любой стране мира сократить расходы правительства на борьбу с коронавирусом [16].

Практика принудительного лицензирования считается приемлемой в таких странах как США и Канада [18], а также поддерживается ВОЗ в случаях реальной угрозы населению [19].

Нет сомнений, что 2021 г. пройдет под эгидой вакцинации. Национальные правительства всех стран планируют к концу года привить большинство своего населения от новой коронавирусной инфекции. В связи с этим, на передний план борьбы с COVID-19 выходит вакцинация и обеспечение населения должным объемом вакцин. Но не все страны имеют разработанные «национальные» вакцины и их придется закупать у производителей. В своих прогнозах банки предполагают, что людям придется вакцинироваться от COVID-19 ежегодно, как и от гриппа, а средняя цена за дозу вакцины составит \$20 [20].

На сегодняшний день известно от 18 вакцинах, находящихся на разных этапах процедуры включения в список экстренного использования ВОЗ [21]. Среди них две вакцины Российского производства: «Sputnik V» и «EpiVacCorona». Высокая научно-доказанная эффективность вакцины «Sputnik V» на фоне продолжающегося локдауна в европейском регионе и странах Латинской Америки; новостей о возможных осложнениях от применения вакцины COVID-19 AstraZeneca (C19VAZ), которые спровоцировали определенную панику в стра-

нах, где она применялась для вакцинирования населения и отказ от ее применения, послужили причиной ускоренной регистрации «Sputnik V» национальными регуляторами в различных странах. По подсчётам специалистов информационно-аналитического центра «Альпари», в 2021 г. Россия может заработать \$10–15 млрд. от продаж вакцины против коронавируса «Sputnik V» [22]. В этих же пределах находится ожидаемая прибыль от продажи главных конкурентов вакцины COVID-19 AstraZeneca (C19VAZ) и вакцины Moderna COVID-19 (мРНК-1273) [23].

Однако с учетом особенностей технологического процесса производства вакцин, прямые поставки «Sputnik V» вряд ли будут происходить в значительных объемах, что может снизить прогнозируемую прибыль. При этом планируется выпуск этой вакцины в Италии, Франции и Германии [24]. Вместе с тем, до сих пор ни одному производителю не удалось масштабировать производство вакцины.

По нашему мнению, одобренные правительством РФ процедуры ускоренной регистрации новых отечественных препаратов и принудительной регистрации лекарственных средств, могут сыграть значительную роль в развитии фармацевтической отрасли. Однако фармацевтическим компаниям необходимо строго придерживаться стандартов GXP.

Успешный экспорт Российских вакцин будет напрямую зависеть от прохождения всех официальных процедур по регистрации у национальных регуляторов и включения в перечень экстренных видов применения ВОЗ, что также потребует соблюдения принципов GXP. Кроме того, планируется совместное производство вакцин в странах ЕАЭС в рамках одобренного представителями уполномоченных органов стран ЕАЭС плана по производству стратегически важных лекарственных препаратов. В ближайшее время также должно начаться производство вакцины «Sputnik V» в Беларуси. Уже подписан ряд соглашений о взаимодействии в части локализации производства, налажен трансфер соответствующих технологий. Кроме того, на площадке Евразийской экономической комиссии активно обсуждается вопрос о вовлечении в развитие совместных производств фармпроизводителей Армении и Кыргызстана [25].

Библиографический список

1. Good Manufacturing Practice (GMP) Режим доступа: https://ec.europa.eu/health/documents/eudralex/vol-4_en (Дата обращения: 25.03.2021)

2. Руководство ВОЗ по требованиям GMP – надлежащей практике организации производства. Режим доступа: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/64465/WHO_VSQ_97.01_rus.pdf?sequence=3 (Дата обращения: 25.03.2021)
3. Руководство подачи заявки на лицензию на продажу лекарства в Великобритании. Режим доступа: <https://www.gov.uk/guidance/apply-for-a-licence-to-market-a-medicine-in-the-uk#application-process> (Дата обращения: 25.03.2021)
4. Авторизация лекарственных средств. Режим доступа: <https://www.ema.europa.eu/en/about-us/what-we-do/authorisation-medicines> (Дата обращения: 25.03.2021)
5. Упрощение регистрации новых лекарств. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48354/> (Дата обращения: 25.03.2021)
6. Минздрав России зарегистрировал первый препарат от коронавируса. Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/news/2020/06/01/14086-minzdrav-rossii-zaregistririval-pervyyu-preparat-ot-koronavirusa>. (Дата обращения: 25.03.2021)
7. Минздрав России выдал регистрационное удостоверение на ещё один препарат для лечения COVID-19. Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/news/2020/06/06/14151-minzdrav-rossii-vydal-registratsionnoe-udostoverenie-na-escho-odin-preparat-dlya-lecheniya-covid-19>. / (Дата обращения: 25.03.2021)
8. New EU energy labels applicable from 1 March 2021. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_1088. (Дата обращения: 25.03.2021)
9. Жвик А. «Спутник V». Ответы на главные вопросы про первую в мире зарегистрированную в РФ вакцину от коронавируса. Режим доступа: <https://takiedela.ru/news/2020/08/11/sputnik-v/>. (Дата обращения: 27.03.2021)
10. Интервью создателя российской вакцины от коронавируса Дениса Логунова. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/07/23/sozdatel-rossiyskoj-vaktsiny-ot-koronavirusa-denis-logunov-dal-meduze-pervoe-bolshoe-intervyu-on-rasskazal-stoit-li-zhdat-privivok-k-sentyabryu-2020-goda>. (Дата обращения: 29.03.2021)
11. Sputnik V COVID-19 vaccine candidate appears safe and effective. Режим доступа: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(21\)00191-4/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(21)00191-4/fulltext) (Дата обращения: 29.03.2021)

12. MHRA одобряет испытание вакцины COVID-19 в течение 7 рабочих дней. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/news/mhra-approves-covid-19-vaccine-trial-in-7-working-days/> (Дата обращения: 26.03.2021)

13. Одобрение коронавирусной вакцины Оксфордского университета/AstraZeneca: заявление министра иностранных дел. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/news/statement-on-the-approval-of-the-oxford-astrazeneca-coronavirus-vaccine-for-use-in-the-uk/> (Дата обращения: 26.03.2021)

14. Топ-7 самых продаваемых вакцин и лекарств COVID-19 2020 года. Режим доступа: <https://www.genengnews.com/a-lists/top-7-best-selling-covid-19-vaccines-and-drugs-of-2020/> (Дата обращения: 30.03.2021)

15. Заявление Генерального директора ВТО Роберту Азеведу и Генерального директора ВОЗ Тедроса Адханом Гебрейесуса. Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news/item/20-04-2020-joint-statement-by-wto-director-general-roberto-azevêdo-and-who-director-general-tedros-adhanom-gebreyesus> (Дата обращения: 30.03.2021)

16. Для борьбы с ковидом в России разрешили выпускать ремдесивир без согласия создавшей его американской компании. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2021/01/13/dlya-borby-s-kovidom-v-rossii-razreshili-vypuskat-remdesivir-bez-soglasiya-sozdavshey-ego-amerikanskoy-kompanii> (Дата обращения: 30.03.2021)

17. ГК РФ. Статья 1360. Использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/e05f16f41f651fc9c162999e5b59776e21e8b591/ (Дата обращения: 30.03.2021)

18. Фармкомпании США жалуются, что им сложно попасть на рынок РФ. Режим доступа: <https://iz.ru/news/603963> (Дата обращения: 30.03.2021)

19. Бюллетень Всемирной организации здравоохранения. Режим доступа: <https://www.who.int/bulletin/volumes/92/3/13-128413-ab/ru/> (Дата обращения: 01.04.2021)

20. Эксперты оценили будущий рынок COVID-вакцин более чем в \$10 млрд в год. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/735911> (Дата обращения: 30.03.2021)

21. Состояние вакцин COVID-19 в процессе оценки EUL/PQ ВОЗ. Режим доступа: https://extranet.who.int/pqweb/sites/default/files/documents/Status_COVID_VAX_01April2021.pdf. (Дата обращения: 30.03.2021)

22. Более \$10 млрд: эксперты оценили возможную выручку России от продаж «Спутника V» в 2021 году. Режим доступа: <https://russian.rt.com/business/article/848359-rossiya-vakcina-eksport-vyruchka/> (Дата обращения: 01.04.2021)

23. Top 7 Best Selling COVID-19 Vaccines and Drugs of 2020 Режим доступа: <https://www.genengnews.com/a-lists/top-7-best-selling-covid-19-vaccines-and-drugs-of-2020/> (Дата обращения: 01.04.2021)

24. «Спутник V» будут выпускать в Италии, Испании, Франции и. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/03/15/sputnik-v-budut-vypuskat-v-italii-ispanii-francii-i-germanii.html/> (Дата обращения: 01.04.2021)

25. «В странах Союза будет совместно производиться вакцина от коронавируса». Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/08_02_2021-4.aspx/ (Дата обращения: 01.04.2021)

26. Елифанов А. Е., Кдлян Е. Л. Теоретические аспекты воздействия законности на правовое поведение личности. Монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 205 с.

27. Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2020 года № 545. Режим доступа <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004200053> // (Дата обращения: 01.04.2021)

УДК 338.2

**СОВРЕМЕННЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ОБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦПРОЕКТА «МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И
ПОДДЕРЖКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ИНИЦИАТИВЫ»**

Ермоленко О. М., кандидат экономических наук, доцент

Бракий М. И., студентка 2 курса экономического факультета

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Аннотация. В статье рассмотрен механизм государственной поддержки малого и среднего бизнеса посредством реализации национальных проектов и обеспечения льгот различного характера, поскольку в сложных экономических и социальных условиях защита данного вида предпринимательства является одной из первостепенных задач финансовой политики государства.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, национальный проект, акселерация развития предпринимательской деятельности, инновационные технологии, самозанятое население.

MODERN VECTOR OF DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES AS AN OBJECT OF IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT «SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES AND SUPPORT FOR INDIVIDUAL ENTREPRENEURIAL INITIATIVES»

Ermolenko O. M., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Brakiy M. I., 2nd year student of the Faculty of Economics

Kuban State University, Krasnodar

Abstract. The article discusses the mechanism of state support for small and medium-sized businesses through the implementation of national projects and the provision of benefits of a different nature, since in difficult economic and social conditions, the protection of this type of entrepreneurship is one of the primary tasks of the financial policy of the state.

Keywords: small and middle businesses, national project, acceleration of business development, innovative technologies, self-employed population.

Развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) является важной задачей экономического развития государства, как вектор стимулирующий развитие деловой активности и повышение уровня конкурентоспособности бизнеса.

Причин для поддержки и развития МСП достаточно много. Оценивая исторический экскурс, можно констатировать, что в мировой экономике роль малого бизнеса резко возросла в 1980–1990-е гг. Сфера деятельности малых предприятий в этот период начинает расширяться: предпринимательство приобретает характер активного многочисленного движения. В России этап возникновения и развития малого бизнеса начинается с процесса приватизации, что непосредственно привело к образованию малых и средних предприятий. С того времени роль малого предпринимательства начинает неуклонно возрастать [6].

Малые и средние предприятия – основа роста современных успешных экономик. В США в МСБ занято около 60 % трудоспособного населения, в Германии – 70 %, во Франции – 60 %. А в России менее 30 %. Малый и средний бизнес имеют ряд преимуществ, которые положительно сказываются на национальной экономике в целом. В частности, насыщенному малыми и средними компаниями рынку не грозит монополизация, а значит, и неоправданный рост цен. Предприятия малого и среднего бизнеса (МСБ) более гибкие и адаптируемые, они быстрее подстраиваются под изменения рыночных условий, поэтому могут функционировать более эффективно, производить больший объем различной продукции, следовательно, удовлетворять весь спектр потребительского спроса.

Еще одним положительным аспектом стимулирования развития малого и среднего предпринимательства является динамика рынка труда, т.е. увеличение доли занятых в малом и среднем предпринимательстве (МСП) – гарантия максимальной занятости населения. В свою очередь, это обеспечивает минимальный уровень безработицы, поскольку человеку проще найти работу среди тысяч предприятий малого и среднего бизнеса, где вакансии более диверсифицированы.

Рассмотрим МСБ через призму классической макроэкономической модели, которая теоретически базируется на законе французского экономиста 19 в. Ж. Б. Сэя. Суть закона заключается в следующем: предложение товара создает

свой собственный спрос. Сэй и его сторонники исходили из того, что в рыночной экономике любой товаропроизводитель производит товары и услуги для того, чтобы приобретать необходимые ему блага. Поэтому, реализовав свой товар, он автоматически предъявляет спрос на товары других пользователей [8]. Опираясь на теоретическую базу данной модели, становится ясно, почему МСБ имеют большое значение для экономики страны. Дело в том, что люди занимаются бизнесом в первую очередь для реализации своих собственных потребностей, что запускает цепную реакцию, заводит и ускоряет обороты развития экономики страны. Когда человек желает приобрести необходимое ему благо, именно малое и среднее предпринимательство обеспечивают возможность выбора того товара, который будет в максимальной степени соответствовать запросу клиента. Данный факт в масштабе всех членов общества, на макроуровне находит свое отражение в увеличении таких показателей, как ВВП на душу населения, реальные доходы на душу населения, объем услуг на душу населения. Таким образом, одной из главных задач МСП является создание здоровой конкуренции между товаропроизводителями, что приведет к значительному улучшению качества и снижению стоимости различных товаров и услуг.

Также роль малого предпринимательства определяют его функции:

- создание широкого спектра товаров и услуг в условиях быстрой дифференциации и индивидуализации потребительского спроса;
- обеспечение необходимой в условиях рынка мобильности, глубокой специализации и разветвленной кооперации производства;
- создание необходимой для рынка атмосферы конкуренции и многообразия фирм, а также готовность мгновенно реагировать на любые изменения рыночной конъюнктуры;
- осуществление разработки и внедрения инноваций;
- способствование мобилизации материальных и финансовых природных ресурсов, а также местных ресурсов и отходов производства, которые не интересны крупному бизнесу;
- укрепление экономической безопасности страны и снижение экономических угроз.

На сегодняшний день государство проводит комплекс мер по поддержке МСП: реализуются национальные программы, призванные прямо или косвенно увеличить число занятых в предприятиях данного типа; предпринимаются попытки снизить уровень финансовой нагрузки на субъекты МСП.

В структуре государственной политики Российской Федерации одним из 12 национальных проектов является проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В рамках реализации данного проекта государство реализует широкий спектр льгот и услуг представителям малого, среднего и крупного бизнеса страны.

Объективная оценка качества реализации данного проекта позволяет адекватно определить:

- сильные и слабые стороны проекта;
- соответствие планов и фактически полученных результатов;
- рассмотреть проблемы, с которыми сталкиваются бизнесмены в ходе экономической деятельности.

История внедрения данного национального проекта в политику государства характеризует общую динамику развития и поддержки МСП как в отношении численности, так и в отношении финансирования, что особенно актуально в условиях пандемии и спада экономического развития страны в целом.

Нацпроект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» является продолжением одноименного приоритетного проекта, который реализовывался еще с 2016 г. (в пролонгации его реализации на период с 24.12.2018 по 31.12.2024). Паспорт нацпроекта утвержден 24 декабря 2018 г., при этом фактическая реализация стартовала 15 октября того же года. Совокупные расходы на национальный проект РФ «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» составят 481,8 млрд рублей, в том числе: 416,2 млрд рублей – из федерального бюджета; 11,4 млрд рублей – из субъектов РФ; 53,9 млрд рублей из внебюджетных источников [7].

Нацпроект включает в себя пять подразделов – федеральных проектов:

- «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности»;
- «Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию»;
- «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства»;
- «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации»;
- «Популяризация предпринимательства».

Целью нацпроекта является обеспечение поддержки предпринимательства на каждом этапе развития бизнеса: от появления идеи до реализации готовой продукции в разных точках мира

Для реализации нацпроекта были выделены три ключевых показателя, которые должны обеспечить достижение искомой цели:

- численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей должна возрасти с 19,6 млн человек в 2018 г. до 25 млн в 2024 г. (включая самозанятых);

- доля МСП в ВВП страны должна вырасти с 22 % в 2017 г. до 32,5 % в 2024 г.;

- доля экспорта субъектов МСП в общем объеме несырьевого экспорта должна увеличиться с 8,6 % в 2017 г. до 10 % в 2024 г. [4].

Согласно плану реализации нацпроекта по первому из трех ключевых показателей, численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, ежегодно должна повышаться на 0,9 млн. человек. Фактически на конец 2019 г. численность данного показателя составляет 19,1 млн. человек, что означает снижение показателя относительно 2018 г. на 0,5; помимо этого, не произошел плановый прирост в 0,9 млн. человек, занятых в указанной сфере. Таким образом недовыполнение плана составило 1,4 млн. занятых в уже в первый год реализации нацпроекта [12].

К сожалению, тенденция по остальным показателям неутешительна. Так, в 2018 г. доля МСП в ВВП вместо повышения снизилась на 1,6 % по сравнению с 2017 г., в результате чего составила 20,4 %. В 2019 г. наблюдался небольшой подъем до 20,6 % [2]. Несмотря на то, что за 2020 г. еще нет официальной статистики, можно предположить, что ситуация не улучшилась, поскольку под влиянием всемирной пандемии экономика страны претерпела серьезные трудности, в особенности в сфере МСП.

В период вынужденного карантина, когда сфера услуг практически перестала функционировать из-за резко сократившегося спроса, а малые и средние предприятия вынуждены были остановить свою деятельность, государство начало реализовывать активный комплекс мер поддержки МСБ. Данный комплекс включал следующие условия:

- продление сроков уплаты налогов;
- продление срока предоставления отчетности;
- запрет на проверки, взыскания и санкции со стороны ФНС и других КНД;

- мораторий на налоговые санкции;
- снижение тарифов по страховым взносам;
- мораторий на рост взносов ИП;
- беспроцентные кредиты на выплату зарплат;
- расширение программы льготного кредитования малого и среднего бизнеса;
- отсрочка по страховым взносам, кредитам, аренде;
- кредитные каникулы.

Разработанные правительством меры поддержки МСП на фоне последствий COVID – 19 являются отражением задач в национальном проекте, к которым относится не просто общая поддержка МСП, но и стимулирование самозанятого населения и развития инновационной цифровой платформы.

Чтобы оценить, насколько эффективным оказался комплекс мер государственной поддержки МСП в период пандемии, рассмотрим рисунок 1, на котором представлена тенденция количества субъектов МСП в 2020 г.

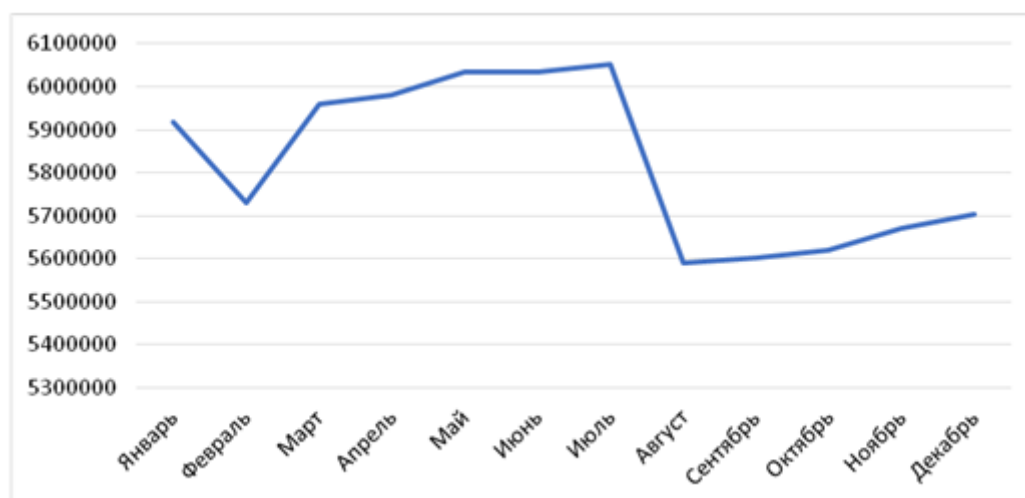

Рис. 1. Тенденция количества субъектов МСП в 2020 г., в ед.
(составлен автором на основе [9])

Исходя из представленных данных можно сделать вывод о значительной государственной поддержке, что позволило обеспечить сохранение предприятий в период тотального карантина. В период с июля – августа наблюдалось резкое снижение количества субъектов МСП. На 10 августа 2020 г. количество зарегистрированных организаций малого и среднего бизнеса составило около 5,6 млн. Последний раз данный показатель находился на таком уровне в сентябре 2017 г.

Таким образом, согласно данным ФНС, МСБ очень тяжело перенес пандемию COVID-19.

В периоды, когда экономика не подвержена потрясениям типа мировой пандемии, государство также поддерживает бизнес. Констатируя статистические данные, даже после пика распространения коронавирусной инфекции, государство продолжает осуществлять активную льготную политику в сторону МСП (снижение нагрузки на бизнес, сокращение страховых взносов на малое и среднее предпринимательство в два раза, поддержка высокотехнологических отраслей) [1].

Несмотря на развитие программ поддержки МСП, анализ реализации нацпроекта показал, что существенной положительной динамики не наблюдается.

Руководители российского малого и среднего бизнеса отметили ряд важнейших причин, которые мешают развитию бизнеса:

- высокие налоги, тарифы, страховые взносы, неналоговые платежи;
- нехватка квалифицированных кадров;
- теневой сектор экономики;
- административные барьеры;
- сложности с получением кредитов [10].

Действительно, несмотря на льготное кредитование МСП, в сравнении с другими странами, налоговое бремя зачастую непосильно предприятиям, которые только встают на ноги. Европейские страны, развитые страны Азии, США все они дают большую свободу малому бизнесу в первые годы. В некоторых странах МСП свободны от налогообложения в течение определенного срока, что дает им возможность встать на ноги и закрепиться в определенном рыночном сегменте.

Нехватка квалифицированных кадров также является серьезной проблемой. В данном случае наблюдается тесное переплетение социальной и экономической сфер государства. Отсутствие практических навыков у студентов-экономистов, невозможность адекватной оценки реальной ситуации развития на уровне отдельных предприятий (их бизнес проектов), непонимание и незнание основ инвестирования и оценки рисков, низкая финансовая грамотность населения в результате приводят к быстрому банкротству предприятий практически на стартовом этапе.

Открывая свое дело, большинство предпринимателей сталкиваются со сложностями кредитования. Высокие риски и отсутствие реального обеспечения заставляют коммерческие банки взвешенно подходить к диверсификации кредитного портфеля, поэтому они не стремятся выделять кредитные средства на

развитие МСП. По статистике, лишь 30 % заявителей в России получают положительный ответ на получение кредита, а микрокредитование доступно только 10 % [11].

Административные барьеры являются еще одной из причин, по которой начинающие предприниматели отказываются от своего бизнеса. Административные барьеры можно условно разделить на несколько групп.

К первой группе административных барьеров на входе предприятия на рынок – относятся лицензирование, разрешение, регистрация, получение доступа к льготному кредитованию и так далее.

Вторая группа барьеров, связанная с допуском товаров на рынок, включает сертификацию, идентификацию и маркирование [5].

Административные барьеры сопровождают бизнесменов и на этапе текущей деятельности в виде инспекционных проверок, контроля, надзора, включающих лицензионный надзор и т.д. Наличие всех перечисленных барьеров заставляет многих предпринимателей уходить в теневой сектор.

К сожалению, проблема теневого сектора экономики в стране еще больше усугубляет ситуацию с МСП. Предприятия теневого сектора старательно уходят от своих обязательств по уплате налогов, не отчисляют пенсионные взносы работников в ПФ РФ. Все это приводит к снижению налоговых поступлений в бюджет, которые могли быть направлены на поддержку МСП.

Как известно, в условиях постиндустриального общества важную роль во всех государственных и общественных процессах занимает информация. Проблема информации, точнее, ее отсутствия, низкий уровень прозрачности, несоответствие данных в разных официальных источниках также серьезно влияет на стагнацию МСП. Официальная статистика по ключевым показателям малого и среднего бизнеса начала публиковаться лишь с 2017 г. На сегодняшний день Федеральная служба государственной статистики обеспечивает население информацией по показателям доли объема МСП в ВВП страны, доли экспорта субъектов МСП в общем объеме несырьевого экспорта лишь единым, комплексным показателем, вследствие чего очень сложно определить вклад средних, малых и микро-предприятий, а также вклад индивидуальных предпринимателей и самозанятых в формирование перечисленных показателей.

Таким образом, роль МСП в развитии экономических процессов является весьма существенной. Кроме того, социальная роль государства в поддержке развития малого бизнеса позволяет сформировать условия роста личных доходов населения и снижению социальной напряженности.

Несмотря на реализацию целевых программ по развитию МСП посредством формирования соответствующего направления расходования бюджетных средств, мы не наблюдаем резкого увеличения доли МСП в ВВП, увеличения доли работников в сфере МСП. Несмотря на большую заинтересованность государства в развитии данного сектора предпринимательства, очевидно, что уровень поддержки является недостаточным. Кроме финансовой поддержки в виде целевых программ, на наш взгляд, необходимо создать условия для становления и стабилизации развития малого бизнеса, что может быть реализовано посредством официального установления определенного временного периода для льготного налогообложения или его отсрочки на 3–5 лет. Это в свою очередь не только поможет оказать реальную поддержку, но и повысить привлекательность создания и развития МСБ. В конечном итоге, государственные меры по систематической поддержке малого и среднего бизнеса способны показать реальные результаты уже через 5, 10, 15 лет.

Важным решением Правительства РФ является рассмотрение возможностей выхода российского предпринимательства на мировой уровень (зарубежные рынки). Возможность использования инновационных технологий в предпринимательской деятельности смогут задать новый вектор развития, позволяющий укрупнять бизнес (например, экономические кластеры с учетом региональной специфики развития)

Направления акселерации развития предпринимательской деятельности позволит:

- создавать условия для разработки и использования грантов в сфере инновационной деятельности;
- создавать условия для участия МСП в конкурентных закупках;
- введение переходного налогового режима
- развитие лизингового кредитования с целью приобретения и обновления основных фондов.

Таким образом, выявленные в результате анализа проблемы лишней раз доказывают, что деятельность государства должна иметь комплексную направленность, поскольку существующие проблемы имеют практический социальный, политический и экономический базис.

Библиографический список

1. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: Принят закон о федеральном бюджете на 2021–2023 годы. URL: <http://duma.gov.ru/news/50118/> (дата обращения 27.03.2021)

2. ЕМИСС: Государственная статистика. Доля малого и среднего предпринимательства в валовом внутреннем продукте. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59206> (дата обращения 29.03.2021)
3. ЕМИСС: Государственная статистика. Доля экспорта субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, в общем объеме несырьевого сектора. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59119> (дата обращения 29.03.2021)
4. Информационное агентство ТАСС. Что нужно знать о нацпроекте «Малое и среднее предпринимательство». URL: <https://tass.ru/info/6101562> (дата обращения: 22.03.2021)
5. Маликов Р. О преодолении административных барьеров в развитии российского предпринимательства // НИСИПП. 08.05.2003 https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=129183 (дата обращения 25.03.2021)
6. Стенькина Е. Н., Котляр Е. Э. Роль малого и среднего предпринимательства в социально-экономическом развитии территории // Молодой ученый. 2018. № 19. С. 73–75.
7. Стратегия 24: национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <https://strategy24.ru/rf/business/projects/prioritetnyy-proekt-malyu-biznes-i-podderzhka-individualnoy-predprinimatelskoj-initsiativy> (дата обращения 27.03.2021)
8. Трунин С. Н., Вукович Г. Г. Макроэкономика: учеб. пособие / С. Н. Трунин, Г. Г. Вукович. 2-е изд. М.: Финансы и статистика, 2015. С. 49.
9. Федеральная налоговая служба. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru> (дата обращения 29.03.2021)
10. Чилхачоян Е. В. Проблемы малого бизнеса в современной России // Молодой ученый. 2019. № 25. С. 236–239.
11. Щукина В. Р. Современные проблемы малого предпринимательства в РФ // Молодой ученый. 2019. № 49. С. 151–154.
12. ЕМИСС: Государственная статистика. Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59431> (дата обращения: 29.03.2021).

УДК 346.5

**ПРОАКТИВНОСТЬ И ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ КАК
НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

Иванова Т. Б., доктор экономических наук, профессор

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена обоснованию необходимости расширения проактивности и предупредительного контроля при предоставлении услуг бизнесу со стороны государства. В результате исследования определен ограниченный в настоящее время характер использования таких инструментов, без проработки предлагаемых схем для конкретного юридического лица или индивидуального предпринимателя. Предлагаются формы расширения их применения как направления совершенствования правового регулирования предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: электронные услуги, дистанционное взаимодействие, проактивность, предупредительный контроль.

**PROACTIVITY AND PREVENTIVE CONTROL AS DIRECTIONS FOR
IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURSHIP**

Ivanova T. B., Doctor of Economics, Professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the justification of the need to expand proactivity and preventive control in the provision of services to business by the state. As a result of the study, the currently limited nature of the use of such tools is determined, without working out the proposed schemes for a specific legal entity or individual entrepreneur. Forms of expansion of their application as directions of improvement of legal regulation of business activity are offered.

Keywords: electronic services, remote interaction, proactivity, preventive control.

2020 год выдался нелегким для всех слоев населения и бизнеса. Сокращались объемы производства, прекращали деятельность наиболее уязвимые с санитарно-эпидемиологической точки зрения виды бизнеса. Тем не менее, величина такого пандемического падения объемов производства могла бы быть больше, если бы не принятые государством меры по поддержке экономики. Они инициировались как на федеральном, так и региональном уровнях, причем была продолжена тенденция по расширению возможностей использования дистанционных форм их получения.

Так, на сайте Госуслуг предоставляются такие услуги как «Государственная регистрация юридического лица при его создании», «Прием и учет уведомлений о начале осуществления юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями отдельных видов работ и услуг согласно перечню, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 584», «Переоформление санитарно-эпидемиологического заключения», «Получение санитарно-эпидемиологического заключения на вид деятельности», «Выдача (или отказ в выдаче) идентификационных заключений» и другие. Даже из этого небольшого перечисления видно, что они позволяют в электронной форме решать самые разнообразные проблемы создания и функционирования бизнеса. С появлением на портале «Мои документы» такого направления предоставления услуг как «Мой бизнес» возможности электронного взаимодействия предпринимателей и государства ещё более расширились. За счет многочисленных опций о мерах господдержки для бизнеса, налоговых льгот для малого и среднего предпринимательства, условий программы льготного лизинга оборудования для субъектов индивидуального и малого предпринимательства, реализуемой региональными лизинговыми компаниями и других. На сайте ФНС работают такие сервисы как «Государственная регистрация ЮЛ и ИП», «Выбор подходящего режима налогообложения», «Уплата налогов и пошлин», которые тоже позволяют решить вопросы предпринимательской деятельности в дистанционной форме.

Большой объем мер поддержки предпринимателей были дополнительно приняты в 2020 году в условиях распространения COVID-2019 на территории Волгоградской области. Бизнесу была оказана налоговая, финансовая, инвестиционная, имущественная и административная поддержка.

Приведем только некоторые из применяемых мер. Налоговая поддержка выразилась в снижении ставки по ЕНВД с 15 % до 7,5 %, по налогу, взимаемому

в связи с применением упрощенной системы налогообложения (с 6 % до 1 % (база – доходы); с 15 % до 5 % (база – доходы минус расходы) для категорий налогоплательщиков в наиболее пострадавших сферах деятельности и некоммерческих организаций (ОКВЭД 85, 87, 88), стоимости патента для индивидуальных предпринимателей путем приостановления действия коэффициента-дефлятора на 2020 год (К – 1,589) в отношении 63 видов деятельности. Было дано освобождение от уплаты авансовых платежей за II и III кварталы 2020 года по налогу на имущество организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность по ОКВЭД 68.2 «Аренда и управление собственным или арендованным недвижимым имуществом», в случае предоставления арендаторам отсрочки по уплате арендной платы. Не уплачивался в 2020 году транспортный налог в отношении перевозчиков, осуществляющих регулярные перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом общего пользования по муниципальным, межмуниципальным и межрегиональным маршрутам.

Меры финансовой поддержки: была снижена ставка с 8,5 % до 1 % по займам до 500 тыс. рублей на 12 месяцев субъектам МСП по специальной программе микрофинансирования «Оздоровление» Фонда микрофинансирования предпринимательства Волгоградской области для пострадавших отраслей, ставка по специальной программе микрофинансирования «Антикризисный» от 2 % до 4,5 % годовых по займам от 500 тыс. рублей до 3 млн. рублей со сроком предоставления до 2 лет для всех субъектов МСП. Уменьшены размеры вознаграждения за предоставление поручительства Ассоциации «Гарантийный фонд Волгоградской области» для субъектов МСП (с 2 % до 0,5 %).

Имущественная поддержка бизнеса выражалась во введении «Арендных каникул» с 01.04.2020 до 30.06.2020 для арендаторов земельных участков, предоставленных под строительство и осуществляющих перевозку пассажиров автомобильным транспортом общего пользования; имущества, а также из Перечней государственного и муниципального имущества, предназначенного для субъектов МСП. Кроме этого, был снижен размер арендной платы на 25 % с даты снятия ограничительных мер, установленных постановлением Губернатора Волгоградской области от 15 марта 2020 года № 179.

Были предоставлены также и различные меры имущественной, инвестиционной и административной поддержки.

В 2021 году поддержка экономики продолжается. Уже принят ряд мер III пакета Программы Первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого

развития экономики Волгоградской области в условиях распространения новой коронавирусной инфекции, разработанной с учетом мнения уполномоченного по защите прав предпринимателей Волгоградской области и бизнес-сообщества. Например, налоговая поддержка выражается в реализации таких мер как:

1. Снижение ставки по налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения, для всех категорий налогоплательщиков: с 6 % до 4 %, если объектом налогообложения являются доходы; с 15 % до 10 %, если объектом налогообложения являются доходы, уменьшенные на величину расходов, при условии наличия наемных работников, сохранения не менее 80 % численности работающих и заработной платы не ниже минимальной заработной платы по Региональному соглашению (14 159,6 рубля).

2. Продление до 01.01.2024 «налоговых каникул» по упрощенной и патентной системе налогообложения для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей.

3. Снижение ставки налога на имущество организаций (уплачиваемого от кадастровой стоимости) в отношении жилых помещений, предоставленных своим работникам или бывшим работникам-пенсионерам для проживания.

4. Представление права на применение инвестиционного налогового вычета организациям для инвесторов, заключивших соглашения с Администрацией Волгоградской области.

Приняты новые формы финансовой поддержки:

1. Снижение размеров вознаграждения с 2 % до 0,75 % за предоставление поручительства Ассоциации «Гарантийный фонд Волгоградской области» для субъектов МСП.

2. Программы микрофинансирования субъектов МСП на срок до 2 лет:

● «Приоритетный» – сумма от 150 тыс. руб. до 3 млн. руб., ставка – 4,25 % годовых;

● «Старт» – сумма от 150 тыс. руб. до 1 млн. руб., ставка от 4,25 % до 6 % годовых;

● «Моногород» – сумма от 150 тыс. руб. до 3 млн. руб., ставка от 2,125 % до 4,25 % годовых;

● «Развитие» – сумма от 150 тыс. руб. до 3 млн. руб., ставка – 6,5 % годовых

Для поддержки предпринимателей также принято:

1. Предоставление возможности самозанятым пользоваться мерами государственной поддержки, предусмотренными для субъектов МСП;

2. Продление возможного срока действия схем размещения нестационарных торговых объектов с 5 до 10 лет.

Ожидается принятие и других инструментов, которые позволят активизировать региональный бизнес.

Количество потенциальных получателей налоговой поддержки составило в Волгоградской области 37,5 тысяч представителей бизнеса, финансовую поддержку получило свыше 270 хозяйствующих субъектов. В тоже время, несмотря на такую потенциальную массовость предложенных мероприятий, проведенный анализ показывает, что пока они предоставляются преимущественно в заявительном характере. Например, Фонд микрофинансирования предпринимательства Волгоградской области для получения микрозайма предлагает предприятиям «Проверить себя перед подачей заявки», затем обратиться к сотруднику Фонда или изучить материалы на сайте микрокредитной компании, после чего подать предварительную заявку с помощью сайта [4].

Разумеется, такой механизм гораздо более эффективен по сравнению с получением услуг очно, без применения цифровых технологий, но он пока достаточно далек от механизма предоставления государственных и муниципальных услуг в упреждающем (проактивном) режиме, который предполагает, что при наступлении событий, являющихся основанием для предоставления услуги, предоставляющий её орган сам уведомляет заявителя о возможности подать запрос «о предоставлении соответствующей услуги для немедленного получения результата предоставления такой услуги» [2]. Департамент обеспечения качества предоставления государственных услуг населению и выполнения государственных функций проактивность была проиллюстрирована на таком примере: «предоставление услуги до фактического обращения заявителя. Так, например, в день 45-летия гражданину возможно будет предложить подписать заранее сформированный и заполненный проект запроса о замене паспорта. Также при получении услуг, которые с большой вероятностью повлекут обращение за другими услугами заявителю предложат сразу обратиться за такими услугами (например, при замене паспорта в связи с изменением фамилии можно одним комплектом поменять ещё и права, и заграничный паспорт)» [1].

Применение подобного механизма к бизнесу, конечно, является более сложным, так как в условиях неопределенности развития предприятия могут возникать самые разнообразные ситуации, влияющие на необходимость получения

той или иной услуги. Тем не менее, расширение этого направления создаст условия, при которых потенциальные получатели вновь введенных услуг, спектр которых, как мы видели выше, достаточно широк, при минимальных затратах времени имели возможность воспользоваться мерами государственной поддержки.

Помимо позитивного влияния на развитие бизнеса, это сформирует и систему предупреждающего контроля за ведением хозяйственной деятельности, который является формой предупреждения ошибок при учете доходов и затрат. Причем, на предприятиях реального сектора экономики, принято говорить не о предупреждающем контроле в целом, а о внедрении его отдельных видов [3]. К ним относятся летучий, операционный, инспекционный:

- летучий – оперативное выявление признаков ухудшения качества и появления брака;
- операционный проводится после «выполнения ответственных операций позволяет предупредить поступление брака» [3];
- инспекционный – оценка качества выполнения работ или продукции в целом.

Проактивное предоставление услуги уже позволяет сократить вероятность ошибки при оформлении документации на ведение хозяйственной деятельности. Это совпадает с проведением летучего контроля. Но он должен быть дополнен операционным и инспекционным, позволяющим оценить правильность формирования тех финансовых потоков, которые контролируются государством. Сейчас такая система фактически сформирована для самозанятых. Она позволяет путем работы в личном кабинете налогоплательщика вводить данные о полученных доходах и получать автоматически осуществляемый системой расчет о величине и сроках уплаты налогов, а также здесь же, через сайт, произвести их безналичную оплату. Такой механизм сокращает затраты времени и финансовых ресурсов на проведение последующего контроля, так как функции по расчету налогового платежа уже осуществляет для каждого самозанятого сама ФНС. Хотя, остается необходимость контроля полноты представления сведений о доходах. Но этот аспект проблемы уже лежит за рамками данной статьи.

Таким образом, ясно видна необходимость расширения проактивности и предупредительного контроля при предоставлении услуг бизнесу со стороны государства, иначе возможность охватить меря различной поддержки предпринимательской деятельности самому предпринимателю при их значительных объ-

емах чрезвычайно сложно. Формами расширения их применения как направления совершенствования правового регулирования предпринимательской деятельности могут стать продолжение формирования детализированной базы данных субъектов предпринимательства на основе межведомственного взаимодействия, так как в настоящее время такая информация представляется в налоговую службу, органы статистики, ПФР, формируется по отдельным направлениям, например, при предоставлении налоговых льгот, региональными исполнительными органами. Внедрение этих мер предполагает разработку дополнительных положений о защите информации, уточнении прав и обязанностей предпринимателей по отношению как к проактивным предложениям мер поддержки, так и формам предупреждающего контроля.

Библиографический список

1. Фонд микрофинансирования предпринимательства Волгоградской области. URL: Субъектам МСП / ГФ «РМЦ» (rmc34.ru) (дата обращения: 22.03.2021).
2. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 30.12.2020, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021). Статья 7.3 // СПС Консультант-Плюс
3. Новый принцип предоставления госуслуг – электронный вид, проактивность и экстерриториальность. Министерство экономического развития Российской Федерации. 25.11.2019 года. Департамент обеспечения качества предоставления государственных услуг населению и выполнения государственных функций. URL: Новый принцип предоставления госуслуг – электронный вид, проактивность и экстерриториальность | Министерство экономического развития Российской Федерации (economy.gov.ru) (дата обращения: 22.03.2021).
4. Предупредительный контроль. Большая энциклопедия нефти и газа. URL: Предупредительный контроль – Большая Энциклопедия Нефти и Газа, статья, страница 1 (ngpedia.ru) (дата обращения: 22.03.2021).

УДК 341.985.2

**ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ
РЕШЕНИЙ В РФ – СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И
ПРАВОО ПРИМЕНЕНИЯ**

Иловайский И. Б., кандидат юридических наук, доцент

Залевская Д. В., студентка 2-го курса магистратуры юридического факультета

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Международное деловое сотрудничество предполагает и развитие экономических отношений, и создание системы эффективной защиты его участников – предпринимателей. Элементом этого механизма является взаимное признание и исполнение решений хозяйственных и арбитражных судов на территории стран мирового сообщества. Этот процесс обеспечивается значительным количеством международных соглашений и нормами права внутреннего законодательства каждого государства в отдельности, тем не менее, на практике возникает определенная проблематика с реализацией этих актов. Такого рода вопросам в отечественной правовой действительности и посвящено настоящее исследование.

Ключевые слова: иностранное арбитражное (судебное) решение; признание и исполнение иностранного судебного решения; международные соглашения; принцип взаимности; национальный режим; публичный порядок; суверенитет государства.

**RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN ARBITRAL
AWARDS IN THE RUSSIAN FEDERATION-CONTROVERSIAL ISSUES OF
REGULATION AND LAW ENFORCEMENT**

Ilovayskiy I. B., Candidate of Law Sciences, Associate Professor

Zalenskaya D. V., 2nd year student of the Master's degree program of the Faculty of Law

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. International business cooperation involves the development of economic relations, and the creation of a system of effective protection of its participants-entrepreneurs. An element of this mechanism is the mutual recognition and enforcement of decisions of economic and arbitration courts on the territory of the countries of the world community. Despite the fact that this process is provided by a significant number of international agreements and the rules of law of the domestic legislation of each State separately, in practice there are certain problems with the implementation of these acts. This study is devoted to such issues in the domestic legal reality.

Keywords: foreign arbitration (judicial) decision; recognition and enforcement of a foreign judicial decision; international agreements; the principle of reciprocity; national treatment; public order; state sovereignty.

Процедура признания и исполнения иностранных судебных и арбитражных решений, является сложным и неоднозначным процессом, т.к. она связана и с государственным суверенитетом, и верховенством государственной власти каждой конкретной страны на своей территории, и его безопасностью. Для признания факта, что по этим вопросам необходимо договариваться, и, по сути, пойти на взаимные уступки и ограничения своих властных полномочий, государствам потребовалось более чем полтора столетия. Только, начиная с 50-х годов прошлого века, начинает складываться общемировая система нормативных актов в этой области общественных отношений [18, с. 160-161].

Показательным примером вышесказанного является право Российской Федерации, где в настоящий момент сложилась многоуровневая структура такого рода норм, которая включает, как международные (унифицированные), так и внутригосударственные акты.

Первые из них можно разделить на многосторонние конвенции, соглашения регионального значения и двухсторонние договоры. Среди многосторонних соглашений рассматриваемой сферы необходимо назвать Конвенцию ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10.06.1958 [2]. К договорам второй группы можно отнести Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 (далее Минская конвенция 1993 г.) [3] и Киевское соглашение от 20.03.1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (далее Киевское соглашение 1992 г.) [4]. А в перечень

третьей разновидности указных актов следует включить, такие нормативы, как Договор между РФ и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам (подписан в г. Москва, 23.09.1997 г.) [5] или Договор между РФ и Республикой Индией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам (подписан в г. Нью-Дели 03.10.2000)» [6] и иные подобные договоры.

Национальные нормативы, в исследуемой области уместно классифицировать на три разновидности:

- источники общие для признания и исполнения;
- источники процесса признания;
- источники процедуры приведения в исполнение

Общими актами, объединяющими эти две группы, является Конституция РФ [1] и Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [8].

Ко второй из указанных групп, стоит отнести: Гражданский процессуальный кодекс РФ [9], Арбитражный процессуальный кодекс РФ [10], а также Указ Президиума ВС СССР от 21.06.1988 г. № 9131-ХІ «О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей» [14], который подлежит применению в части, не противоречащей АПК РФ.

Приведения в исполнение уже признанного иностранного судебного решения, будет осуществляться путем применения Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [11], а также Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» [12].

Характеризуя приведенный перечень нормативов необходимо обратить внимание не только на многочисленность, но и на сложный характер взаимодействия, поскольку сфера их действия явно пересекается, а наряду с нормами права Российской Федерации, до сих пор продолжают действовать и еще и правовые акты СССР. И хотя, применение Указа Президиума ВС СССР от 21.06.1988 г. № 9131-ХІ не должно противоречить действующему современному российскому законодательству, его наличие в правоприменительной практике, на наш взгляд, явно отягчает и запутывает правоприменение.

Казалось бы, что вопросы соотношения между положениями международных соглашений и нормами внутреннего законодательства РФ решены на основе ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, и принятых в её развитие ч. 2 ст. 1 ГПК РФ и ч. 3

ст. 3 АПК РФ, в соответствии с которыми нормы унифицированных договоров имеют наивысшую силу. Однако, при реальном правоприменении эти нормативы нередко конкурируют между собой, в связи с чем, возникают противоречивые и не ясные ситуации.

Одним из аспектов такого рода противостояния являются основания, при наличии которых в РФ допускается признание и исполнение иностранных судебных и арбитражных решений. Согласно ст. 241 АПК РФ, указанные действия возможны, если они установлены международном договоре или федеральном законе. К последним случаям, относят ситуации, когда решения иностранных арбитражей признаются на территории России на началах взаимности. При этом, как правило, для правового обоснования делается ссылка на п. 6. ст. 1 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [13], т.к. иные подобные указания в отечественном законодательстве фактически отсутствуют [26, с. 32].

Кроме того, в п. 1 ст. 409 ГПК РФ, которая устанавливает основания исполнения решений иностранного суда общей юрисдикции, в качестве такового указано только на наличие международного договора, т.е. принцип взаимности в этом случае применяться не может. Закрепленное в указанной норме правило, в науке называют принцип необходимости международного договора, из которого следует невозможность принудительного исполнения иностранного решения суда на территории РФ при отсутствии унифицированного соглашения по этому вопросу.

Такое положение, на наш взгляд, не может быть признано верным, т.к. явно ограничивает доступ к правосудию иностранных лиц, из тех стран, которые не заключили общих с Россией договоров, и приводит к нарушению гарантированного в ч. 1 ст. 46 и ч. 1. ст. 47 Конституции РФ права лица на судебную защиту нарушенных прав [20, с. 6]. Тем более, что, в силу ч. 3 ст. 62 Конституции РФ, п. 1 ст. 254 АПК РФ и п. 2 ст. 398 ГПК РФ в вопросах гражданского и арбитражного процесса иностранные субъекты на территории России обладают национальным режимом, т.е. пользуются теми же правами и обязанностями, что и отечественные субъекты, если иного не указано в международном договоре или федеральном законе [21, с. 125-129].

Правоприменительная практика отечественных судов по изложенной проблематике является противоречивой. Так, в Постановлении от 08.10.2013

№ 6004/13 Высший Арбитражный суд РФ разъяснил, что отказ в признании решения иностранного хозяйственного суда, по основаниям того, что отсутствуют нормы международного акта, приведет к нарушению обязательств РФ, установленных в ином международном соглашении, а именно в Конвенции ООН против коррупции 1989 г. [7]. Таким образом, была подтверждена и неоднозначность предписаний ст. 241 АПК РФ, и возможность игнорирования её положений [17].

А вот, Конституционный суд РФ занял противоположную позицию. Поэтому в определении от 17.06.2013 № 890-О было подчеркнуто, что порядок защиты нарушенного права определяется федеральным законодателем, а, следовательно, предписания ст. 409 ГПК РФ и ст. 241 АПК РФ, в силу которых допускается признание и исполнение иностранных судебных решений лишь при наличии международного договора, не нарушают право каждого на судебную защиту нарушенных прав [16]. Ранее аналогичное решение этот суд принял в определении от 17.07.2007 № 575-О-О [15].

Изложенная выше проблематика, связанная и с состоянием действующего законодательства и правоприменительной практики, по нашему мнению, требуют разрешения. В последнем случае, было бы уместным разработка совместных разъяснений Конституционного, Высшего Арбитражного и Верховного судов РФ.

Иной проблемой, в исследуемой сфере, является вопрос о возможности дополнить нормы международных договоров правилами национального законодательства. Так, для признания и исполнения иностранных судебных актов текст такого соглашения включает в себя перечень условий, при наличии которых такая процедура будет возможной. Как правило, они сформулированы наиболее общим образом, чаще только в части возможности обращения с ходатайством в судебный орган страны, где испрашивается такое признание. Детали же устанавливаются во внутренних нормах права. Примером, в этом случае могут служить п. 4 ст. 242 АПК РФ и п. 2 ст. 411 ГПК РФ. Согласно их содержания к ходатайству о принудительном исполнении решения иностранного суда прилагаются документы, указанные в унифицированном договоре, а если они в нем не установлены, то прилагаются документы, перечисленные в названных кодексах.

Такое содержание норм влечет и возникновение неопределенной ситуации, а именно будет ли являться противоречием международному договору закрепление во внутригосударственных нормативах каких-либо дополнительных

требований или процедур, по поводу которых в таком соглашении ничего не содержится. Например, в соответствии со ст. 8 Киевского соглашения 1992 г., к ходатайству о приведении в исполнение иностранного решения необходимо приложить его заверенную копию, официальный документ о вступлении этого решения в силу, доказательства извещения другой стороны о процессе и исполнительный документ. А в п. 3 ст. 242 АПК РФ этот список дополнен, во-первых, документом, подтверждающим, что должник своевременно и в надлежащей форме извещен о начавшемся процессе признания (исполнения) в иностранном суде; и, во-вторых, доверенностью, удостоверяющей полномочия лица, подписавшего заявление в арбитражный суд.

Часто возникают ситуации, при которых перечень оснований для отказа в признании и исполнении иностранных судебных решений в международном соглашении более узок, чем это установлено в законе, той страны, где испрашивается исполнение. В связи с чем, возникает вопрос, а будет ли являться нарушением международного договора, отказ в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения, если он был осуществлен на основании, указанном в законе, при этом отсутствующем в международном договоре?

Лукашук И. И., по этому поводу замечает, «что в случае расхождения с законом, международный договор не отменяет противоречащую ему норму, а делает из нее исключение для определенного случая, например, расширяет или ограничивает права граждан иностранного государства в какой-либо сфере. Для всех остальных случаев норма закона сохраняет свою силу» [23, с. 121]. Поэтому в цивилистике было высказано мнение, что суды должны применять российское законодательство при отсутствии в договоре или конвенции указаний на условия признания [19, с. 377].

Более категоричен по рассматриваемому поводу Б. С. Сеглин, который утверждает, что «поскольку решения иностранных судов признаются и приводятся в исполнение в России на основании международного договора, то нет никакого смысла формулировать в законе перечень оснований для отказа в признании, тем более, что такой перечень отличается от тех, которые предусмотрены в международных соглашениях» [25, с. 71].

Однозначно, что при выборе между международными и национальными правилами, приоритет, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, должен быть отдан международным нормам. Однако, этот вывод, не так очевиден при конкретном

правоприменение и сопоставлении норм международных договоров и отечественного законодательства. Например, указанные в ст. 43 Договора между РФ и Арабской Республикой Египет о взаимной помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23.09.1997 г., основания к отказу в признании судебных актов, в ст. 411 ГПК РФ и ст. 244 АПК РФ дополняются еще тремя дополнительными условиями, а именно:

- решение по праву страны, на территории которой оно принято, не вступило в законную силу или не подлежит исполнению;
- исполнение решения может нанести ущерб суверенитету РФ или угрожает безопасности РФ либо противоречит публичному порядку РФ;
- истек срок предъявления решения к принудительному исполнению, и этот срок не восстановлен судом в РФ по ходатайству взыскателя.

И хотя эти основания прямо не указаны в вышеуказанном международном соглашении, говорить о том, что они противоречат ему, было бы не вполне обоснованным. Требование о вступлении иностранного решения в законную силу и наделение его свойством исполнимости фактически является объектом проверки в отечественном суде при осуществлении процедуры признания и исполнения этого акта. Нанесение ущерба суверенитету государства, а также угроза ее безопасности нашли свое отражение в ст. 17 Договора с Египтом, в соответствии с которой правовая помощь не оказывается, если ее оказание может нанести ущерб суверенитету или безопасности либо противоречит основным принципам законодательства запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу о том, что основания для отказа в признании и исполнении иностранного судебного решения могут быть закреплены не только в специализированной норме, но и во всем тексте документа или вытекать из принципов международного сотрудничества и юридического характера осуществляемых действий. Это исключает противоречие между нормами международных соглашений и национального законодательства.

Даже при условии отсутствия, нормативно закрепленной, возможности отказа при противоречии публичному порядку, он был бы правомерным в силу существования принципа его защиты при регулировании частных отношений. Так как, публичный порядок и его защита является элементом более общего международного принципа невмешательства во внутренние дела государства [24,

с. 128], а также на основании Конституции РФ, возлагающей на органы государственной власти обязанность по защите и охране прав и свобод человека и гражданина [22, с. 15].

Резюмируя вышесказанное, возможно, сделать следующие выводы: во-первых, процесс признания и исполнения иностранного судебного решения в РФ одновременно может быть регламентирован и в унифицированных договорах РФ и в процессуальных нормах внутригосударственного законодательства. При этом возникает вопрос, считать ли противоречием нормам международного соглашения ситуацию, если перечень оснований признания иностранных актов во внутреннем праве или список необходимых документов шире по своему содержанию, чем они содержатся в международном соглашении. Как нам представляется, такую ситуацию необходимо рассматривать, как конкретизацию на основе дополнительных условий внутреннего права, норм унифицированных договоров. Однако, и это, во-вторых, было бы верным, если бы высшие судебные инстанции РФ дали бы разъяснения по этому поводу, в том числе и по вопросу о том, как соотносятся между собой по силе действия, нормы международных соглашений разного вида: многосторонние, региональные и двухсторонние. В-третьих, в части отечественного законодательства по рассмотренной проблематике, мы бы предложили провести систематизацию действующих норм права в виде инкорпорации. Результатом такого процесса должны стать не только отмена нормативов СССР, к которым мы относим ранее упомянутый Указ Президиума ВС СССР от 21.06.1988 № 9131-XI, но и установление единого перечня оснований признания и исполнения иностранных судебных и арбитражных решений, т.е. должен быть получен ясный ответ на вопрос: «В каких случаях в качестве таковых может служить международный договор, а в каких принцип взаимности, и в каких пределах, в подобных случаях, будет действовать декларированный в ч. 3 ст. 62 Конституции РФ принцип национального режима для иностранных лиц в Российской Федерации? В-четвертых, для минимизации указанной выше проблематики при заключении международных соглашений со стороны МИД РФ, на наш взгляд, было бы более профессиональным, если бы существовал определенный стандартный перечень условий по рассматриваемым вопросам, согласованный с отечественным процессуальным законодательством, и включаемый в соответствующие международные договоры РФ с другими странами.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Собрание законодательства РФ*. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке 10.06.1958) // *Журнал международного частного права*. 1995. № 2. С. 45–50.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) // *Бюллетень международных договоров*. 1995. № 2. С. 3–28.
4. Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, 20.03.1992 г. // *Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество»*. 1992. № 4.
5. Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам (Москва, 23.09.1997 г.) // *Собрание законодательства РФ*. 2003. № 28. Ст. 2896.
6. Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и торговым делам» (подписан в г. Нью-Дели 03.10.2000) // *Собрание законодательства РФ*. 2006. № 20. Ст. 2160.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (г. Нью-Йорке 31.10.2003) // *Бюллетень международных договоров*. 2006. № 10. С. 7–54.
8. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 06.01.1997. № 1. Ст. 1.
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020, с изм. от 02.03.2021) // *Собрание законодательства РФ*. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // *Собрание законодательства РФ*. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

11. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Собрание законодательства РФ. 08.10.2007. № 41. Ст. 4849.

12. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.07.1997. № 30. Ст. 3590.

13. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Российская газета. 02.11.2002. № 209–210 (3077–3078).

14. Указ Президиума ВС СССР от 21.06.1988 № 9131-XI (с изм. от 29.12.2015) «О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей» // Ведомости ВС СССР. 1988. № 26. Ст. 427.

15. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 № 575-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Адамовой Аделины Робертовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 409 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

16. Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2013 № 890-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Назарова Сергея Михайловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 409 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

17. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.10.2013 № 6004/13 по делу № А40-56571/12-141-521 // СПС Консультант Плюс.

18. Белякова Г. А. Признание и исполнение судебного иностранного решения на основании международного договора: отдельные проблемы правоприменения // Всероссийский юридический форум: сборник статей Всероссийского юридического форума (26 октября 2020 г.). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. С. 160–161.

19. Гражданский процесс: учебник / Ян. Я. Кайль. М.: КНОРУС, 2021. С. 377.

20. Зайцев Р. В. Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов / под ред. В. В. Яркова. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 5–6.

21. Иловайский И. Б. Соотношение понятий личный закон физических лиц и национальный режим в международном частном праве РФ правовые иннова-

ции в условиях глобализации и экономической интеграции // Правовое обеспечение инновационных технологий в управлении и правосудии: материалы международной научно-практической конференции (10 декабря 2015 г.). Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. С. 125–129.

22. Лаптев А. Н. Публичный порядок России: некоторые проблемы защиты // Международное публичное и частное право. 2003. № 3. С. 15.

23. Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. М.: Спарк, 1997. С. 121.

24. Нешатаева Т. Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 128.

25. Сеглин Б. С. Приключения иностранного взыскателя в России // Бизнес-адвокат. 2004. № 2. С. 71.

26. Ярков В. В. Производство по делам о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 5. С. 32.

УДК 347

ЦЕЛИ И ОСНОВАНИЯ ВВЕДЕНИЯ ВНЕШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ

Каменнов И. А., студент 4 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Пономарченко А. Е.**, ассистент кафедры финансового и предпринимательского права

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В настоящей статье раскрываются общие задачи банкротства, а также исследуются основания для введения процедуры внешнего управления. Большое внимание в статье уделено целям внешнего управления.

Ключевые слова: банкротство, внешнее управление, кредитор, должник, финансовое оздоровление.

OBJECTIVES AND BASES FOR INTRODUCING EXTERNAL MANAGEMENT

Kamenov I. A., 4th year student of the Faculty of Law

Supervisor: **Ponomarchenko A. E.**, Assistant of the Department of Financial and Business Law

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This article reveals the general objectives of bankruptcy and examines the grounds for introducing external management procedures. Much attention in the article is paid to the goals of external management.

Keywords: bankruptcy, external management, creditor, debtor, financial recovery.

Внешнее управление нацелено на восстановление платежеспособности путем передачи полномочий по управлению должником внешнему управляющему.

Но перед тем, чтобы говорить о цели внешнего управления следует упомянуть о целях всей процедуры банкротства. Рухтин С. в своих работах отмечал, что законодательство о банкротстве является существенным пластом в правовой системе современной России даже несмотря на короткий период его развития, и

имеет влияние на фактически все общественные отношения. Это все обуславливается задачами, которые законодатель ставит перед ним. Эти задачи можно разделить на три группы:

- защита кредиторов, при неплатежеспособности должника;
- развитие инвестиционных отношений с целью улучшения финансирования предприятий, их структурной перестройки, внедрения новых технологий, создания объективных условий для развития и предотвращения неплатежеспособности;
- осуществление публичного контроля для защиты финансовых вложений и обеспечения национальной безопасности.

Данные задачи имеют обеспечительный характер. Это обуславливает такой повышенный интерес государства как субъекта публичной власти к должнику, точнее к его имуществу, так как это способствует формированию и рождению новых имущественных отношений и новых субъективных прав участников правоотношений по банкротству [3].

Но при этом государство стремится защитить и интересы должника. Это выражается в существовании ряда мер, которые защищают имущество должника от его захвата недобросовестными кредиторами.

Таким образом, при проведении банкротства необходимо достижение баланса интересов. Но этот баланс не есть цель всех процедур банкротства. Скорее можно говорить наличие этого баланса интересов способствует достижению перед каждой процедурой конкретной цели. Каждая процедура банкротства имеет свою цель. Цель внешнего управления – финансовое оздоровление должника. Оздоровлению может подлежать только юридическое лицо, обладающее потенциалом для этого.

Главной целью является восстановление платежеспособности должника. И именно поэтому все меры и действия будут направлены на достижение этой цели. Платежеспособность считается восстановленной в случае ликвидации признаков банкротства. Напомню о признаках банкротства юридических лиц – неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам или невыполнение выплаты обязательных платежей, если данные выплаты не были выполнены на протяжении 3 месяцев с момента возникновения обязательства. Требования к должнику должны превышать в сумме 300 000 рублей.

То есть цель будет достигнута в случае, если у должника будут необходимые денежные средства для погашения долгов, требований кредиторов, выплаты

всех обязательных платежей. Порой для этого приходится распродать имущество должника.

Основания для введения внешнего управления можно разделить на две группы. Общие основания и специальные.

Общие основания заключаются во введении внешнего управления арбитражным судом в процессе которого принимается большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, требования которых включены в реестр требований кредиторов.

«Специальными же основаниями считаются следующие:

- введение внешнего управления после процедуры финансового оздоровления, если с момента введения процедуры финансового оздоровления еще не прошло 18 месяцев;

- в результате обнаружения в процессе конкурсного производства конкурсным управляющим достаточных оснований, чтобы полагать, что платежеспособность должника может быть восстановлена, но это возможно в случае, если в отношении этого должника не вводилось финансовое оздоровление и внешнее управление;

- в случае отмены определения об утверждении мирового соглашения и возобновления дела по банкротству.

- после расторжения мирового соглашения и возобновления производства по делу о банкротстве» [1, с. 293].

Для достижения наилучшего результата внешнего управления необходимо реальное обоснование для его введения обоснование. Некоторые российские ученые в сфере банкротства утверждают, что Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» не уделяет внимания на финансовое состояние должника. Но статья 70 Закона, в которой говорится про анализ финансового состояния должника, закрепляет, что арбитражный управляющий проводит анализ финансовых и бухгалтерских документов и отчетов с целью определения имущественного массива должника, определить возможность или невозможность достижения финансового оздоровления, после чего на этой основе определяет целесообразность всех дальнейших процедур и действий. Но вместе с тем ряд статей определяет решающее значение собрания кредиторов для введения тех или иных процедур. То есть арбитражный управляющий в своей работе учитывает мнение собрания кредиторов. Это явле-

ние уравнивает арбитражный суд. Он, в случае обнаружения недобросовестных действий кредиторов, может самостоятельно инициировать ту или иную процедуру, несмотря на пожелания кредиторов.

Как раз эти пожелания и стремления кредиторов это имеют негативный эффект, поскольку в обратном случае, при действительном анализе финансового состояния должника, можно было бы сделать вывод какая из процедур несостоятельности была бы к месту и помогла достичь необходимый результат. В английском законодательстве о несостоятельности этому моменту уделено больше внимания. Так при возбуждении дела о несостоятельности суд обращается к эксперту, который после анализа финансового состояния должника дает рекомендации, сущность которых заключается в определении, какая процедура была бы уместна на данный момент. Так если для реструктуризации или невозможности продолжить предприятию работать на срок, в который можно было бы его продать, то предприятие сразу попадает в конкурсное производство [4].

В российском законе же внешнее управление может быть введение, даже не смотря на очевидные последствия в виде отсутствия результатов.

Вместе с тем в законе явно прослеживается цель восстановления статуса полноценного субъекта гражданского оборота, и только при ее недостижении происходит ликвидация должника вследствие его несостоятельности.

В судебной практике случались ситуации, когда собрание кредиторов решало ввести внешнее управление, но арбитражный управляющий, обладая реальным знанием финансового состояния должника, сообщал о нецелесообразности или даже невозможности таких мер. Но суд отвергнул позицию управляющего и принял неразумную позицию кредиторов.

Если рассматривать п. 1 ст. 92 Закона о банкротстве, то явным становится несущественность выводов, сделанных в результате финансового анализа, а внешнее управление будет вводиться наперекор данному анализу. То есть с точки зрения законодателя, реальная возможность восстановления платежеспособности должника не является главным основанием и принципом для введения внешнего управления.

Таким образом, решение кредиторов, которое послужило основанием, для введения внешнего управления, при наличии существенных условий и предпосылок, необходимых для введения конкурсного производства, и должники в итоге признавались банкротами. А за период внешнего управления долги организации увеличивались. Это вредило, в том числе и самим кредиторам.

Из вышесказанного можно прийти к выводу, что в судебной практике предпочтение отдается реабилитационной процедуре. В то же время наиболее обоснованным было бы существование равенства между выбором ликвидации или реабилитации.

Введение внешнего управления было бы уместно в случае реальных оснований, сделанных на основе полного экономического анализа должника. Формальный подход в таком случае может лишь навредить. Внешнее управление является замечательным инструментом для восстановления платежеспособности должника лишь в том случае, если оно вводится там, где это разумно с экономической точки зрения.

Так или иначе, уже упоминалось о судьейском усмотрении в проведении процедуры банкротства. В связи, с чем возникает вопрос, может ли суд в делах такого типа занимать активную позицию и иметь свое мнение о целесообразности введения внешнего управления, или же его участие ограничивается фиксацией воли участников и позиции арбитра для уравнивания интересов сторон?

Позиции экспертов по банкротству о данном вопросе разнятся. Существует две точки зрения, как ответ на этот вопрос. Так один из них заключается в обязательности для суда принятого собранием кредиторов решения о введении внешнего управления. Но вместе с тем суд должен изучить и дать оценку представленные материалы, после чего сделать самостоятельные выводы.

Противники данного ответа считают, что расширение полномочий суда повлекут и изменение его правового положения, он сможет вмешиваться в деятельность хозяйствующих субъектов. Поэтому разумно было бы согласиться с мнением, что арбитражный суд в процессе осуществления процедур банкротства уполномочен проверять законности и обоснованность участников в деле о банкротстве, в том числе и арбитражных управляющих. Реализация арбитражным судом иной другой власти, кроме судебной недопустимо на конституционном уровне, а его действия носят исключительно процессуальный характер [2, с. 18].

Рассуждая об основаниях введения внешнего управления, приходит такой вывод. Закон отдает предпочтение, приоритет восстановительным процедурам, и суд данное положение вынужден воплощать в своей практике. Существование только формальных оснований, только в теории может привести к желаемому результату, на практике же не способно восстановить финансовое состояние должника.

Однако увеличение роли суда (либо иных контролирующих органов) в отношении целесообразности назначения внешнего управления – это лишь одна сторона вопроса.

Мы считаем, что следует придерживаться позиции, что определяющим в выборе процедуры внешнего управления являются в первую очередь данные финансового анализа должника. Мнение кредиторов о целесообразности введения внешнего управления должно учитываться, однако суд должен иметь возможность отклонить его при отсутствии достаточных оснований для введения такой процедуры.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать окончательные выводы.

Во-первых, следует отказаться от принципиального подхода в законодательстве о банкротстве к процедуре реабилитации должника как имеющей приоритет и сделать более уравновешенный подход, уклон.

Во-вторых, следует больше уделить внимание анализу финансового состояния должника, его потенциала к восстановлению платежеспособности. Следует отказаться от формализации оснований к введению внешнего управления и больше внимания уделять материальному обоснованию.

В-третьих, следует расширить полномочия арбитражных судов в вопросе рассмотрения доводов сторон о введении внешнем управлении. Но в то же время не следует вручать суду полномочия по инициации процедуры внешнего управления исходя из собственного усмотрения. Существенным нововведением было бы наделение суда правом мотивированного отказа во введении процедуры банкротства. Помимо этого следовало бы расширить полномочия суда в вопросе проведения анализа финансового состояния, а точнее позволить суду по собственной инициативе назначать экспертизу для анализа финансового состояния должника, обнаружения фиктивного или преднамеренного банкротства, а также наделением правом отказа в проведении каких-либо процедур банкротства, если они не имеют разумного смысла и реального обоснования их необходимости.

На протяжении всего развития института банкротства в современном российском законодательстве наблюдалось злоупотребление кредиторами своими правами для неправомерного захвата имущества должника. Закон о банкротстве наделяет кредиторов существенными полномочиями, лишая должника участвовать во влиянии на процедуры банкротства и ставя фактически в зависимое положение от собрания кредиторов. Баланс интересов в такой ситуации не возни-

кает. Именно поэтому стоит уделить большее внимание реальным и фактическим основаниям для введения процедур банкротства в целом и внешнего управления в частности, также наделить суд большими полномочиями, чтобы тот, являясь действительным арбитром в разрешении спора, оказывал реальное воздействие на его рассмотрение и своими действиями обеспечивал баланс прав и интересов сторон.

Библиографический список

1. Карелина С. А. Несостоятельность (банкротство) : учебник / Под ред. д. ю. н., проф. С. А. Карелиной. М. : Статут, 2019. 925 с. ISBN 978-5-8354-1481-9. Текст : электронный // ЭБС «Консультант студента» : [сайт]. URL : <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785835414819.html> (дата обращения: 29.03.2021).
2. Кораев К. Б. Особенности правового положения неплатежеспособного должника в процедуре внешнего управления // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 18–19.
3. Рухтин С. Правоспособность несостоятельного юридического лица // Российская юстиция. 2001. № 7.
4. Скрипичников Д. В. Некоторые вопросы законодательства о несостоятельности (банкротстве) Великобритании // ПСЭ. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-zakonodatelstva-o-nesostoyatelnosti-bankrotstve-velikobritanii> (дата обращения: 27.03.2021).

УДК 347.9

ОНЛАЙН ЗАСЕДАНИЯ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ: ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Канцер Ю. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового и предпринимательского права

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового закрепления и применения на практике процедуры, порядка назначения и проведения, оформления в документах сторон и определениях суда механизма онлайн заседания в арбитражных судах. Показаны технические проблемы в использовании онлайн заседания, а также вариации решения проблем применения онлайн заседания арбитражными судами по конкретным делам. Использование дистанционных форм участия в судебных заседаниях полезно не только в период ограничительных мер, но и в условиях обычной практики разрешения споров в целях максимального обеспечения доступности правосудия с технической стороны этого принципа.

Ключевые слова: онлайн заседание, арбитражный суд, судопроизводство, участие в заседании посредством веб-конференции, электронное правосудие, техническая возможность, COVID-19.

ONLINE MEETINGS IN ARBITRATION COURTS: PROBLEMS OF REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Kantser Y. A., PhD in Law, Associate Professor of the Department of Financial and Business Law

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the issues of legal consolidation and application in practice of the procedure, the order of appointment and conduct, registration in the documents of the parties and court rulings of the mechanism of online judicial sitting in arbitration courts. Shown are technical problems in the use of online judicial sitting, as well as variations in solving problems of using online judicial sitting by arbitration courts in specific cases. The use of remote forms of

participation in court hearings is useful not only during the period of restrictive measures, but also in the context of the usual practice of dispute resolution in order to maximize the availability of justice from the technical side of this principle.

Keywords: online judicial sitting, court of arbitration, legal proceedings, participation in the judicial sitting via web conference, e-justice, technical capability, COVID-19.

Обеспечение доступности правосудия, в том числе в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, является важнейшим принципом судопроизводства, без которого защита прав и законных интересов лиц, обратившихся с заявлением в суд, будет просто невозможной (статья 46 Конституции РФ [1], статья 2 АПК РФ [2]).

Появившееся нововведение в арбитражном судопроизводстве, выраженное в использовании технических средств информационных технологий для дистанционного участия в судебных заседаниях (онлайн заседание), изначально было обусловлено жесткими рамками ограничительных мер ввиду распространения COVID-19, а в настоящее время успешно используется помимо этих мер – просто ввиду удобства участия для представителей и в целях процессуальной экономии.

Как верно отмечалось в литературе, у судов есть возможность в экстремальных условиях использовать богатый потенциал положений об аналогии права как правовом средстве, которое позволяет обеспечить справедливость и эффективное восстановление в правах [3].

Автором Шевченко И. М. отмечены две цели создания возможности участия сторон спора в судебном заседании онлайн: 1) минимизация личных контактов представителей лиц, участвующих в деле, с судом и между собой в период наличия угрозы распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19); 2) создание больших возможностей для участия сторон в судебном разбирательстве, в том числе для тех, кто находится в отдаленных регионах и местностях нашей страны [4].

Отметим, онлайн заседание (сама процедура, порядок назначения и проведения, оформление в документах сторон и определениях суда и пр.) по-прежнему процессуальным законодательством прямо не урегулировано. Данная процедура

основывается лишь на практике арбитражных судов по реализации рекомендаций Верховного Суда РФ «проводить судебные заседания с использованием системы видеоконференц-связи и (или) системы веб-конференции с учетом опыта Верховного Суда Российской Федерации» [5]. В коротком Постановлении от 08.04.2020 № 821 давалась простое разъяснение, что для участия в судебном заседании посредством веб-конференции участники судопроизводства подают в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия.

Ни один из органов судейского сообщества (Президиум конкретного арбитражного суда субъекта; Президиум ВС РФ; Совет судей субъекта РФ; Совет судей РФ) не правомочен давать обязательные предписания по порядку рассмотрения и разрешения арбитражных дел. Это вправе сделать лишь федеральный законодатель путем внесения соответствующих изменений в АПК РФ. А пока этого не сделано, в деятельности судов по использованию процедуры онлайн заседания наблюдается разнობой.

Обобщенно, **процедура применения онлайн заседания** выглядит следующим образом.

Отметим сначала, перечень судов, для которых доступна возможность проведения онлайн-заседаний, приводится на сайте: <https://my.arbitr.ru/#help/4/56> (в настоящее время их уже ровно 100).

Лицам, участвующим в деле для обеспечения возможности участия в судебном онлайн-заседании в режиме веб-конференции необходимо заблаговременно:

1. Зарегистрироваться в информационной системе «Мой арбитр»;
2. Ознакомиться с инструкцией по работе с системой онлайн-заседаний, размещенной по ссылке <https://my.arbitr.ru/#help/4/55>;
3. Выполнить предварительную настройку устройства, через которое планируется подключаться к онлайн-заседанию;
4. Провести проверку подключения своего устройства (персональный компьютер, смартфон, планшет и т.д.), через которое планируется подключаться к онлайн-заседанию, в личном кабинете информационной системы «Мой арбитр» в разделе «Тестовая видеоконференция». Проверку необходимо проводить, подключаясь к информационно-телекоммуникационной сети Интернет именно в том месте, в котором планируется в дальнейшем подключение к он-

лайн-заседанию, проводимому судом, и именно через того провайдера связи, который будет для этого использоваться. Участнику судебного заседания, подключающемуся к онлайн-заседанию, необходимо обеспечить надлежащее качество и надежность связи, чтобы исключить связанные с этим задержки в ходе судебного заседания.

При подаче ходатайства о проведении судебного заседания использованием сервиса онлайн-заседаний неукоснительно следовать инструкции по работе с системой онлайн заседаний (<https://my.arbitr.ru/#help/4/55>), обращая особое внимание на следующее: для того, чтобы у суда появилась техническая возможность создать в информационной системе «Картотека арбитражных дел» онлайн-заседание, необходимо при создании соответствующего ходатайства в личном кабинете сервиса «Мой арбитр» на вкладке «Вид обращения» выбирать вид обращения «Ходатайство об участии в онлайн-заседании» в блоке «Арбитражные заседания в онлайн и ВКС режиме» (в противном случае в ИС «КАД» не будет создано онлайн-заседание, а следовательно, его проведение будет технически невозможно).

Кроме загрузки самого ходатайства (текст оформляется в произвольной форме), в котором отмечается наименование суда, наименование заявителя, номер дела, податель такого документа обязан прикрепить в приложениях:

- копию паспорта представителя;
- копию диплома о высшем юридическом образовании;
- копию доверенности или иного документа, подтверждающего полномочия о представлении интересов участника (доверенность рекомендуется загрузить в личном кабинете и выбирать на вкладке «Начало» или загрузить отдельным документом на вкладке «Документы»).

При подаче ходатайства о проведении судебного заседания использованием сервиса онлайн-заседаний следует учитывать, что у судьи отсутствует техническая возможность согласовать ходатайство об участии в судебном заседании с использованием сервиса онлайн-заседаний, если в момент рассмотрения такого ходатайства судьей до судебного заседания остается пять и менее рабочих дней. В связи с этим, данные ходатайства необходимо подавать заблаговременно с учетом названного выше срока.

Ходатайство об участии онлайн заседании подается в суд первой инстанции до назначения дела к судебному разбирательству, в том числе одновременно с подачей искового заявления или направлением отзыва на исковое заявление.

Если ходатайство об участии в онлайн заседании подано после размещения на официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет определения о назначении дела к судебному разбирательству, суд рассматривает это ходатайство по правилам части 5 статьи 159 АПК РФ.

Ходатайство об участии в судебном заседании суда апелляционной или кассационной инстанции может быть подано одновременно с соответствующей жалобой или после вынесения определения о принятии апелляционной (кассационной) жалобы, в котором указано время и место проведения судебного заседания.

Согласование ходатайства об участии в онлайн-заседании выражается в том, что работник аппарата суда, ответственный за прием документов в электронном виде, регистрирует ходатайство, после чего заявителю направляется уведомление о регистрации документа. После регистрации ходатайства на вкладке «Карточки» отобразится Событие «Ходатайство об участии в онлайн-заседании» с информацией:

- Дата подачи ходатайства;
- Податель;
- Статус (зарегистрировано/одобрено/отклонено);
- Дата и время судебного заседания, если статус ходатайства «Одобрено».

После одобрения ходатайства на вкладке «Карточки» отобразится Событие о назначении онлайн-заседания с информацией:

- Дата согласования (одобрения) ходатайства;
- Судья;
- Назначено онлайн-заседание;
- Дата и время судебного заседания.

Для непосредственного начала онлайн заседания представителю стороны необходимо в назначенные дату и время авторизироваться в ИС «Картотека арбитражных дел» под учетной записью, с которой было подано ходатайство, и на вкладке «Онлайн-заседания» нажать «Онлайн-заседание идёт» для участия в заседании.

Если объявлен перерыв в заседании на текущую дату, то для участия в заседании после перерыва ссылка для подключения будет доступна в этой же строке заседания. Если продолжение заседания объявлено на другую дату, то на вкладке «Онлайн-заседания» будет создана новая строка заседания с датой и временем заседания после перерыва: «Объявлен перерыв до ДД.ММ.ГГГГ, ЧЧ:ММ,

зал». Ссылка для подключения будет доступна в новой строке заседания. Участникам онлайн-заседания для участия в заседании после перерыва повторно направлять ходатайства не требуется.

Проблемы правоприменения процедуры онлайн заседания

1. В случае обнаружения *технических проблем* по участию представителей сторон в заседании, проведение которого уже было объявлено посредством онлайн (в том числе в определении суда о назначении заседания) необходимо объявить перерыв или и вовсе отложить судебное разбирательство. Так, суд округа отметил, что суд апелляционной инстанции, удовлетворив ходатайства сторон об участии в судебном заседании посредством веб-конференции с использованием информационной системы «Картотека арбитражных дел», заверил представителей о том, что доступ в онлайн-заседание будет обеспечен, следовательно, у сторон имелись разумные ожидания на реализацию своих прав на участие в судебном заседании 23.12.2020 посредством веб-конференции. Протоколом от 23.12.2020 судебного заседания суда апелляционной инстанции подтверждается, что представители сторон не смогли принять участие в судебном заседании по объективным, не зависящим от них причинам, поскольку именно апелляционной коллегией не был обеспечен технический доступ для участия в онлайн-заседании. Данное обстоятельство послужило основанием к отмене постановления суда апелляционной инстанции [6].

На наш взгляд, если в информационной системе «Картотека арбитражных дел» произошли технические неполадки во время онлайн заседания, повторное подключение не представилось возможным, сотрудник суда также может позвонить представителям сторон (если номер телефона указан в процессуальных документах, позволяющих идентифицировать лиц), и если данные представители указали на отсутствие возражений о рассмотрении дела в их отсутствие, при наличии соответствующих телефонограмм в материалах дела, суд может завершить заседание и без участия представителей непосредственно в онлайн заседании.

При возникновении подобных технических препятствий, судам необходимо помнить, что обстоятельствами, влекущими безусловную отмену обжалуемого судебного акта, являются ограничение доступа к справедливому правосу-

дию и судебной защите, а также невозможность представления соответствующих возражений относительно заявленных исковых требований либо доводов, изложенных жалобе.

2. Следующая проблема связана с *отсутствием «одновременности» заявления ходатайства* об участии в онлайн заседании сторонами по делу. Предположим, сторона А заявила ходатайство об участии в рассмотрении апелляционной жалобы в тексте самой жалобы. Апелляционный суд при принятии жалобы удовлетворил соответствующее ходатайство. Сторона В решила участвовать в судебном заседании по рассмотрению жалобы непосредственно в зале апелляционного суда. Здесь имеются технические вопросы о полноте видео фиксации участников арбитражного процесса, ведь, как правило, веб-камера направлена на судью (судей) и не охватывает зал судебного заседания полностью. Получается, что представитель, участвующий дистанционно в онлайн заседании, не сможет видеть представителя, участвующего в очном заседании, а может только слышать его. Автору известны случаи, когда в онлайн заседании судья использовала не стационарную (отдельную) веб-камеру, а встроенную в ноутбук веб-камеру, следовательно, обзор у этой камеры весьма ограничен.

Здесь же отметим о невозможности в настоящее время *сочетать сразу две дистанционные формы* участия в процессе: посредством ВКС и в онлайн заседании. К примеру, если истец заявил ходатайство об участии в онлайн заседании, а ответчик посредством системы видеоконференц-связи. Видится нелегкой задачей в техническом разрешении данных ходатайств судьей, рассматривающей дело. Очевидно, в удовлетворении по крайней мере одного из них судье придется отказать.

3. Вопрос о *порядке предоставления доказательств суду и исследования доказательств* в режиме онлайн заседания является также острой проблемой.

При использовании веб-конференции невозможно прямо в судебном заседании приобщить дополнительные доказательства или передать другой стороне не направленные заблаговременно ходатайство или письменную позицию, возникает проблема воспроизведения аудио-, видеозаписи как доказательств по делу.

Полагаем, как и в режиме ВКС, лицом, участвующим в судебном заседании, могут быть также представлены в арбитражный суд, рассматривающий дело, письменные доказательства (статья 75 АПК РФ), иные документы и мате-

риалы (статья 89 АПК РФ) при условии наличия технических средств, обеспечивающих возможность ознакомления с такими доказательствами (документ-камера) (пункт 23 Постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 12 [7]).

При проведении онлайн-заседания у суда могут возникнуть сложности при исследовании письменных и иных доказательств в тех случаях, когда требуется обозрение оригинала на основании ч. 2 ст. 71 и ч. 3 ст. 75 АПК РФ (например, в случае, если необходимо провести анализ мелких элементов, имеющих решающее значение при разрешении спора).

4. *Своевременность заявления ходатайства об онлайн заседании.* Как уже отмечалось, хоть этот вопрос прямо не урегулирован, такое ходатайство необходимо заявить, по крайней мере, за 5 рабочих дней до даты судебного заседания. Так, ходатайство Общества о проведении судебного заседания путем онлайн-заседания судом округа оставлено без удовлетворения со ссылками на статьи 73, 121 и 153.1 АПК РФ, поскольку оно подано несвоевременно (за один рабочий день до начала судебного заседания) [8]. Как видим, суд применил положения о ВКС к онлайн заседаниям по аналогии.

5. *Вопрос с обеспечением тайны совещания судей* пока остается открытым и решается каждым судом по-своему. Согласно нормам статьи 167 АПК РФ решение принимается судьями, участвующими в судебном заседании, в условиях, обеспечивающих тайну совещания судей. Для этого, чтобы не сбить настройки информационной системы «Мой арбитр» в части режима онлайн заседания (не прекращать трансляцию), суду можно использовать функцию отключения видео доступа и отключения аудио доступа.

В помещении, в котором арбитражный суд проводит совещание и принимает судебный акт, могут находиться только лица, входящие в состав суда, рассматривающего дело. Запрещается доступ в это помещение других лиц, а также иные способы общения с лицами, входящими в состав суда. Судьи арбитражного суда не вправе сообщать кому бы то ни было сведения о содержании обсуждения при принятии судебного акта, о позиции отдельных судей, входивших в состав суда, и иным способом раскрывать тайну совещания судей. Следовательно, представитель стороны, участвующий в заседании посредством режима онлайн, не должен слышать и видеть обсуждение результатов заседания в совещательной комнате.

Так, по конкретному делу, суд округа отметил, что из аудиозаписи, размещенной в информационной системе «Мой арбитр», следует, что судебное заседание апелляционного суда 10.09.2020 проведено путем онлайн-заседания. Подателем жалобы представлен диск с аудиозаписью, из которого следует, что в ходе проведения онлайн-заседания суд не обеспечил отключение технических средств при принятии постановления, в результате чего процесс совещания судей был слышен участнику спора и зафиксирован им. Данное обстоятельство послужило отмене судебного акта апелляционной инстанции [9].

6. *Оценка действий представителя по заявлению ходатайства об участии в онлайн заседании с точки зрения юридических услуг* также является дискуссионной. Конечно, юрист может согласовать с доверителем вопрос об оплате юридических услуг с учетом объема выполненных действий, в т.ч. и по формированию и отправке в суд ходатайства. Но для целей взыскания расходов на оказание юридических услуг представителя это вряд ли будет иметь существенное значение при определении судом фактического объема оказанных услуг.

Так, по конкретному делу суд кассационной инстанции отметил, что отсутствуют основания для отнесения к самостоятельным процессуальным действиям подготовки ходатайств об участии в судебном заседании посредством видеоконференц-связи и в режиме онлайн-заседания, о приобщении дополнительных документов (доказательства направления документов стороне), так как указанные действия входят в состав услуг по составлению отзывов на апелляционную жалобу и участию в судебных заседаниях [10].

И напротив, то обстоятельство, что истец не ходатайствовал о проведении судебного заседания по настоящему делу путем использования систем видеоконференц-связи и сервиса онлайн-заседания, также не может служить доказательством чрезмерности понесенных судебных расходов по проезду и проживанию, поскольку по смыслу статьи 153.1 АПК РФ такое участие в судебном заседании является правом, но не обязанностью лица, участвующего в деле, а потому его не реализация не свидетельствует о неоправданности данных расходов [11].

7. При проведении онлайн заседаний ставится под вопрос *институт получения расписок* в ситуации предупреждения об уголовной ответственности лица, заявившего о фальсификации доказательства (п. 1 ч. 1 ст. 161 АПК РФ), ведь эта процедура также предполагает очное участие соответствующего лица.

8. При необходимости *опроса свидетелей* суд лишен возможности установить, что свидетели до начала их опроса не присутствовали в судебном заседании, поскольку согласно пункту 6 части 2 статьи 153 АПК РФ суд должен удалить из зала судебного заседания свидетеля до начала его допроса. Если это сделано не будет, его показания невозможно положить в основу принятого судебного акта.

9. В случае онлайн-заседания возможность суда *контролировать действия участников процесса* полностью отсутствует, отследить то, что происходит по ту сторону экрана, невозможно (например, постороннее лицо ведет видеосъемку без соответствующего разрешения суда – часть 7 статьи 11 АПК РФ).

Отметим также, что указывать в ходатайстве оборудование, с которого будет выполнен вход в онлайн заседание не является обязательным, несмотря на имеющуюся отдельную практику, с которой автор статьи не может согласиться. Так, суд округа установил, что апелляционным судом констатировано отклонение ходатайств в первой инстанции об участии в судебном заседании в режиме онлайн с использованием информационной системы «Картотека арбитражных дел» в связи с отсутствием указания в ходатайстве оборудования, что «является обязательным условием для установления наличия технической возможности проведения онлайн-заседания» [12].

При всех проблемах и нерешенных ситуативных процессуальных вопросах при применении онлайн заседания, все же, очевидно, преимуществ возможности использования такой формы дистанционного участия значительно больше. Сразу решаются проблемы злоупотреблений представителями сторон при заявлении ходатайств об отложении разбирательств в связи с невозможностью прибыть в здание суда (болезнь, необходимость сохранять самоизоляцию в течение определенного времени), поскольку в удовлетворении такого ходатайства суды отказывают со ссылкой на возможность использовать онлайн заседание [13].

В целом, вне всяких сомнений, сложности в отправлении правосудия, возникшие в связи с пандемией, лишь способствовали развитию электронного правосудия, в первую очередь, за счет зарождения института онлайн заседания. Обеспечение доступности правосудия и сохранение процессуальной экономии – главные достоинства такой дистанционной формы участия в судебном заседании, которые не могут быть никак нивелированы отдельными сложностями в

процессе использования режима онлайн. Конкретные технические и процессуальные вопросы сегодня решаются отдельными арбитражными судами по-своему. Видится, в скором времени режим онлайн заседания будет прописан в АПК РФ.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru>. Текст : электронный.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
3. Брановицкий К. Л., Ренц И. Г., Ярков В. В. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? // Закон. 2020. № 5. С. 110.
4. Шевченко И. М. Участие в заседании арбитражного суда онлайн: некоторые процессуальные вопросы // Российский судья. 2020. № 10. С. 8.
5. Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 №821 (ред. от 29.04.2020) «О приостановлении личного приема граждан в судах» (утр. силу) // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.04.2021). Текст : электронный.
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.04.2021 № Ф04-1718/2020 по делу № А03-4707/2019 // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 07.04.2021). Текст : электронный.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 №12 (ред. от 27.06.2017) «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27.07.2010 N 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. № 4. апрель, 2011.
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.12.2020 № Ф01-14940/2020 по делу № А28-62/2019 // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.04.2021). Текст : электронный.
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.01.2021 № Ф07-15316/2020 по делу № А56-82002/2019 // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.04.2021). Текст : электронный.

10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.05.2021 № Ф01-1320/2021 по делу № А17-6573/2019 // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.06.2021). Текст : электронный.

11. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 28.06.2021 № 05АП-2608/2021 по делу № А59-7116/2019 // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 28.07.2021). Текст : электронный.

12. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.03.2021 № Ф10-3318/2020 по делу № А35-4262/2019 // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 19.04.2021). Текст : электронный.

13. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.06.2021 № Ф06-4679/2021 по делу № А57-6030/2020 // Доступ из СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 28.07.2021). Текст : электронный.

УДК 346

СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАЛОГОВЫЕ РЕЖИМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Куркина Н. В., магистрант группы МЮ-103

Научный руководитель: **Миронова С. М.**, кандидат юридических наук

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния специальных налоговых режимов на развитие предпринимательской деятельности. Были рассмотрены первоначальные причины введения специальных налоговых режимов, а также необходимость введения новых специальных налоговых режимов.

Ключевые слова: специальные налоговые режимы, субъекты предпринимательской деятельности, налоговая политика, налоговая поддержка, уменьшение налоговой нагрузки.

SPECIAL TAX REGIMES AS A TOOL FOR LEGAL REGULATION OF BUSINESS ACTIVITY

Kurkina N. V., master student of the group MU-103

Supervisor: **Mironova S. M.**, Candidate of Legal Sciences, associate professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the impact of special tax regimes on the development of entrepreneurial activity. The initial reasons for the introduction of special tax regimes, as well as the need to introduce new special tax regimes.

Keywords: special tax regimes, business entities, tax policy, tax support, reduction of the tax burden.

Субъекты предпринимательской деятельности являются основой рыночной экономики, в этой связи публичная власть заинтересована в развитии такой

деятельности, поэтому «взвешенная налоговая политика государства, нацеленная на создание совершенной системы налогообложения, должна учитывать интересы не только государства, но и налогоплательщиков – при том, что предоставление налоговых преференций государством рассматривается как инвестирование в экономику, которое имеет долгосрочный результат, нацеленный на эффективное развитие экономики страны» [4]. Так, устанавливая преференции для предпринимателей, государство создает условия для появления устойчивой экономической среды, которая служит почвой для добросовестного ведения предпринимательской деятельности. В этом смысле регулирующая функция налоговой системы является одним из важнейших факторов стимулирования предпринимательской деятельности, в частности одним из важнейших инструментов такого стимулирования являются специальные режимы налогообложения.

Появление в системе налогообложения каких-то частных схем уплаты налогов субъектами предпринимательской деятельности обусловлено желанием публичной власти оптимизировать процесс сбора налоговых платежей, а также простимулировать какие-либо области предпринимательской деятельности к развитию путем снижения налоговой нагрузки. Однако, бывают и случаи, когда государство создает особые налоговые режимы для определенных субъектов бизнеса независимо от экономической выгоды для такого субъекта и, не предоставляя права выбора иного режима налогообложения. Наглядным примером такой ситуации являются «операторы соглашений о разделе продукции, резиденты особых экономических зон, а до недавнего времени (до 1 января 2013 г.) и налогоплательщики единого налога на вмененный доход (ЕНВД) обязаны были соблюдать особый режим налогообложения, введенный для них публичным субъектом без каких-либо собственных усмотрений в выборе правил налогообложения» [8].

Так, специальные налоговые режимы начали вводиться государством для поддержки бизнеса на этапе перехода к рыночной экономике, в этом смысле довольно значительным событием являлось введение упрощенной системы налогообложения (далее – УСН) в 1995 году, так, как экономика в тот период находилась в довольно упадочном состоянии, ей просто была необходима поддержка для дальнейшего развития, в том числе, и посредством снижения налогового бремени. Упрощенная система предполагала замену уплаты ряда различных налоговых платежей на один налоговый платеж, что снижало общую сумму налоговой нагрузки и уменьшало количество отчетности, думается, что данный специальный налоговый режим является до сих пор одним из самых популярных среди

субъектов предпринимательской деятельности. Поэтому введение данного режима налогообложения способствовало не только увеличению зарегистрированных субъектов бизнеса, но и увеличению налоговых поступлений в бюджет. «Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, общее количество зарегистрированных малых предприятий увеличилось с 890,9 тыс. в 2003 г. до 1 836,4 тыс. в 2011 г., т.е. на 945,5 тыс., или на 106,13 %» [11], что говорит о явном увеличении субъектов в секторе малого и среднего бизнеса.

Однако, УСН не подходила тем, кто вел свою предпринимательскую деятельность без использования кассовой техники, так, как в этом случае отсутствовала возможность контролировать объем доходов предпринимателя и возможно целенаправленное занижение реальных доходов, чтобы избежать данных правонарушений в 1999 году Федеральным законом от 31.07.1998 № 148-ФЗ был введен единый налог на вмененный доход (далее – ЕНВД). В данном случае, как и при УСН, налогоплательщики платили единый налог, а также получили возможность достаточно точного планирования своих расходов на уплату налогового бремени. Однако, в том виде, в котором изначально был введен ЕНВД, он просуществовал недолго, со временем он претерпел достаточное количество изменений, но его суть оставалась прежней.

Начиная с 2006 года для налогоплательщиков – индивидуальных предпринимателей появилась возможность уплачивать налоговые платежи на основе патентной системы налогообложения (далее – ПСН), суть которой заключалась в освобождении предпринимателей от уплаты подоходного налога, предприниматели уплачивали стоимость патента на осуществление определенного вида деятельности, но остальные налоги уплачивались в общем порядке, а потому в период с 1996 года по 2002 год распространения данный специальный режим налогообложения не получил [12]. Но стоит полагать, что очевидным плюсом данного режима являлась простота исчисления платежа за патент и действительное, хоть и небольшое, снижение налогового бремени предпринимателей.

Но патентная система так и не завоевала популярности среди предпринимателей, так, как режим предусматривал совсем небольшое количество наемных работников (до 15 человек), а также получение патента было возможно лишь только по одному виду деятельности, что, несомненно, сковывало предпринимателей в их экономическом развитии. Впоследствии, при изменении законодательства и развитии экономических отношений данные недостатки были исправлены, и ПСН претерпела большое количество изменений, в силу чего, стала более применяема среди предпринимателей.

Впоследствии были введены и иные специальные налоговые режимы, которые поддерживали определенные виды деятельности, так единый сельскохозяйственный налог поддерживает развитие сельскохозяйственной деятельности, снижая налоговое бремя таких предпринимателей.

Так или иначе, налоговая система является достаточно подвижным механизмом, который реагирует на всякие изменения в отношениях в сфере предпринимательской деятельности, поэтому появление или исчезновение тех или иных налоговых режимов и есть отклик налоговой системы на протекающие в экономической сфере процессы.

Так, 1 января 2021 года, ЕНВД перестал существовать. С одной стороны, он был достаточно удобен для предпринимателей, так, как позволял действительно снижать налоговую нагрузку на бизнес и имел довольно простую форму отчетности. Однако, ЕНВД был введен в кризисный период, государством преследовалась цель не дать предпринимателям «уйти в тень», путем снижения налоговой нагрузки. Но с течением времени, предприниматели научились использовать данный налоговый режим в своих интересах, занижая тем самым реальный размер своих доходов, от чего, бюджет страны терпел убытки, и повышалось количество выявленных налоговых правонарушений и преступлений, поэтому речь об отмене ЕНВД шла довольно давно. Еще одним поводом к отмене такого специального налогового режима послужило введение онлайн-касс, которые делали доходы предпринимателей полностью прозрачными, а ЕНВД делали просто бессмысленным.

«По данным статистики за 2019 г., ЕНВД используют около 35 % от всего бизнеса, а именно – 200 тысяч организаций и почти два миллиона индивидуальных предпринимателей. Преобладающее число предпринимателей и организаций, узнавших о предстоящей отмене ЕНВД с 2021 г., предпочитают выбрать УСН. В отличие от общей системы налогообложения, при УСН можно сэкономить на налогах и сдавать меньше отчетов» [9, с. 21].

При этом отмена ЕНВД скажется не только на предпринимателях, но и на местных бюджетах, так, как доходы в бюджеты муниципальных образований от ЕНВД составили примерно 62 миллиарда рублей [9, с. 22], даже если предприниматели начнут переходить на УСН, доходы будут поступать в бюджет региона, но не в местный, таким образом, скорее всего, отмена ЕНВД повлечет следующие последствия: потери бюджета (местного), сокращение субъектов малого

и среднего бизнеса, возможно, сокращение числа рабочих мест у предпринимателей, а как следствие, увеличение числа безработных.

Еще одним примером того, что налоговая политика в Российской Федерации идет по пути вывода доходов предпринимателей из тени является введение в 2019 году экспериментального налога на профессиональный налог, это также свидетельствует и о гибкости налоговой системы, так, как современных условиях многие граждане оказывают услуги без надлежащей регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и для легализации данной деятельности было введено новое понятие – «самозанятый», и, как следствие, появился специальный налоговый режим [6]. Стоит отметить, что данный налоговый режим является единственным режимом, который полностью цифровизирован, что непосредственно упрощает его использование. Возможно, новый налоговый режим не решит проблему легализации незарегистрированных предпринимателей, однако, им могут воспользоваться индивидуальные предприниматели, которые не имеют наемных работников. Так, при переходе на налог на профессиональный доход для индивидуальных предпринимателей появятся следующие льготы:

- «- ставка налога либо останется той же, либо снизится до 4 %, если доход получаем от физических лиц;

- ИП не будет уплачивать страховые взносы во внебюджетные фонды, но это не влияет на налоговую нагрузку, так как страховые взносы, уплачиваемые ИП за себя, уменьшают единый налог в полном объеме, в сумме уплачиваются те же 6 % с доходов;

- «ИП не нужно будет вести учет доходов, подавать декларацию по уплате налога в связи с применением упрощенной системы налогообложения, рассчитывать ежеквартальные авансовые платежи и налог по итогам года» [1];

- не нужно приобретать контрольно-кассовую технику, применение которой для таких ИП становится обязательным с 1 июля 2019 г., чеки формируются в мобильном приложении «Мой налог» [2].

При этом, данный сервис в рамках нового налогового режима, большой шаг к цифровизации налоговых процессов.

Таким образом, в данный момент в Российской Федерации существуют следующие специальные налоговые режимы:

- система налогообложения для сельскохозяйственных производителей (ЕСХН) – основным условием применения данного налогового режима является

то, что доля дохода от реализации сельскохозяйственной продукции должна составлять не менее 70 %, при этом, если в конце года доля такого дохода составит меньше 70 %, налогоплательщик лишается привилегий с начала налогового периода, в котором произошло уменьшение. «Однако данный режим налогообложения имеет недостаток. Организации, перешедшие на ЕСХН, не могут предъявлять НДС к вычету из бюджета, поскольку не являются плательщиками данного налога. Но большинство производителей сельскохозяйственной продукции применяют общую систему налогообложения. Поскольку НДС входит в цену продукции, организации, применяющие ЕСХН, автоматически уплачивают его поставщикам, но по законодательству РФ освобождаются от уплаты. В связи с этим, затраты организации увеличиваются» [5]. Однако, данный налоговый режим направлен на поддержание конкретной узкой отрасли предпринимательской деятельности, а потому отнести его к режиму, стимулирующему всю предпринимательскую деятельность в целом представляется затруднительным.

- Упрощенная система налогообложения (УСН) – по праву является наиболее популярной системой налогообложения у предпринимателей, относящихся к субъектам малого и среднего предпринимательства. Её преимуществами можно назвать то, что уплачивается один единый налоговый платеж, снижается документооборот при сдаче отчётности, снижается налоговая нагрузка, еще одним достоинством данной системы налогообложения является то, что регионы могут устанавливать пониженные ставки, в сравнении с базовыми 6 % на «доходы» и 15 % на «доходы минус расходы», что позволяет предпринимателям выбирать регион с подходящей (меньшей) налоговой ставкой, вместе с тем, регион становится заинтересованным в том, чтобы предприниматели не «ушли» в другой регион.

- Система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции применяется в добывающей промышленности. Действие подобного режима выгодно для инвестора и государства. Инвестор имеет благоприятные условия для вложения средств в поиск, разведку и добычу полезных ископаемых, а государство приобретает гарантии получения части прибыли от этой деятельности. В связи с этим, применение данного режима представляется невозможным для субъектов малого и среднего бизнеса.

- Патентная система налогообложения может использоваться только индивидуальными предпринимателями. Суть её заключается в том, что предпринима-

тель приобретает патент на осуществление определённого вида предпринимательской деятельности, срок действия патента определяется самим предпринимателем, но он не может быть менее 1 месяца и больше 1 года. В данной системе налогообложения также отсутствует декларация как форма отчетности, что, несомненно, упрощает взаимодействие с налоговыми органами. Думается, что недостатком данного режима является невозможность уменьшения стоимости патента за счет выплаченных страховых взносов.

- Налог на профессиональный доход (действует в порядке эксперимента).

Так же в свете экономического кризиса на фоне пандемии COVID-19, в среде предпринимателей появилась инициатива внедрения новых специальных режимов налогообложения, с целью помочь малому и среднему бизнесу, пострадавшему от кризиса быстрее восстановиться.

Так, уполномоченный по правам предпринимателей Б. Ю. Титов предложил ввести специальный налоговый режим для предпринимателей, занятых в сфере общественного питания. Предлагается снизить НДС для предпринимателей указанной сферы до 10 % или же вовсе освободить их от уплаты НДС. «Кроме того, для общепита может быть создан специальный налоговый режим на основе упрощенной системы налогообложения – «УСН – общепит» – с прогрессивной шкалой. Для предприятий с годовой выручкой до 800 млн. рублей предлагается сохранить действующие налоговые ставки в 6 % и 15 % (по базам «доходы» и «доходы минус расходы» соответственно), для предприятий с выручкой от 800 млн. рублей до 2 млрд. рублей установить ставки в 8 % и 20 % соответственно, с увеличением допустимого количества сотрудников.» [3]

Данное предложение продиктовано тем, что доходы рассматриваемых предприятий с начала введения ограничений снизились примерно на 50 % в среднем, еще 20 % были вынуждены закрыться [3].

Однако, думается, что область общепита не является единственной пострадавшей от ограничений в связи с пандемией, и введение отдельных налоговых режимов для таких отраслей не представляется логичным решением проблемы, более логичным решением данной проблемы видится продление и введение налоговых льгот и послаблений для всех, пострадавших от пандемии отраслей бизнеса, а не только для общепита. А введение отдельного налогового режима только для общепита может вызвать лишь негативные настроения у остальных предпринимателей, которые точно так же несли большие убытки.

Поэтому, подводя итог, надо сказать о том, что регулирующая функция налоговой системы посредством специальных налоговых режимов эффективно регулирует предпринимательскую деятельность, высвобождая у предпринимателей дополнительные финансы для развития бизнеса, что, несомненно, позитивно сказывается на общем уровне развития экономики в стране. Особенное внимание в налоговом регулировании уделяется малому и среднему бизнесу, доля в ВВП которого составляет на момент 2020 года примерно 25 %, однако, экономическая политика идет по пути увеличения доли малого и среднего бизнеса, и, по заявлению, президента России В.В. Путина, к 2025 году вклад малого и среднего бизнеса в ВВП должен приблизиться к 40 %. [10] Однако, очевидно, что экономический кризис 2020 года сделает путь к этой цифре более долгим, учитывая то, что меры поддержки в период пандемии не оказались в достаточной мере эффективными.

А введение специальных налоговых режимов для какой-то одной сферы услуг не предоставляется разумной, на данном этапе экономического развития. Налоговые режимы, которые существуют, представляются достаточными, но введение дополнительных налоговых льгот и послаблений в рамках систем налогообложения могут помочь бизнесу восстановиться после кризисных времен.

Библиографический список

1. Беликов Е. Г., Юдина Е. В. Правовое регулирование и перспективы применения специального налогового режима «налог на профессиональный доход» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1 (138). С. 199.
2. Бобошко Д. Ю. Анализ перспектив применения специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Налоги. 2019. № 5. С. 28
3. Выручат из еды. Борис Титов предложил установить специальный налоговый режим для общепита // Российская газета URL: <https://rg.ru/2021/01/29/titov-predlozhil-ustanovit-specialnyj-nalogovyj-rezhim-dlia-obshchepita.html> (дата обращения: 24.03.2021).
4. Головченко О. Н. Основные направления развития налоговой системы России в рамках поддержки малого и среднего предпринимательства в современных условиях // Финансовое право. 2020. N 3. С. 32–35.
5. Елина И. А. Проблемы налогообложения малого бизнеса [Текст] / И. А. Елина // Молодой ученый. 2016. № 24. С. 170–173.

6. Миронова С. М., Стеценко Е. Я. Налогообложение самозанятых лиц (некоторые вопросы применения налога на профессиональный доход) // Право и экономика. 2019. № 9. С. 74–79.

7. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

8. Ногина О. А. О понятии и признаках специального налогового режима // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11. С. 69.

9. Пылаева А. С., Стрельцов Р. С. К вопросу об отмене специального налогового режима ЕНВД: преимущества и недостатки // Налоги. 2020. № 4. С. 21–22.

10. Росстат впервые раскрыл долю малого и среднего бизнеса в экономике // РБК URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/02/2019/5c5948c59a794758389cfd7> (дата обращения: 24.03.2021).

11. Статистка регистрации малых и средних предприятий // Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.03.2021).

12. Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.03.2021).

УДК 346.26

РЕГУЛИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Лубянцева А. Е., студент 4 курса юридического факультета

Научный руководитель: Усанова В. А., кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В данной статье рассматривается определённый ограниченный круг субъектов осуществляющих предпринимательскую деятельность, однако являющийся самым перспективным в развитии российского предпринимательства. Проанализировано понятие «молодёжное предпринимательство» и выработан подход к его толкованию. Также рассмотрен вопрос: почему государство стремится поддерживать молодёжное предпринимательство, и перечислены площадки, где бизнесмен может получить соответствующую помощь.

Ключевые слова: молодёжное предпринимательство, поддержка, предприниматели, малый и средний бизнес, индивидуальные предприниматели.

REGULATION OF YOUTH ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA

Lubyantseva A. E., 4th year student of the Faculty of Law

Supervisor: Usanova V. A., Candidate of Law, Associate Professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This article considers a limited range of subjects engaged in entrepreneurial activity, but it is the most promising in the development of Russian entrepreneurship. The concept of «youth entrepreneurship» is analyzed and an approach to its interpretation is developed. The question of why the state seeks to support youth entrepreneurship is also considered, and the sites where a businessman can get this support are listed.

Keywords: youth entrepreneurship, support, entrepreneurs, small and medium-sized businesses, individual entrepreneurs.

«Молодежное предпринимательство» в России чаще всего относится к категории «малое и среднее предпринимательство» и является одним из самых перспективных в развитии предпринимательского сектора. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации (далее – Основы), утвержденные на период до 2025 года, определяют молодежное предпринимательство как *предпринимательскую деятельность граждан в возрасте до 30 лет, а также юридических лиц (субъектов малого и среднего предпринимательства), средний возраст штатных работников которых, а также возраст руководителя не превышает 30 лет либо в уставном (складочном) капитале которых доля вкладов лиц не старше 30 лет превышает 75 %* [2, с. 135].

Основным критерием выделения молодежного предпринимательства является возраст предпринимателей. Для того чтобы входить в группу молодых предпринимателей необходимо находиться в определенной возрастной категории – до 30 лет. Поскольку Основы являются ненормативным правовым актом, его положения носят рекомендательный характер, а не обязательный.

Анализ регулирования молодежного предпринимательства в разных регионах показывает наличие незначительных отклонений. Регионы по своему усмотрению ранжируют возраст молодого предпринимателя. Большинство придерживается позиции Основ, и ставят верхний предел возраста молодого предпринимателя 30 лет, но есть исключения. Челябинск в сотрудничестве с «Мой бизнес» и «Территория бизнеса» проводил конкурс «Молодой предприниматель Челябинской области», участником которого может стать собственник официально зарегистрированного бизнеса до 35 лет, осуществляющий предпринимательскую деятельность на территории Челябинской области [7]. Полагаем, что это связано с нормами Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Закон определяет молодежь как социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно [1, с. 28]. В связи с таким двойственным подходом к одному и тому же вопросу возникают коллизии в практике регулирования молодежного предпринимательства в регионах России.

В связи с выявленным фактом, предлагаем унифицировать предельный возраст, по достижении которого молодой предприниматель переходит в категорию «простого», «взрослого» предпринимателя и перестаёт пользоваться льготами и поддержкой предоставленными в рамках проекта развития молодёжного

предпринимательства. В противном случае складывается ситуация, когда предприниматель, который осуществляет свою деятельность на территории нескольких субъектов, может соответствовать разным правовым статусам и иметь различные правовые возможности, что противоречит требованиям Конституции РФ о наличии в Российской Федерации единства экономического пространства (ст. 8).

Согласно определению, данному Основами, субъектов молодёжного предпринимательства можно разделить на граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность в качестве индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

К первой группе относятся граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность, в возрасте до 30 лет. В данном случае подразумеваются граждане, которые зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей или самозанятых. Эта самая популярная и простая на сегодняшний день форма осуществления предпринимательской деятельности.

Во второй группе молодёжное предпринимательство рассматривается, во-первых, как совокупность штатных работников юридического лица и его руководителя, возраст которых не должен превышать 30 лет. Такая модель возможна, если юридическое лицо имеет минимально необходимое количество сотрудников для осуществления предпринимательской деятельности.

Во-вторых, как лиц не старше 30 лет, доля которых в уставном (складочном) капитале юридического лица превышает более 75 %. Это значит, что 25 % вкладчиков всё же могут быть старше 30 лет. Полагаем, что это связано с особенностями организационно-правовой формой юридического лица. В случае отсутствия этих 25 % организация не могла бы обеспечить стабильный и постоянный состав учредителей, для сохранения статуса молодёжного предпринимательства, лицам, достигшим 31 года, необходимо было бы выйти из состава учредителей.

Вид деятельности не влияет на квалификацию предпринимательства как молодёжного. Молодые предприниматели чаще выбирают модные и современные направления деятельности, например, продажа и доставка спортивного и правильного питания, экомгазины, организация и проведение квестов, тату-салоны и студии пирсинга, креативные пространства и арт-кластеры, бизнес на квадрокоптерах. То есть, молодёжное предпринимательство, как правило, является инновационным. Государство стремится к развитию технологий и воспитанию кадрового резерва в области IT-технологий и инженерной промышленности.

Причины особого внимания со стороны государства к молодёжному предпринимательству нужно искать в сущности самого общества. Предпринимательская деятельность требует, во-первых, креативности, особой максимальной активности, во-вторых, инвестиций, системного подхода к работе. Если первого у молодого предпринимателя достаточно, то вот с наличием денежных средств необходимых для реализации бизнес проекта, опыта, знаний возникают существенные затруднения. Человек всегда стремится удовлетворить свои потребности и сделать это наилучшим образом в пределах своих финансовых возможностей. Поэтому предприниматель стремится привлечь внимание покупателей именно к своей продукции, при этом затрачивая минимальное количество средств, но реализуя по максимально допустимым высоким ценам. Для этого необходимо придумывать новые и менее затратные способы производства товара и предоставления работ и услуг. Молодежь в этом плане способна оперативно подстраиваться под новые веяния и моду. В силу возраста им свойственно не только креативное мышление, но и способность реализовать свои идеи, принимая активные действия, несмотря на большую нагрузку.

Молодые предприниматели сталкиваются с многими проблемами. Ученые делят их на 3 группы: личностные или мотивационные; отсутствие профессиональных знаний и опыта; законодательные. С этими проблемами помогает бороться государство в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Предприниматель может также обратиться в Ассоциацию Молодых Предпринимателей России. Однако, необходимо учесть специфику данной организации. Ассоциация нацелена на работу с активными и целеустремленными предпринимателями, которые продвигают свои идеи не только в сфере бизнеса, но также готовы работать в политической, социальной и юридической сфере. Она осуществляет свою деятельность в масштабе всей страны, объединяет более 10 000 молодых предпринимателей.

По мнению Ассоциации, современное предпринимательство должно основываться на передовых технологиях, поэтому молодежь, как самая продвинутая социальная группа, должна развивать это направление. Из такой направленности и вытекают основные цели и задачи организации: формирование стратегии развития малого и среднего бизнеса, содействие модернизации экономики страны, создание эффективной системы экспертной оценки нормативно-правовых актов,

а также улучшение имиджа российских товаров и услуг на международном рынке, привлечение молодых предпринимателей (до 35 лет) и др. [5].

На территории Волгоградской области действует Центр поддержки предпринимательства Волгоградской области государственного автономного учреждения Волгоградской области «Мой бизнес». Он оказывает как финансовую, так и иную поддержку предпринимателям. Финансовую поддержку оказывают гарантийный фонд и фонд микрофинансирования предпринимательства. Нефинансовая поддержка включает 3 элемента: консультирование начинающих предпринимателей, оказание им определенных услуг, обучение в целях повышения профессионального уровня. Консультация проводится по вопросам начала ведения собственного дела для физических лиц, маркетингового сопровождения деятельности и бизнес-планирования, правового обеспечения деятельности. За услугами предприниматель обращается в случае необходимости оказания содействия в размещении субъекта малого и среднего предпринимательства на электронных торговых площадках, организации сертификации товаров, по разработке франшиз предпринимателей. Центр разрабатывает образовательные программы, проводит обучающие тренинги, круглые столы, семинары и вебинары по актуальным вопросам ведения предпринимательской деятельности [6].

В рамках данной платформы также работает множество специализированных организаций, например, Центр инжиниринга, Центр прототипирования, Центр поддержки экспорта. Одним из элементов инфраструктуры поддержки молодёжного предпринимательства в Волгоградской области является Центр молодежного инновационного творчества (ЦМИТ), который открывает свои двери перед молодыми учеными и школьниками к самым современным инструментам и подходами для производства сложных систем с использованием аддитивных технологий, которые в последнее время получили широкое распространение для производства изделий и прототипов, основанных на поэтапном формировании изделий путем добавления материалов на основу. Работа данного центра помогает молодым людям, у которых возникают потенциально прибыльные бизнес-идеи. ЦМИТ обеспечивает:

- 1) доступ к современному оборудованию прямого цифрового производства для реализации, проверки коммерциализации их инновационных идей;
- 2) содействие в выводе производимых продуктов на рынок;
- 3) техническую и производственную поддержку, осуществляющих разработку перспективных видов продукции и технологий;

4) содействие в государственной регистрации юридических лиц, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана.

В Волгограде ЦМИТ действует на базе разных учебных заведений. Волгоградский государственный медицинский университет является площадкой, которая специализируется на технологиях биопечати. На 3D-принтере можно создавать органы, протезы, имплантаты, медицинские инструменты и многое другое, что позволит снизить процент врачебной ошибки и создать условия, в которых каждый сможет получить качественную квалифицированную медицинскую помощь. В условиях пандемии биопечать была переориентирована с онкологических заболеваний на область вирусологии. Технология 3D-печати сделала возможным более глубокое и детальное изучение влияния коронавируса на клетки человеческого организма. Важность данной биотехнологии невозможно переоценить, поскольку исследования, с ее помощью способны спасти миллионы жизней.

Для стимулирования молодёжного предпринимательства проводятся различные форумы, такие как «За бизнес», который поддерживается комитетом молодежной политики Волгоградской области. Также молодые предприниматели могут принять участие в проекте «Бизнес-наставники», где могут получить консультационные услуги и даже юридическое сопровождение.

Несмотря на применяемые в настоящее время формы и виды государственной и муниципальной поддержки малого и среднего бизнеса, категория «молодой предприниматель» так и не получила законодательного закрепления. В связи с этим все ещё существуют пробелы в едином регулировании данного вопроса и как следствие необходимость дальнейшего развития молодежного предпринимательства как основы малого и среднего бизнеса.

Библиографический список

1. Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 28.
2. Грибанов Г. А. Молодежное предпринимательство в России / Г. А. Грибанов // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 7. С. 134–140.

3. Онжигит А. М. Молодежное предпринимательство – будущее развитой экономической инфраструктуры / А. М. Онжигит // Молодой ученый. 2018. № 7 (193). С. 82–84.

4. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.

5. Ассоциация молодых предпринимателей России. URL: <http://ampr.ru/ob-ampr-2/> (дата обращения: 24.03.2021).

6. Мой бизнес – государственная цифровая платформа поддержки предпринимательства. URL: <https://msp.economy.gov.ru/> (дата обращения: 22.03.2021).

7. Стартовал прием заявок на конкурс «Молодой предприниматель Челябинской области» // Территория бизнеса 74.рф URL: <https://территориябизнеса74.рф/news/startoval-priem-zayavok-na-konkurs-molodoy-predprinimatel-chelyabinskoy-oblasti/> (дата обращения: 20.03.2021).

УДК 346.92

**К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
(НАДЗОРА)**

Малева Е. А., студент 2 курса магистратуры юридического факультета

Научный руководитель: **Егоров А. В.**, кандидат юридических наук

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос направления развития системы принципов защиты прав коммерческих юридических лиц и лиц, имеющих статус индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), в частности, затрагивается вопрос о разрешении коллизионных ситуаций, вызванных наличием противоположных нормативных предписаний.

Ключевые слова: предприниматель, государственный контроль, частное лицо, защита, Российская Федерация.

**TO THE QUESTION OF THE PRINCIPLES OF PROTECTION OF THE
RIGHTS OF ENTREPRENEURS IN THE IMPLEMENTATION OF STATE
CONTROL (SUPERVISION)**

Maleva E. A., 2nd year student of the magistracy of the Faculty of Law

Supervisor: **Egorov A. V.**, Candidate of Legal Sciences

Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This article discusses the development of the system of principles for the protection of the rights of commercial legal entities and persons with the status of individual entrepreneurs in the implementation of state control (supervision), in particular, the issue of resolving conflict situations caused by the presence of opposite regulatory requirements.

Keywords: entrepreneur, state control, private person, protection, Russian Federation.

Защита прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей является актуальной задачей для российского правопорядка. Один тот факт, что на 01 декабря 2020 г. функционирует 2 853 779 [6] коммерческих юридических лица и 3 890 877 [5] физических лиц, имеющих статус индивидуальных предпринимателей. Составляющей частью функционирования субъекта предпринимательской деятельности является надзор и проведение соответствующих мероприятий со стороны государства, в ходе осуществления которых предприниматели могут столкнуться, и не так редко реально сталкиваются с нарушениями своих прав со стороны контрольных органов и их представителей.

С принятием Конституции РФ частная собственность получила равноправное положение и защиту со стороны государства. Для её обеспечения в рамках недопущения злоупотреблений со стороны государственных органов был издан Федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» [12] (Далее – Закон № 134-ФЗ), в рамках которого были изложены принципы защиты указанных категорий субъектов.

Так, ст. 3 Закон № 134-ФЗ содержала четырнадцать принципов, в соответствии с которыми осуществлялась надзорная деятельность за субъектами предпринимательства.

Стоит отметить, что данный нормативно-правовой акт содержал принцип добросовестности, являющийся достаточно новой категорией для отечественного гражданского законодательства, хоть и он и имеет несколько иное содержание в рамках рассматриваемых правоотношений.

Так, в гражданском праве, добросовестность вступает в противоборство с закреплённым в ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) принципа генерального деликта. Более того, Верховный Суд Российской Федерации в 2015 году указал, что в случае наличия фактов, явно свидетельствующих о недобросовестности действий одной из сторон спора, суд вправе отказать в защите права и предпринять меры по защите прав и интересов добросовестной стороны [8]. Отсюда можно сделать вывод, что добросовестность, с учётом правоприменительного подхода, выступает в качестве некоего общественного блага, на защите которого стоит государство и осуществление которой требуется от участников гражданского правоотношения.

В случае же публичных правоотношений, коими по своей природе являются отношения в связи с осуществлением проверочных мероприятий, принцип

добросовестности выступает формой презумпции невиновности, поскольку субъекты оказываются в принципиально разном положении. Государственные органы получают широкий спектр прав и обязанностей в отношении проверяемых лиц. Отсюда необходимость поставить предпринимателей в защищённое положение, которое обяжет именно проверяющий орган доказывать вину предпринимателя, и не вынудит предпринимателя доказывать свою невиновность.

Ещё одним принципом, заслуживающим отдельного рассмотрения, является принцип недопустимости взимания платы за осуществление надзора, а именно – наличие исключения, касающегося возмещения расходов на осуществление исследований (испытаний) и экспертиз. Примечательно, что в Законе № 134-ФЗ указано, что компенсация взимается только в случае, если было обнаружено нарушение.

По итогу, Конституционный Суд РФ дал собственную оценку данной оговорке, и, несмотря на внешнее сходство с процессуальными издержками, признал подобные взыскания разновидностью публично-правового наказания, поскольку, в отличие от процессуальных издержек, проверка проводится не в качестве поиска доказательственной базы по делу о конкретном правонарушении [7].

Следующим нормативно-правовым актом, регулирующим права предпринимателей при проведении проверок, является Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [13] (далее – Закон «О защите прав предпринимателей»). На сегодняшний день именно этим законом регулируется защита прав предпринимателей.

Данный нормативно-правовой акт содержит меньшее количество принципов защиты предпринимателей – всего десять. При этом, целый ряд принципов был заменён, а иные изменились текстуально. В частности, принцип недопущения взимания платежей за проведение проверок был приведён в соответствие с Конституцией РФ [4] и решением Конституционного Суда РФ [7].

Представляется, что существующая система принципов продолжает страдать той же проблемой, что и предыдущая – наличие норм общеправового характера, применимых в иных правоотношениях.

Наличие определённой декларативности в системе принципов осуществления контроля и защиты прав предпринимателей при проведении проверочных мероприятий перекочевала и в пока не вступивший в силу Федеральный закон от

31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [11] (далее – Закон № 248-ФЗ). Как пишут Р. Н. Аганина и Т. А. Андропова: «Грандиозный размах в перечислении принципов государственного контроля вызывает ощущение определенной декларативности указанных начал и сомнения в возможности их практической реализации... Полагаем, что законодателю необходимо сосредоточить свое внимание только на тех принципах, которые будут последовательно и конкретно раскрыты в дальнейших статьях закона (например, стимулирование добросовестности), а упоминание о таких очевидных принципах как объективность является избыточным» [1].

Вместе с тем следует отметить, что подобная декларативность, излишнее дублирование общих принципов для всей отечественной правовой системы в Законе о защите прав предпринимателей куда менее актуальна, чем в Законе № 134-ФЗ, хоть и всё равно свойственна, тем не менее, их развитие идёт в сторону ухода от декларативных норм и дублирования общеправовых принципов и фокусировании на специфике регулируемой группы общественных отношений.

Приведённое выше мнение Р. Н. Аганиной и Т. А. Андроновой касательно системы принципов проведения проверочных мероприятий, установленных в Законе № 248-ФЗ безусловно справедливо, но даже те положения, что представляются данным авторам декларативными, в своём содержании всё равно отражают специфику регулируемых отношений. Тем самым, Закон № 248-ФЗ, будучи идейно вдохновлённым Законом о защите прав предпринимателей и Законом № 134-ФЗ, продолжает направление на спецификацию, вместе с тем, вырабатывая собственное содержание общеправовых принципов, избегая их прямого дублирования.

На этом фоне особой проблемой представляется нежелание законодателя на уровне принципов урегулировать проблему противоречий, возникающих у предпринимателей при реализации положений тех или иных требований. Например, правила противопожарной безопасности, установленные Постановлением Правительства РФ от 25 апреля 2012 № 390 «О противопожарном режиме» [10] запрещают установку каких-либо приспособлений, способных помешать закрываться противопожарным или противоподымным дверям. До недавнего времени действовавшие меры антитеррористического характера, установленные Поста-

новление Правительства Москвы от 24.08.2010 № 741-ПП «О схемах газоснабжения города Москвы на период до 2020 года» [9] требовали устанавливать входные двери, ворота, решётки на окна первых этажей, ограждения.

Данная коллизия не уникальна. Аналогичная проблема противоречия требований противопожарного режима и антитеррористической безопасности возникли по поводу турникетов на путях эвакуации. Данная коллизия была разрешена следующим образом: «турникеты должны автоматически открываться при срабатывании систем пожарной сигнализации, либо могут вручную открыться охраной, либо должны быть альтернативные пути эвакуации в здании, минуя турникеты. Эта мера позволила гармонизировать требования антитеррористической и пожарной безопасности» [3].

Как видно из второго примера, подобные проблемы могут найти то или иное разрешение, но в каждом случае оно будет казуистичным, неизвестен срок поиска решения, а также количество санкций за нарушение того или иного контрольно-надзорного акта.

Представляется, что подобные ситуации, независимо от применения или отказа от реализации «регуляторной гильотины» подобные проблемы всё равно будут иметь место. Их разрешение требует не только внимания и аккуратности со стороны законодателя, в чьи обязанности входит обеспечение непротиворечивости правового регулирования, но и обеспечения ясности для предпринимателей, вынужденных либо проявлять чудеса сообразительности для поиска «соломоновых решений», либо нести ответственность за нарушение одного из контрольно-надзорных актов, поскольку ситуация, при которой не будет нарушен ни один из них не ясна.

Наиболее верным в данном случае будет выработка отдельного принципа в рамках Закона о защите прав предпринимателей, устанавливающего приоритет соблюдения режима безопасности техногенного характера перед противодействием правонарушениям. Речь идёт, в частности, о том, что в ситуациях, подобных описанным, предприниматель должен отдавать приоритет пожарной безопасности, поскольку в рамках данного направления у частного лица больше возможностей собственными силами обеспечить недопущение чрезвычайной ситуации. В случае противодействия терроризму или иным правонарушениям, следует помнить, что Российская Федерация берёт на себя правоохранительную

функцию, и обеспечение антитеррористической безопасности должно быть, преимущественно, задачей правоохранительных органов и силовых структур, поскольку они имеют особые полномочия, специальные средства, навыки и т.д.

Данный принцип можно сформулировать следующим образом: «недопустимость переложения правоохранительных функций на частное лицо в ущерб обеспечению иных мер безопасности».

Обобщая сказанное, следует отметить, что развитие принципов защиты предпринимателей идёт в сторону ухода от декларативных норм и дублирования общеправовых принципов и фокусировании на специфике регулируемой группы общественных отношений.

Вместе с тем, сохраняет свою актуальность проблема противоречивость требований контрольно-надзорных актов, предъявляемых к предпринимателям. Данная проблема актуальна не только на данный момент, но и в ближайшей перспективе, поскольку Закон № 248-ФЗ, вступающий в силу 01 июля 2021 года не содержит на уровне принципов решения данной проблемы.

Представляется, что для решения проблемы противоречий требований контрольно-надзорных актов в Закон о защите прав предпринимателей может быть внесён одиннадцатый принцип следующего содержания: «недопустимость переложения правоохранительных функций на частное лицо в ущерб обеспечению иных мер безопасности»

Библиографический список

1. Аганина Р. Н., Андропова Т. А. «Модернизация института государственного контроля предпринимательской деятельности» // Право и политика. 2020. № 2. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/N/moderizatsiya-i-instituta-gosudarstvennogo-kontrolya-predpriimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 12.12.2020).

2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 410.

3. Доклады по результатам обобщения правоприменительной практики органов государственного надзора МЧС России с руководством по соблюдению обязательных требований за 2017 год (утв. МЧС России 20.04.2018) // СПС «КонсультантПлюс»

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»

5. Отчёт 1-ИП-2020_12_01 // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_analytics/regstats/ (дата обращения: 12.12.2020 г.)

6. Отчёт 1-ЮР-2020_12_01 // [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_analytics/regstats/ (дата обращения: 12.12.2020 г.)

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2008 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В. В. Михайлова» // «Российская газета», № 163, 01.08.2008.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 140, 30.06.2015.

9. Постановление Правительства Москвы от 24.08.2010 № 741-ПП «О схемах газоснабжения города Москвы на период до 2020 года» // «Вестник Мэра и Правительства Москвы», № 50, 07.09.2010

10. Постановление Правительства РФ от 25.04.2012 № 390 (ред. от 23.04.2020) «О противопожарном режиме» (вместе с «Правилами противопожарного режима в Российской Федерации») // «Собрание законодательства РФ», 07.05.2012, № 19, ст. 2415.

11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // «Российская газета», № 171, 05.08.2020.

12. Федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» // «Парламентская газета», № 152-153, 14.08.2001.

13. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // «Российская газета», № 266, 30.12.2008.

УДК 349

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ НОРМ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Малышкин С. П., студент 4 курса юридического факультета

Научный руководитель: Абезин Д. А., кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу установления и применения отдельных антикоррупционных норм в предпринимательской сфере. Через призму принципа неотвратимости ответственности анализируются установления Федерального закона «О противодействии коррупции», а также принятых во исполнение его разъясняющих актов, адресатом которых являются частные организации, и практика применения таких актов, которая по технико-юридическим основаниям представляется неоднозначной.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, предпринимательские риски, юридическая техника, противодействие коррупции.

APPLICATION PROBLEMS OF CERTAIN ANTI-CORRUPTION NORMS IN THE FIELD OF ENTREPRENEURSHIP

Malyshkin S. P., 4th year student of the Law Faculty

Supervisor: Abezin D. A., Candidate of Law Sciences, Associate Professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the establishment and application of certain anti-corruption norms in the business sphere analysis. Through the prism of the principle of the inevitability of responsibility, the author analyzes the provisions of the Federal Law «On Combating Corruption», as well as the explanatory acts adopted in compliance with it, the addressee of which is private organizations, and the practice of applying such acts, which is ambiguous on technical and legal grounds.

Keywords: anti-corruption legislation, business risks, legal technique, anti-corruption activities.

Одним из общих принципов права, обеспечивающих реализацию охранительных норм и гарантирующих действие регулятивных, является принцип неотвратимости ответственности [1, с. 9-10]. Благодаря ему разница между декларируемым в законодательстве и практикой применения законодательства становится меньше по нескольким причинам. Во-первых, чем больше случается ситуаций, которые с точки зрения закона, требуют применения норм об ответственности, и чем чаще в этих случаях применяются нормы об ответственности, тем сущее (реализация права) становится ближе к должному (линейной модели, установленной в законе). Во-вторых, принято считать, что применение юридической ответственности выполняет предупредительную функцию, и оно призвано снизить количество правонарушений. А чем меньше случается правонарушений, тем меньше рисков неприменения норм об ответственности. И в-третьих, как отмечают представители экономического анализа права, и сами правонарушители склонны рассчитывать, последуют ли за их действиями действия ответные или нет. И если в отношении видов правонарушений, которые правоохранительные органы стабильно быстро и успешно расследуют, правонарушители с меньшей решительностью предпринимают попытки совершить их, то в случае с категориями правонарушений, где принцип неотвратимости ответственности реализуется плохо, ситуация принимает обратное значение [7, с. 270-280].

Одной из проблем в реализации принципа неотвратимости ответственности является латентность правонарушений. Высокой латентностью обладают коррупционные правонарушения, в связи с чем неотвратимость ответственности в такой области также представляется проблематичной к реализации [9, с. 3]. Коррупция, как известно, охватывает не только государственные структуры, но и частные организации, потому что личная заинтересованность не ограничивается публичными правоотношениями: ресурсы могут быть реализованы в противоречии с установленными законом порядками и принципами и в частной сфере.

В теории и в законодательстве одним из признаков предпринимателям выделяют признак риска. Так, в гражданском кодексе РФ упомянуто, что предпринимательской деятельностью является осуществляемая на свой риск деятельность. Выделяют различные виды таких рисков. И к политической группе предпринимательских рисков относятся, так как опасность для предпринимателя связана с деятельностью государства, риски применения юридической ответственности, в том числе за несоблюдение стандартов противодействия коррупции [6,

с. 114]. Однако, и для самих предпринимателей коррупционные проявления представляют факторы, приводящие к возникновению предпринимательских рисков, что призвано стимулировать субъектов предпринимательской деятельности предпринимать меры по противодействию коррупции для их снижения [4, с. 120].

Так как антикоррупционное законодательство в Российской Федерации хотя и прошло достаточно долгий путь развития, но еще имеет потенциал для совершенствования, нормы о противодействии коррупции в организациях были включены сравнительно недавно. По причине сравнительно недавнего появления таких норм должностным лицам частных организаций имеет смысл обращать на них внимание. Но это не единственная причина, по которой для субъектов предпринимательской деятельности такие нормы представляют интерес. Примечательность таких норм состоит еще и в их технико-юридической составляющей, которая предоставляет отдельные неудобства для предпринимателей.

В статье 13.3 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон о противодействии коррупции), относящейся к противодействию коррупции в организациях, установлена обязанность организаций принимать меры по противодействию коррупции [8]. Таким образом, имеет место очевидное непосредственное обязывание. В части второй рассматриваемой статьи конкретизируется эта норма и дается перечень мер, которые организации могут устанавливать для её исполнения. Однако, остается неясным, подразумевает ли эта норма, что только одного из предложенных вариантов достаточно, чтобы обязанность считалась выполненной или нет. Так как, судя по её признакам, норма является альтернативой, диспозиция которой предполагает её применение при любом из описанных в ней вариантов развития событий, полагаем, что выполнение организацией любого из предложенных законодателем вариантов будет являться исполнением рассматриваемой обязанности.

Вместе с тем, некоторые случаи из судебной практики свидетельствуют о количественном измерении упомянутой обязанности, которые ставят под вопрос достаточность принятия организацией одной только меры по противодействию коррупции. Так, в Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд было обжаловано представление прокурора на действия общества с ограниченной ответственностью, занимающейся арендой и лизингом транспортных средств, хотя обществом был принят во исполнение статьи 13.3 Закона о противодействии коррупции Кодекс этики и служебного поведения работников. По мнению прокурора,

мероприятия по противодействию коррупции проведены обществом не в полном объеме» проверяемым хозяйствующим обществом. Что подразумевает «полный объем» мероприятий по противодействию коррупции можно вывести через следующие пояснения в Постановлении суда, передающем содержание представление прокурора. Там указано на необходимость четкой регламентации процедуры соблюдения принимаемых локальных норм. Например, детализации порядка уведомления работодателя о случаях склонения работника к совершению коррупционных правонарушений или о ставшей известной работнику информации о случаях совершения коррупционных правонарушений. Также, по мнению прокурора, в таком документе необходимо предусмотреть каналы и формы представления уведомлений, порядок их регистрации, сроки рассмотрения и меры, направленные на обеспечение конфиденциальности полученных сведений и защиты лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях [2].

Очень точно подметил суд, оставляя решение суда первой инстанции в силе, вынесенное в пользу проверяющего органа, что требования прокурора *основаны на законе*. Основным аргументом суда в исследуемом постановлении являлась ссылка на Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции (утв. Министерством труда и социальной защиты РФ 8 ноября 2013 г.), в которых и содержатся указанные требования по детализации. Признать, что требования прокурора к организации по этому основанию необходимости конкретизации более, чем основанными на законе некорректно, потому что из самого закона они не следуют, в чём мы убедились ранее при рассмотрении Закона о противодействии коррупции. В постановлении также был подчеркнут второй недостаток разработанного хозяйственным обществом документа – рекомендательный или управомачивающий, а не обязывающий характер норм разработанного обществом кодекса этики. Это основание уже представляется корректным и законным в рассматриваемом деле. Однако, в свете выдержанной в диспозитивном характере части 2 статьи 13.3 Закона о противодействии коррупции и Методических рекомендаций по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции упрек в сторону частного лица, создающего свой локальный акт сообразным существующей нормативно-правовой и разъясняющей её базе, представляется предъявленным мимо надлежащего адресата.

В связи с рассмотренным судебным постановлением следует отметить, что

несмотря на кажущиеся с обыденной точки зрения перегибы со стороны правоохранительных органов, следует помнить, что принятый даже на локальном уровне акт, в соответствии с конструкцией антикоррупционной нормы, основывающейся на статье 13.3 Закона о противодействии коррупции, должен становится обязательным для организации и её работников и должностных лиц. И неисполнение принятого даже на локальном уровне акта, предназначенного для противодействия коррупции только в этой организации, так как затрагивает интересы публичные, является юридическим фактом для привлечения к ответственности лиц, не исполняющих его.

В любом случае, обширная судебная практика свидетельствует о том, что обычно в судебном порядке требуют установления таких мер вообще, без конкретики о необходимой мере. Например в Постановлении Медвежьегорский районный суда республики Карелия от 28 июля 2020 г. по делу № 5-155/2020 указано на необходимость для унитарного предприятия разработать меры по противодействию коррупции вообще. Основанием для рассмотрения дела в суде являлась прокурорская проверка, которая совершения организацией соответствующих мер не выявила [3]. Сама формулировка «разработать меры по противодействию коррупции», часто встречающаяся в судебных решениях указывает на требование некоего результата или законченного продукта. Вместе с тем, в части 2 ст. 13.3 Закона о противодействии коррупции указаны и варианты, которые являются длящимися, для которых важны не столько результаты, сколько само их осуществление. Например, предотвращение и урегулирование конфликта интересов или недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов [8]. Таким образом, с учётом судебной практики наше предположение об альтернативности исследуемой нормы представляется некорректным. Хотя, даже без помощи судебной практики, при углублённом изучении статьи становится видно, что для предотвращения и урегулирования конфликта интересов необходима процедура. Произвольная, нигде не закреплённая процедура вызовет больше подозрений в её внеправовом характере, для предотвращения чего организация и нуждается в разработке локальных актов, регламентирующих такие процедуры.

Затрудняющей запутанную в технико-юридическом аспекте ситуацию в отношении применения антикоррупционных стандартов к частным организациями является также норма Трудового кодекса РФ. В ч. 7.1 статьи 81 Трудового кодекса

РФ указано, что при непринятии работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является, или непринятия иных мер, отраженных в тексте рассматриваемой части, работодатель *может* уволить работника [5]. Таким образом, императивная по характеру антикоррупционная норма становится диспозитивной. Происходит это следующим образом. Статья 13.3 обязывает организации принимать меры по противодействию коррупции. Организация создает условия для противодействия коррупции на локальном уровне, а когда подходит черед реализации такой нормы, оказывается, что санкция такой нормы в законе является диспозитивной. Таким образом, если продолжать аргументационное состязание, выходя уже за пределы отдельного судебного дела, можно парировать следующим образом. Даже если бы в локальном акте были приняты обязательные меры для работников и должностных лиц организации, Трудовой кодекс РФ в этом случае стал бы причиной «неэффективной системы противодействия коррупции» на уровне организации.

И для субъекта предпринимательской деятельности, следующего как диспозиции статьи антикоррупционного законодательства, так и её санкции, выраженной в ТК РФ, возникает вопрос: какое юридически значимое действие ему совершить, чтобы таковое не было расценено как правонарушение. По такой логике работодателю остается уволить работника в связи с несоблюдением антикоррупционных запретов, то есть рассматривать ч 7.1 статьи 81 ТК РФ как императивную, чтобы его действия не были расценены как непринятие мер по разрешению конфликта интересов, когда иных способов его разрешить не представляется возможным найти.

Выше мы говорили про латентность коррупционных правонарушений. И сложившаяся за счёт технико-юридических недочетов, выразившихся в подборе ненадлежащего метода правового регулирования и установлении широких для интерпретации формулировок, норма, призванная бороться с коррупцией, напротив, делает поправку для лиц, совершивших правонарушение, а работодателям дает юридическую возможность поступать таким образом. Итак, из-за технико-юридического недочета становятся затронутыми как публичные интересы, так как не обеспечивается надлежащая правовая база для противодействия коррупции, так и частные интересы, так как нарушается принцип правовой определённости и субъекты предпринимательской деятельности оказываются перед сложным выбором выбора хода, который не повлёт бы юридическую ответственность.

Библиографический список

1. Липинский Д. А. Принцип неотвратимости юридической ответственности с позиции ее двухаспектного понимания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3. С. 9–14.
2. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 июня 2020 г. N 15АП-4915/20 по делу N А32-52509/2019 // Доступ из СПС «Гарант».
3. Постановление Медвежьегорского районного суда республики Карелия № 5-155/2020 от 28 июля 2020 г. по делу № 5-155/2020 // Доступ из СПС «Гарант».
4. Ручкина Г. Ф. Риск в предпринимательской деятельности и его правовое отражение / Г. Ф. Ручкина // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 4. С. 118–122.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.
6. Турчаева И. Н. Финансовая среда предпринимательства и предпринимательские риски: учебник и практикум для вузов / И. Н. Турчаева, Я. Ю. Таенчук. Москва : Издательство Юрайт, 2021. 213 с.
7. Уинтер Г. Вопросы права и экономики / пер. с англ. Т. Шишкиной; под науч. ред. М. Одинцовой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 416 с.
8. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. № 266.
9. Чистоусова К. В. О некоторых вопросах латентности коррупционных преступлений // Эпоха науки. 2015. № 1. С. 3–5.

УДК 34.096

**РАЗГЛАШЕНИЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ (ТАЙНЫ)
ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА ПРИ УСМОТРЕНИИ В НЕЙ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Мартыненко Е. И., магистрант 1 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Гончаров А. И.**, доктор юридических наук профессор

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В настоящей статье исследуется вопрос о возможности разглашения конфиденциальной информации (коммерческой тайны) контрагента, в которой усматривается состав преступления. Анализируются некоторые правовые ситуации. Предлагаются варианты решения.

Ключевые слова: переговоры о заключении договора, коммерческая тайна хозяйствующего субъекта, хозяйствующий субъект, понятие и состав преступления, разглашение конфиденциальной информации.

**DISCLOSURE OF CONFIDENTIAL INFORMATION OF AN ECONOMIC
ENTITY WHEN IT IS CONSIDERED A CRIME**

Martynenko E. I., 1st year master student of the Faculty of Law

Supervisor: **Goncharov A. I.**, Doctor of Law, Professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This article examines the possibility of disclosing confidential information of the counterparty, which is seen as a crime. Some legal situations are analyzed. Solutions are offered.

Keywords: negotiations on the conclusion of a contract, confidential information of an economic entity, an economic entity, the concept and composition of a crime, disclosure of confidential information.

Еще философы и мыслители древнегреческого и древнеримского государства (Цицерон [4], Аристотель [1]) указывали, что изучение какого-либо вопроса

научного исследования, в том числе и правового, следует начинать с определения.

В связи с этим было бы правильным обратить внимание на сущность и содержание терминов информация, конфиденциальная информация и содержание коммерческой информации.

Согласно ст. 2 закона об информации [6] информация представляет собой любые сведения независимо от их представления. Исходя из ст. 3 закона о коммерческой тайне [7] можно установить, что коммерческая тайна представляет собой режим секретности (конфиденциальности) данных, который позволяет обладателю этой информации обеспечить достойное существование и развитие на экономическом рынке.

Согласно этой же норме, содержание коммерческой информации образуют любые сведения, которые могут помочь её обладателю обеспечить достойное существование и развитие на экономическом рынке. Например, к такой информации, в частности, следует отнести способы осуществления хозяйствующим субъектом своей деятельности.

Стоит указать, что данный перечень является открытым, что, как мы полагаем, вполне оправдано. Дело в том, что с развитием рыночных отношений в нашей стране не следует закреплять закрытый перечень сведений, которые могут входить в состав коммерческой тайны, так как с течением времени появляются новые сведения коммерческой тайны. Это в свою очередь потребует дополнительного внесения изменений в законодательство, что крайне неблагоприятно. Кроме того, еще в дореволюционной России было отмечено, что главная проблема российского законодательства является избыточное и некачественное принятие законов [8].

Исходя из этого, можно установить два ключевых признака конфиденциальной информации:

1. Коммерческая ценность, которая позволяет обладателю этой информации обеспечить достойное существование и развитие на экономическом рынке (увеличить доходы, сократить расходы и др.);

2. Секретность коммерческой тайны. В данном случае интересно мнение В. А. Белова, который отмечает, что именно сама неизвестность самих сведений, а не сами сведения, входящих в содержание коммерческой тайны, является материальным благом [2].

При этом с данной точкой зрения трудно спорить, поскольку согласно ст. 150 Гражданского кодекса РФ [3] перечень объектов нематериальных благ является открытым. Вероятно, по этой же причине возможно взыскать со лица, которой незаконно распространило сведения, образующие коммерческую тайну, убытки. В целях недопущения распространения коммерческой тайны на практике распространена такая договорная конструкция как договор на запрет распространения конфиденциальной информации.

Поскольку коммерческой тайной может обладать лишь определенный круг лиц, то, следовательно, коммерческая тайна представляет собой одну из разновидностей информации с ограниченным доступом.

Интерес автора привлекла идея о возможности распространения коммерческой тайны хозяйствующего субъекта в случае усмотрения в её содержании состава какого-либо преступления.

При систематическом анализе уголовного законодательства, можно установить, что каждый, кто знает о совершенном или готовящемся преступлении террористической направленности, обязан сообщить об этом в правоохранительные органы. В противном случае установлена уголовная ответственность по ст. 205.6 Уголовного кодекса РФ [5]. Других норм, обязывающих сообщать в соответствующие правоохранительные структуры о преступлении, нет.

Следовательно, на сегодняшний день отсутствует обязанность сообщать о преступном характере коммерческой тайны. Более того, здесь следует учитывать следующий момент.

Согласно ст. 183 Уголовного кодекса РФ за собирание и распространение сведений, образующих коммерческую тайну, предусмотрена уголовная ответственность. Однако мы считаем, что нормы о возможности распространения сведений, образующих коммерческую тайну, следует доработать таким образом, чтобы лицо, желающее их распространить, само не подвергалось ответственности.

В качестве аргументации можно привести следующие ситуации. Обычно при ведении переговоров о продаже долей или акций в хозяйственных обществах, потенциальному покупателю передается информация, входящая в коммерческую тайну. Это делается с целью того, что потенциальный покупатель смог удостовериться в перспективности покупки бизнеса. При этом потенциальный покупатель подписывает соглашение о неразглашении сведений, образующих коммерческую тайну, и которые ему станут известны по итогам изучения.

После изучения всех сведений, образующих коммерческую тайну потенциального продавца, покупатель обнаруживает, что какие-то из сведений носят явно преступный характер. Например, стратегия ведения предпринимательской деятельности продавца предусматривала, что остатки производства не утилизируются, а сбрасываются в речные каналы, что нарушает экологическое законодательства. При этом, эта стратегия действовала на протяжении 5 лет перед тем как попасть в руки потенциального продавца.

Возникает вопрос, обязан ли потенциальный покупатель сообщить об этом факте в правоохранительные органы или нет? Ответ очевиден. Он не обязан. При этом он может сообщить об этом, однако в таком случае он сам, скорее всего, будет подвергнут уголовному преследованию по ст. 183 Уголовного кодекса РФ.

Другая ситуация. Индивидуальный предприниматель, привлеченный на предприятие по договору о возмездном оказании услуг, являясь лицом, который обладает конфиденциальной информацией, обнаруживает, что директор предприятия обязывает сотрудников при продаже продукции клиентам использовать мошеннические пути. С одной стороны, это преступление с стороны директора. С другой, сообщение об этом факте в правоохранительные органы также может влечь уголовную ответственность.

Мы полагаем, что в данном случае законодательство следует реформировать таким образом, чтобы лицо, являясь носителем конфиденциальной информации, которое обнаружило в содержании этой информации преступный характер, могло свободно, то есть без возможности применения санкций, сообщить об этом в соответствующие правоохранительные органы. При этом речь идёт лишь о возможности, то есть о праве лица сообщить о преступлении, но не об обязанности.

В связи с этим требуется реформировать законодательство следующим образом:

1. В ст. 183 Уголовного кодекса РФ внести пункт о том, что распространение лицом сведений, составляющих коммерческую тайну, не будет образовывать состав преступления в случае, если такое распространение являлось следствием преступного характера самих сведений, образующих коммерческую тайну.

2. Согласно положениям гражданского законодательства, распространение сведения, образующих нематериальные блага – в частности, неизвестность сведений, образующих коммерческую тайну, влечет за собой обязанность возместить убытки лицом, которое учинено в таком распространении. В связи с этим,

было бы целесообразным внести в ст. 150 Гражданского кодекса РФ положения о том, что в случае если распространение сведений, образующих коммерческую тайну, стало следствием преступного характера сведений, образующих коммерческую тайну, то распространяемое лицо не подвергается гражданско-правовой ответственности.

Библиографический список

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. Изд-во «Азбука. Санкт-Петербург. 2000. Риторика. Книга первая. 119 с. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt>
2. Белов В. А. Гражданское право. Т. 2. Общая часть. Лица, блага, факты : учебник для бакалавров / В. А. Белов. М. : Изд-во Юрайт, 2015. 1093 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.
4. Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. К. 1. Ч. 2. М.: НАУКА, 1974. 237 с. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423775001>
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 09.03.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.), ст. 3448.
7. Федеральный закон от 29.07.2004 N 98-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32, ст. 3283.
8. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России / Г. Ф. Шершеневич. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 206 с.

УДК 346

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОКАЗАНИЮ
ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ**

Миронова С. М., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового и предпринимательского права

Петров А. П., студент 4 курса юридического факультета

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация. Введение с 1 января 2021 года налогового вычета по НДФЛ на занятия спортом и фитнесом, предопределили необходимость исследования субъектов предпринимательской деятельности, которые могут оказывать физкультурно-оздоровительные услуги, по которым граждане смогут получить вычет. В работе описывается возможный состав физкультурно-спортивных организаций, который может утверждены нормативно для предоставления вычета. Проанализирован рынок физкультурно-спортивных организаций, какими кодами виды деятельности должны обладать организации и индивидуальные предприниматели для включения их в перечень Правительства РФ. Рассмотрены требования к физкультурно-спортивным организациям для вхождения в данный список. Проанализирован зарубежный опыт на примере США предоставления налоговых льгот при занятиях спортом.

Ключевые слова: физкультурно-оздоровительные услуги, физкультурно-спортивные организации, налог на доходы физических лиц, налоговый вычет, Общероссийский классификатор видов экономической деятельности.

**LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES IN
PROVIDING PHYSICAL AND HEALTHY SERVICES**

Mironova S. M., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Financial and Business Law

Petrov A. P., 4th year student of the Faculty of Law

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА

Abstract. The introduction from January 1, 2021 of the personal income tax deduction for sports and fitness, predetermined the need to study business entities that can provide health and fitness services for which citizens can receive a deduction. The paper describes the possible composition of physical culture and sports organizations, which can be approved by the normative for the provision of a deduction. The market of physical culture and sports organizations is analyzed, what codes and types of activities should be possessed by organizations and individual entrepreneurs to be included in the list of the Government of the Russian Federation. Considered the requirements for physical culture and sports organizations to enter this list. The foreign experience is analyzed on the example of the USA providing tax benefits for sports.

Keywords: physical culture and health services, physical culture and sports organizations, personal income tax, tax deduction, All-Russian Classifier of Economic Activities.

В современное время российскому государству важно, чтобы граждане заботились о своем здоровье и занимались физкультурой. Увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, устанавливается как один из показателей в национальных и федеральных проектах [6, 7]. Рынок физкультурно-оздоровительных услуг развивается и растет, появляется большое количество организаций и предпринимателей, которые предлагают различного вида услуги в данной сфере. Для стимулирования граждан занятия физкультурой и спортом был введен налоговый вычет по налогу на доходы физических лиц, которые осуществляют расходы в данной сфере. В апреле 2021 года были приняты изменения в Налоговый кодекс РФ, которые вступают в силу с 1 января 2022 года [10], в соответствии с которыми гражданам будет предоставляться социальный налоговый вычет в сумме, уплаченной налогоплательщиком за оказание ему физкультурно-оздоровительные услуги.

Социально налоговый вычет предоставляется гражданам, которые предоставят документы подтверждающие расходы на оказание физкультурно-оздоровительных услуг. К таким документам относятся копия договора об оказании Физкультурно-оздоровительных услуг и кассовый чек в бумажной или электронной форме. Общая сумма социального налогового вычета остается неизменной –

120 тысяч рублей. Таким образом, налогоплательщик наряду с другими расходами (на образование, медицину) может вернуть из бюджета не более 15600 рублей за один год.

Налогоплательщик имеет право на вычет, если такие физкультурно-оздоровительные услуги были оказаны ему или его детям физкультурно-спортивными организациями, а также индивидуальными предпринимателями, осуществляющими деятельность в области физической культуры и спорта в качестве основного вида деятельности.

В связи с этим необходимо провести анализ, какие организации и индивидуальные предприниматели могут оказывать данные услуги. Правительством РФ ежегодно будет формироваться перечень таких субъектов, на основании данных, предоставляемых регионами. В настоящее время, такой перечень не сформирован, как и не определены критерии, под которые должны подпадать организации и индивидуальные предприниматели, которые будут оказывать такие услуги.

Что бы понять какие физкультурно-оздоровительные организации могут входить в список, который примет Правительство РФ, надо понять, как устроен рынок данного типа услуг.

Исходя из Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» к субъектам физической культуры и спорта относятся «физкультурно-спортивные общества, спортивно-технические общества, спортивные клубы (включая профессиональные спортивные клубы, физкультурно-спортивные клубы), объединения физкультурно-спортивных клубов, фитнес-центры, центры спортивной подготовки, профессиональные спортивные лиги, студенческие спортивные лиги, школьные спортивные лиги, а также общественно-государственные организации, организующие соревнования по военно-прикладным и служебно-прикладным видам спорта» [9].

Что бы ответить на вопрос, какие же все-таки организации и индивидуальные предприниматели могут войти в список налогового вычета, необходимо обратиться к определению данной сферы.

Понятие «физкультурно-оздоровительная услуга» закреплено ГОСТ Р 52024-2003 Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные, в соответствии с которым «физкультурно-оздоровительная услуга – это деятельность исполнителя по удовлетворению потребностей потребителя в поддержании и укреплении здоровья, физической реабилитации, а также проведении физкуль-

турно-оздоровительного и спортивного досуга» [3]. Также ГОСТ определяет понятие «спортивная услуга» – это «деятельность исполнителя по удовлетворению потребностей потребителя в достижении спортивных результатов» [3].

Данные определения очень сильно отличаются, к оздоровительным услугам относятся граждане не являющимися спортсменами и осуществляющие не тяжелую физическую деятельность с целью укрепления здоровья и осуществления спортивного досуга таких как марафоны, эстафеты и т.д. А спортивная услуга направлена на лиц, которые являются спортсменами с целью развития себя в спортивных направлениях.

В связи с введением налогового вычета в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» было введено определение «физкультурно-оздоровительная услуга», под который понимается «деятельность, осуществляемая физкультурно-спортивной организацией независимо от ее организационно-правовой формы, направленная на удовлетворение потребностей граждан в сохранении и укреплении здоровья, физической подготовке и физическом развитии, включающая в себя в том числе проведение физкультурных мероприятий» [9].

Как можно увидеть, понятия «физкультурно-оздоровительная услуга» в ГОСТ и Федеральном законе не совпадают. Более того, наблюдается и путаница в субъекте, оказывающим такие услуги, поскольку в ГОСТ под исполнителем услуги понимается «организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, оказывающие спортивные услуги» [3]. В связи с этим представляется целесообразным привести в соответствии Федеральный закон и Государственный стандарт.

В литературе предпринята попытка разделить рынок оказания физкультурно-оздоровительных услуг на ряд категорий: платные и бесплатные; рынок лечебно-физкультурных услуг; рынок оздоровительно- профилактических услуг; рынок спортивно-массовых услуг [5].

Очевидно, что для получения налогового вычета услуги будут оказываться платно. Поэтому, например, бесплатные спортивные секции, в том числе услуги, оказываемые спортивными федерациями при отсутствии внесения платы за услуги, когда вместо нее уплачиваются членские взносы, не будут подпадать под возможность получения налогового вычета.

Чтобы попасть в список физкультурно-оздоровительных организаций, который установит Правительство Российской Федерации, надо чтобы деятельность данной организации являлась основной, следовательно, она должна иметь соответствующий код ОКВЭД.

На данный момент существует 12 кодов ОКВЭД, касающихся физкультурно-оздоровительных организаций [8]:

ОКВЭД 93.1. «Деятельность в области спорта». К данному коду относятся спортивные организации, команды или клубы, участвующих главным образом, в спортивных мероприятиях с продажей билетов зрителям, деятельность владельцев гоночных автомобилей, деятельность тренеров в различных видах спорта, деятельность владельцев арен и стадионов. Не подходит к требованиям для включения в список.

ОКВЭД 93.11. «Деятельность спортивных объектов». Данный код включает в себя деятельность объектов по проведению спортивных мероприятий для профессионалов и любителей, деятельность конюшен скаковых и беговых, деятельность площадок и стадионов для занятий зимними видами спорта, проведение спортивных мероприятий на открытом воздухе или в помещении для профессионалов или любителей организациями имеющие свои спортивные объекты. Данный код не подходит к оздоровительным услугам.

ОКВЭД 93.12. «Деятельность спортивных клубов». Осуществляется проведение спортивных мероприятий на открытом воздухе или в помещении для профессионалов или любителей организациями, не имеющие свои спортивные объекты. Код не подходит к оздоровительным услугам.

ОКВЭД 93.13 «Деятельность фитнес центров». К ним относится деятельность клубов по фитнес и бодибилдингу, в данную группу не включаются занятия с тренером и преподавателями, так как они входят в код 85.51. Фитнес подходит по требованиям к оздоровительным услугам для включения в список.

ОКВЭД 93.19. «Деятельность в области спорта и прочая деятельность». В данной группе осуществляется деятельность организаторов спортивных мероприятий, имеющих или не имеющих свои спортивные объекты; деятельность самостоятельных спортсменов, атлетов и судей; деятельность спортивных лиг и т.п. Не подходит так как связан с спортивной деятельностью.

ОКВЭД 93.2 «Деятельность в области отдыха и развлечений». Имеет широкий перечень организаций, которые эксплуатируют сооружения или предо-

ставляют услуги по организации досуга и развлечений своим клиентам, в зависимости от их пожеланий. Подходит к оздоровительным услугам, так как организовывает досуг и, следовательно, может войти в перечень организаций.

ОКВЭД 93.21 «Деятельность парков культуры и отдыха и тематических парков». Деятельность развлекательных и тематических парков Она включает виды деятельности по организации отдыха и развлечений, такие как деятельность парков аттракционов, таких как механизированные горки, водные горки, игры, шоу, деятельность, связанную с организацией ярмарок и пикниковых площадок. Не подходит, так как не отвечает требованиям оздоровительных организаций и, следовательно, не может войти в список.

ОКВЭД 93.29 «Деятельность зрелищно-развлекательная прочая» Деятельность в области отдыха и развлечений (кроме развлекательных парков и парков с аттракционами), не включенную в другие группировки: эксплуатацию видеоигр, действующих при опускании монет (жетонов); деятельность парков отдыха и развлечений (без пансиона); деятельность по предоставлению транспортных средств для целей развлечения, например, лодок; деятельность горнолыжных комплексов и т.д. Данный код подходит под требования оздоровительных услуг и может войти в список.

ОКВЭД 93.21.1 «Деятельность парков отдыха и пляжей» не соответствует требованиям оздоровительных организаций.

ОКВЭД 93.21.2 «Деятельность танцплощадок, дискотек, школ танцев» соответствует требованиям, установленными оздоровительными услуг.

ОКВЭД 93.29.9. «Деятельность зрелищно-развлекательная прочая, не включенная в другие группировки» не соответствует требованиям и, следовательно, не может быть включен в список организаций.

ОКВЭД 85.41.1 «Образование в области спорта и отдыха», группировка включает: занятие спортом, групповые или индивидуальные, включая занятия в спортивных лагерях и школах. Эта группировка включает:

- спортивное обучение (баскетбол, бейсбол, крикет, футбол и т.д.);
- обучение в спортивных лагерях;
- обучение гимнастики; и т.д.

Эта группировка не включает:

- занятия спортом в общеобразовательных школах, колледжах и университетах; образование в области культуры

Исходя из выше перечисленных кодов можно предположить, какие коды ОКВЭД могут быть включены в список. Их соответствие с требованиями нового закона исходило из определения физкультурно-оздоровительных услуг.

Также возникает вопрос, будут ли к физкультурно-спортивным организациям для включения в перечень предъявлять требования по оказанию таких услуг, установленные ГОСТ.

Общие требования к физкультурно-оздоровительным организациям установлены ГОСТ Р 52024-2003 «Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные, общие требования» [3].

Физкультурно-оздоровительные и спортивные сооружения, используемые при оказании услуг, должны соответствовать требованиям, а также иметь условия для обслуживания инвалидов. Рекомендуется оборудовать входы и выходы для инвалидных колясок.

Содержание территории физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений должно обеспечивать свободный проезд (подъезд) технических средств специальных служб (пожарная, спасательная, санитарная и др. техника).

При оказании услуг физкультурно-оздоровительные и спортивные сооружения, а также территория вокруг них должны иметь рабочее, дежурное и аварийное освещение в соответствии с требованиями и.

Показатели микроклимата (температура, относительная влажность, вентиляция) в физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружениях должны соответствовать требованиям ГОСТ 12.1.005 и другим установленным требованиям.

Предельно допустимое содержание вредных веществ и пыли в воздухе физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений не должно превышать норм, установленных в ГОСТ 12.1.005 (раздел 3, приложение 2) [1].

Допустимый уровень шума в физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружениях должен соответствовать установленным требованиям.

Участки территории физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений, на которых проводятся земляные, строительные-монтажные работы должны быть огорожены и обозначены соответствующими знаками по ГОСТ Р 12.4.026 [2].

Исполнители услуг должны осуществлять регулярную уборку внутри и на прилегающей территории. Используемые препараты для дезинфекции, дезинсекции, дезодорации, моющие средства, подлежащие обязательной сертификации,

должны иметь сертификат соответствия и применяться в соответствии с нормативными требованиями.

Возникает вопрос, будут ли региональные органы власти, составляющие предварительный список организаций и предпринимателей для включения в перечень их Правительством РФ, проверять выполнение всех установленных требований.

Необходимо отметить, что практика предоставления такого налогового вычета существует и за рубежом. Так исходя из информации сайта SFIA. Комитетом Палаты представителей США по вопросам способов и средств (высший налоговый комитет Конгресса) 28 голосами против 6, и теперь он будет частью более крупный пакет реформ сберегательного счета здравоохранения (HSA). Закон о РНТ [4] позволит вам использовать до 1000 долларов (или 2000 долларов для семей) долларов до вычета налогов на расходы на физическую активность, такие как абонемент в тренажерный зал, оборудование для фитнеса, плата за занятия спортом, занятия физическими упражнениями и индивидуальные тренировки.

В заключении следует отметить что список организаций физкультурно-спортивных организаций будет составлен Правительством Российской Федерации в будущем, в настоящее время рассматриваются возможные варианты вхождения в список физических-оздоровительных организаций и предпринимателей, оказывающих услуги в этой сфере. Данный налоговый вычет будет способствовать привлечению граждан к занятию физкультурой и спортом. При этом следует максимально упростить порядок получения вычета.

Библиографический список

1. ГОСТ 12.1.005-88. Межгосударственный стандарт Система стандартов безопасности труда. Общие санитарно-гигиенические требования к воздуху рабочей зоны [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru/document/1200003608 (дата обращения 04.04.2021).
2. ГОСТ Р 12.4.026-2001. Государственный стандарт Российской Федерации. Система стандартов безопасности труда [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru/document/1200026571 (дата обращения 04.04.2021).
3. ГОСТ Р 52024-2003 Услуги физкультурно-оздоровительные и спортивные [Электронный ресурс] URL: docs.cntd.ru/document/1200031619 (дата обращения 04.04.2021).

4. Конгресс США обсуждает налоговые вычеты за фитнес [Электронный ресурс] URL: www.sfia.org/publicaffairs/phitarticles (дата обращения 14.04.2021).
5. Назаренко, М. Ю. Структура физкультурно-оздоровительного сервиса в Республике Беларусь / М. Ю. Назаренко // Молодежь – науке – IX: Развитие сферы туризма, гостеприимства и спорта в контексте повышения уровня и качества жизни населения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Сочи, 19–21 апреля 2018 года / Ответственный редактор С.В. Гриненко. Сочи: Сочинский государственный университет, 2018. С. 207–210.
6. Паспорт национального проекта «Демография», утв. Минтрудом России // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
7. Паспорт федерального проекта «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек», утв. Минздравом России // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
8. Расшифровка кодов ОКВЭД и их классификация за 2021 год [Электронный ресурс] URL: <https://код-оквэд.рф/> (дата обращения 14.04.2021).
9. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50, ст. 6242.
10. Федеральный закон от 05.04.2021 № 88-ФЗ «О внесении изменений в статью 219 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в части предоставления социального налогового вычета в сумме, уплаченной налогоплательщиком за оказанные ему физкультурно-оздоровительные услуги» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 15 (Часть I), ст. 2455.

УДК 347.23

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Мирошниченко В. В., студент группы 17-Юр-Гр

Научный руководитель: Кдлян Е. Л., кандидат юридических наук

Сочинский государственный университет, г. Сочи

Аннотация. В статье обсуждаются актуальные проблемы общей долевой собственности. Рассматривается судебная практика в данной области. Обосновывается необходимость совершенствования правовых норм, регулирующих вопросы долевой собственности, и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: собственность, общая собственность, долевая собственность, долевые имущественные отношения, преимущественное право покупки.

CURRENT PROBLEMS OF SHARED OWNERSHIP

Miroshnichenko V. V., student of group 17-Yur-Gr

Supervisor: Kdlyan E. L., Candidate of Legal Sciences

Sochi State University, Sochi

Abstract. The article discusses current problems of shared ownership. Judicial practice in this area is considered. The author substantiates the need to improve the legal norms regulating shared ownership issues and suggests ways to solve them.

Keywords: property, common property, shared ownership, shared property relations, pre-emptive right to purchase.

На сегодняшний день очень актуален вопрос решений проблем, возникающих в связи с приобретением, владением и пользованием общей собственностью. Невозможно вести предпринимательскую деятельность, не имея какой-либо имущественной базы.

Для любого хозяйствующего субъекта собственность является не только средством осуществления предпринимательской деятельности, но и обязательным условием.

Определим, что под имуществом понимается определённая совокупность вещей, материальных объектов, и в том числе имущественные права, которые состоят в собственности юридического или физического лица.

Дело в том, что многие граждане выбирают вариант ведения предпринимательской деятельности совместно, полагая, что в этом есть ряд плюсов, ведь они значительно сокращают свои материальные вложения на начальном этапе, т.е. на этапе создания организации и объединяют свои возможности, опыт и знания для эффективного достижения целей. Такой подход имеет не только преимущества, но и, опираясь на практическую сторону дел, ряд отрицательных моментов. Приобретая совместно имущество, чаще всего недвижимое, либо участвуя в долевом строительстве многоквартирных домов, в дальнейшем сталкиваются с различными тупиковыми ситуациями, т.к. доля в общем имуществе многоквартирного дома не приобретает самостоятельного юридического значения, такое право имеет ограниченный характер.

Анализируя нормы права, следует отметить, что имущество может принадлежать как двум или нескольким гражданам (сособственникам), так и юридическим лицам, коммерческим или некоммерческим организациям. Кроме того возможно также наличие смешанной общей собственности, которая принадлежит физическим и юридическим лицам.

Необходимо отметить, что согласно ст. 245 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в случае, если доли участников долевой собственности не могут быть определены на основании закона и не установлены соглашением всех её участников, доли будут считаться равными [1]. Тем же соглашением между участниками устанавливается порядок владения и пользования. Именно из-за недальновидности собственников, которые по какой-то причине пренебрегают таким правом, вопросы раздела имущества, выдела доли в натуре, решаются в судебном порядке. Если выдел доли в натуре не допускается законом или невозможен без несоразмерного ущерба имуществу, находящемуся в общей собственности, выделяющийся собственник, имеет право на выплату ему стоимости его доли другими участниками долевой собственности.

Несмотря на обширную судебную практику решений дел, связанных с общей собственностью, разнообразие обстоятельств, которые влияют на установление порядка пользования и раздела имущества, не даёт в законе определить исчерпывающий перечень. В этом состоит сложность и невозможность законодательно урегулировать всевозможные спорные ситуации, возникающие у собственников в процессе реализации своих имущественных прав.

Особое внимание хотелось бы обратить на преимущественное право покупки участников долевой собственности, содержащееся в ст. 250 ГК РФ. Участник долевой собственности вправе по своему усмотрению продать, подарить, завещать, отдать в залог свою долю либо распорядиться ею иным образом. Он обязуется известить в письменной форме остальных участников долевой собственности о намерении продать свою часть постороннему лицу. В этом случае, если в течение месяца остальные участники не воспользуются своим правом, то продавец свободен в выборе покупателя.

Здесь очень важно понимать, что преимущественное право покупки остальными участниками общей долевой собственности не является обязательным. Это право, не обязанность. Оно преимущественно защищает интересы остальных собственников имущества, поэтому крайне необходимо правильное толкование и использование данного положения. Так, например, в Арбитражный суд Омской области обратился общество с ограниченной ответственностью «Сайрус» с иском о взыскании денежных средств в счет выкупа его доли в объекте незавершенного строительства – нежилое здание учебно-административного корпуса. Суд в удовлетворении исковых требований общества с ограниченной ответственностью «Сайрус» – отказал полностью, ссылаясь на то, что истец, обладая возможностью по своему усмотрению продать либо распорядиться принадлежащей ему долей иным образом с соблюдением при возмездном отчуждении правил статьи 250 ГК РФ, фактически настаивает на прекращении для него режима общей долевой собственности исключительно посредством передачи общего имущества в собственность ответчиков с присуждением в свою пользу денежной компенсации. В данном случае истец неправильно сформулировал свои исковые требования, тем самым лишил себя возможности выйти из режима общей долевой собственности посредством продажи имущества постороннему лицу п. 2 ст. 247 ГК РФ. Продавец доли не ограничен в способах отчуждения принадлежащей ему доли в праве общей долевой собственности. Также стоит

отметить, что оснований для принудительного наделения ответчиков собственностью помимо воли последних в данном случае также отсутствуют, исходя из необходимости соблюдения баланса интересов всех собственников [2].

Чтобы не возникало таких спорных ситуаций в реализации своего права на распоряжение имуществом по своему усмотрению, необходимо соблюсти положения ст. 250 ГК РФ. Так как законодательно вопрос осуществления продажи остальным участникам долевой собственности не урегулирован, он является открытым для обсуждения. В случае, если несколько участников долевой собственности в течение месяца изъявят желание приобрести продаваемую долю, то выбор покупателя осуществляет собственник продаваемой доли, он может продать всю долю одному участнику, либо нескольким, исходя из принципа свободы договора.

Необходимо помнить о том, что вступая в долевые имущественные отношения, собственник приобретает не только право владения, пользования и распоряжения, но и обязательства по содержанию имущества и иным расходам. Согласно ст. 249 ГК РФ каждый участник долевой собственности обязан соразмерно со своей долей участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей.

Так, например, в Арбитражный суд Иркутской области обратился индивидуальный предприниматель Семенякин Р. А. (собственник 1/2 доли общей долевой собственности нежилого помещения – магазина) с исковым заявлением к Басовой М.Ж, которая также является индивидуальным предпринимателем и имеет 1/2 долю в собственности данного помещения, о взыскании 50 % затрат на работы, произведённые в результате выдела в натуре доли в собственность ИП Басовой М. Ж. [3] Суд исковые требования удовлетворил и установил, что требование истца по своему характеру, целевой направленности и условиям его предъявления, по сути, является требованием о взыскании неосновательного обогащения (сбережения). Поскольку ответчиком не возмещены понесенные истцом затраты на проведение реконструкции помещения пропорционально своей доле в праве собственности на него (1/2, 50 %), в связи с чем на стороне ответчика возникло неосновательное обогащение, и, следовательно, у ответчика возникло обязательство по возврату данного неосновательного обогащения, размер затрат подтвержден представленными в материалы дела документами [4].

Несмотря на то, что выдел в натуре 1/2 в собственность было требованием и инициативой одного из участников, обязанность нести затраты на содержание

и сохранение является общей. Необходимо исключить приобретение или сбережение одной из сторон имущества за счет другого.

Делаем вывод о том, что реализация своего имущественного права на объект долевой собственности является затруднительной по ряду, законодательно закреплённых оснований. Приобретая долевую собственность для реализации своих коммерческих целей, индивидуальные предприниматели и организации должны быть готовы к урегулированию возможных споров и вопросов, связанных с владением и пользованием таким обременённым имуществом. В этой части очень важно правильное толкование норм, регулирующих долевую собственность, компетентными органами для того, чтобы все субъекты данных правоотношений могли в полной мере воспользоваться своими преимуществами, а также знать и понимать существующие ограничения.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (первая часть) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» / Российская газета. № 152. 1996.
3. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 18 января 2018 года по делу № А19-7041/2017 / <http://irkutsk.arbitr.ru>
4. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 28 февраля 2020 г. по делу № А19-20242/2019 / <http://irkutsk.arbitr.ru>

УДК 346.1

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В
СУБЪЕКТАХ РФ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Мудуева М. У., студент 1 курса, факультета государственного и муниципального управления

Научный руководитель: **Михнева С. В.**, кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена угрозам и мерам обеспечения безопасности осуществления предпринимательской деятельности на территории Волгоградской области в современных условиях. Была проанализирована ситуация в сфере предпринимательства на территории Волгоградской области, а также выявлены основные способы и меры поддержки стабильности и безопасности в сфере бизнеса.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, безопасность предпринимательской деятельности, экономическая безопасность, меры обеспечения экономической безопасности.

**STATE REGULATION OF BUSINESS ACTIVITY IN THE SPHERE OF
ENSURING SECURITY IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN
FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)**

Mudueva M. U., 1st year student of the faculty of State and Municipal Management

Supervisor: **Mikhneva S. V.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to threats and measures to ensure the security of business activities in the Volgograd region in modern conditions. The situation in the field of entrepreneurship in the Volgograd region was analyzed, as well as the main ways and measures to support stability and security in the business sector were identified.

Keywords: business activity; security of business activity, economic security, measures to ensure economic security.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности представляет собой комплекс различных взаимосвязанных явлений, процессов и институтов, регламентирующих ее осуществление. Прежде всего, это правовые нормы, правоприменительные процессы, а также деятельность уполномоченных субъектов, связанная с предпринимательской деятельностью, в частности, физические, юридические лица, самозанятые граждане, индивидуальные предприниматели, уполномоченные по правам предпринимателей, а также органы государственной власти и местного самоуправления. Для того, чтобы предпринимательская деятельность, основная цель которой – извлечение прибыли, осуществлялась в надлежащем порядке, требуется не только эффективная работа всех звеньев и субъектов системы правового регулирования, но и обеспечение безопасности данного вида деятельности.

Предпринимательская деятельность представляет собой важный стратегический фактор и внутренний источник устойчивого экономического развития и материального благосостояния населения страны в рыночных условиях.

Обращаясь к вопросу обеспечения безопасности в сфере предпринимательства, следует отметить, что тема осуществления предпринимательской деятельности является основой развития экономической системы государства, основанной на принципах конкуренции, а не на давлении государственно-монополистических структур [4, с. 38].

Предпринимательская деятельность невозможна без защищенности жизненно важных интересов предпринимателей от внутренних и внешних угроз, представленных на рисунке.

В обществе важное значение имеет экономическая безопасность, которая представляет систему условий, благоприятствующих эффективному росту экономики.

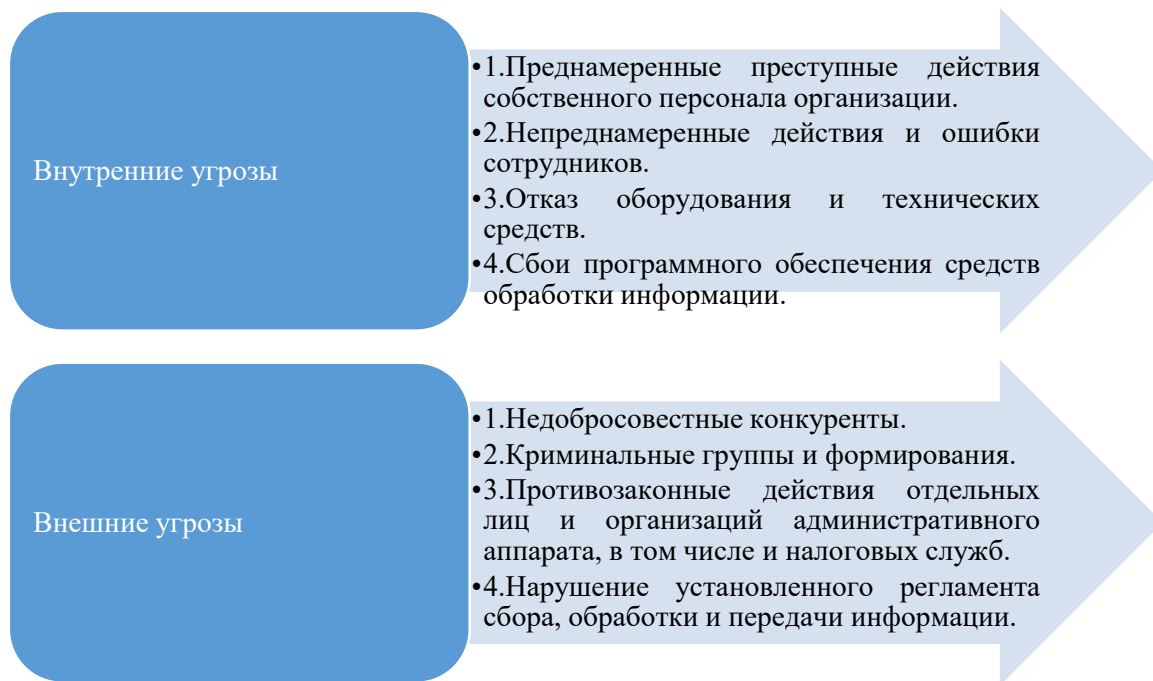

Рис. 1. Внутренние и внешние угрозы предпринимательской деятельности

Экономическая безопасность страны включает в себя экономическую безопасность каждого её субъекта. Экономическая безопасность каждого региона призвана обеспечивать безопасность страны в целом.

Под экономической безопасностью Волгоградской области понимается совокупность текущего состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики области, частичной независимости и интеграции с экономикой Российской Федерации, выраженная в ряде факторов.

Во-первых, в возможности проводить собственную экономическую политику в рамках Российской Федерации. Во-вторых, в способности осуществлять крупные экономические мероприятия по неотложным социально опасным ситуациям на территории области, связанным с экономическими бедствиями или экономическими просчетами (ошибками) на федеральном уровне. В-третьих, в возможности стабильно поддерживать соответствие действующих на территории области экономических нормативов общепринятым в мировой практике или утвержденным для региона на конкретный период времени, что позволило бы сохранить (или восстановить) достойный уровень жизни населения.

Некоторыми из мер обеспечения экономической безопасности области являются:

содействие в создании и функционировании производства импортозамещающей продукции на производственных мощностях области;

развитие социально значимых отраслей производства, устойчивых к внешним негативным факторам;

оптимизация существующей налоговой политики для всех субъектов экономических правоотношений независимо от форм собственности;

предоставление налоговых льгот, гарантий и поручительств за счет средств областного бюджета предприятиям и организациям с высокой бюджетной эффективностью;

содействие в привлечении инвестиций, в том числе иностранных, в экономику области [3, с. 150-160].

Ситуация с предпринимательством в Волгоградской области выглядит следующим образом. В Волгоградской области за 9 месяцев с января по сентябрь 2020 года «родилось» 1070 фирм, тогда как «умерли» втрое больше – 3402 компании.

При этом «новорожденных» или существующих менее года среди ликвидированных фирм оказалось меньше всего – 63. Действовали в регионе в это время 24 тысячи 528 организаций. На первый взгляд, напрашивается вывод – ни новые организации, ни компании со стажем не смогли пережить коронакризис⁴. Но чиновники объясняют тенденцию ростом числа самозанятых граждан. Вместе с малым и средним предпринимательством и индивидуальным предпринимательством их число в регионе достигло 95 тысяч.

Снижение количества юридических лиц не всегда означает фактическое закрытие бизнеса. Часто это бывает связано с укрупнением, слиянием организаций, а также сменой организационно-правовой формы хозяйствующего субъекта для оптимизации финансовой деятельности, что имеет особое значение в период пандемии.

Еще один источник «умерших» фирм – налоговая инспекция, которая регулярно вычищает реестры от недействующих компаний, по счетам которых длительное время нет никакого движения средств, и компании с признаками односторонних.

⁴ Пандемия COVID-19 – текущая пандемия коронавирусной инфекции, вызванная коронавирусом SARS-CoV-2. Источник: Пандемия COVID-19 – Википедия (wikipedia.org)

Кроме того, по мнению властей, в период пандемии многие предприниматели поменяли статус на самозанятых. Их количество на конец 2020 года составило более 21 тысячи человек.

В таблице представлено соотношение количества предпринимателей по годам на территории Волгоградской области [2].

Таблица 1

**Соотношение количества предпринимателей Волгоградской области
за период с 2016 по 2020 гг.**

	2016		2017		2018		2019		2020	
ВСЕГО	81 989		82 216		80 831		78 322		73 533	
	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП
	30 524	51 465	28 885	53 331	26 733	54 098	24 106	54 216	22 120	51 413
Из них:										
<i>Микропредприятия</i>	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП
	27 696	51 043	26 145	52 907	24 195	53 694	21 851	53 850	19 996	51 038
<i>Малые предприятия</i>	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП
	2 612	418	2 539	420	2 351	401	2 076	363	1 946	371
<i>Средние предприятия</i>	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП	Юр. лиц	ИП
	216	4	201	4	187	3	179	3	0	0

По результатам представленным в таблице видно, что в Волгоградской области количество субъектов малого и среднего предпринимательства сократилось более чем на 8 тысяч.

После нескольких месяцев существования в условиях «коронакризиса» стало понятно, что бизнес понес потери. Если в январе в Волгоградской области было зарегистрировано 77,8 тысячи субъектов малого и среднего предпринимательства, то, по данным на 10 августа, таковых осталось 72,3 тысячи.

На территории Российской Федерации реализуются национальные проекты федерального масштаба, принятые в России в 2018 году [1].

В сфере предпринимательской деятельности немаловажную роль играет Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», который претерпел значительные изменения, определенный доработки [1].

«Обновленный» Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» предполагает доработку налоговых режимов, развитие механизмов льготного кредитования и расширение доступа к альтернативным источникам финансирования.

Таким образом, с целью обеспечения предпринимательской безопасности на территории Волгоградской области осуществляется ряд мер по содействию предпринимателям в рамках реализации, указанного ранее национального проекта. Рассмотрим некоторые из них.

Комитет экономической политики и развития Волгоградской области при реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» уделяет особое внимание поддержке социального предпринимательства.

Получить государственную поддержку могут те предприниматели, чья работа направлена на:

обеспечение занятости и поддержки инвалидов, пожилых, и лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации,

улучшение условий жизнедеятельности граждан,

расширение возможностей граждан по обеспечению своих основных жизненных потребностей.

На территории Волгоградской области субъекты малого и среднего предпринимательства, имеющие статус «социальное предприятие» и включенные в Реестр социальных предприятий Волгоградской области, могут воспользоваться в 2021 году следующими видами государственной поддержки:

финансовой (получение гранта в размере до 500 тыс. рублей (условия получения гранта будут опубликованы позднее), получение микрозайма до 3 млн. рублей до 2 лет по ставке 4,25 %);

консультационной, методической (в том числе по вопросам привлечения финансирования и участия в закупках товаров, работ, услуг);

образовательной (для руководителей и работников социальных предприятий);

содействие в развитии межрегионального сотрудничества, поиске деловых партнеров, в том числе участие в ярмарках, конгрессных и выставочных мероприятиях;

иными мерами поддержки, в том числе продвижение социальных проектов: разработка бренда, фирменного стиля, сайта и др.

Так же, Союз Волгоградская торгово-промышленная палата принимает на рассмотрение обращения предпринимателей по вопросам нарушения их прав, оказывает содействие в решении вопросов, указанных в этих обращениях.

Новые меры поддержки регионального и федерального уровней будут доступны в 2021 году волгоградским представителям МСП, которые включены в реестр социальных предприятий региона.

В Волгоградской области продолжает расширяться система поддержки социального предпринимательства. Для таких субъектов МСП уже доступны услуги Центра инноваций социальной сферы, а также других институтов поддержки бизнеса.

С 2021 года в дополнение к уже принятым и действующим мерам в рамках обновленного национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» добавляются новые виды финансовой помощи: микрозайм регионального Фонда микрофинансирования предпринимательства объемом до трех миллионов рублей по ставке 4,25 % на срок до 2 лет; кроме того, принято решение о выделении грантов в размере до 500 тысяч рублей по итогам конкурсного отбора – в настоящее время идет разработка механизмов реализации федерального проекта на территории области.

По информации регионального комитета экономической политики и развития, воспользоваться всеми мерами господдержки могут представители малого и среднего предпринимательства, зарегистрированные на территории Волгоградской области и включенные в соответствующий реестр социальных предприятий.

Социальный бизнес впервые получил правовую основу благодаря принятию федерального закона в 2019 году. На сегодняшний день более 40 социальных предпринимателей Волгоградской области уже внесены в единую базу – их работа направлена на обеспечение занятости и поддержку инвалидов, пожилых, а также лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; улучшение условий жизнедеятельности граждан.

Анализируя рассмотренную информацию, можно сделать вывод, что субъекты предпринимательства играют особую роль в дальнейшем развитии Волгоградской области. Однако, стоит обратить особое внимание на обеспечение безопасности предпринимательской деятельности в регионе, так как от «защищенности» предпринимателей зависит экономическое состояние страны в целом. Стоит уделить достаточное внимание обращениям предпринимателей и одним из способов содействия выступает обращение в Центр поддержки предпринимательства Волгоградской области, который предоставляет информационно-консультационные услуги по всем вопросам, возникающим в ходе осуществления предпринимательской деятельности.

На наш взгляд, стоит уделить пристальное внимание взаимодействию предпринимателей с органами госвласти и местного самоуправления, особенно в сфере правозащитной и правоохранительной деятельности, а также с институтами гражданского общества: общественными палатами, адвокатурой и правозащитными общественными организациями. Отдельное внимание стоит уделить расширению полномочий омбудсмена по правам предпринимателей в целях придания большей юридической значимости их деятельности и принимаемым решениям в виде конкретных официальных документов, актов для того, чтобы данный правозащитный институт эффективнее защищал права предпринимателей как на территории субъектов Федерации, так и на федеральном уровне.

Сегодня, зачастую несмотря на активную деятельность уполномоченных по правам предпринимателей, можно наблюдать факты занижения роли данных должностных лиц государственной власти, так как их решения носят в основном рекомендательный характер и не являются обязательными для исполнения органами власти и иными субъектами правового регулирования.

Таким образом, нами была предпринята попытка проанализировать правовые экономические аспекты государственного регулирования предпринимательской деятельности в Волгоградской области с целью выявления положительных и отрицательных сторон для реагирования различными предпринимателями, органами власти и правоохранительными структурами.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 02.04.2021).

2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства.
URL: <https://ofd.nalog.ru/> (дата обращения: 02.04.2021).

3. Микадзе С. Ю. Приоритеты экономической безопасности Российской Федерации / С. Ю. Микадзе. СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 2017. 280 с.

4. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: 4-е изд., Мн. : Новое знание, 2017. 668 с.

5. Щербаков А. Ю. Современная экономическая безопасность. Теоретические основы. Практические аспекты. М. : Книжный мир, 2017. 471 с.

УДК 347.7

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В США

Мхитарян Д. М., магистрант 2-го курса юридического факультета

Научный руководитель: Егоров А. В., кандидат юридических наук

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье обозначены концептуальные особенности правового регулирования положения единоличного исполнительного органа юридического лица в гражданском законодательстве Соединённых Штатов Америки. По итогам исследования указывается на отсутствие единообразного регулирования управления корпорациями на общенациональном уровне (в отличие от аналогичного российского законодательства) – в каждом субъекте приняты самостоятельные нормативные акты об органах управления юридических лиц. Кроме того, обозначено наличие актов доктринального характера, на которые ссылаются суды при вынесении решений, и которые выступают основой для принятия специальных корпоративно-правовых актов в штатах США.

Ключевые слова: корпоративное право, юридические лица, орган управления, единоличный орган управления, разумность, добросовестность.

LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF A SINGLE EXECUTIVE BODY OF A LEGAL ENTITY IN THE USA

Mkhitaryan D. M., 2nd year undergraduate student of the Faculty of Law

Supervisor: Egorov A. V., Candidate of Law

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article outlines the conceptual features of the legal regulation of the position of the sole executive body of a legal entity in the civil law of the United States of America. According to the results of the study, it is indicated that there is no uniform regulation of corporate governance at the federal level

(in contrast to similar Russian legislation) – each subject has adopted independent regulations on the management bodies of legal entities. In addition, the presence of acts of a doctrinal nature is indicated, which are referred to by the courts when making decisions, and which serve as the basis for the adoption of special corporate legal acts in the states of the United States.

Keywords: corporate law, legal entities, governing body, sole governing body, rationality, good faith.

Использование и изучение позитивного зарубежного опыта при использовании и совершенствовании отечественного корпоративного законодательства представляется весьма полезным и актуальным по целому ряду. Прежде всего, сами основные институты корпоративного права были по сути своей заимствованы из соответствующего законодательства основных государств Западной Европы, а также США. На протяжении практически всего предыдущего столетия в России господствовала модель государственной командной экономики, соответственно, разветвлённая система форм и видов собственности, организационно-правовых форм юридических лиц на сегодняшний день, несмотря на значительный промежуток времени, всё ещё находится в стадии становления, поиска наиболее оптимальной модели регулирования с учётом национальной специфики, фискальных и иных регуляторных интересов государства, поддержания экономической и социальной стабильности. Кроме того, несмотря на значительное давление экономических санкций, степень внешнеэкономических связей отечественных юридических лиц с иностранными корпорациями, внедрение российского бизнеса на мировой рынок остаётся значительным, в определённых отраслях даже увеличивается. Таким образом, вопросы правового регулирования управления корпорациями, особенно в сравнении отечественно законодательства с состоянием соответствующих правовых норм в иностранных государствах имеют не только теоретическое, но и важное прикладное значение, позволяя решать возможные коллизии, складывающиеся при заключении и исполнении внешнеэкономических сделок.

Представляется интересным изучение особенностей правового регулирования статуса и ответственности единоличного исполнительного органа корпорации в законодательстве Соединённых Штатов Америки. Несмотря на то, что так же, как и Россия, США являются федеративным государством, и общие принципы гражданско-правового регулирования, по аналогии с ГК РФ, установлены

в США на общенациональном уровне, будучи обусловленной принадлежностью к англосаксонской правовой семье, американская правовая система имеет определённую специфику в части регламентации корпоративных отношений – в том числе, и в отношении правового положения единоличного исполнительного органа корпорации.

В принципе, корпоративное законодательство Соединённых Штатов не представляет собой комплекс норм, подлежащих единообразному применению на всей территории. Каждый штат США устанавливает свои нормы, посвящённые управленческим отношениям внутри юридических лиц. Соответственно, можно говорить о существовании 51 (50 федеральных штатов, а также имеющий особое административно-правовое положение федеральный округ Колумбия) систем правового регулирования корпоративных отношений. Теоретиками по-разному оценивается состояние корпоративного законодательства в различных штатах государства – как правило, исследователи указывают на противоречивое развитие двух тенденций: либерализации законодательства о юридических лицах на уровне штата (что, прежде всего, связано с повышением инвестиционной привлекательности каждого отдельного взятого субъекта посредством предоставления наиболее привилегированных правил хозяйствования), а также укреплению корпоративного права на федеральном уровне, что объясняется не только сохранением устойчивости экономической системы в пределах всей страны, но и необходимостью дополнительной защиты прав миноритариев и кредиторов корпораций [1, с. 63]. В целом отмечается, что законодательство США в большей степени акцентировано на обеспечение и повышенную защиту членов правления корпоративных организаций, а не их кредиторов, работников или же мелких акционеров [2, с. 115].

Несмотря на то, что единых правил об управлении корпорацией (в том числе, и единоличным органом) в США не предусмотрено, на уровне некоммерческой организации – Ассоциации американских адвокатов – разработаны и приняты Типовые правила о предпринимательских корпорациях. Аналогично остальным источникам в пределах прецедентной системы права, разрабатываемым некоммерческими организациями, такие Правила не имеют законной силы, однако представляют собой компиляцию судебных решений, которые используются значительным количеством хозяйствующих субъектов в своей практике.

Кроме того, на основе Типовых правил в 35 штатах США разработаны самостоятельные законы о корпоративных отношениях; эти акты, в свою очередь, уже подлежат общеобязательному исполнению на территории региона.

Наряду с Типовыми правилами образовательной организацией федерального уровня – Американским институтом права – предложены общие Принципы корпоративного управления. Несмотря на то, что этот документ не носит общеобязательного характера и не представляет собой основу для законодательных актов в отдельных штатах, в практике корпораций рассматриваемый документ достаточно активно используется; кроме того, суды штатов в своих решениях часто ссылаются на Принципы корпоративного управления, по сути расценивая его как авторитетный источник в рамках юридической доктрины.

Стоит также отметить, что существенно различается в разных штатах и налоговое законодательство, а, поскольку по американской правовой традиции правила управления корпорациями определяются законодательством того штата, где юридическое лицо зарегистрировано, то и наибольшее количество корпораций имеет юридический адрес в штате с самыми выгодными условиями налогообложения. Таким штатом на сегодняшний день является Дэлавер (в котором, согласно статистике, зарегистрировано практически две трети самых крупных американских предприятий) [3]. Исходя из этого, представляется наиболее точным рассматривать вопросы правового положения единоличного исполнительного органа корпорации именно по законодательству этого штата.

Так, в Законе штата Дэлавер о корпоративных отношениях установлены два основных требования к должностным лицам, а также единоличным исполнительным органам корпораций:

1. Соблюдение требований заботливости и добросовестности при осуществлении своих управленческих функций. Целью добросовестного поведения управленческих кадров корпорации является поддержание и обеспечение интересов юридического лица.

2. Требование у честности при совершении сделок и иных юридически значимых действий от имени корпорации – т.е., избежание конфликта интересов при осуществлении сделок [4, с. 23]; в случае необходимости или желания исполнительного органа корпорации совершить сделку с заинтересованностью, он должен уведомить организацию, раскрыть необходимую информацию, указывающую на заинтересованность, а также заручиться согласием корпорации.

Таким образом, можно отметить следующие особенности регулирования положения единоличного исполнительного органа корпорации по законодательству США: отсутствие единого сводного правового акта, который устанавливал бы единые требования к управлению корпорациями (каждый штат и федеральный округ принимает самостоятельные документы), наличие доктринальных, не имеющих законодательного значения, общеамериканских актов, которые выступают основой для регионального регулирования, а также базой для вынесения судебных прецедентов. Кроме того, к числу обязанностей единоличных исполнительных органов корпораций часто относятся требования оценочного характера (честность при совершении сделок с заинтересованностью, добросовестность, разумность и т.д.), что также требует судебного толкования в каждом конкретном случае.

Библиографический список

1. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Издательство Статут, 2014. 456 с.
2. Турбина И. А. Гражданско-правовая ответственность исполнительных органов хозяйственных обществ в РФ, ЕС, и США: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03. Волгоград, 2016. 188 с.
3. Почему предприятия выбирают Делавэр. URL: http://corplaw.delaware.gov/eng/why_delaware.shtml (дата обращения: 30.04.2021).
4. Будылин С. А. Разум и добрая совесть: обязанности директора в США, Великобритании, России // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2013. № 2. С. 10–39.

УДК 347.191

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА РЫНКА
ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Откидач Н. А., магистрант 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Усанова В. А.**, кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Право на получение квалифицированной юридической помощи является конституционным правом личности. Субъектов на рынке юридических услуг в настоящее время множество, но далеко не все действуют добросовестно. Компании по оказанию юридических услуг преследуют в своей деятельности различные цели. Зачастую, на фактор доверия клиентов оказывают влияние недобросовестные юридические организации, стремящиеся нажиться на чужой проблеме. Организации, стремящиеся оказать квалифицированную юридическую помощь сталкиваются с воздействием различных внутренних и внешних факторов.

Ключевые слова: юридические фирмы, адвокат, потребитель

**LEGAL PROBLEMS OF THE SUBJECT COMPOSITION OF THE LEGAL
SERVICES MARKET IN CONTEMPORARY CONDITIONS**

Otkidach N. A., 2nd year master student of the Faculty of Law

Supervisor: **Usanova V. A.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The right to qualified legal aid is a constitutional right of the individual. There are many actors on the legal services market today, but not all are acting in good faith. Legal services companies have different objectives in their activities. Often, the trust factor of clients is influenced by unscrupulous legal organisations seeking to profit from someone else's problem. Organisations seeking to provide qualified legal aid face a variety of internal and external factors.

Keywords: law firms, lawyer, consumer

В настоящее время помимо адвокатов, оказывающих правовую помощь физическим и юридическим лицам, существуют также частнопрактикующие юристы, а также юридические компании, которые предоставляют целый комплекс юридических услуг. Для начала разберемся, чем же адвокат отличается от частнопрактикующего юриста.

Адвокатом является лицо, получившее в установленном федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Частнопрактикующим юристом является лицо, оказывающее правовую помощь без получения статуса адвоката. Такое лицо может даже не иметь среднего или высшего юридического образования. Для получения же статуса адвоката наличие высшего юридического образования и стажа работы по специальности является обязательным требованием, предъявляемым к кандидатам. В юридических фирмах, как правило, работают юристы, получившие высшее или среднее образование или лица без такового.

В последнее время более заметна тенденция повышенного доверия к адвокатам, нежели частнопрактикующим юристам или юридическим фирмам. Прежде всего, конечно, это связано с ответственностью. Так, адвокат несет ответственность за свои действия в рамках поручения, его деятельность регламентируется федеральным законом, а также существует Кодекс профессиональной этики адвоката, регламентирующий поведение адвоката.

Частнопрактикующие же юристы и юридические фирмы не ограничены какими – либо рамками, в отношении них отсутствует регламентирующий их деятельность закон. В связи с этим, оказывать юридическую помощь могут люди, не имеющие специальных познаний в этой области.

Для любой юридической компании требуются ресурсы. В качестве ключевых ресурсов можно обозначить: бренд, человеческий капитал, интернет платформа и другие.

Бренд выступает сильнейшим стимулом для привлечения клиентов, которые генерируют основной входящий денежный поток компании. При эффективном управлении денежным потоком компания может получать и улучшать другие необходимые ресурсы.

Несомненно, для создания сильного бренда и эффективного управления денежными потоками для обеспечения успешной деятельности компании необ-

ходимо наличие компетентных сотрудников компании. Такие сотрудники являются носителями эксклюзивных, с точки зрения потребителя, знаний и опыта, которые составляют основную часть продукта юридической услуги.

Однако не все юридические фирмы могут похвастаться грамотными сотрудниками, стремящимися помочь гражданам.

Юридические фирмы можно условно разделить на юридические фирмы, стремящиеся оказать людям помощь правового характера и юридические фирмы, стремящиеся извлечь лишь выгоду и нажиться на чужом горе.

Для первого вида фирм характерна четкая структура и организация работы. Как правило, в таких организациях существует разграничение труда и зоны ответственности. С целью анализа информации о проблеме клиента в юридические организации нанимают так называемых «первичников». К ним попадают люди, зашедшие в офис юридической фирмы за консультацией или предварительно назначившие встречу. Задача таких «первичников» состоит в сборе информации о клиенте, систематизации данных о проблеме, с которой пришел клиент, вселении надежд в решаемость любой из их проблем и заключении договора с клиентом.

В последующем работа с клиентом заключается в передаче «первичником» информации о клиенте и его проблеме в юридический отдел, который обеспечивает подготовку документов и дальнейшее юридическое сопровождение.

Руководители юридических фирм второго вида в основном принимают на работу людей, совсем далеких от юриспруденции, которые обладают красивой речью и навыками убеждения. Целью таких организаций является вовсе не правовая помощь физическим и юридическим лицам, а получение прибыли. Для работников таких организаций целью является как можно быстрее втереться в доверие клиента, заключить с ним договор и получить оплату. Как правило, в таких договорах отсутствуют услуги, которые могли бы реально помочь клиенту.

В основном предметом договора является консультация клиента, составление жалоб и заявлений в различные органы, не имеющие отношения к проблеме. Как правило, люди узнают о таких организациях посредством качественной и часто появляющейся рекламы.

Так, в декабре 2020 года Волгоградские полицейские отдела экономической безопасности и противодействия коррупции задержали 10 сотрудников «Регионального центра юридической помощи», подозреваемых в мошенничестве.

Организация, в которой работали не имеющие юридического образования сотрудники, привлекала нуждающихся в юридической помощи граждан и обещала за денежное вознаграждение оказать им юридические услуги. По факту, после получения 100 %-й предоплаты, аферисты переставали выходить на связь с «клиентами» и переключались на поиск новых жертв. По данным МВД, на данный момент установлено 50 потерпевших, большинство из которых – пенсионеры и многодетные семьи. Предварительная сумма ущерба, причиненного гражданам, составляет порядка 30 миллионов рублей.

В связи с тем, что количество таких фирм растет с каждым днем у физических и юридических лиц возникает все больше сомнений в выборе организации, способной помочь не словом, а делом. И в таких реалиях добросовестным юридическим фирмам все сложнее доказывать свою честность, порядочность и профессиональные навыки в юридической сфере.

С целью разрешения данной ситуации в Российской Федерации уже на протяжении нескольких лет ведется активное обсуждение введения так называемой «адвокатской монополии». Так, предполагается, что оказывать юридические услуги, в том числе участвовать в судебном заседании от имени стороны спора сможет только лицо, обладающее статусом адвоката. Несомненно, такие изменения смогли бы помочь людям, нуждающимся в квалифицированной юридической помощи не сомневаться в профессионализме нанятого представителя.

На любую компанию в течение ее деятельности постоянно воздействуют внешние и внутренние факторы. Юридические компании не являются исключением.

Классификация факторов связана с источником возникновения влияния – внешней среды или самой компании. К внешним факторам можно отнести законодательные, экономические, политические и технологические факторы. Наиболее сильным фактором влияния оказываются постоянные изменения в законодательстве. Новации в источниках права, формирование новой правоприменительной практики способны сильным образом изменять рынок юридических услуг. Так, изменение законодательства может стимулировать юридические фирмы к появлению новых видов услуг, ликвидации тех услуг, которые больше не востребованы, повышению или снижению спроса на услуги.

Довольно сильное воздействие на юридические фирмы оказывают технологические факторы. С появлением всё новых технологий, фирмы вынуждены подстраиваться под все изменения и новшества, следовать за изменениями.

В настоящее время существуют юридические услуги, предоставляемые в автоматизированном режиме. Несомненно, пока большая часть клиентов стремится к живому общению с лицом, к которому они обратились за юридической помощью, однако по мере развития технологий и их усовершенствования появляются новые виды юридических услуг, оказываемых в онлайн режиме.

Создание электронных сервисов оказания правовой помощи, несомненно, составляет угрозу для юридических фирм, оказывающих услуги в очном формате. Автоматизированные юридические услуги со временем становятся привлекательными для потребителей, поскольку они более удобны в получении, просты в применении и немаловажным фактором в данном случае является их цена, поскольку в сравнении с классическими юридическими услугами они реализуются по значительно меньшей цене, поскольку дистанционное обслуживание позволяет уменьшить себестоимость юридических услуг.

В настоящее время основными юридическими услугами, которые предоставляются в автоматизированном режиме являются: разработка правовых документов (сервис FreshDoc), анализ правовых документов (сервис компании Мегафон); консультирование (сервис Правовед); обращение в государственные органы за получением налоговых льгот (сервисы НДФЛка, Налогия, ВерниНалог и другие).

Конечно, для молодого поколения в наше время популярность будут набирать онлайн сервисы по предоставлению юридических услуг и консультаций в связи с их дешевизной и экономией времени на личные встречи. Однако, следует учесть, что за такими сервисами может скрываться обман для потребителей юридических услуг.

К внешним факторам, оказывающим влияние на юридические организации можно отнести сотрудников компании и используемые технологии.

Как уже отмечалось выше, не всегда в юридических фирмах на работу принимаются лица с юридическим образованием и опытом работы в данной сфере. Однако именно от сотрудников юридических фирм зависит доверие клиентов, популярность фирмы и соответственно денежные потоки. Чем более квалифицированные работники будут составлять штат юридической фирмы, тем со временем больше будет доходность предприятия.

В юридических фирмах зачастую отсутствует окладная система оплаты труда или присутствует в минимальном размере. Основную часть дохода сотрудников составляют проценты, полученные от заключения договора с клиентом, что в свою очередь является неким мотиватором для более эффективной работы.

Немаловажным фактором развития юридических фирм являются внедряемые в ее деятельность технологии. В настоящее время для юридической отрасли доступны следующие технологии:

- 1) электронный документооборот;
- 2) технологии распознавания текста;
- 3) технологии сравнения документов;
- 4) конструкторы документов;
- 5) автоматизированное исследование документов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что построение юридической фирмы требует соблюдения многих аспектов и зависит от целей и возможностей руководителей. В настоящее время существует множество недобросовестных компаний, которые пользуются доверием и горем людей, наживаясь на них. Однако есть и компании, где в штате имеются квалифицированные юристы, готовые оказать правовую помощь в сложившейся у клиента ситуации. Именно такие компании пользуются большим спросом и доверием.

Библиографический список

1. Астапова Е. В. К вопросу о концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи и проблемах ее реализации // Юристъ-Правоведь. 2018. № 3 (86).
2. Дегтярева Е. А. Особенности брендинга юридической фирмы // Брендинг как коммуникативная технология XXI века. 2018. С. 162–164.
3. Разуваев И. И. и др. Создание системы профессиональной юридической помощи: к вопросу о реформировании адвокатуры // Наука и Образование. 2018. № 3–4.
4. Филиппов А. В. Разработка информационной системы юридической компании для повышения эффективности деятельности: дис. Сибирский федеральный университет, 2018.
5. Сигарев А. В. Трансформация бизнес-стратегий компании в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Взгляд поколения XXI века на будущее цифровой экономики: сборник статей преподавателей IX Международной научно-практической конференции «Современная экономика: концепции и модели инновационного развития», Москва, 15–16 февраля 2018 года. Москва: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2018. 576 с.

УДК 339.138

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ЦЕННИКОВ В СЕГМЕНТЕ FOOD – RETAIL

Подзолкова А. А., студентка 4-го курса экономического факультета

Научный руководитель: Пьянков В. В., кандидат экономических наук, доцент

Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет,
г. Пермь

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с актуальностью применения системы электронных ценников в FMCG – ритейле. В результате изучения данных вопросов были получены результаты, которые отражены в материале статьи.

Ключевые слова: современный ритейл, электронные ценники, система электронных ценников, FMCG – ритейл, технологии ритейла.

THE RELEVANCE OF USING ELECTRONIC PRICE TAGS IN THE FOOD – RETAIL SEGMENT

Podzolkova A. A., 4th year student of the Faculty of Economics

Supervisor: Pyankov V. V., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Perm State National Research University, Perm

Abstract. The article deals with the issues related to the relevance of the use of the electronic price tag system in FMCG - retail. As a result of studying these issues, the results were obtained, which are displayed in the material of the article.

Keywords: modern retail, electronic price tags, electronic price tags system, FMCG – retail, retail technologies.

Информационные технологии охватывают всё больше сфер нашей жизни, превращаясь в мощный инструмент оптимизации и управления. Сфера розничной торговли активно применяет современные технологии, особенно FMCG – сегмент.

В последние годы одним из самых перспективных направлений стало применение системы электронных ценников. Электронные ценники (ЭЦ) – это автономные электронные устройства с дисплеем, предназначенные для отображения информации о цене и свойствах конкретного товара [3]. Такие ценники имеют множество преимуществ для сегмента фуд – ритейла. Одни из самых существенных: эффективное участие в динамическом ценообразовании в режиме реального времени, то есть автоматизация управления ценообразованием и создание омниканального опыта для повышения лояльности клиентов [1].

Данная технология способствует росту продаж и прибыли, и упрощает работу персонала, повышая эффективность их рабочего времени, и повышает лояльности клиентов. А также, позволяют автоматизировать единую систему управления ценообразованием, увеличивает скорость управления ценовым стимулированием продаж [8].

В первую очередь, это – колоссальная экономия времени персонала на работу с ценниками, и, как следствие, возможность сокращения штата. В магазине с количеством SKU 3500–4000 и тремя продавцами на смене, затрачивается примерно 25–30 часов в месяц затрачивается на работу с ценниками, если рассматривать среднее количество смен в месяц – 20, то, получается, что персонал на работу с ценниками тратит три полные смены в месяц.

При внедрении технологии электронных ценников нагрузка на продавцов снизится. В магазине внедрены кассы самообслуживания, поэтому нагрузка станет ещё ниже. Соответственно, можно говорить о возможности сокращения штата, оставив на смене 2, а не 3 продавца, и, как следствие, уменьшение численности персонала на два сотрудника. В таблице 2 представлен затрат на ФОТ.

На оплату одному сотруднику магазин тратит 32500 рублей в месяц. На двоих сотрудников 65000 рублей в месяц, а в год это 780000 рублей. То есть, годовое снижение издержек на ФОТ за счёт оптимизации штата сотрудников составит 780000 рублей.

Объём инвестиций на проект внедрения электронных ценников (таблица 1):

Таблица 1

Объём инвестиций, требуемых на реализацию проекта

Статья расходов	Стоимость, руб.
Передатчик информации по радиоканалам	
Блок питания	
Передающая антенна	
Принимающая антенна (4 штуки)	
Программное обеспечение	
Ценники с диагональю 2,6 дюймов (3700 шт.)	
Итого	

Помимо издержек, связанных с временными затратами сотрудников на работу с ценниками, торговое предприятие несёт и другие потери. А именно, более 7 % покупателей не совершают покупку, потому что ценники находились не на своём месте или отсутствовали, или на них была не актуальная цена, а также, потери, связанные с несвоевременном реагировании на цены конкурентов, по экспертным данным, составляет 3–4 % [6].

Рост выручки проявляется не только в снижении издержек, но и в росте продаж, и, соответственно, прибыли. Во – первых, после внедрении данной системы трафик покупателей за счёт повышения лояльности и выравнивания стабильности их посещения магазина увеличивается на 3–10 %. [7]. Во-вторых, появляется возможность синхронизации остатков в учетной системе и использования динамического ценообразования таким образом, чтобы на конец рабочего дня не оставалось нераспроданных остатков и списаний, что негативно влияет на рентабельность бизнеса. То есть снижение остатков складской логистики становится более эффективным [4].

Система электронных ценников позволяет увеличить товарооборот до 30–40 %. Они могут выглядеть совершенно по – разному, существуют электронные ценники, которые выглядят как обычные бумажные ценники. Но можно установить и светодиодный шелфтокер – лед – панель, которая фиксируется на полке/витрине и позволяет в новом формате представить информацию о товаре. С помощью LED – шелфтокера можно автоматически обновлять цены, запускать промо – компании и продвигать отдельные бренды с помощью видео или статичных изображений. Яркий и четкий дисплей позволяет привлекать внимание покупателей. А широкий функционал оборудования позволяет создавать уникальные сценарии работы цифрового шелфтокера с учетом времени, количества товара, наличия на складе, срока годности и т.д. [2].

В 2019 году открылся новый формат «Семья Fresh», который представляет собой пилотный проект организации мелкоформатного ритейла с акцентом на растущий сегмент правильного питания. Количество SKU в таком формате насчитывает 3500–4000. Приоритет отдаётся высокомаржинальным позициям, которые способны показывать эффективность в чистой прибыли и доходности с 1 квадратного метра, поэтому магазин данного формата был выбран в качестве экспериментальной площадки для внедрения данной системы. Для пилотного проекта было целесообразно выбрать ценники по типу «цифровой бумаги», так как, с точки зрения инвестиций, такой тип ценников менее затратный.

По самым оптимистичным прогнозам, система электронных ценников позволяет увеличивать выручку до 40 %. В таблице 4 представлен расчёт окупаемости системы электронных ценников, при условии увеличения выручки на 5 % (за счёт увеличения прибыли при быстром реагировании на цены конкурентов, повышения трафика и лояльности потребителей):

Таблица 2

Окупаемость системы ЭЦ

Фактор	Денежный поток за год, руб.
Издержки на ФОТ	(780000)
Издержки на расходные материалы	(19824)
Увеличение выручки	1800000
Итого	2599824
Срок окупаемости	1,08

Увеличение выручки происходит не только за счёт увеличения продаж, но и за счёт уменьшения издержек. То есть данный проект окупится за 1 год и 1 месяц. Результатом внедрения системы электронных ценников станет [5]

- 1) эффективное снижение остатков складской логистики, своевременная ликвидация остатков и запаса;
- 2) повышение лояльности покупателей;
- 3) снижение издержек на расходные материалы, связанные с изготовлением бумажных ценников, и на фонд оплаты труда;
- 4) рост продаж и прибыли за счёт более гибкого ценообразования, которое даёт возможность своевременно реагировать на цены конкурентов, и повышать скорость акций;
- 5) управление ценообразованием станет более гибким.

В условиях возрастающей конкуренции вопросы оптимизации затрат и повышения качества обслуживания клиентов входят в перечень ключевых задач для данного направления бизнеса. Автоматизация отдельных процессов на торговом предприятии влияет на эффективность бизнеса в целом.

Кроме того, в среде, которая продолжает расширяться и сокращаться, розничные продавцы должны вкладывать средства в обеспечение будущего своих физических магазинов, чтобы помочь покупателям получить приятный покупательский опыт. Новаторские технологии могут помочь ритейлерам достичь окончательного баланса между онлайн и офлайн покупками, тем самым оживляя

физический магазин и побуждая покупателей вновь рассматривать обычный магазин в качестве места покупок.

Библиографический список

1. Магомедов Г. Д., Кахриманова Д. Г. Электронная торговля: модернизационный подход // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределённости. 2015. № 7. С. 225–229
2. Новый продукт: светодиодные шелфтокеры для витрин [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gtlamp.ru/novosti/svetodiodnye-shelftokery-dlya-vitrin-rost-prodazh-do-40.html>
3. Преимущества и недостатки электронных ценников для магазинов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekam.ru/blogs/pos/elektronnie-cenniki-dlya-magazinov>
4. Цифровые технологии завтрашнего дня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.smartpricing.ru>
5. Электронные ценники – ESL [Электронный ресурс]. URL: <https://dk-sp.com/eas/elektronnye-cenniki/>
6. Электронные ценники в магазине [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business.ru/article/381-elektronnye-tsenniki-v-magazine-chto-eto-dlya-kogo-preimushchestva-i-skolko-stoit-vnedrenie>
7. Электронные ценники для магазинов [Электронный ресурс]. URL: <https://abmcloud.com/elektronnye-tsenniki-dlya-magazinov/>
8. Электронные ценники: на пороге массовости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnews.ru/reviews/free/trade/hard/e-price.shtml>
9. Новикова К. В., Яцук В. И. Современные маркетинговые инструменты регионального ритейла в условиях цифровой экономики // Маркетинг в России и за рубежом. 2019. № 2. С. 20-26. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37242697>
10. Новикова К. В., Колышкин А. В. Анализ рынка продуктового ритейла в пермском крае и перспективы развития данной отрасли // Экономическая среда. 2020. № 1 (31). С. 32–38. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42646960>
11. Брезгина К. В., Антинескул Е. А. Особенности интернет-маркетинга на промышленном рынке // Маркетинг в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 96–101.
12. Керзина Е. А., Антинескул Е. А. Специфика поведения потребителей продовольственных товаров г. Перми Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии № 1, ч. 1., 2017, объем стр. 224, п.л. 0,375 с. 77–80.

УДК 334.72

БЛОКЧЕЙН КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ КОМПАНИЯМИ

Пономарченко А. Е., ассистент кафедры финансового и предпринимательского права

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена технологии блокчейн, которая в настоящее время активно развивается и является перспективным инструментом для многих сфер экономики и бизнеса. Проведения безопасных транзакций привлекает миллиарды долларов инвестиций в блокчейн-проекты по всему миру.

Ключевые слова: блокчейн, криптовалюта, новейшие технологии, экономическое развитие, процессы цифровизации.

BLOCKCHAIN AS AN INNOVATIVE TECHNOLOGY IN STRATEGIC COMPANY MANAGEMENT

Ponomarchenko A. E., Assistant of the Department of Financial and Business Law

Volgograd Institute of Management – branch RANEPA, Volgograd

Abstract. The article is devoted to blockchain technology, which is currently actively developing and is a promising tool for many areas of the economy and business. Conducting secure transactions attracts billions of dollars of investment in blockchain projects around the world.

Keywords: blockchain, cryptocurrency, latest technologies, economic development, digitalization processes.

Блокчейн – это технология распределенного реестра в форме распределенной базы данных транзакций, защищенная криптографией и управляемая механизмом консенсуса. Блокчейн – сеть одноранговых «узлов», которые собирают новые транзакции и конвертируют (или «добывают») их в «блоки», которые добавляются в «цепочку», только если транзакция подтверждена сетью [2, с. 165].

Блокчейн – это, по сути, запись цифровых событий. Однако это не «просто запись», поскольку она также может содержать так называемые смарт-контракты, которые представляют собой программы, хранящиеся в цепочке блоков, которые работают как реализовано без какого-либо риска простоя, цензуры или мошенничества. Хотя сейчас блокчейн рассматривается в основном как технология, позволяющая использовать такие криптовалюты, как биткойн, данная технология, скорее всего, станет еще более ценным инструментом для экономических и социальных транзакций, например, в качестве записи о владении цифровыми активами общего назначения. Это связано с тем, что распределенные данные транзакций и криптографическая логика, лежащие в основе блокчейна, делают его чрезвычайно защищенным от несанкционированного доступа.

Современная экономическая система все больше развивается в направлении своей интеллектуализации, основным ресурсом которой являются новейшие технологии.

Условия, характер и результаты развития мировой экономики тесно взаимосвязаны с технологическими изменениями, научным прогрессом на всех уровнях – от отдельных секторов до национальной экономики, затрагивая миллиарды людей во всем мире. Процессы «цифровизации», проникновение новых технологий и принципы решения как рутинных, так и инновационных задач на базе Интернета в таких сферах, как розничная торговля, аренда жилья и автомобилей, организация рабочего пространства (облачные решения и др.) становясь все более популярными, они уже внесли и вносят существенные изменения в традиционные системы общественных отношений, преобладающие в сферах экономики и бизнеса.

Наряду с такими технологическими направлениями, как анализ больших данных, машинное обучение, искусственный интеллект, технология, которая, на наш взгляд, найдет свое применение практически во всех сферах взаимодействия человека со смартфоном или ПК, технология блокчейн предназначена для изменения текущего состояния дел и распределения сил как в развивающихся, так и в существующих отраслях.

Эта тема, на наш взгляд, чрезвычайно актуальна и интересна для изучения – как с теоретической, так и в значительной степени с практической точки зрения. Возможная степень влияния децентрализации и технологии блокчейн как их наиболее яркого проявления может в ближайшие несколько лет существенно

повлиять на развитие экономики, на систему отношений между людьми в отношении экономической деятельности.

Несмотря на прозрачность и доступность всех транзакций, система чрезвычайно безопасна благодаря сложному шифрованию и использованию двух типов ключей для каждого кошелька – общедоступного, на который может быть отправлена криптовалюта, и частного, с помощью которого пользователь может проводить транзакции.

Благодаря технологии блокчейн становится возможным, среди прочего, снизить риски взаимодействия с контрагентами как во время финансовых транзакций, так и во время передачи прав собственности, а также с помощью своих приложений, таких как «умные контракты», выполнять многие процессы в экономике. Более того, вопрос доверия по отношению к централизованным организациям в цифровую эпоху, на наш взгляд, крайне актуален и проблематичен.

Пользователи больше не склонны тешить себя иллюзиями об абсолютной безопасности своих данных, которые они передают не только государственным организациям, но и структурам акционерной собственности (зачастую даже не осознавая этого). Сегодня персональные данные могут быть в опасности, даже если они хранятся признанными компаниями со значительным опытом (такими как Facebook, Yahoo, Equifax и т.д.).

Причем бизнес-модель таких компаний включает в себя монетизацию пользовательской информации, ее использование в рекламных целях.

Пользователи инструментов, основанных на технологии блокчейн, будь то банковские приложения или криптовалюта, доверяют самой системе, которая имеет лишь минимальную информацию о личности эмитента транзакции, и задача которой состоит только в том, чтобы подтвердить подлинность ее «товара» благодаря особому механизму консенсуса.

Существует определенная периодизация разработки и применения решений на основе технологии распределенного реестра: Blockchain 1.0; 2.0; 3.0; 4.0. Криптовалюты можно поставить на первое место, и Биткойн является наиболее успешным и распространенным примером.

В свою очередь, второй этап – это распространение смарт-контрактов – специальных программ, которые реализуются на технологии блокчейн с целью, например, передачи прав собственности, фактически выступая в качестве регистрирующего контрагента (но с гораздо более высоким уровнем безопасности).

Такие программы работают автономно в соответствии с заданными характеристиками. Именно благодаря им биткойн или эфир (ETH) обмениваются на монеты криптовалютного проекта вовремя ICO («Первоначальное предложение монет»). Наиболее успешным примером этого этапа является проект Ethereum, который создал фундамент, платформу для децентрализованных кампаний по краудфандингу. Краудфандинг представляет собой механизм финансирования, основанный на коллаборации. Под коллаборацией понимается объединение людей для достижения общей цели [1, с. 167].

Блокчейн 3.0 представлен «децентрализованными приложениями», DApps. В основе своей работы они используют распределенные одноранговые (одноранговые) сети - блокчейн, аналогично тому, как обычные приложения полагаются на работу сервера. Другими словами, интерфейс такого приложения может быть написан на общем языке программирования, при этом опираясь в своей работе, например, на блокчейн Ethereum. В качестве примеров можно упомянуть проекты NEO и EOS.

На основе всех предыдущих достижений в рамках Blockchain 4.0 планируется разработать и внедрить решения, актуальные для «четвертой научно-технической революции». Наиболее интересными направлениями являются: «Интернет вещей»; борьба с контрафактной продукцией; проблема централизации и сложности системы медицинской документации; проведение прозрачных выборов; хранение личных данных; финансовый сектор.

Постоянный и неизменный характер технологии блокчейн из-за присутствия десятков тысяч компьютерных узлов в сети (для взлома и компрометации, которые теоретически немыслимы вычислительной мощности), позволяет, среди прочего, использовать блокчейн как банк, «хранящий» в нем данные.

Такие области, как контроль подделок в мире искусства и в отношении предметов роскоши, также могут быть объектом для адаптации технологии блокчейн. В частности, так считает американская компания Verisart. Стартап, о котором сообщает авторитетный ресурс TechCrunch, привлек 2 миллиона долларов венчурных инвестиций и уже выпустил свое блокчейн-приложение, которое, например, позволяет гарантировать оригинальность и авторские права на изображение. Не исключено, что в будущем такие приложения существенно смягчат проблему нарушения авторских прав, которая особенно остро стоит в отношении электронных товаров.

Процесс перевода средств с помощью криптовалюты, на первый взгляд, выглядит довольно просто. По аналогии с долларом, евро, иеной и другими валютами, криптовалюты торгуются на биржах.

То есть, несмотря на саму криптографическую безопасность технологии блокчейн (сети) отдельных криптовалют, биржи, сформированные как еще один посредник, фактически не подлежат инновациям. Некоторые из них используют систему 2FA (двухфакторную аутентификацию пользователей), которая просто необходима в современных условиях, например, Binance, другие – нет. Более того, хранение криптовалют на самом деле может осуществляться тремя разными способами.

Во-первых, несмотря на огромное количество возможных номеров открытых ключей (номеров кошельков, таких как биткойн или эфир), вы можете создать в Интернете уникальный кошелек, который основан только на случайности и не совпадает с каким-либо другим «кошельком», и который затем можно распечатать на бумаге и принимать средства. Таким образом, он не будет активен в сети до тех пор, пока владелец не захочет оплатить им какой-либо товар или отправить деньги на другой кошелек с помощью мобильного приложения (для чего используется специальный QR-код, который сканируется камерой).

Еще один способ хранить криптовалюту – использовать специальные аппаратные кошельки, которые также обеспечивают хороший уровень защиты от взлома. Их называют «холодными», потому что они не подключены к Интернету. Некоторые из них не превышают размера USB-накопителя, а другие могут достигать размеров смартфона. Они также используют системы безопасности, такие как 2FA и шифрование данных. Кроме того, вы можете хранить криптовалюту, используя онлайн-кошелек проекта разработчика криптовалюты.

Наконец, что особенно актуально для трейдеров криптовалюты, наиболее нежелательным является хранение монет непосредственно на бирже. Дело в том, что во избежание задержек и для обеспечения скорости выполнения больших объемов операций крипто-биржи экономят значительную часть своих средств на «горячих» кошельках, подключенных к Интернету. Это, в дополнение к часто программной уязвимости самих платформ, делает их мишенью для хакеров.

В этом заключается необходимость появления мобильных приложений (поскольку общее количество выходов в Интернет через ПК сейчас уступает смартфонам), таких же быстрых и дешевых, но криптографически защищенных благодаря интеграции блокчейна. Фактически, такие приложения выполняют

всю работу, указанную выше: конвертируют доллары или евро в криптовалюту, пропускают их через блокчейн, возможно, даже выполняют процедуры с дополнительной анонимизацией средств (например, «смешивание монет» – разделение крупной транзакции на множество меньшие), и, наконец, перевести средства другому пользователю того же мобильного приложения, все в тех же долларах или евро.

Можно предположить, что в будущем, с успешным применением готовых решений блокчейн, многие розничные сети смогут включать их в свои процессы доставки, повышая доверие клиентов и одновременно снижая затраты, связанные с использованием, относительно неэффективная система бумажного учета.

Однако необходимость дальнейшего научного, практического и юридического воплощения технологии блокчейн и ее практического использования очевидна. Вопрос определения статуса криптовалюты и технологии распределенного реестра стоит сегодня на повестке дня, и необходимость сбалансированной и четко определенной экономической политики в этой сфере можно продемонстрировать как на положительных, так и на отрицательных примерах (формирование «криптодолины» в Швейцарии и полный запрет в Китае).

В будущем такие процессы, как поиск работы и прием на работу, могут быть значительно упрощены и станут более прозрачными в результате использования единой базы данных сотрудников в цепочке блоков, которая будет защищена криптографически.

Если блокчейн оправдает обещанный потенциал, он предоставит цифровому миру новый уровень объективности и доверия, с которым не смогут сравниться даже известные авторитетные попечители. Другими словами, он может обеспечить децентрализованную глобальную информационную инфраструктуру, в которой никто не имеет полного контроля, никто не имеет абсолютной власти, и никто не может исказить или лгать о прошлых или текущих событиях.

Библиографический список

1. Бородаенко Анастасия Ивановна Краудфандинг как перспективный способ финансирования инновационных проектов // Молодой исследователь Дона. 2017. № 3 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudfanding-kak-perspektivnyy-sposob-finansirovaniya-innovatsionnyh-proektov> (дата обращения: 30.03.2021).

2. Дерюгина Т. В., Пономарченко А. Е. Блокчейн, смарт-контракты и управление незарегистрированными правами интеллектуальной собственности // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2 (2). С. 163–169.

УДК 369.032

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Радостева Я. Н., магистрант 1 курса факультета «Государственное, муниципальное управление и экономика народного хозяйства»

Научный руководитель: **Алексеенок А. А.**, доктор социологических наук, профессор

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Орел

Аннотация. В статье предпринимается попытка описания положения социальных предприятий на рынке в период пандемии и после нее. Приводится анализ данных, полученных в результате социологического исследования на тему «Социальное предпринимательство в пандемию». В результате автор приходит к выводу о том, что несмотря на действия со стороны органов государственной власти, которые заключаются в предоставлении мер государственной поддержки в целях стабилизации российской экономики в условиях распространения Covid-19, социальные предприятия нуждаются в особом правовом регулировании в такое непростое время.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, социальное предприятие, меры государственной поддержки бизнеса, бизнес-структуры, пандемия, коронакризис.

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP: PANDEMIC INFLUENCE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Radosteva Ya. N., 1st year master's student of the Faculty «State, municipal management and National Economy»

Supervisor: **Alekseenok A. A.**, Doctor of Social Sciences, Professor

Central Russian Institute of Management – branch of RANEPa, Orel

Abstract. The article attempts to describe the position of social enterprises in the market during and after the pandemic. An analysis of the data obtained as a result of a sociological study on the topic «Social entrepreneurship in a pandemic» is presented. As a result, the author concludes that despite the actions on

the part of the state authorities, which are to provide state support measures in order to stabilize the Russian economy in the context of the spread of Covid-19, social enterprises need special legal regulation in such a difficult time.

Keywords: social entrepreneurship, social enterprise, measures of state support for business, business structures, pandemic, coronary crisis.

Пандемия коронавируса внесла значительные изменения в повседневную жизнь каждого человека. Она не просто однажды изменила мир, она продолжает менять его ежедневно. Пандемическая реальность меняется, и это факт, который не нуждается в доказательстве.

Особенно сильный удар вирус нанес экономикам государств, в том числе экономике России. Статистика фиксирует, что такие экономические субъекты, как субъекты малого и среднего предпринимательства, понесли наиболее тяжелые потери от пандемии, став её главной социальной жертвой [6].

По данным социологических исследований, в России миллионы компаний оказались на грани банкротства и сотни тысяч закрылись с марта по октябрь 2020 года. Особенно резкое падение показателей было зафиксировано Федеральной налоговой службой в августе 2020 года. В Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства по состоянию на 10 июля 2020 года было зарегистрировано 6 051 910 субъектов, однако уже через месяц (по состоянию на 10 августа 2020 года) количество субъектов резко снизилось на более чем 460 тысяч предприятий и составило 5 590 081 субъект (см. таблицу) [1].

Таблица 1

**Количество субъектов малого и среднего предпринимательства
за период с 10 марта 2020 года по 10 марта 2021 год**

Период	Количество субъектов МСП, ед.	Количество субъектов МСП, в % к предыдущему году	Количество работников, ед.
10.03.2020	5 960 356	100,6	15 276 648
10.04.2020	5 979 899	100,3	15 248 464
10.05.2020	6 035 035	100,9	15 304 366
10.06.2020	6 033 501	99,9	15 295 920
10.07.2020	6 051 910	100,3	15 269 774
10.08.2020	5 590 081	92,4	15 520 026
10.09.2020	5 602 738	100,2	15 515 137
10.10.2020	5 619 515	100,3	15 492 826
10.11.2020	5 670 880	100,9	15 516 199
10.12.2020	5 702 150	100,6	15 509 813
10.01.2021	5 684 561	99,7	15 491 144
10.02.2021	5 688 329	100,1	15 476 731
10.03.2021	5 731 570	100,8	15 458 554

В таких условиях правительства большинства стран задействовали целый ряд мер, направленных на поддержку бизнеса и предприятий. Например, в России было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 02 апреля 2020 года № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики». Набор мер зависит от того, относится ли деятельность субъекта малого и среднего предпринимательства к пострадавшим отраслям, перечень которых утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 03 апреля 2020 года № 434. На федеральном уровне установлены следующие основные меры поддержки бизнеса:

- Снижение страховых взносов;
- Реструктуризация кредитов;
- Освобождение от плановых проверок (только для малого бизнеса);
- Общие меры поддержки для любых организаций (освобождение и отсрочки по штрафам в сфере государственных закупок и ВЭД).

Также федеральным законодательством закреплены такие дополнительные меры для пострадавших организация и предприятий малого и среднего бизнеса, как:

- Рассрочка погашения долгов по исполнительным документам;
- Льготный кредит по ставке 3 % [3].

Всего установлено 38 мер Правительства РФ по поддержке экономики. Все действующие и завершённые меры представлены на официальном сайте высшего исполнительного органа власти. Кроме того, помимо мер поддержки, которые установлены на уровне государства, существуют меры поддержки каждого отдельно взятого региона. Например, в Орловской области действует такая система мер:

- Пониженная ставка налога по упрощенной системе налогообложения;
- Пониженная ставка налога на имущества организаций для малого и среднего предпринимательства;
- Уменьшение суммы налога на имущество организаций;
- Отсрочка авансовых платежей по налогу на имущество организаций;
- Предоставление субсидий.

Стоит отметить, что на фоне такого упадка в экономике адекватно отреагировали такие организации, как социальные предприятия. Несмотря на то, что

понятие «социальное предпринимательство», в том числе «социальное предприятие», является относительно новым в российском законодательстве, именно такие предприятия пережили пандемию в лучшем варианте развития событий.

Для внесения ясности стоит дать определение понятию «социальное предпринимательство», потому что до сих пор некоторые не разграничивают понятия «социальное предпринимательство» и «благотворительность». Социальное предпринимательство – это предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующих решению социальных проблем граждан и общества и осуществляемая в соответствии определенными условиями. Именно такое определение закреплено в Федеральном законе от 26 июля 2019 года № 245-ФЗ [4].

Агентство социальной информации опубликовало инфографику на тему «Социальное предпринимательство в пандемию», раскрыв изменения в финансовом положении социальных предпринимателей, а также стратегии, которые помогли им выстоять [2].

Данное исследование проводилось 8 месяцев с июня 2020 года по январь 2021 года. В исследовании приняли участие социальные предприниматели и эксперты в данной области из 35 регионов России. Большинство респондентов – женщины, средний возраст – 38 лет. У 82 % опрошенных на предприятиях работает не более 15 человек, по организационно-правовой форме половина из них – коммерческие, 28 % – некоммерческие и 17 % – гибридные.

Самым сложным периодом в работе социальных предприятий пандемию назвали только 28 % респондентов, остальные 72 % отметили незначительные изменения в бизнесе. Более того, 63 % предпринимателей заметили повышение эффективности в работе в кризис, чем это было в прошлые годы до пандемии. При этом 76 % опрошенных отметили, что пандемия научила их новому, 68 % – сделала креативнее. Социальные предприниматели в этот непростой период начали активнее использовать инновации и ИТС «Интернет»: более половины предпринимателей начали использовать инструмент онлайн-продаж, 47 % улучшили свой продукт и 28 % создали радикально новый для потребительского рынка. Как известно, пандемия заставила всех работников и работодателей перейти на дистанционное взаимодействие и работу через интернет. Социальные предприниматели не остались в стороне: почти в 80 % случаев переход в онлайн-формат помог им расширить географию своей работы.

Что касается финансово-хозяйственной части, то социологическое исследование показало следующее. У трети социальных предприятий объем внутреннего финансирования сократился, у половины ничего не изменилось. У двух из трех социальных предпринимателей объем внешнего финансирования не изменился, только у 10 % с начала пандемии он сократился.

Опрос показал, что социальные предприниматели больше всего хотят улучшить свои навыки в маркетинге, коммуникациях, дизайне, упаковке и работе над содержимым продукта, привлечении инвесторов. Наиболее успешными стратегиями, которые позволили пережить пандемию, стали: улучшение продуктов, оптимизация бизнес-процессов, обучение команды, привлечение новых партнеров и создание новых продуктов.

Самым полезным ресурсом социальные предприятия отмечают встречи с другими предпринимателями и образовательные мероприятия, но самыми бесполезными – льготы по налогам и сборам и инкубаторы для запуска бизнеса.

Таким образом, в качестве вывода по данному социологическому исследованию можно сделать следующее заключение: несмотря на то, что пандемия нанесла такой урон российской экономике, от последствий которого она будет отходить не один год, социальные предприятия в этот период стали работать в определенной мере эффективнее и продуктивнее.

Интересным становится тот факт, что во время совместного заседания Комиссии общественной палаты РФ по развитию экономики и корпоративной социальной ответственности и комиссии «Опоры России» по социальному предпринимательству были презентованы специальные меры поддержки для социальных предпринимателей, представлена модель регионального закона о развитии социального предпринимательства. Также было отмечено, что многие социальные предприниматели сильно пострадали в результате пандемии и карантина. Было запланировано, что социальные предприниматели получат поддержку наряду с субъектами МСИ. Но, к сожалению, многие из них не попали в список организаций, которые могли претендовать на помощь со стороны государства, так как их коды общероссийского классификатора видов экономической деятельности не совпали с теми, которые были обозначены в Постановлении Правительства РФ [5].

Также было предложено создать единый реестр социальных предпринимателей на подобие единого реестра субъектов малого и среднего предпринима-

тельства. Это позволит, во-первых, структурировать перечень социальных предприятий в целом по стране и отдельно в каждом регионе, обозначить сферу деятельности, организационно-правовую форму, получаемые меры поддержки и т.д. Во-вторых, это позволит получать различные преференции одновременно в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства, а также в реестре социальных предпринимателей.

Новизна социального предпринимательства диктует необходимость развития данной сферы. В частности, на сегодняшний день разработано и направлено в Министерство экономического развития РФ два ключевых документа: пакет специальных мер поддержки, необходимых социальным предпринимателям как на федеральном, так и на региональном уровнях, дорожную карту внедрения данных мер и текст закона о развитии социального предпринимательства для регионов.

В качестве специальных мер государственной поддержки, которые предложены во время данной дискуссии, можно привести следующие варианты:

- льготные условия аренды государственного и муниципального недвижимого имущества, а именно заключение договора без проведения торгов и (или) применение пониженных ставок при расчете арендной платы. Такая недвижимость должна использоваться строго для ведения социальных видов деятельности;

- софинансирование части затрат социального предприятия, направленных на осуществление социального бизнеса (коммунальные платежи, приобретение оборудования, обязательное обучение персонала и др.);

- оказание консультационной поддержки по юридическим, финансовым, маркетинговым вопросам;

- информационная поддержка за счет безвозмездного предоставления эфирного времени, публикаций в прессе, на сайтах региональных СМИ для популяризации деятельности социального предприятия;

- налоговые льготы в рамках полномочий субъекта РФ: снижение ставки по специальным налоговым режимам, транспортному налогу, налогу на имущество организаций.

Данные меры также можно изменить применительно к пандемической реальности. Например, снизить процентные условия аренды недвижимости, оказывать бесплатную информационную поддержку, установить специальные максимально пониженные ставки по налогам.

Таким образом, для лучшего понимания положения социальных предприятий на российском рынке, стоит отметить, с одной стороны, новизну данного явления в экономике, а потому и низкую регламентацию на законодательном уровне, а во-вторых, неоднозначность в отношении к периоду пандемии: большинство социальных предприятий начали работать эффективнее, однако некоторым все-таки не удалось пережить такой удар по бизнесу.

Пандемия стала огромным испытанием, но у каждого кризиса есть светлая сторона. Оказавшись в новых условиях изоляции и удаленной работы, социальные предприниматели еще раз доказали, что наличие миссии в бизнесе помогает находить особые решения и не сдаваться даже в самых сложных экономических ситуациях. На законодательном уровне такие инициативы необходимо поощрять и поддерживать, особенно в таких пандемических условиях.

Библиографический список

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://ofd.nalog.ru/search.html?mode=extended#pnlSearchResult>
2. Карточки: социальное предпринимательство в пандемию // Агентство социальной информации: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://www.asi.org.ru/news/2021/03/24/kartochki-soczialnoe-predprinimatelstvo-v-pandemiyu/>
3. Малый и средний бизнес: меры поддержки организаций и ИП из-за коронавируса [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352202/
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие»: Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ // СЗ РФ. 29.07.2019. № 30. Ст. 4147.
5. Социальные предприниматели не должны выпадать из фокуса внимания [Электронный ресурс] // Общественная палата Российской Федерации: [официальный сайт]. Режим доступа: <https://www.oprf.ru/ru/press/news/2617/newsitem/55632?PHPSESSID=rug8t7q6177g2hhmstfe6cpjc3>
6. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. 319 с.

УДК 346.5

**ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН В
КОММЕРЧЕСКОМ ЭЛЕКТРОННОМ ДОКУМЕНТООБОРОТЕ КАК
ЭЛЕМЕНТ ИНФРАСТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

Сандалова В. А., старший преподаватель кафедры предпринимательского права, арбитражного и гражданского процесса

Литвинова А. Д., студентка 4 курса института права

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются возможности внедрения технологий блокчейн в электронный документооборот в сфере коммерции. Дается характеристика современного ЭДО в секторе договорной деятельности предпринимателей. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о позитивном потенциале дополнения ЭДО блокчейн-проектами. Статья содержит предложения, направленные на перспективное решение законодательных рисков с целью придания валидации применению технологий блокчейн в электронном документообороте.

Ключевые слова: распределенная обработка данных, технологии блокчейн, электронный документооборот, предпринимательство.

**PROSPECTS FOR APPLICATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN
COMMERCIAL ELECTRONIC DOCUMENT CIRCULATION AS AN
ELEMENT OF MODERN ENTERPRISE INFRASTRUCTURE**

Sandalova V. A., Senior Lecturer, Department of Business Law, arbitration and civil proceedings

Litvinova A. D., Student of the 4th year of the Institute of Law

Volgograd State University, Volgograd

Abstract. The article discusses the possibilities of introducing blockchain technologies into the electronic document flow in the field of commerce. A description of modern EDO in the sector of contractual activity of entrepreneurs is

given. As a result of the study, the authors conclude that there is a positive potential to supplement EDO with blockchain projects. The article contains proposals aimed at a promising solution of legislative risks in order to give validation to the use of blockchain technologies in electronic document management.

Keywords: distributed data processing, blockchain technologies, electronic document management, entrepreneurship.

Практическое применение технологий распределенной обработки данных, в том числе выстроенных систем на платформе блокчейн, в настоящее время занимают ведущие позиции во всем мире в различных областях и сферах деятельности [3]. Как показала коронокризисная практика ведения деловых взаимоотношений как внутри государства, так и на международном уровне, складывающаяся с 2020 года, использование распределенных платформ, в частности в безбумажном документообороте в предпринимательской деятельности, весьма оправдано.

В России уже внедрены и активно используются автоматизированные информационные системы способствующие обмену документами в бизнес-среде, такие как: «АС «ЭТРАН» (автоматизированная система «Электронная транспортная накладная» применяемая при оформлении и составлении перевозочных документов при железнодорожных грузоперевозках), «АС «Цербер» (автоматизированная система по обмену и оформлению электронной ветеринарной документации, сопровождающей экономическую деятельность хозяйствующих субъектов при взаимодействии с Россельхознадзором), «ФГИС «Меркурий» (государственная система предназначенная для контроля продукции животноводства, в том числе позволяющая оформлять электронные сертификаты), «ФГИС «Аргус-Фито» (государственная информационная система для удаленной работы и взаимодействия с органами фитосанитарного надзора, в том числе оформления, хранения и обработки фитосанитарных и карантинных сертификатов, актов фитосанитарного контроля в отношении перемещаемых грузов), «ЕГАИС» (единая государственная система по обмену документами, сопровождающих оборот этилового спирта) и прочие автоматизированные системы распределенной обработки данных.

Несмотря на то, что рынок оперативно реагировал и адаптировался к новым условиям, говорить о повсеместном и одномоментном переходе ведения

электронного документооборота в коммерции на использование технологий распределенного реестра данных, пока рано. Как отмечают эксперты в сфере коммерции доля компаний, совершающий хоть какой-либо документооборот в электронной форме ничтожно мала, и составляет 1-2 % от основной массы хозяйствующих субъектов. Одновременно в отдельных сферах внешний документооборот достигает показателей 80-95 %, в частности, – сервисные компании, оказывающие регулярные услуги по выставлению электронных платежных документов (телекомы, ЖКХ, банки, интернет-магазины и др.) и госорганы в сегменте отчетности (налоговые, пенсионные и прочие) [1].

С сожалением следует констатировать невысокий уровень проникновения электронных форматов в договорную деятельность предпринимателей, в том числе в процесс заключения договоров.

В настоящее время сложившаяся деловая практика позволяет выделить два способа заключения договора в удаленном режиме.

Первым является подписание соглашения с помощью электронной подписи, а вторым – обмен отсканированными копиями договора через электронные сервисы, например, почту.

Для того чтобы охарактеризовать первый из названных способов, необходимо дать определение понятию электронной подписи. Нормами гражданского законодательства установлено следующее: электронная подпись – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию [2]. Иными словами, электронная подпись – это определенная последовательность чисел, образующая собой цифровой код, который позволяет установить его принадлежность конкретному лицу и одновременно подтвердить заключение договора данным лицом. Электронная подпись выдает специальный аккредитованный удостоверяющий центр. Перед ее выдачей, осуществляется проверка на предмет полномочий и соответствия паспортным данным лица, то есть происходит установление личности заявителя. После проведения всех необходимых действий аккредитованный удостоверяющий центр выдает электронную подпись на материальном носителе. Это может быть флеш-накопитель, CD-диск и другие. Носитель содержит определенный перечень файлов, указав путь, к которым с помощью компьютерного устройства, лицо осуществляет подпись электронного договора.

Электронная подпись договора является одним из самых надежных способов удостоверения воли сторон. В сравнении с традиционным способом подписания договора на бумажном носителе, она исключает возможность для контрагентов проставить некорректные подписи, которые впоследствии позволяют оспаривать недействительность соглашения в целом на основании того, что подпись осуществлена лицом, неуполномоченным на совершение подобных сделок либо фальсификации подписи. Так, при возникновении аналогичного спора в отношении электронной подписи, для подтверждения будет достаточно предоставить в качестве доказательства электронный файл на материальном носителе, который суд проверит через аккредитованный удостоверяющий центр и таким образом, подтвердит его принадлежность конкретному лицу. А поскольку вышеназванный центр выступает гарантом удостоверения электронной подписи, оснований не доверять этому центру у суда не будет. Безусловно, каждая из сторон, понимает положительный эффект использования электронной подписи и поэтому, на практике не может возникнуть ситуация обращения в суд для оспаривания электронной подписи. Электронная подпись широко распространена в использовании среди хозяйствующих субъектов предпринимательства. Как правило, ее используют для предоставления различных форм отчетности через специализированные электронные сервисы. Для подписания договоров с помощью электронной подписи обязательны согласие контрагента, наличие у него такого инструмента, а также доступа к определенному сервису.

Второй способ состоит в обмене договорами путем сканирования подписанного соглашения и направления соответствующей копии контрагенту по электронной почте. В свою очередь другая сторона, получив такого вида документ, распечатывает его и подписывает, а затем перенаправляет отправителю. Как правило, после совершения указанных действий договор вступает в законную силу. Важным элементом при заключении соглашения подобным способом выступает обеспечение юридической безопасности. В случае возникновения судебного спора, для его разрешения в качестве доказательства заключения соглашения, необходимо предоставить оригинал этого документа. А при подписании договора путем сканирования, у контрагентов фактически остаются лишь копии договора, так как оригинал подписан ими никогда не был. В этой связи проведение почерковедческой судебной экспертизы представляется невозможным, поскольку при распечатывании документа принтером происходит искажение ори-

гинальной подписи контрагента. Поэтому для обеспечения юридической безопасности необходимо указывать в договоре о признании обеими сторонами действительность настоящего договора и других документов, направленных и подписанных с помощью электронной почты сторон. При этом обязательно внесение условия о том, что обмен экземплярами соглашения и иными документами производится по конкретным адресам электронной почты с непосредственным их указанием в реквизитах договора. Условие об электронном документообороте всегда указывается в оригинале договора, а в данном случае оно указывается и содержится фактически в скан-копии договора. Поэтому при возникновении спора недобросовестный контрагент может сослаться лишь на то, что такого условия не существует, так как оригинал подписан сторонами не был. В подобных случаях суд просит добросовестного контрагента предоставить нотариальный протокол осмотра электронной почты. Данная процедура в силу своей специфики и временных затрат является дорогостоящей, и может являться для стороны существенными расходами.

Иным способом обеспечения юридической безопасности является условие договора о гарантийном характере предоплаты. То есть часть денежных средств, внесенных в счет оплаты по данному соглашению выступают в качестве доказательства его подписания, а как следствие возникновения двусторонних обязательств по нему. Таким образом, при возникновении спора в качестве доказательства своей правовой позиции контрагенту будет достаточно представить суду подписанную скан-копию договора и копию платежного поручения с отметкой банка. В данном случае необходимость предоставления добросовестным контрагентом нотариального протокола осмотра электронной почты отсутствует.

И опять же, обращаясь к аналитическим данным, следует отметить, что применение внешнего электронного документооборота в компаниях в различных сегментах дифференцирован: наибольшая доля исследуемого сегмента приходится на предоставление и обмен отчетной документацией во взаимодействии с контролирующими органами, обмен счетами-фактурами. Относительно ЭДО договоров, технологических и неформализованных документов, сопровождающих договорную деятельность, то показатель в данном секторе не превышает 2 % от общего объема [1].

Вместе с тем, положительная практика перехода с бумажного документооборота на электронный демонстрирует, что с технологической точки зрения для

повсеместного распространения электронного документооборота уже сложившиеся компоненты инфраструктуры позволяют реализовать эту задачу.

Что касается вопроса возможности применения технологий распределенных данных в ЭДО, то мы уверены, что именно потенциал блокчейна позволит обеспечить прорыв в этой сфере.

В этой связи, на наш взгляд, в серьезной проработке нуждаются следующие группы вопросов.

Во-первых, многочисленные вопросы валидации внедрения блокчейн-проектов в коммерцию.

С одной стороны, перспективы ЭДО, дополненного технологиями блокчейн (именно, как дополнение в «цепочке» коммерческого взаимодействия, но не альтернативная замена), выглядят весьма заманчиво, поскольку в состоянии гарантировать беспрецедентную безопасность и прозрачность любой транзакции. С другой стороны, до настоящего времени не решен вопрос юридического признания таких транзакций, как это уже реализовано в отношении квалифицированной электронной подписи.

Также законодательно не решены такие вопросы как: стандарты документации, долговременное хранение электронных документов, отсутствие понятия и юридическая значимость «электронной копии электронного документа», проблемы информационной безопасности (например, обеспечение режима коммерческой тайны) и другие.

Во-вторых, участие государства как регулятора прикладного применения блокчейн-проектов в коммерции и его решающая роль в продвижении ЭДО.

Полагаем, что качественное решение обозначенных направлений позволит преодолеть существующие у предпринимателей фобии, серьезно мешающие развитию ЭДО и совершить революционное внедрение блокчейн-проектов в коммерческий электронный документооборот, которые в обозримом будущем сформируются в неотъемлемый элемент инфраструктуры современного предпринимательства.

Библиографический список

1. Признание блокчейн уже наступило. Как технология развивается в России. URL: <https://www.fintechru.org/publications/priznanie-blokcheyna-uzhe-nastupilo-kak-tekhnologiya-razvivaetsya-v-rossii/> (дата обращения 30.03.2021)

2. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ от 11.04.2011. № 15. Ст. 2036.

3. Viktoria A. Sandalova, Tamara A. Kochubey, Yaroslava V. Mescheryakova. Civil Turnover of Objects by the Intellectual Property in Conditions of Digital Intensification // Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age. Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018) / Lecture Notes in Networks and Systems- Springer Nature Switzerland AG 2020. Springer, Cham. Pp. 531–536.

УДК 346

**ПРОБЛЕМЫ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА НА ПРИМЕРЕ
НАРУШЕНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА
РЫНКЕ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ПРАВА НА РАЗМЕЩЕНИЕ
РЕКЛАМНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

Сергеева К. В., начальник отдела контроля органов власти Управления Федеральной антимонопольной службы по Чувашской Республике-Чувашии

Афанасьева Т. А., специалист отдела контроля органов власти Управления Федеральной антимонопольной службы по Чувашской Республике-Чувашии

Аннотация. Статья посвящена практике антимонопольных органов на рынке по предоставлению права на размещение рекламных конструкций.

Ключевые слова: рекламная конструкция, наружная реклама, схема размещения рекламных конструкций, конкуренция, антимонопольное законодательство.

**PROBLEMS OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES ON THE
EXAMPLE OF VIOLATIONS OF ANTIMONOPOLY LEGISLATION IN
THE MARKET FOR GRANTING THE RIGHT TO PLACE ADVERTISING
STRUCTURES**

Sergeeva K. V., Head of the Department of Control of Government Bodies of the Federal Antimonopoly Service for the Chuvash Republic-Chuvashia

Afanasyeva T. A., Specialist of the Department of Control of the authorities of the Federal Antimonopoly Service for the Chuvash Republic-Chuvashia

Abstract. The article is devoted to the practice of antimonopoly authorities in the market for granting the right to place advertising structures.

Keywords: advertising structure, outdoor advertising, layout of advertising structures, competition, antitrust legislation.

Реклама – это вечный двигатель торговли. Рекламные сообщения это всего лишь информационный инструмент – источник информации. Рекламой производители и продавцы доносят информацию об особенностях их товара, а покупателям это дает возможность сделать рациональный выбор при покупке.

Таким образом, рекламный рынок – это система экономических форм и механизмов, связанных с образованием и функционированием рекламодателей, рекламных агентств, медиахолдингов, посредников в рекламодвижении, производящих рекламный товар и реализующих его в качестве услуги через средства рекламы для потребительской аудитории в соответствии с целями и задачами маркетинга [4, с. 462].

Для размещения рекламной конструкции необходимо, во-первых, заключить договор с собственником объекта недвижимости, на котором планируется разместить такую конструкцию, а во-вторых, получить разрешение муниципалитета. Даже если компания планирует разместить рекламную конструкцию на принадлежащем ей объекте недвижимости, разрешение муниципалитета все равно потребуется.

Когда речь идет о заключении договора на установку и эксплуатацию рекламной конструкции на земельном участке, здании или ином недвижимом имуществе, находящемся в государственной или муниципальной собственности, в обязательном порядке требуется проведение торгов. Причем, проведение аукциона или конкурса выбирает сам муниципалитет.

Перед их проведением муниципалитет утверждает схему размещения рекламных конструкций.

Само по себе отсутствие схемы ведёт к ограничению конкуренции, так как юридические лица, ИП и граждане не имеют доступа к информации по утверждённой схеме на установку и эксплуатацию рекламных конструкций, что может привести к ограничению числа участников, желающих участвовать в торгах на право заключения договора на установку и эксплуатацию рекламной конструкции

При проведении торгов (конкурсов или аукционов) организаторами торгов, не редко, нарушаются принципы здоровой конкуренции, путем введения необоснованных ограничений для определенного круга рекламных компаний, либо установлением завышенной стартовой цены и прочее.

На сегодняшний день отмечаются следующие виды нарушений на рынке по предоставлению права на размещение рекламных конструкций, выявляемые антимонопольными органами в рамках своей деятельности:

- *несоответствие установки рекламной конструкции в соответствии со схемой размещения рекламных конструкций* (схема размещения рекламных конструкций – является документом, определяющим места размещения рекламных

конструкций, типы и виды рекламных конструкций, установка которых допускается на данных местах. Схема размещения рекламных конструкций должна соответствовать документам территориального планирования и обеспечивать соблюдение внешнего архитектурного облика сложившейся застройки, градостроительных норм и правил, требований безопасности и содержать карты размещения рекламных конструкций с указанием типов и видов рекламных конструкций, площади информационных полей и технических характеристик рекламных конструкций.

Схема размещения рекламных конструкций и вносимые в нее изменения подлежат предварительному согласованию с уполномоченным органом исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации в порядке, установленном высшим исполнительным органом государственной власти данного субъекта Российской Федерации. Схема размещения рекламных конструкций и вносимые в нее изменения подлежат опубликованию (обнародованию) в порядке, установленном для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов, и размещению на официальном сайте органа местного самоуправления муниципального района или органа местного самоуправления городского округа в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»);

- заключения договоров на установку и эксплуатацию рекламных конструкций без проведения процедуры торгов;

- бездействия органов местного самоуправления в связи с нарушениями законодательства, собственниками рекламных конструкций и хозяйствующими субъектами;

- не проведение торгов на право размещения и эксплуатации рекламных конструкций.

Практика несоответствия установки рекламной конструкции в соответствии со схемой размещения рекламных конструкций:

1) решение Ульяновского УФАС России от 02.10.2019 по делу № 073/10/18.1-16011/2019.

Структура дела: В Ульяновское УФАС России поступили жалобы ООО и ИП на действия Комитета по управлению имуществом города Димитровграда при проведении аукциона в электронной форме на право заключения договора на установку и эксплуатацию рекламной конструкции на земельном участке, находящемся в собственности города Димитровграда Ульяновской области, а

также на земельном участке, государственная собственность на который не разграничена.

Согласно пункту 3 части 20 статьи 19 Закона «О рекламе» в случае несоответствия установки рекламной конструкции в данном месте схеме размещения рекламных конструкций (в случае, если место установки рекламной конструкции в соответствии с частью 5.8 настоящей статьи определяется схемой размещения рекламных конструкций) разрешение может быть признано недействительным в судебном порядке по иску органа местного самоуправления.

Комиссией Управления признан обоснованным довод заявителей, о том, что на торги выставлено право на заключение договоров на установку рекламных конструкций, места размещения которых не включены в Схему размещения рекламных конструкций на территории города.

2) Решение Ульяновского УФАС России от 08.05.2019 по делу N 073/10/18.1-15667/04-2019

Структура дела: В Ульяновское УФАС России поступила жалоба ООО на действия Комитета по управлению имуществом города Димитровграда при проведении аукциона в электронной форме на право заключения договора на установку и эксплуатацию рекламной конструкции на земельном участке, находящемся в собственности города Димитровграда Ульяновской области, а также на земельном участке, государственная собственность на который не разграничена.

В конкурсной документации не указаны конкретные места установки рекламных конструкций. Схема размещения рекламных конструкций в некоторых случаях не соответствует более подробным схемам масштаба, которые не представлены в конкурсной документации, не размещены в открытом доступе, и могут быть изменены в любой момент без ведома участников аукциона. Так, в некоторых случаях одна и та же рекламная конструкция размещена по разные стороны дорог и в разных схемах.

Жалоба признана обоснованной и выдано предписание об устранении допущенных нарушений и аннулировании торгов.

3) Решение Татарстанского УФАС России по рассмотрению дела №016/01/15-1025/2019 от 20 ноября 2019 г.

Структура дела: Комиссия Татарстанского УФАС России решением по делу № 016/01/15-1025/2019 установила нарушение части 1 статьи 15 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» исполнительным

комитетом Актанышского муниципального района Республики Татарстан в части не проведения торгов на право заключения договоров на установку и эксплуатацию рекламных конструкций в Актанышском муниципальном районе Республики Татарстан и отсутствия муниципального контроля за эксплуатацией рекламных конструкций на территории Актанышского муниципального района Республики Татарстан при отсутствии выданных разрешений.

Несоответствие схеме размещения стационарных рекламных конструкций на территории в селе Актаныш в отсутствии надлежащим образом проведенных торгов, в выдаче ненадлежащих разрешений на их размещение, позволяют сделать вывод о незаконном использовании муниципальной земли Актанышского муниципального района Республики Татарстан.

Практика заключения договоров на установку и эксплуатацию рекламных конструкций без проведения процедуры торгов:

- предупреждение Ярославского УФАС от 12.07.2018 № 06-08/30-18

Структура дела: Комитетом по рекламе, наружной информации и оформлению города Ярославля ИП были выданы разрешения на установку и эксплуатацию рекламных конструкций, без проведения конкурсных процедур;

- предупреждение УФАС Курской области от 11.12.2018 № 27

Структура дела: администрацией г. Железногорска «ООО» были выданы разрешения на установку и эксплуатацию рекламных конструкций, без проведения конкурсных процедур;

- решение Арбитражного суда Амурской области от 22.05.2018 № А04-871/2018

Структура дела: УФАС по Амурской области выдало предупреждение Горкомимуществу г. Благовещенск в связи с нарушениями по выдаче разрешения на установку рекламных конструкций «ООО» без проведения торгов;

Суд в своем решении установил бездействие органов местного самоуправления в связи с нарушениями законодательства, собственниками рекламных конструкций и хозяйствующими субъектами;

- предупреждение УФАС по Алтайскому краю от 05.06.2018 № 24

Структура дела: администрацией индустриального района г. Барнаула Алтайского края не были предприняты действия в связи с установлением и эксплуатацией без действующего договора и разрешения на установку и эксплуатацию рекламных конструкций хозяйствующим субъектом;

- предупреждение Карельского УФАС от 09.10.2017

Структура дела: срок действия разрешений, выданных Администрацией Петрозаводского городского округа ООО на распространение наружной рекламы на территории г. Петрозаводска истек; но администрация выдала ООО предписание о демонтаже незаконно установленной рекламной конструкции только по истечении пяти лет.

Кроме этого было обнаружено два незаконно размещенных рекламных конструкций;

- предупреждение УФАС по Курской области от 17.03.2017 № 03-05/01-2017.

Структура дела: ООО по итогам проведения открытого аукциона на право заключения договоров на установку и эксплуатацию рекламных конструкций на территории Курского района Курской области заключило с администрацией Курского района договор. Однако ООО не получило разрешение на установку и эксплуатацию рекламных конструкций, рекламные щиты были установлены без получения разрешения.

- предупреждение Чувашского УФАС от 01.11.2018 № 05-04/7925

Структура дела: администрация Чебоксарского района выдала ООО в 2017 году предписание о демонтаже рекламных конструкций, однако рекламные конструкции не были демонтированы и также эксплуатировались.

Нарушение выразилось в бездействии администрации и в обязанности демонтировать конструкции.

- предупреждение Мурманского УФАС от 15.02.2019 №07-06-19/1

Структура дела: ООО без разрешения были размещены рекламные конструкции. При этом администрация была осведомлена об их размещении, но предписания не выдавала.

- Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 20.06.2017 № А40-219714/2016

Структура дела: УФАС по Московской области выдала предписание администрации Люберецкого района в связи с бездействием по демонтажу рекламных конструкций срок действия, которых закончился.

Суд указал, что предписание УФАС является законным.

- Решение Арбитражного суда Челябинской области от 13.10.2015 А76-17797/2015

Структура дела: Челябинским УФАС выдано предупреждение администрации Златоустовского городского округа в связи с бездействием, выразившимся в неосуществлении демонтажа рекламных конструкций.

Суд указал, что предупреждение УФАС является законным.

Практика не проведения торгов на право размещения и эксплуатации рекламных конструкций:

- предупреждение УФАС по Тверской области от 10.05.2017 № 04-8/6-1490ВФ

Структура дела: не проведение торгов администрацией города Твери в связи с прекращением действия договоров на право размещения рекламных конструкций;

- предупреждение Марийского УФАС от 20.06.2016 № 03-29/28-2016

Структура дела: бездействие администрации Оршанского района, выражающееся в не проведении торгов и в разработке и утверждении схем размещения рекламных конструкций;

- решение Тывинского УФАС от 26.12.2016 по делу № 05-13-01/16-15-16

Структура дела: бездействие администрации Кызылского района Республики Тыва выразилось в не проведении торгов и в разработке и утверждении схем размещения рекламных конструкций.

Вышеназванная практика позволяет сделать вывод, что рынок по предоставлению рекламных конструкций достаточно насыщен участниками рынка и, соответственно, требует постоянного контроля.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

2. Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

3. Управление Федеральной антимонопольной службы по Чувашской Республике-Чувашии <https://chuvashia.fas.gov.ru/>.

4. Интернет ресурс: https://vuzlit.ru/270377/sovremennye_problemy_tendentsii_perspektivy_reklamnogo_rynka_rossii

УДК 347.4

**ОСОБЕННОСТИ СДАЧИ-ПРИЕМКИ ВЫПОЛНЕННЫХ РАБОТ В
РАМКАХ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО СТРОИТЕЛЬНОМУ
ПОДРЯДУ**

Симонян А. Г., магистрант 1 курса юридического факультета

Научный руководитель: Канцер Ю. А., кандидат юридических наук

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В данной научной статье рассматриваются особенности актов сдачи-приемки выполненных работ оформленных по форме КС-2, отражается проблематика применения данной формы в процессе сдачи-приемки выполненных работ. Раскрыты недостатки форм КС-2 для целей эффективного управления проектами. Сформирован вывод о том, что в настоящее время как документ о сдаче-приемке работ по договорам строительного подряда формы КС-2 устарели и нуждаются в обновлении.

Ключевые слова: договор, акт сдачи-приемки работ, строительный подряд, ответственность, КС-2, КС-3, строительство.

**FEATURES OF DELIVERY AND ACCEPTANCE OF COMPLETED
WORKS WITHIN THE FRAMEWORK OF CONTRACTUAL RELATIONS
FOR A CONSTRUCTION CONTRACT**

Simonyan A. G., 1st year Master's student of the Faculty of Law

Supervisor: Kancer Yu. A., Candidate of Law

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This scientific article discusses the features of the acts of delivery and acceptance of completed works issued in the form of КС-2, reflects the problems of using this form in the process of delivery and acceptance of completed works. The shortcomings of the КС-2 forms for the purposes of effective project management are revealed. The conclusion is formed that at present, as a document on the delivery and acceptance of works under construction contracts, the forms of the КС-2 are outdated and need to be updated.

Keywords: contract, act of acceptance of works, construction contract, liability, КС-2, КС-3, construction.

Сдача и приёмка работ в рамках отношений по договору строительного подряда является обязательным этапом как в силу закона, так и с точки зрения правовой природы данных договорных отношений, ведь именно факт оформления сдачи и приёмки работ позволяет как сторонам договора, так и суду при возникновении спорных ситуаций определить, в каких объёмах фактически были выполнены работы, соответствует ли объем выполненных работ обговоренным сторонами условиям, имеется ли отклонения от положений договора и так далее. Кроме того, в практике на протяжении многих лет большинство заказчиков подрядных работ в строительной сфере отдают предпочтение привязке момента оплаты выполненных работ к моменту сдачи и приёмки конечного результата выполненных работ или ее отдельных этапов. Таким образом, формирование документов, свидетельствующих о сдаче-приёмке выполненных работ является своего рода основанием для оплаты данных работ [2, с. 56]. Не смотря на то, что подрядчикам зачастую удаётся согласовать с заказчиками условие о внесении заказчиком первоочередного авансового платежа в счёт исполнения обязательства, например, для закупки подрядчиком первоочередно необходимых материалов, оборудования или будь то в целях подтверждения серьёзности своих намерений в рамках соответствующих правоотношений, к сдаче-приёмке всего объёма выполненных работ производится привязка всей оставшейся суммы по договору, которая зачастую составляет более 70 % от общей суммы.

Принимая во внимание вышеизложенное, следует понимать, что в рамках правоотношений по договору строительного подряда зачастую формируется огромный массив документации, которые тем или иным образом оформляют суть возникших правоотношений, объем работ, их этапы, технические задание, стоимость работ, их сроки, а также стадии исполнения сторонами обязательств по договору. В связи с этим рациональным решением предполагается дифференцирование полного объёма работ, предстоящих выполнению на отдельные этапы, по завершению которых и будет производиться формирование отчётности о проделанной работе, документов по сдаче и приемке выполненных работ, анализ и фиксирование взаиморасчетов между сторонами и иные промежуточные (конечные) отчётные документы.

Разумеется, частота споров между подрядными организациями и заказчиками зависит от того, насколько детально регламентированы данные правоотношения в законодательстве той или иной юрисдикции, насколько компетентны в правовых вопросах представители заказчиков и подрядчиков, насколько развита и единообразна правоприменительная практика, однако, когда речь заходит о спорах, касающихся этапов сдачи-приемки выполненных работ, ответственности сторон в связи с совершением определенных действий или наоборот бездействий на данных этапах, то в подобных случаях не малую роль играет разработанность законодателем форм оформления сдачи-приемки работ.

В соответствии с пунктом 4 статьи 754 Гражданского кодекса Российской Федерации, результат выполненного подрядчиком объема работ оформляется актом, который формируется в двух экземплярах и подписывается сторонами, по одному для каждой стороны [2]. В Современной российской правоприменительной практике предприниматели активно используют акты выполненных работ по форме КС-2, КС-3, КС-11, КС-14, КС-17, которые разработаны Госкомстатом и утверждены Постановлением Госкомстата РФ от 11.11.1999 года № 100 [4]. Не смотря на тот факт, что данные формы не являются обязательными к применению с 1 января 2013 года, они по сей день активно применяются, однако, это не отменяет того положения, что на сегодняшний день данные формы как минимум требуют совершенствования, а в идеале предполагается разработать новые формы, перенимая и адаптируя опыт зарубежных юрисдикций в данном вопросе.

Вышесказанное связано прежде всего с тем, что действующие и активно используемые формы КС-2 и КС-3 являются достаточно архаичными и представляют собой пережитки советской административно-хозяйственной системы, преследующей формирование отчетности и ведение статистики в различных сферах жизни общества [3; с. 74]. В развитие сказанного, необходимо отметить, что сдача-приемка выполненных работ или этапов работ является весьма серьезным процессом, который в конечном итоге должен фиксировать не только количественные, но и качественные характеристики выполненных работ в соответствии с предметом и условиями договора строительного подряда. Однако, акты выполненных работ по формам КС-2 и КС-3 по своей сути являются статистическими формами отчетности и были разработаны и утверждены статистическими, финансовыми органами, экономическими регуляторами. Объясняется это тем, что в советский период отсутствовало детализированное специальное правовое регулирование по данному вопросу, а ведение и сдача отчетности осуществлялось

в целях доказывания исполнения обязательств по договорам, что и нашло свое отражение в разработке форм КС-2 и КС-3.

Вышеупомянутые формы отражают объем выполненных работ по номенклатуре смет и количество использованного в строительстве материала, однако отразить стадийность и этапность выполненных работ в данных формах не представляется возможным ровно так же, как и не представляется возможным зафиксировать замечания заказчика в самой форме. Кроме того в КС-2 и КС-3 не могут содержать в себе информацию о соблюдении или не соблюдении норм технического регулирования и стандартов, поскольку ограничиваются лишь показателями, рассчитываемыми на основе смет.

Ввиду того, что рассматриваемые формы оформления выполненных работ в большинстве своем формируются на основе сметной документации, тем самым они не позволяют детально оценить перечень выполненных работ, завершенность определенных этапов работ, их качество, а также не позволяют зафиксировать отклонения от условий договора, требований законодательства, специальных строительных норм и правил. Особенно часто в связи с сказанным возникают проблемы в договорных отношениях, в которых распределение строительных работ осуществляется между множеством подрядных организаций, каждая из которых представляет заказчику свою форму акта по форме КС-2, что по цепочке передается генеральному подрядчику, который в конечном итоге не в состоянии только лишь на основании данных актов определить объем и качество проделанной работы. Подобное формирование массива закрывающей документации чревато тем, что генеральный подрядчик и заказчик потеряют связь с реальным положением дел на объекте строительства.

Проблемы появляются у заказчиков и в связи с тем, что акты по форме КС-2 не предусматривают по своей форме возможности указать на недостатки выполненных работ. В судебной практике существуют три различных позиции по вопросу о последствиях подписания акта выполненных работ без каких-либо замечаний. Так, есть позиция, согласно которой подписание акта выполненных работ без замечаний может лишить заказчика права в дальнейшем ссылаться на недостатки работ. Существует и другая точка зрения, в соответствии с которой заказчик в этой ситуации лишается права ссылаться только на явные недостатки. Согласно третьей позиции наличие актов выполненных работ, подписанных без замечаний, не лишает заказчика права представить свои возражения относительно объема и качества выполненных работ.

Разумеется, если стороны предусмотрели использование формы КС-2, то вопрос о недостатках выполненных работ решается с помощью созыва «строительной комиссии» и составления отдельного акта о выявленных недостатках выполненных работ. Однако, как было отмечено выше, подобные ситуации расцениваются судебными органами весьма неоднозначно, опять-таки тем самым формируется дополнительная бумажная волокита, что в рамках больших строительных проектов собирается в огромный массив документации от одного этапа работ к другому, да и в принципе сторонам приходится доводить решение подобных вопросов до суда ввиду их неоднозначности.

На основании вышеизложенного напрашивается вывод о том, что существующая форма КС-2 требует существенной доработки, которая должна позволить не только наиболее детализировано отражать все существенные положения во время сдачи-приемки выполненных работ или этапов выполненных работ, но и облегчить процесс оформления сдачи-приемки работ. Очевидно, что разработка новых форм актов сдачи-приемки выполненных работ с учетом современной российской действительности представляется более разумной, поскольку за последние двадцать лет правовое регулирование правоотношений в области строительства настолько усложнилось и обзавелось своими правоприменительными нюансами, что на сегодняшний день требуется не только разработка совершенно новых форм актов сдачи-приемки работ с учетом современных практических проблем, судебной практики и опыта зарубежных стран, но и принятие комплексных концептуальных решений, способствующих детальной регламентации всех этапов взаимодействия между заказчиками и подрядчиками в одном итоговом документе, нежели произведение какой-либо модернизации уже существующей формы КС-2.

Кроме того, предлагается обратить внимание на проформы модельных контрактов, разработанных Международной ассоциацией инженеров-консультантов – проформы FIDIC, что неудивительно, ведь полученная в ходе работы отчетная документация позволяет всегда ясно и корректно контролировать процессы строительства и их финансирования, процесс сдачи-приемки работ (этапов работ) и их документальное оформление, а большинство условий типовых форм договоров, разработанных специалистами FIDIC ввиду детальной регламентации условий таких договоров позволяют уменьшить количество споров между сторонами договора. Действительно, любая проформа FIDIC предполагает большее количество отчетной документации, переписки и другой бумажной работы.

Однако вся документация проформ FIDIC достаточно систематизирована и в процессе работы не вызывает каких-то дополнительных затруднений при ее оформлении.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Текст] : Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ / Российская Федерация. Законы. Текст : непосредственный // Собрание законодательства. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Зенков А. А., Легостаев А. А. Акт выполненных работ в рамках договора подряда на выполнение работ по строительству и реконструкции объектов недвижимого имущества // Сборник материалов III Научно-практической конференции // Проблемы государственной регистрации недвижимости. 2017. 133 с.

3. Никитин В. В. Приемка работ в строительном подряде. Формы КС-2, КС-3 и зарубежные рекомендательные проформы инженерных контрактов / Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата № 2 (57). 2020. 159 с.

4. Постановление Госкомстата РФ от 11.11.1999 № 100 «Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету работ в капитальном строительстве и ремонтностроительных работ» // КонсультантПлюс: официальный сайт. 2021. Электронный ресурс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26273 (дата обращения: 20.04.2021).

УДК 347.4

**ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЙ УСТАНОВЛЕННОЙ ПРОЦЕДУРЫ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНТРАКТА НА ПОСТАВКУ ТОВАРА,
ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ И ОКАЗАНИЕ УСЛУГ ДЛЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД**

Скобельцева Д. А., магистрант 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Токарев Д. А., кандидат юридических наук

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу возникающих нарушений установленной процедуры заключения контракта на поставку товара, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд. А также последствия для учреждений и должностных лиц.

Ключевые слова: заказчик, закупка, контракт, поставщик.

**CONSEQUENCES OF VIOLATIONS OF THE ESTABLISHED
PROCEDURE FOR CONCLUDING A CONTRACT FOR THE SUPPLY OF
GOODS, PERFORMANCE OF WORKS AND PROVISION OF SERVICES
FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS**

Skobeltseva D. A., 2nd year undergraduate student of the Faculty of Law

Supervisor: Tokarev D. A., candidate of legal sciences

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of emerging violations of the established procedure for concluding a contract for the supply of goods, performance of works and provision of services for state and municipal needs. As well as the consequences for institutions and officials.

Keywords: customer, purchase, contract, supplier.

Государство – один из самых стабильных источников заказов и гарантированный покупатель для многих сфер бизнеса.

Абсолютно все государственные учреждения, органы и организации подчиняются бюджетному законодательству и законам о закупках. Соответственно,

процедуры приобретения всех товаров и услуг строго регламентированы различными правовыми актами, которые не следует нарушать.

Одним из самых частых является нарушение установленной процедуры заключения контракта на поставку товара, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд.

Причем многие считают, что самое главное – это правильно подготовить документы, разместить или объявить закупку и, само собой, заключить контракт. Иногда вообще можно обойтись без конкурентных процедур. Еще проще – подобрал исполнителя, договорился и заключил сделку. Казалось бы, риск нарушения минимальный именно на этапе заключения. Большинство людей пугает подготовка самих конкурсов. Но, как ни парадоксально, именно на этапе заключения и возникает огромное количество нарушений, когда стороны вынуждены встречаться уже не за столом переговоров, а в суде. И такой практики очень много.

Закупка начинается с заключения контракта и завершается исполнением обязательств сторонами контракта. Участников закупки два – Заказчик (покупатель) и Исполнитель (продавец или подрядчик).

Так мы сразу понимаем, что процедуру заключения контракта могут нарушить обе или одна из сторон.

Существуют различные нарушения, причем некоторые из них караются административными взысканиями, а другие уходят в судопроизводство и могут закончиться достаточно плачевно. Вот об этом мы здесь и поговорим.

Рассмотрим нарушения и их последствия с процессуальной стороны.

Согласно законодательству о государственных закупках, некоторые из них подлежат прохождению конкурсных процедур. В частности, одним из определяющих факторов размещения закупки на открытый конкурс или аукцион является стоимость контракта. [1; 2]

Так Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29 октября 2018 года вынесено решение в отношении 33 учреждений образования, которые заключили однотипный контракт на оказание услуг программного обеспечения с одним и тем же поставщиком. Суд счел, что данный контракт заключен без процедуры торгов, которые должен был объявить главный распорядитель бюджетных средств в лице департамента образования как совместную закупку. То есть данная закупка была признана раздробленной с целью избежать проведения конкурсных процедур, что повлекло не только нарушение процедуры за-

ключения контракта, но и в соответствии с федеральным законом № 135 «О защите конкуренции» создало предпосылки об ограничении конкурентных преимуществ других участников рынка.

Суды установили, что истцом подписаны 34 контракта и 33 акта с образовательными учреждениями с одним и тем же предметом договора – обеспечение образовательных учреждений одним и тем же программным продуктом, что такие мероприятия находятся в ведении районного отдела образования, что фактически это единая сделка, которая подлежала заключению с уполномоченным лицом – районным отделом образования.

Интересен тот факт, что в суд с иском обратился сам исполнитель вышеуказанных 34 контрактов с требованием оплаты одного из них. И, разумеется, он очень надеялся получить денежные средства за оказанные услуги. Но в ходе судебного разбирательства был вскрыт факт нарушения при заключении сделки со стороны главного распорядителя средств бюджета (отдела образования), и в конечном счете истцу было отказано в требованиях. Также решение суда было оставлено без изменений во всех других судебных инстанциях.

И вот получается, что с точки зрения самого бюджетного кодекса и закона о закупках вроде бы ничего не нарушено: заказчик (само учреждение образования) контракт заключил в объеме, не превышающем доведенные лимиты бюджетных обязательств, сумма договора не превышает разрешенную для сделки с единственным поставщиком. И, естественно, исполнитель-подрядчик, когда направлял иск в суд, фактически был уверен в своем успехе. Но в ходе судебного разбирательства были вскрыты обстоятельства, которые указывают на факт нарушения при заключении контракта, а именно: подписание договора без проведения конкурентных процедур. Это серьезное нарушение, так как оно влечет за собой еще более печальные последствия для должностных лиц. Разбираемся.

Получается, что само учреждение образования, ничего не нарушило, так как оно заключило договор в рамках своих бюджетных ассигнований и все процедуры были соблюдены. Но районный отдел образования, когда распределял средства по сметам учреждений, точно владел информацией, на какие работы и услуги будут направлены плановые финансовые назначения. Таким образом, при доведении средств до подведомственных учреждений и согласовании планов-закупок администрация отдела образования обязана была известить о проведении совместной закупки и, соответственно, электронного аукциона, так как сумма

была порядка 3 млн. рублей. Это повлекло нарушение не только закона о закупках, но и федерального закона о защите конкуренции.

То есть, не разместив лот о закупке должным образом, они лишили других участников рынка возможности реализовать здесь свои услуги.

Кроме того, в ходе проведения торгов кто-то из потенциальных исполнителей мог предложить более выгодные условия и цену контракта. А вот это уже посерьезнее, так как влечет за собой одно из самых серьезных нарушений – неэффективное расходование средств бюджета! Ведь одна из основных идей проведения торгов и всех конкурентных процедур – это не только открытая конкуренция, но и экономия средств бюджета, которые могут быть своевременно перенаправлены на другие нужды.

Так что одно из нарушений при заключении государственного контракта, которые часто рассматривают в судах – это подписание договора без проведения положенных конкурсных процедур.

Посмотрим еще один интересный пример, который распространен и довольно часто встречается во многих субъектах РФ – заключение контракта по заведомо ложной цене, не соответствующей действительности рынка.

Это часто применяется заказчиками в нескольких случаях:

1. Если пытаются умолчать о скрытых работах и проблемах, таким образом сэкономив бюджетные средства, чтобы потом их перераспределить или провести заведомо проигрышный конкурс, на который не будут поданы заявки с заведомо корыстным интересом;

2. Чтобы конкурс выиграл заранее с ними оговоренный подрядчик с которым в дальнейшем планируют заключить дополнительное соглашение на увеличение объема или стоимости сделки;

3. Из-за неграмотности и некомпетентности ответственных за подготовку торгов специалистов.

Мы здесь не будем обсуждать первые два пункта, которые явно имеют коррупционную составляющую. Мы рассмотрим последний пункт, который из-за оплошности и невнимательности неизбежно приводит в суд.

Учреждением (заказчик) и обществом (подрядчик) по результатам открытого аукциона на основании положений Закона № 44-ФЗ заключен договор подряда. В соответствии с условиями договора цена является твердой, определяется на весь срок исполнения контракта и не может изменяться в ходе его исполнения, за исключением следующего: цена контракта может быть снижена по соглашению

сторон без изменения предусмотренных контрактом объема работ, качества работ и используемых при выполнении работ товаров и иных условий контракта [3].

Также контрактом предусмотрено право заказчика по согласованию с подрядчиком в ходе исполнения контракта изменить не более чем на 10 процентов объем предусмотренных контрактом работ при изменении потребности в таких работах. При выполнении дополнительного объема работ заказчик по согласованию с подрядчиком вправе изменить первоначальную цену контракта пропорционально дополнительному объему таких работ, исходя из установленной в контракте цены единицы работы, но не более чем на 10 процентов цены контракта, а при внесении соответствующих изменений в контракт в связи с сокращением потребности в соответствующем объеме работ стороны обязаны уменьшить цену контракта указанным образом.

В сметной стоимости по контракту были согласованы затраты подрядчика, связанные с перевозкой грузов на расстояние до 30 км включительно. Однако ввиду отсутствия в пределах 30 км от объекта строительства организаций – поставщиков строительных материалов обществом понесены дополнительные затраты, связанные с доставкой материальных ресурсов на объект строительства из других населенных пунктов за пределами этого расстояния.

Общество, ссылаясь на необходимость несения дополнительных затрат на доставку материальных ресурсов на объект строительства, не включенных в цену контракта, обратилось в арбитражный суд с иском к учреждению о взыскании стоимости указанных затрат.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены частично.

А все потому, что Подрядчик по государственному контракту не вправе взыскивать с государственного заказчика стоимость дополнительных работ, которые были оказаны в отсутствие согласия заказчика и в нарушение процедуры их согласования, установленной законом и договором.

Таким образом, были допущены явные нарушения при заключении контракта не только заказчиком, но и самим подрядчиком, который заранее не просчитал все риски, связанные с исполнением обязательств. А кроме того, возможно, если бы формулировка иска звучала по-другому, подрядчик бы не понес соответствующих материальных потерь.

Законом установлены особенности заключения контрактов для соблюдения конкуренции, гласности и открытости.

Поскольку в силу части 1 статьи 2 Закона о контрактной системе законодательство о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд основывается на положениях ГК РФ, при разрешении споров, вытекающих из государственных (муниципальных) контрактов, суды руководствуются нормами Закона о контрактной системе, толкуемыми во взаимосвязи с положениями ГК РФ, а при отсутствии специальных норм - непосредственно нормами ГК РФ.

Для определения верного решения очень большое значение имеет определение соотношения положений законов о закупках с другими правовыми актами, такими как БК РФ и ГК РФ. [4; 5]

Так, например, нарушения при заключении государственного договора влекут за собой серьезные последствия не только для учреждений, но и для должностных лиц.

Дело в том, что в законе четко прописан порядок заключения, но не содержится исчерпывающей информации по регулированию гражданско-правовых отношений, возникающих в связи с государственным (или муниципальным) контрактом и его заключением.

Можно сказать, что процедура подготовки и проведения самих государственных торгов регламентирована законами о закупках, а вот все последствия подпадают под соблюдение множества других правовых актов.

Очень часто можно встретить аналогичные случаи нарушений, которые произошли в разных регионах и по ним были приняты, как ни странно, абсолютно разные решения. А закон то вроде для всех один! Как же так? А в этом и есть процессуальная практика применений правовых норм, судья может по-разному трактовать нарушения в зависимости от позиции и активности сторон.

В целях обеспечения единообразных подходов к разрешению споров, связанных с применением положений Закона о контрактной системе, а также учитывая возникающие у судов при рассмотрении данной категории дел вопросы, Верховным Судом Российской Федерации на основании статьи 126 Конституции Российской Федерации, статей 2, 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», были выработаны правовые позиции, которых рекомендуется придерживаться.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 22.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 08.04.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 08.04.2021).
3. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358150/1237608f0711fb4b71cf26a11b3151d8d06e6ecf/ (дата обращения: 08.04.2021).
4. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 08.04.2021).
5. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 08.04.2021).

УДК 347.73

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В БРОКЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Токарев Е. А., магистрант 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Абезин Д. А., кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу конфликта интересов в брокерской деятельности. В результате исследования определено понятие «конфликт интересов в брокерской деятельности», определены виды конфликтов, проанализированы законодательные акты, регулирующие конфликт интересов в брокерской деятельности. В результате предложены варианты совершенствования системы профилактики и урегулирования таких конфликтов.

Ключевые слова: конфликт интересов, брокер, рынок ценных бумаг, биржа, инвестиции.

CONFLICT OF INTERESTS IN BROKER ACTIVITY

Tokarev E. A., 2nd year undergraduate student of the Faculty of Law

Supervisor: Abezin D. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of the conflict of interests in broker activity. As a result of the research, the concept of «conflict of interests in broker activity» is defined, the types of conflicts are identified, and the legislative acts regulating the conflict of interests in broker activity are analyzed. As a result, options for improving the system of prevention and resolution of such conflicts are proposed.

Keywords: conflict of interest, broker, securities market, stock market, investment.

Инвестиционная деятельность всегда привлекала множество людей, желающих приумножить свой капитал в долгосрочной проекции или даже заработать на волатильности курсов ценных бумаг в небольших промежутках времени. По-

следний год, пожалуй, стал одним из рекордных по числу индивидуальных инвесторов, пришедших на рынок. Несмотря на неблагоприятные условия в мире, рынки показывали небывалый подъем, и, в связи с этим, за последний год количество счетов, зарегистрированных на Мосбирже, удвоилось и составляет 3,9 миллиона. На Санкт-Петербургской бирже же число счетов и вовсе утроилось. Подобный рост инвестиционной активности в свою очередь повышает количество возможных ситуаций конфликта интересов. Закономерно считать, что недобросовестные участники рынка ценных бумаг захотят получить дополнительную прибыль за счет новичков, неопытных инвесторов, только начинающих свой путь в сфере инвестиций.

Понятие «брокерская деятельность» закреплено в федеральном законе «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 N 39-ФЗ. Исходя из текста закона, ей является деятельность по исполнению поручения клиента на совершение гражданско-правовых сделок с ценными бумагами и на заключение договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, осуществляемая на основании возмездных договоров с клиентом [1].

Субъектом конфликта интересов является брокер – то есть профессиональный участник рынка ценных бумаг, осуществляющий брокерскую деятельность. На практике возможно, что брокером может выступать как единоличное лицо, так и брокерско-дилерская компания. Во всех случаях сутью данных конфликтов является получение собственной выгоды брокером в ущерб интересам его клиента.

Легитимное понятие конфликта интересов в брокерской деятельности закреплено в постановлении ФКЦБ России от 05.11.1998 № 44 «О предотвращении конфликта интересов при осуществлении профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг». Анализируя текст нормативного акта, можно вывести следующее определение: конфликт интересов в брокерской деятельности – это противоречие между интересами профессионального участника рынка ценных бумаг и клиента, в результате которого действия или бездействия профессионального участника причиняют неблагоприятные последствия для клиента [2].

На практике выделяется несколько видов таких ситуаций.

Одним из самых простых в реализации является возможность обогащения брокера путем увеличения числа комиссий за совершаемые им операции. Этот способ может воплощаться в жизнь путем создания у клиента неверного пред-

ставления о возможной доходности или рискованности предполагаемого вложения путем агрессивной продажи услуг и предоставления неполной или недостоверной информации [3].

Следующий вариант конфликта интересов связан с привилегированным отношением к одним клиентам в ущерб другим. Не секрет, что для брокера выгоднее всего работать с крупными инвесторами, которые способны совершать операции с большими объемами ценных бумаг и других инструментов. Брокер получает большие комиссии и повышенную стоимость обслуживания. Подобный конфликт также может вызывать и косвенные проблемы, например, брокер может получать информацию о деятельности отдельных участников и передавать ее другим, тем самым создавая необоснованное преимущество посредством инсайдерской информации, или использовать ее самому для собственных операций на рынке.

Получение выгоды в ущерб интересам клиентов возникает при желании брокера минимизировать свои затраты на обслуживание. Это может выражаться в недостаточном соблюдении требований к деятельности, например, брокер может свести к минимуму размер фонда средств, рассчитанных на компенсацию финансовых потерь клиентов в критических ситуациях.

Брокер может получать дополнительную прибыль путем андеррайтинга, то есть предлагая клиенту ценные бумаги эмитента, с которым брокер заключил соглашение на совместное размещение. Таким образом клиент получает убытки из-за халатного отношения брокера к своим обязанностям и желания получить доход сверх комиссионных платежей.

Кроме вышеизложенного, брокер может экономить на своих затратных отделах таких, как бэк-офис, служба внутреннего контроля, отдел информационных технологий и юридический отдел. Подобная практика может вылиться в уменьшение качества учета и контроля, отставание в информационном обеспечении и недостаточной проработки договорных отношений с контрагентами. Также брокер может экономить на профессионализме и количестве персонала, что часто приводит к ухудшению качества обслуживания клиентов.

На практике существует несколько способов предотвращения и урегулирования конфликта интересов в брокерской деятельности. Рассматривая российское законодательство, можно прийти к выводу, что все сводится к нескольким аспектам:

1. Упоминание об обязанности брокера, не уведомившего клиента до исполнения поручения об имеющемся конфликте интересов, возместить убытки, если они возникли.

2. Указание на право Банка России устанавливать обязательные для профессиональных участников требования, направленные на исключение конфликта интересов.

3. В статье 4.2 федерального закона «О рынке ценных бумаг» упоминается, что брокер имеет право отказаться от выполнения поручения своего клиента, если выполнение такого поручения может привести к конфликту интересов. В этом случае брокер уведомляет своего клиента об отказе. Эффектность данного пункта вызывает сомнения так, как он заявляет лишь право отказаться от сделки с конфликтом интересов, а не об обязанности.

4. В статье 2 федерального закона «О рынке ценных бумаг» прямо указывается, что при осуществлении своей деятельности брокер обязан обеспечивать приоритет интересов клиентов.

Следует отметить, что государственное регулирование таких конфликтов посредством нормативных актов страдает от недостаточной точности и проработки [4]. В связи с этим появились методы регулирования, основанные на законодательстве, но не упомянутые напрямую. Например, среди подобных методов можно выделить:

- запрет на операции, в которых факт конфликта интересов присутствует всегда. Например, опережающая сделка, churning (незаконная операция брокера, совершающего сделку за счёт клиента) и тому подобные;

- создание систем по внутреннему мониторингу, идентификации и предотвращению фактов конфликта интересов. Распределение обязанностей, ограничение обмена информацией между отделами брокерской организации (принцип «китайских стен») и запрет на совмещение персоналом функций, лежащих в зоне конфликта интересов;

- предъявление требований к раскрытию фактов конфликта интересов;

- создание требований к условиям вознаграждений, если компания совмещает брокерские услуги и инвестиционное консультирование.

Для уменьшения рисков возникновения конфликта интересов целесообразным будет принятие новых нормативных актов, регулирующих деятельность брокеров. К примеру, возможно принятие дополнения к федеральному закону, в

котором будет закреплена подробная инструкция для предотвращения конфликта интересов в брокерской деятельности. На основании этой инструкции брокерские организации смогут составлять свои внутренние документы. Данная мера позволит привести разные акты брокерских организаций под государственный стандарт.

Еще одним шагом к понижению вероятности конфликта интересов в этой сфере деятельности будет изменение статьи 4.2 федерального закона «О рынке ценных бумаг», где говорится о праве брокера отказаться от выполнения поручения клиента, если возможен конфликт интересов. По моему мнению, целесообразно будет закрепить обязанность брокера отказаться от выполнения такой сделки.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что конфликт интересов является неотъемлемой частью брокерской деятельности так, как он заложен самой природой рыночных отношений. Клиенты будут нести убытки из-за действий недобросовестных брокеров, но риски и количество ущерба можно минимизировать путем создания новых механизмов контроля и совершенствования уже имеющихся. Подобная работа уже ведется, однако необходимо наращивать темпы принятия новых нормативных актов так, как скорость развития финансовых рынков ясно дает понять о предстоящем еще большем всплеске инвестиционной деятельности.

Библиографический список

1. О рынке ценных бумаг: федеральный закон РФ от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
2. Постановление ФКЦБ РФ от 05.11.1998 N 44 «О предотвращении конфликта интересов при осуществлении профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг» // СПС КонсультантПлюс.
3. Вилкова Т. Б. Конфликт интересов при осуществлении брокерской деятельности на рынке ценных бумаг // Финансы: теория и практика. 2007. № 1.
4. Доклад ЦБ РФ «Совершенствование регулирования брокерской деятельности» 26 октября 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/50716/report_broker_161024.pdf

УДК 347.121.5

СПРАВЕДЛИВАЯ КОМПЕНСАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ ВНЕДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Усанова В. А., кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового и предпринимательского права

Кайль Я. Я., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградский институт управления – филиала РАНХиГС, Волгоград

Аннотация. В статье анализируются ситуации использования в законодательстве, прежде всего гражданско-правовом, категории «справедливая компенсация». Систематизируется несколько подходов к содержанию справедливой компенсации. Выделяется штрафной и компенсационный характер справедливой компенсации. Отмечается проблема реализации права на справедливую компенсацию.

Ключевые слова: справедливость, компенсация, возмещение, ответственность, защита прав, справедливая компенсация.

FAIR COMPENSATION AS A SPECIAL CASE OF NON-CONTRACTUAL LIABILITY IN CORPORATE RELATIONS

Usanova V. A., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Financial and Business Law

Kail Ya. Ya., Candidate of Law, associate Professor of the Department of civil law disciplines

Volgograd Institute of management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article analyses the situations where the category of «fair compensation» is used in the legislation, first of all in civil law. Several approaches to the content of fair compensation are systematized. The punitive and compensatory character of fair compensation is distinguished. The problem of realization of the right to fair compensation is noted.

Keywords: fairness, compensation, redress, liability, protection of rights, just compensation.

Справедливость философская категория. Изначально она была основой нормативного регулирования. Однако впоследствии стала уравниваться разумностью, добросовестностью, публичными интересами и прочими критериями и принципами. Соблюсти справедливость проблематично. Уж слишком много факторов влияют на принятие соответствующего решения. Поэтому активное обращение законодателя и правоприменителя к справедливой компенсации является проблематичным и спорным.

Справедливая компенсация весьма странная правовая категория для цивилистики и права в целом. Традиционным является использование понятие «компенсация», например, применительно к компенсации морального вреда. А справедливость является основным гражданско-правовым принципом, заложенным п. 2 ст. 6 Гражданского кодекса РФ.

Ст. 65.2 ГК РФ, введенная не так давно – с 01.09.2014 г. Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» – содержит соединение данных правовых категорий – «справедливая компенсация».

Понятие «справедливая компенсация» встречается в международных документах. Например, в ст. 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривается, что «Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне» [1]. Содержание данного понятия разработчиками в документе не раскрывается, поэтому оно рассматривается в рамках полномочий Европейского Суда для восстановления нарушенных прав обратившихся лиц.

Сидоренко М. А. отмечает, что «В современной практике ЕСПЧ понятие «справедливая компенсация» («just satisfaction») включает как просто установление Судом факта нарушения государством своих обязательств, так и присужде-

ние денежной компенсации материального и морального ущерба, а также возмещение судебных расходов и издержек. К тому же посредством слова «справедливая» («just») разработчики, по сути, предоставили судьям широкую свободу усмотрения при определении суммы денежной компенсации» [2].

Иногда «справедливая компенсация» отождествляется с «равноценным возмещением» [3], которое предусмотрено при отчуждении имущества в публичную собственность (для государственных нужд) в соответствии с ч. 3 ст. 35 Конституции РФ. Однако данный подход следует признать не справедливым. Более успешный выход содержится в ст. 1252 ГК РФ: «Размер компенсации определяется судом в пределах, установленных настоящим Кодексом, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости. Если одним действием нарушены права на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, размер компенсации определяется судом за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации». В данной норме заложены критерии фактически «справедливой компенсации» применительно к правоотношениям в сфере исключительных прав. К ним можно отнести:

1) если права на соответствующие результаты или средства индивидуализации принадлежат одному правообладателю, общий размер компенсации за нарушение прав на них с учетом характера и последствий нарушения может быть снижен судом ниже пределов, установленных ГК РФ;

2) размер компенсации не может быть меньше 50 % суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения.

Таким образом, в сфере интеллектуальной собственности справедливая компенсация фактически специалистами разделяется на «штрафную» и «компенсаторную» [4]. Штрафной характер справедливой компенсации установлен в случае удовлетворения требований о взыскании компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных товаров или двукратном размере стоимости права использования соответствующей интеллектуальной собственности (ст. 1301, 1311, 1406.1, 1515, 1537 ГК РФ).

Компенсаторный характер будет иметь справедливая компенсация, если она взыскивается в размере, определяемом судом с учётом границ, установленных законодателем от 10 000 до 5 000 000 руб. Тогда суд самостоятельно определяет ее окончательный размер и тем самым создает условия для признания восстановительного характера компенсации.

Таким образом, гражданским законодательством России не содержится чётких критериев определения справедливой компенсации в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Тем самым оставляется широкий простор для судебсого усмотрения.

Представляется интересным и разумным подход некоторых учёных к компенсации как гражданско-правовой ответственности. Так, например, Л.А. Новосёлова пишет, что компенсация «особая мера ответственности за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» [5]. Однако надо иметь в виду, что в некоторых гражданско-правовых отношениях «справедливая компенсация» – это никак не ответственность, а скорее именно справедливое возмещение, мера защиты прав субъектов. Имеется в виду ситуация, предусмотренная ст. 65.2 ГК РФ: «участник коммерческой корпорации, утративший помимо своей воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц права участия в ней, вправе требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам, с выплатой им справедливой компенсации, определяемой судом». При этом предусматривается, что, если лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, не представляется возможным вернуть утраченную долю, то виновными лицами выплачивается им справедливая компенсация, определяемая судом.

Как показывает анализ судебной практики, например, дело № А33-1476/2016 [6], чаще всего при установлении в судебном порядке факта неправомерного выбытия доли уставного капитала из владения участника, суд определяет наличие или отсутствие доказательств того, что возвращение истцу доли в уставном капитале Общества приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет ли крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. Это делается как раз для того, чтобы определить имеет ли право ответчик (лицо, из владения которого забирают долю для возвращения её лицу, из законного владения которого она (доля) незаконно выбила), право на справедливую компенсацию. В рассматриваемом примере физическое лицо – Пухов утратил корпоративный контроль в ООО «Технология красоты» на основании заявления, которое поступило в общество посредством почтовой связи. В дальнейшем было доказано, что в указанном заявлении подпись участника была подделана. Однако на общем собрании было принято решение о выходе Пухова из общества на основании добровольного заявления, а в дальнейшем его доля в уставном капитале была продана Гродникову.

Суд при знал недействительной (ничтожной) сделку по выходу Пухова из ООО «Технология красоты», так как на основании представленной в материалы дела совокупности доказательств установил, что Пухов лишился доли в Обществе помимо своей воли, так как не подписывал заявление о выходе из состава участников хозяйствующего субъекта, а также признал, что отсутствуют доказательства того, что возвращение истцу доли в уставном капитале Общества приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. Соответственно Гродникову справедливая компенсация не была назначена.

В результате анализа различных подходов к применению категории «справедливая компенсация» установлено, что в действующем международном и российском законодательстве отсутствует чёткое закрепление содержания данного понятия. Оно используется как аналог «равноценному возмещению», вид гражданско-правовой ответственности, способ защиты прав. ГК РФ не содержит четких критериев разграничения штрафной и компенсаторной компенсации, а, следовательно, когда она должна взыскиваться в большем размере (штрафной характер), а в каких компенсаторный, давая возможность суду снижать размер требований правообладателей, очевидно несоразмерных характеру нарушения.

Библиографический список

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.
2. Сидоренко М. А. О присуждении справедливой компенсации (из практики Европейского суда по правам человека) // Власть Закона. 2018. № 2. С. 210–225.
3. Громов С. А. Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 51–114; № 3. С. 66–123; № 4. С. 46–91.
4. Городецкий А. Справедливость и соразмерность при определении компенсации // ЭЖ-Юрист. 2017. № 20. С. 13.
5. Новоселова Л. А. Принцип справедливости и механизм компенсации как средство защиты исключительных прав // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 48–55.
6. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 09.10.2018 № Ф02-4363/2018 по делу № А33-1476/2016 // СПС «Консультант Плюс».

УДК 346.2

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Чухирь В. С., магистрант 1 курса юридического факультета

Научный руководитель: Епифанов А. Е., доктор юридических наук, профессор

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация. Малое предпринимательство представляет собой сложный социальный институт, выполняющий ряд важных с точки зрения интересов общества и страны функций, включая обеспечение занятости граждан, повышение уровня и качества их жизни. Также малые предприятия во всем мире являются факторов прогресса экономической системы, обеспечивающим развитие конкурентной среды и привлечение инноваций в рыночные отношения. В силу своей гибкости и мобильности, малое предпринимательство способно быстро и эффективно реагировать на изменения рынка, потребительского спроса, трансформации социально-экономических условий, что видится особенно важным и актуальным в контексте ситуации экономического кризиса, в котором находится Россия с 2014 года.

Ключевые слова: малый бизнес, экономика, рыночные отношения, коррупция, внутренний рынок.

CIVIL STATUS OF SMALL BUSINESS ENTITIES

Chukhir V. S., 1st year undergraduate student of the Faculty of Law

Supervisor: Epifanov A. E., Doctor of Law, Professor Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA

Abstract. Small business is a complex social institution that performs a number of important functions from the point of view of the interests of society and the country, including ensuring employment of citizens, improving the level and quality of their lives. Also, small businesses around the world are factors of the progress of the economic system, which ensures the development of a competitive environment and the attraction of innovations in market relations. Due to its

flexibility and mobility, small businesses are able to quickly and effectively respond to changes in the market, consumer demand, and the transformation of socio-economic conditions, which is seen as particularly important and relevant in the context of the economic crisis in Russia since 2014.

Keywords: small business, economy, market relations, corruption, internal market.

Несмотря на то, что интерес к исследованию малого предпринимательства проявился относительно недавно, – что связано, главным образом, с повышением его доли в экономиках развитых и развивающихся стран, – малое предпринимательство как форма экономической деятельности существовало издревле и так или иначе присутствовало во всех известных социально-экономических системах. Очевидно, что малое предпринимательство представляет собой производное понятие от предпринимательства как такового, поэтому целесообразно для раскрытия содержания исследуемой категории обратиться к генезису и многообразию трактовок предпринимательства как явления экономической жизни общества.

Предпринимательская деятельность связывается со следующими существенными аспектами:

- предпринимательство направлено на получение прибыли;
- предпринимательство всегда связано с рисками;
- предпринимательская деятельность становится возможной вследствие комбинации различных факторов производства;
- предпринимательство как вид деятельности всегда персонифицировано в лице предпринимателя (к примеру, собственник используемого для предпринимательской деятельности помещения еще не является предпринимателем) [1, с. 196–199].

Основными критериями отнесения экономических субъектов к категории малого предпринимательства в России и большинстве стран мира являются такие показатели, как объем выручки, получаемой вследствие реализации продукции, услуг, аутсорсинга и т.д. и численность занятых сотрудников. Имеются также и дополнительные критерии, такие, к примеру, как изначальный размер уставного капитала организации, объемы активов и оборотов прибыли или дохода.

Одним из спорных методологических аспектов исследования малого предпринимательства в нашей стране по-прежнему является разграничение понятий

«малый бизнес» и «малое предпринимательство». С первого взгляда, данные термины не имеют существенных различий и в целом друг другу идентичны, однако, на этот счет имеются неоднозначные позиции. Как отмечает Е. В. Ламзин, с точки зрения теории предпринимательства понятия «бизнес» и «предпринимательство» необходимо разделять, поскольку бизнес представляет собой более широкое явление и, помимо производства товаров и услуг для удовлетворения общественных и индивидуальных потребностей, всегда подразумевает стремление к получению прибыли. В свою очередь сам исследователь полагает, что понятие «предпринимательство» должно рассматриваться как «высшая» форма бизнеса, поскольку имеет ряд отличительных свойств, главным образом, связанных с преодолением хозяйственных стереотипов и конъюнктурных трендов путем производства новых видов товаров и услуг [2, с. 15–18]. Так, малый бизнес имеет следующие отличительные черты:

- небольшие размеры предприятия (в основном, измеряемые по числу занятых работников) и масштабы хозяйственно-экономической деятельности (измеряемая, главным образом, объемом выручки);
- частое совмещение в лице одного субъекта функций собственника и хозяйственника (менеджера);
- полная экономическая ответственность, достаточно гибкое управление производством с целью получения максимальной прибыли от затраченных ресурсов.

В свою очередь, малое предпринимательство также обладает всеми вышеперечисленными признаками, однако, являясь «высшей» формой малого бизнеса, включает в себя еще и такие отличительные свойства, как инновационная и рискованная составляющие. Таким образом, исходя из выделенных свойств, понятия «малый бизнес» и «малое предпринимательство» не должны рассматриваться как тождественные. Пожалуй, ярким примером, позволяющим понять разницу между этими двумя категориями, могут являться небольшие дочерние предприятия крупных компаний, которые по всем характеристикам должны быть отнесены к малому бизнесу, но не к малому предпринимательству.

Малое предпринимательство признано сегодня российским руководством как одно из важных и приоритетных направлений социально-экономической политики, которая должна способствовать стабильному экономическому росту и в целом развитию экономики, эффективному и рациональному использованию ресурсов, повышению качества и уровня жизни граждан страны. В свою очередь,

несмотря на значительные успехи за последние 20 лет малое предпринимательство в России по-прежнему составляет небольшую – относительно развитых стран мира – долю в структуре экономики и валового внутреннего продукта. Также в нашей стране до сих пор присутствует большой объем проблем и сложностей, тормозящих и затрудняющих развитие сферы малого предпринимательства.

Современная нормативно-правовая база, регламентирующая общие аспекты функционирования института малого предпринимательства в России, неоднократно подвергалась корректировке и совершенствования. Так, 1 января 2008 года базовым законодательным актом в данной сфере выступает Федеральный закон № 209-ФЗ от 24 июля 2007 года «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [3], который сменил ранее действующий Федеральный закон № 88-ФЗ от 14 июня 1995 года «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации». Одним из ключевых нововведений, сформулированных законом 2008 года стал принципиально иной подход к определению критериев отнесения организаций к разряду малого и среднего предпринимательства. Так, сегодня базовыми критериями определения субъектов малого предпринимательства, согласно российскому законодательству, являются такие показатели, как средняя численность работников предприятия, независимо от их рода занятости, предельные значения выручки, полученной от реализации продукции и услуг либо значения балансовой стоимости активов предприятия.

Закон № 209-ФЗ относит к числу малых и средних предприятий субъекты, которые должны соответствовать ряду условий.

Во-первых, доля участия государства, субъектов РФ, муниципальных образований, иностранных юридических и физических лиц, общественных, религиозных, благотворительных организаций и фондов в уставном капитале предприятий, которые могут быть отнесены к малым и средним, не должна быть больше 25 % («за исключением активов акционерных инвестиционных фондов и закрытых паевых инвестиционных фондов»), а доля одного или нескольких лиц, являющихся представителями крупного бизнеса, также не должна составлять более 25 % в уставном капитале.

Во-вторых, к числу малых предприятий относятся те предприятия, средняя численность которых за последний календарный год не превысила 100 человек включительно, а в случае микропредприятий – 15 человек [4, с. 84-90].

В-третьих, закон регламентирует предельные значения выручки за предшествующий год от реализации товаров, работ и услуг предприятий, которые могут быть отнесены к числу малых предприятий (либо в качестве такого критерия выступает балансовая стоимость всех имеющихся активов предприятия).

Несмотря на то, что малое предпринимательство имеет одно из приоритетных значений в современной России и обладает рядом преимуществ перед другими видами трудовой занятости и другими секторами экономики, на сегодняшний день все еще не устранены ряд серьезных проблем, которые мешают развиваться малому предпринимательству с максимальным использованием потенциала, которым обладает наша страна и российское общество.

Так, с одной стороны, государство старается обращать внимание и стимулировать развитие малого предпринимательства, но, с другой, отсутствие действительно эффективных механизмов поддержки, ограниченный доступ к ресурсам, сверхмонополизированность экономики со стороны крупного бизнеса и государственных корпораций, частое изменение условий и правил хозяйственной деятельности для малых предприятий способствуют тому, что малое предпринимательство в России имеет крайне неустойчивую динамику развития (как было продемонстрировано в предыдущем параграфе), а россияне все меньше верят в эффективность и прибыльность частного бизнеса.

Стоит отметить, что среди причин невысокой (относительно западных стран) развитости сектора малого предпринимательства имеются и некоторые социокультурные и психологические факторы. Большинство граждан России по-прежнему не отличаются сильными социальными амбициями, надеясь на государственный патернализм и не связывая понятие благополучия и успеха с понятиями риска и личной инициативы. Эта часть населения отдает предпочтение пусть и не высокому, но постоянному и стабильному заработку, социальным пакетам, системе льгот и пособий. Подобная модель социального поведения и системе установок часто называется «стратегией избегания».

Необходимо выделить несколько главных проблем малого предпринимательства в современной России:

- сложные бюрократические процедуры, связанные с регистрацией, юридическим оформлением предприятия, открытием счета юридического лица в банке и т.п.;

- высокие налоговые ставки, общие недостатки налоговой системы страны и слабая эффективность социально-экономической политики государства в отношении малого предпринимательства;

- высокая степень государственного регулирования деловой активности и рыночных отношений, частые проверки со стороны органов контроля и надзора, сложные бюрократические препятствия на пути согласования и получения необходимых документов;

- высокий уровень коррупции в обществе и системе государственной власти;

- затрудненность доступа к ресурсам, высокие проценты и сложные доступ получения кредита;

- отсутствие доступной для большинства граждан системы бизнес-образования, общая низкая квалификация персонала;

- слабый уровень платежеспособности населения;

- неразвитость внутреннего рынка;

- сложность получения доступа к производственным площадям, высокая арендная плата;

- высокие транспортные тарифы и тарифы на перевозки [5, с. 136].

Следует отметить, что большинство из вышеперечисленных трудностей ведения малого предпринимательства в России являются общесистемными, характерными для всей рыночной инфраструктуры и регионов страны.

Проведенная оценка законодательства России показывает высокую заинтересованность власти в развитии малого бизнеса в стране, а также стремление к совершенствованию нормативно-правовой базы и инфраструктурной поддержки данного сектора. В то же время анализ позволил выявить недостатки российской системы поддержки малого предпринимательства, в числе которых стоит выделить следующие: нестабильность нормативно-правовой базы, регламентирующей принципы функционирования и поддержки рынка МП; отсутствие целостной системы в программах поддержки малого предпринимательства: разнородные цели, разобщенная и сложная структура документов; несоответствие устанавливаемых в программах поддержки МП показателей эффективности заявляемым целям: например, нередко из системы показателей исключаются такие индикаторы, как прирост оборота продукции малого предприятия или объема налоговых отчислений поддерживаемых компаний; отсутствие единого «входа» для

предпринимателей в систему поддержки; сложный механизм администрирования документов, необходимых для подачи заявок на получение государственной поддержки и оформления отчетности по ее использованию;

Таким образом, несмотря на попытки сформировать развитый сектор малого предпринимательства в нашей стране и постоянное внимание представителей и органов власти к проблемам и негативным факторам развития этой сферы отечественной экономики, малое предпринимательство в России по-прежнему демонстрирует низкую конкурентоспособность и ограниченный рост.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 30.07.2007, № 31, ст. 4006.
2. Ангаева Е. Ю. Особенности развития малого предпринимательства в России в 1996–2019 гг. // Вестник ВСГУТУ. № 1. 2020. С. 84-90.
3. Ламзин Е. В. К вопросу о трансформации содержания категорий «малое предпринимательство» и «малый бизнес» // Актуальные вопросы экономических наук: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. Часть I. Новосибирск, 2009. С. 15–18.
4. Романова Е. К. Актуальные проблемы малого предпринимательства в России // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. № 1. 2018. С. 196–199.
5. Епифанов А. Е., Чуманов А. В. Антикоррупционная правовая политика в России (вопросы теории и истории). Монография. Волгоград: Издательство ВИЭСП, 2007.

УДК 347.453.4

**ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ
ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В
НЕДРОПОЛЬЗОВАНИИ**

Шептулин М. П., магистрант 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Анисимов А. П.**, доктор юридических наук, профессор

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации прекращения договора аренды земельного участка как фактического прекращения его использования арендатором на примере отношений, одной из сторон которых является недропользователь. Автором анализируется судебная практика по спорам о взыскании арендной платы при отсутствии составленного сторонами акта-приема передачи (возврата) земельного участка, анализируется позиция Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: договор аренды земельного участка, недропользование, акт приема-передачи (возврата) земельного участка, прекращение арендных отношений, злоупотребление правом.

**PROBLEMS AND PROOF METHODS OF TERMINATION OF
AGREEMENT FOR LEASE OF LANDS OF SUBSURFACE USE**

Sheptulin M. P., 2nd year undergraduate student of the Faculty of Law

Supervisor: **Anisimov A. P.**, Doctor of Law, Professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article covers the problems of classification of termination of land lease agreement as the actual termination of using it by lessee by the case when one of the parties is subsurface user. The author has analyzed the dispute judicial practice in foreclosure of rent recovery without Act/Statement of acceptance/transfer (return) of land and the Supreme Court of the Russian Federation decision.

Keywords: land lease agreement, subsurface use, Act/Statement of acceptance/transfer (return) of land, termination of lease, abuse of process.

Геологическое изучение, разведка и добыча полезных ископаемых неразрывно связаны с необходимостью использования земельных участков.

В настоящее время, несмотря на стремительное развитие нормативно-правовой базы сервитута, договор аренды остается часто используемым способом оформления правового режима на земельные участки, необходимые для недропользования.

Его основным преимуществом для недропользователей является потенциально минимальный срок заключения, отсутствие необходимости обращения в суд.

Однако с каждым годом правообладатели повышают требования по размеру арендной платы, зачастую превышающие рыночные расценки в несколько раз. Кроме того, нередко правообладатели злоупотребляют процессуальными правами для необоснованного получения арендной платы после фактического прекращения арендных отношений.

На данный момент актуальным является вопрос разрешения обстоятельств, при которых организации, в том числе основной деятельностью которых является добыча полезных ископаемых, сталкиваются с проблемой предъявления к ним претензий контрагентов, с которыми ранее были заключены договоры аренды, о взыскании задолженности по арендной плате.

В силу различных причин по истечению срока действия договора аренды сторонами не оформляется акт приема-передачи (возврата) земельного участка, что может служить основанием в порядке статьи 610 ГК РФ, п.2 ст.621 ГК РФ для продления договора на неопределенный срок. По истечению времени арендодатель предъявляет арендатору претензию о задолженности по арендной плате и обращается в суд, несмотря на то что ранее сторонами договор считался прекращенным и фактическое пользование земельного участка арендатором не осуществлялось.

Таким образом, возникает опасная ситуация для арендатора, когда по истечению, например, трех лет, арендодатель предъявляет иск о взыскании задолженности по арендной плате, размер которой в общей сумме за указанный срок может нанести существенный ущерб даже таким крупным организациям как нефтегазобывающие предприятия.

По анализу сложившейся судебной практики можно сделать вывод, что суды до недавнего времени удовлетворяли требования правообладателей в полном объеме.

Судами высказывается позиция о том, что исследование фактического использования арендатором имущества после прекращения действия договора не имеет юридического значения для рассмотрения спора. Подтверждением продления договоров субаренды является отсутствие надлежаще оформленного акта возврата земельного участка сторонами:

«Единственным доказательством, которым должен быть подтвержден факт возврата арендованного имущества арендодателю, является составление надлежащего акта по результатам осмотра объекта недвижимости и с участием представителей арендодателя и арендатора» [8].

«Указание ответчика на то, что арендатор не пользовался земельным участком не может служить надлежащим доказательством возврата земельного участка арендодателю, поскольку надлежащим доказательством в данном случае может являться только акт приема-передачи земельного участка» [5].

Курноскина О.Г. и Калачева С.А. приводят следующее определение аренды: «По договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование». В данном определении на первое место выдвигается договорная сущность арендных отношений [2]. В такой же формулировке закреплено определение договора аренды законодателем [1].

Исследуя вопросы прекращения арендных отношений, в первую очередь необходимо исходить из их сущностного аспекта – передачи арендодателем имущества арендатору во временное пользование. Отсутствие составленного акта приема-передачи (возврата) далеко не всегда констатирует реальность арендных отношений.

Таким образом, такой подход судов является формальным и в корне неверным.

За редким исключением в противовес вышеприведенной практике имелась иная позиция:

«Арендодатель может самостоятельно вернуть в свое владение арендуемое имущество или освободить его от вещей арендатора при прекращении договора аренды» [12].

«Акт приема-передачи объекта недвижимости не является единственным допустимым доказательством возврата имущества арендодателю» [9].

Справедливый подход Верховный Суд РФ отметил в Определении от 19.05.2020 по делу № 310-ЭС19-26908:

«В силу пункта 2 статьи 655 ГК РФ при прекращении договора аренды здания или сооружения арендованное здание или сооружение должно быть возвращено арендодателю с соблюдением правил, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи.

Однако обязанность сторон составлять акт возврата арендуемого имущества, предусмотренная пунктом 2 статьи 655 ГК РФ, не свидетельствует о невозможности арендатора иными доказательствами подтверждать фактическое освобождение арендуемого помещения по истечении срока договора.

«Отсутствие предусмотренного договором письменного уведомления со стороны арендатора по окончании срока договора аренды, а также акта о возврате объекта аренды может свидетельствовать, но не является безусловным доказательством того, что арендатор продолжил пользоваться имуществом и договор аренды был возобновлен на неопределенный срок».

«Суды первой и апелляционной инстанций, в пределах своей компетенции установив, что, в действительности, арендатор прекратил использование объекта аренды после окончания срока действия договора, пришли к выводу о том, что он не был возобновлен. Исходя из этого суды обоснованно не применили пункт 13 информационного письма № 66, поскольку не установили досрочного оставления арендуемого помещения».

Таким образом, Верховный Суд РФ подтвердил, что акт возврата является не единственным доказательством прекращения арендных отношений, что позволяет арендаторам оспаривать необоснованные взыскания задолженностей по арендной плате недобросовестных контрагентов.

Вышеприведенная позиция согласуется с Определением № 310-КГ17-6693 (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017), в котором указано, что наличие заключенного договора само по себе не подтверждает фактическое использование земельного участка [4].

Дискуссионным остается вопрос конкретизации необходимого объема доказательств неиспользования земельного участка арендатором-недропользовате-

лем. Объем доказательств для каждого конкретного случая установить невозможно в силу различия целей заключения аренды и иных положений договоров, однако применительно к сфере недропользования можно выделить следующие обстоятельства.

Основой доказательства прекращения арендных отношений может служить комплексная экспертиза, которая должна установить факты:

1. Неиспользования арендатором арендованного земельного участка в спорный период;
2. Использования арендодателем или иными лицами земельного участка в спорный период.

Если предметом договора является использование земельного участка для проведения строительных или ремонтных работ, то документы, подтверждающие окончание вышеуказанных работ, в том числе акты ввода объектов в эксплуатацию, КС-2, КС-3, КС-11, заключения экспертизы промышленной безопасности, акты ревизии и т.д. могут указывать на осуществленную цель арендатора, по достижению которой необходимость в дальнейшем пользовании земельного участка отсутствует.

Также весовым аргументом в пользу прекращения арендных отношений могут послужить акты сверки взаимных расчетов, особенно в тех случаях, когда между контрагентами заключены несколько договоров и акт сверки будет включать сведения по прекращенным и действующим договорам. В таких случаях арендодатель, подтвердивший отсутствие задолженности за период после прекращения по установленному договором сроку, одновременно подтверждает его непродление на неопределенный срок.

В силу п. 8 Постановления Правительства РФ от 10.07.2018 N 800 (ред. от 07.03.2019) «О проведении рекультивации и консервации земель» (вместе с «Правилами проведения рекультивации и консервации земель») рекультивация земель, консервация земель осуществляются в соответствии с утвержденными проектом рекультивации земель, проектом консервации земель путем проведения технических и (или) биологических мероприятий. Обязанность по проведению технической рекультивации по старым (ранее действующим до 20.07.2018) и новым правилам лежит на арендаторе, что при надлежащем выполнении работ служит косвенным доказательством прекращения фактического пользования земельным участком. Проведение же биологического этапа рекультивации

также косвенно подтверждает непродление арендных отношений на неопределенный срок.

В п. 8 Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» указано, что в случаях, когда будет доказано, что сторона злоупотребляет своим правом, вытекающим из условия договора, отличного от диспозитивной нормы или исключаящего ее применение, либо злоупотребляет своим правом, основанным на императивной норме, суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает этой стороне в защите принадлежащего ей права полностью или частично либо применяет иные меры, предусмотренные законом (пункт 2 статьи 10 ГК РФ).

В заключение необходимо отметить, что бездействие истца, выраженное в совокупности фактов невыставления в адрес ответчика счетов и счетов-фактур, начиная с периода окончания прекращения срока действия договора, неистребование за длительный период земельного участка и непредъявление претензий, является не только косвенным доказательством прекращения арендных отношений и отсутствия нарушения законных интересов, но и основанием для признания действий истца недобросовестными (злоупотреблением правом), что влечет отказ суда в удовлетворении требований о взыскании арендной платы.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 28.04.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Захарова М. А. Арендные отношения в современной экономике России, дис. ... к. э. н. : 08.00.01. Кострома, 2006.

3. Определение Верховного Суда РФ от 13.03.2020 N 310-ЭС19-26908 по делу N А35-6435/2018 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение Верховного Суда РФ от 20.07.2017 N 310-кг17-6693 по делу N А14-2648/2016 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление 12 арбитражного апелляционного суда от 16.06.2020 по делу А12-47218/2018 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление 12 арбитражного апелляционного суда от 31.08.2016 по делу № 24124/2016 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

7. Постановление 17 арбитражного апелляционного суда от 26.08.2009 по делу № А50-5942/2009 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.12.2017 № Ф06-26645/2017 по делу № А57-25497/2016 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление АС Северо-Западного округа от 24.03.2011 г. по делу № А56-41448/2008 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

11. Постановление Правительства РФ от 10.07.2018 N 800 (ред. от 07.03.2019) «О проведении рекультивации и консервации земель» (вместе с «Правилами проведения рекультивации и консервации земель») [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление ФАС Московского округа от 18.01.2010 г. № КГ-А40/14230-09-П по делу № А40-33955/07-89-211 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 331.1

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ТРУДА РАБОТНИКОВ

Шумакова Е. А., магистрант 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Егоров А. В., кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Актуальность выбранной темы обусловлена развитием правового регулирования трудовых отношений и возможности использования нетипичных форм организации таких отношений, получивших широкое распространение в странах Западной Европы. Одной из таких нетипичных форм является заемный труд, при котором работник осуществляет свои трудовые функции не в интересах своего работодателя, а в интересах другого лица, но по согласованию с собственным работодателем. Рассмотрены некоторые проблемы применения заемного труда. Технология заемного труда позволяет организовать гибкий и эффективный бизнес, однако отсутствие правовой базы привело к злоупотреблениям со стороны работодателей и формированию «серых» схем трудовых отношений. В работе рассмотрены положительные и отрицательные черты заемного труда. Автор анализирует его существующие варианты – аутстаффинг и аутсорсинг, которые получили свое развитие до введения законодательного запрета на использование заемного труда.

Ключевые слова: договор о предоставлении труда работников, заемный труд, аутстаффинг, аутсорсинг, лизинг персонала, работник, частное агентство занятости, управление персоналом, рынок труда.

LEGAL NATURE OF THE CONTRACT ON PROVISION OF LABOR OF EMPLOYEES

Shumakova E. A., 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: Egorov A. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The relevance of the chosen topic is due to the development of legal regulation of labor relations and the possibility of using atypical forms of organ-

izing such relations, which are widespread in Western Europe. One of these atypical forms is agency work, in which an employee performs his labor functions not in the interests of his employer, but in the interests of another person, but in agreement with his own employer. Some problems of using agency labor are considered. Contract labor technology allows organizing a flexible and efficient business, but the lack of a legal framework has led to abuses by employers and the formation of “gray” labor relations. The paper discusses the positive and negative features of agency labor. The author analyzes its existing options – outstaffing and outsourcing, which were developed before the introduction of a legislative ban on the use of agency labor.

Keywords: contract for the provision of workers' labor Hired labor, outstaffing, outsourcing, personnel leasing, employee, private employment agency, personnel management, labor market.

В силу официального закрепления запрета заемного труда и установления в праве института предоставления персонала представляется необходимым понять, почему законодатель пришел к выводу о том, что правоотношения между частным агентством занятости (далее – ЧАЗ), организацией-пользователем и работниками, предоставляемыми первым субъектом второму, тяготеют к сфере регулирования трудовым законодательством. В связи с этим проведем анализ теоретических позиций, указывающих на трудовую природу таких специфических трехсторонних отношений.

В основе взаимоотношений субъектов при предоставлении труда работников лежат два договора: (1) гражданско-правовой договор между исполнителем (ЧАЗ или иное лицо) и заказчиком (принимающей стороной); (2) трудовой договор работодателя (ЧАЗ или иное лицо) с работником.

Трудовые отношения между работодателем и работником удостоверяются трудовым договором, который должен включать в себя условие о выполнении работником по распоряжению работодателя определенной трудовым договором трудовой функции в интересах, под управлением и контролем принимающей стороны. При этом ч. 5 ст. 341.2 ТК РФ устанавливает, что при непосредственном направлении работника для работы у принимающей стороны между ЧАЗ и работником заключается дополнительное соглашение к трудовому договору с указанием сведений о принимающей стороне, месте и дате заключения, номере и сроке действия договора о предоставлении труда работников (далее – ДоПТР) [8].

ДоПТР (в узком смысле) представляет собой гражданско-правовую сделку. К такому договору, как указано в некоторых судебных решениях, применяются положения о подряде, о бытовом подряде и, если это не противоречит положениям ГК РФ, о возмездном оказании услуг.

Поскольку в рассматриваемых отношениях участвуют три субъекта, каждый из них выполняет свою определенную роль, и данная роль определенным образом связана с другими участниками. Работодатель (ЧАЗ или другое юридическое лицо) заключает трудовой договор и допсоглашения с работником. В силу прямого указания закона трудовой договор заключается на основании договора о предоставлении труда работников [2].

Таким образом, предоставление труда работников требует интегрированного правового регулирования. ДоПТР (в широком смысле) не может существовать как без гражданско-правового элемента, так и без трудового. Вместе с тем необходимо отметить некоторые аспекты, возникающие при взаимодействии двух отраслей права:

1. Отношения между заказчиком и исполнителем не являются сугубо гражданско-правовыми.
2. Отношения между работником и принимающей стороной не исключаются из сферы регулирования трудового права.

Отношения между тремя участниками не регулируются «чистыми» отраслями права. Две отрасли взаимодействуют в отношениях между всеми субъектами.

В связи с отмеченными аспектами, особое внимание вызывает правовая природа ДоПТР как договора, заключаемого между ЧАЗ (исполнителем) и принимающей стороной (заказчиком).

Представляется, что ДоПТР как сделка между заказчиком и исполнителем имеет сложную правовую природу. Анализ законодательства, судебной практики и доктринальных источников выявил два возможных подхода к пониманию правовой природы Договора, в соответствии с которым Договор является:

1. Договором возмездного оказания услуг.
2. Комплексным (специфическим) договором.

В Законе о занятости населения сформулировано понятие ДоПТР:

«Договор о предоставлении труда работников (персонала) является договором, по которому исполнитель направляет временно своих работников с их со-

гласия к заказчику для выполнения этими работниками определенных их трудовыми договорами трудовых функций в интересах, под управлением и контролем заказчика, а заказчик обязуется оплатить услуги по предоставлению труда работников (персонала) и использовать труд направленных к нему работников в соответствии с трудовыми функциями, определенными трудовыми договорами, заключенными этими работниками с исполнителем».

В отличие от Трудового кодекса РФ в статье 18.1 Закона РФ «О занятости населения в РФ» стороны названы гражданско-правовыми терминами: «исполнитель» и «заказчик» (а не «ЧАЗ или другое юридическое лицо» и «принимающая сторона»). Так же представленная дефиниция содержит важное указание на предмет предоставления исполнителя – «услуга по предоставлению персонала».

Роструд, ссылаясь на формулировку ст. 18. 1 Закона РФ «О занятости населения РФ» («...договор о предоставлении труда работников (персонала) является договором, по которому исполнитель направляет временно своих работников с их согласия к заказчику для выполнения этими работниками определенных их трудовыми договорами трудовых функций...»), указал, что ДоПТР является гражданско-правовым договором. И высказал мнение, что к Договору применяются положения ст. 779 и 781 ГК РФ как к договору возмездного оказания услуг.

До 2016 года в судебной практике не были сформулированы общие подходы относительно правовой природы предоставления труда работников. Во многом это определялось двумя факторами: наличием близких по существу форм выполнения работ в интересах заказчика (аутсорсинга и аутстаффинга), отсутствием специального законодательного регулирования.

Суды устанавливают, что по заключаемым договорам исполнитель обязуется предоставить заказчику услугу по подбору и направлению персонала с определенными характеристиками (квалификация, стаж работы, наличие специальных прав и т.д.) за плату. При этом отмечается, что исполнитель лично не выполняет работы в пользу заказчика, а предоставляет в его распоряжение персонал, фактически выполняющий работы [7].

Термин «услуга» используется не только в национальном законодательстве РФ, но и в международном праве тоже. Конвенция МОТ № 181 определяет частные агентства занятости как физическое или юридическое лицо, предоставляющее соответствующие услуги [4].

В противовес позиции, в соответствии с которой ДоПТР является договором возмездного оказания услуг, в научном сообществе разрабатывается точка

зрения, в соответствии с которой ДоПТР является особым видом договора. В первую очередь это связано с пониманием того, что есть услуга в гражданско-правовом смысле.

Как было указано выше, услуга в ДоПТР выражается в подборе и предоставлении. Следуя законодательной дефиниции и судебной практики, можно сделать вывод, что заказчик получает конечный результат деятельности ЧАЗ. То есть, агентство уже произвело выбор работников и однажды произвело предоставление работников заказчику.

Подобное понимание услуги по предоставлению труда работников не совсем согласуется с тем пониманием услуги, которое принято в гражданском праве.

Гражданский кодекс РФ определяет услугу как совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности (ст. 779 ГК РФ). И специфика услуги как объекта состоит в том, что заказчик заинтересован не в получении овеществлённого результата работ, а в производстве определенных действий, при котором результат предоставления услуги неотделим от процесса выполнения услуги. Оказание и получение услуги происходит синхронно. При таком подходе, договор о предоставлении труда работников был бы договором возмездного оказания услуг, если бы целью заказчика являлось непрерывное получение работников, а не предоставление работников единовременно, чтобы они выполняли работу под контролем и управлением заказчика [3].

По мнению Т. Ю. Коршуновой, договор возмездного оказания услуг не может быть применен для предоставления труда работников по нескольким причинам.

Во-первых, при заключении договора о предоставлении труда работников (персонала) никаких операций или действий в пользу принимающей стороны не производится. Подобную точку зрения высказал в судебном решении Двадцатый арбитражный апелляционный суд, указав, что «...договор предоставления персонала следует отличать от договора возмездного оказания услуг, так как организация, предоставляющая персонал, не принимает на себя обязательств по оказанию каких-либо услуг, поскольку ее единственное обязательство - предоставление определенного количества персонала, соответствующего предъявленным к квалификации требованиям...».

Во-вторых, услуга неотделима от её источника (субъекта услуги). В ДоПТР услугой является предоставление работников, выполняющих функции, определенные трудовыми договорами с ними. Но в таком случае, предметом торговой сделки будет выступать предоставление человека, поскольку его способность к труду неотделима от личности [5].

К иным косвенным доказательствам того, что ДоПТР нельзя признать договором возмездного оказания услуг, можно отнести следующие факты:

1. Включение главы о ДоПТР в текст Трудового кодекса РФ по сути является введением в трудовое право нового института.

2. Отсутствие положений о ДоПТР в Гражданском кодексе РФ. К примеру, в части 2 ст. 779 ГК РФ использован прием законодательной техники – включение соответствующих отношений в сферу регулирования указанной статьи путём перечисления видов предоставляемых услуг: медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, услуг по обучению и т.д. В отношении ДоПТР подобная мера не была предпринята при имеющейся возможности прямо включить услуги по предоставлению персонала в сферу действия главы 39 ГК РФ.

3. Отсутствие разъяснений высшей судебной инстанции относительно предмета и правовой природы ДоПТР.

Ранее уже отмечалось, что в конструкции ДоПТР (в широком смысле) две отрасли права не существуют в «чистом» виде, между ними нет четкого разделения, и они действуют совместно во взаимоотношениях всех участников.

Соответственно, особый характер трудовых отношений и метод правового регулирования отрасли трудового права оказывает влияние на регулирование ДоПТР (в узком смысле, как договора между исполнителем и заказчиком).

Доказательством тому могут послужить специфические административные условия, которые в силу прямого указания законов должны содержаться в тексте ДоПТР.

Как справедливо отмечает О.В. Чесалина, договор в большей степени основывается на гражданско-правовых положениях, которые и порождают гражданское правоотношение между заказчиком и исполнителем. Вместе с тем, Договор содержит также трудовые положения, в которых конкретизируется объем делегируемых от исполнителя заказчику работодательских полномочий [6].

На основе этих положений трудовые отношения не возникают ни между заказчиком и исполнителем, ни между заказчиком и предоставляемым работником. Однако между заказчиком и работником возникает определенная правовая связь.

Аналогичную позицию в части специфической природы ДоПТР высказала Л. В. Тихомирова. Поскольку ДоПТР как гражданско-правовой договор носит имущественный характер, но при этом необходимость и условия его заключения определяются Трудовым кодексом РФ и Законом РФ «О занятости населения в РФ», появляется возможность признать за указанным договором так же и административно-правовой характер [1].

Наличие трудоправового элемента свидетельствует о комплексном характере ДоПТР. Сложная и многогранная природа не позволяет отнести его к определенному виду гражданско-правового договора. Поэтому, в отсутствие, четкой правовой регламентации наиболее оправданным является позиция, в соответствии с которой ДоПТР является специфическим договором. Возможность существования такого рода специально не предусмотренных законом договоров закреплена ст. 421 ГК РФ.

Однако нельзя не согласиться с Л. В. Тихомировой, что такое решение небезопасно. ДоПТР является новым институтом трудового права и, возможно, новым видом договора гражданско-правового характера, осложненного административным элементом. Отсутствие базового понимания природы ДоПТР может негативно сказаться на развитии института, на развитии имущественных отношений и, главное, на защищенности работников от рисков применения заёмного труда.

Таким образом, договор о предоставлении труда работников можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле ДоПТР – это форма организации труда и система многосторонних отношений, а в узком смысле ДоПТР – это особый вид гражданско-правового договора, который строго нельзя отнести к одному из видов договоров, прямо поименованных в ГК РФ. Договор (в узком смысле) имеет сложный, комплексный характер, благодаря наличию трудоправового элемента (устанавливающаяся связь между заказчиком и не-стороной этого договора – работником) и административно-правового элемента (при заключении договора должны соблюдаться императивные требования ТК РФ и Закона РФ «О занятости населения в РФ»).

Библиографический список

1. Болдырев В. А. Заемный труд как российский экономико-правовой феномен // Право и экономика. 2015. № 10. С. 60–66.
2. Галуева Ю. Человек займы. Законодатель отменил заемный труд. Как теперь будут регулироваться трудовые отношения с внештатными специалистами? // Юрист спешит на помощь. 2015. № 9. С. 23–25.
3. Кратенко М. Денежные обязательства сторон трудового договора: проблемы правового регулирования // Трудовое право. 2020. № 10.
4. Постовалова Т. А. Трудовое право Европейского союза: теория и практика. М.: Проспект, 2015. 496 с.
5. Рогалева И. Ю. Регулирование труда работников, временно направленных работодателем к другим юридическим или физическим лицам // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 151–155.
6. Рыженков А. Я. Трудовое право. Краткий курс лекций / А. Я. Рыженков, В. М. Мелихов, С. А. Шаронов. М.: Юрайт, 2019. 208 с.
7. Смирнов Д. А. Трудовой договор и презумпция трудовых отношений: теоретические и практические аспекты / Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2019. № 10 (10). С. 83–99.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

УДК 334.028

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Яковлев Н. Ю., студент 5 курса факультета государственного и муниципального управления

Научный руководитель: **Михнева С. В.**, кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу и характеристике мер государственной поддержки малого предпринимательства в зарубежных странах. Приводятся общие принципы государственной поддержки, а также освещаются отдельные меры поддержки, введенные в связи с пандемией COVID-19.

Ключевые слова: экономика, государственная поддержка, малый бизнес, COVID-19, зарубежные страны.

FOREIGN EXPERIENCE OF STATE SUPPORT OF SMALL BUSINESSES

Yakovlev N. Yu., 5th year student of the Faculty of State and Municipal Administration

Supervisor: **Mikhneva S. V.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis and characteristics of measures of state support for small businesses in foreign countries. The general principles of state support are provided, as well as individual support measures introduced in connection with the COVID-19 pandemic are highlighted.

Keywords: economics, government support, small business, COVID-19, foreign countries.

Зарубежные страны с развитой экономикой имеют много общего в вопросах поддержки предпринимательства. Но в то же время, каждая из стран имеет и свои особенности.

В общем виде и для большей наглядности, меры государственной поддержки малого бизнеса можно представить в форме таблицы.

Таблица 1

**Меры государственной поддержки предпринимательства
в зарубежных странах**

Меры государственной поддержки малого предпринимательства	Государства, предоставляющие такие меры
Предоставление государственных гарантий по кредитам	Финляндия, Дания, Италия, Корея, Чили, Нидерланды и др.
Предоставление особых условий для стартапов	Дания, Канада, Нидерланды
Предоставление государственных гарантий предприятиям, осуществляющим экспортную деятельность	Дания, Канада, Нидерланды. Финляндия, Швеция, Швейцария, Испания, Великобритания и др.
Прямое финансирование	Канада, Венгрия, Чили, Испания и др.
Выделение субсидий на погашение процентов по кредитам	Великобритания, Венгрия, Турция, Испания, Португалия и др.
Льготы по налогам	Франция, Испания, Италия и др.
Объединения банков, которые специализируются на предоставлении кредитов для субъектов малого предпринимательства	Дания, Ирландия и др.

Как видно из представленных выше материалов, меры поддержки малого бизнеса во многих странах очень похожи. И тем не менее, представляется подробнее рассмотреть и проанализировать опыт некоторых государств в вопросах поддержки малого предпринимательства.

Например, в Германии политика поддержки малого бизнеса построена таким образом, чтобы со временем предприятие могло иметь собственные резервы и не нуждаться в поддержке, даже в кризисные ситуации. Для достижения этой цели в Германии были предприняты следующие шаги:

1. Надежная правовая база (картельное право), которая регулирует процессы деятельности крупных компаний на рынке, не допуская монополизации. Также картельное право облегчает кооперацию малых и средних предприятий. Всю эту деятельность контролирует ведомство по надзору за картелями.

2. Равноправное участие малых предприятий в государственных контрактах;

3. Снижение налогового бремени с малых предприятий;

4. Прямое финансирование;

5. Помощь инновационным предприятиям и проектам.

В Великобритании большая часть мер государственной поддержки основана на бюджетной сфере. Там широко распространены общие меры поддержки (снижение налогов и упрощение ведения учета, различные налоговые льготы, субсидирование и т.п.). Также, в Великобритании действуют 4 программы поддержки:

1. Программа оказания консалтинговой помощи. Консультации по большей части проводятся для новых организаций;
2. Программа финансовой поддержки (гранты, финансовая поддержка социально-ориентированных предприятий и т.п.);
3. Региональные программы помощи (разработаны для предприятий, осуществляющих свою деятельность в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии);
4. Программа поощрения экспортной направленности мелких предприятий.

Также, следует сказать про союз крупного и малого бизнеса в странах Евросоюза. Такой союз предусматривает помощь отдельных крупных организаций малому бизнесу (например: Royal Dutch Shell, ICI, Control Data, British Gas, Rank Xerox, British Telecom и т.п.). Они помогают мелкому бизнесу на различных его этапах (так, British Gas интересуют старт-апы в сфере нефтяной промышленности и для этого ими была основана British Gas Ventures) и различными формами (льготные кредиты, консалтинг, проведение экспертиз бизнеса и т.п.) [2].

Особенно показателен опыт США. В Америке функционирует специальный орган – Администрация по делам малого бизнеса. Именно она решает все вопросы, связанные с поддержкой малых предприятий (проведение обучения, рассмотрение заявок на финансирование и т.п.). В США существует множество различных программ помощи: помощь социально-ориентированным предприятиям, помощь инновационным предприятиям и т.п. Самая главная идея в политике США по отношению к малому бизнесу – это создание таких условий, чтобы субъекты малого предпринимательства могли легко пользоваться предоставляемыми возможностями.

Для полноты картины целесообразно также проанализировать и опыт стран Азии. Например, в Японии поддержка малого предпринимательства является важной целью. Реализует ее специальный орган – Управление малого бизнеса, подчиненный Министерству внешней торговли и промышленности. Территориальные органы Управления оказывают разнообразную помощь бизнесу на

местах: представление кредитов, выступление в роли гаранта в сделках, обеспечивает доступ к информации.

Кроме того, функционирует государственная корпорация развития малого бизнеса, которая занимается в основном вопросами предоставления финансирования. Ежегодно, малым и средним предприятиям предоставляются кредиты на сумму около 500 млн. йен. Также, к особенностям системы поддержки предприятий в Японии следует отнести программу финансирования предприятий, которые столкнулись с экологическими трудностями.

Можно также рассмотреть опыт поддержки малого предпринимательства в Китае. Китаю, из-за особенностей политической и идеологической систем, присущ коллективизм. Это проявляется и в поддержке малого бизнеса. Существует орган (Координационный центр по внешнему сотрудничеству малых и средних предприятий) [1], который координирует и согласовывает возможность выхода малых предприятий на зарубежные рынки. Также, функционирует общественная информационная служба, обеспечивающая предпринимателей самой актуальной информацией об изменениях налогового законодательства, тенденциях в экономике и т.п. В рамках поддержки малого бизнеса, Китайское правительство уделяет значительное внимание проблеме подготовки управленческих кадров. Для решения проблемы правительство предприняло:

1. Проводить переподготовку и переобучение кадров в существующих образовательных организациях управленческой и экономической направленности;
2. Формировать рынок компетентных специалистов, улучшая качество образования в учебных заведениях;
3. Поощрять создание на предприятиях собственной системы переподготовки и повышения квалификации кадров.

Кроме того, Китайское правительство остро заинтересовано в инновационной деятельности фирм. Поэтому, инновационные предприятия находятся в приоритете и получают государственную поддержку.

Кроме того, зарубежные страны выделяют огромные суммы на поддержку бизнеса во время пандемии коронавируса. Так, в США запущена программа выдачи кредитов через Управление по делам малого бизнеса (SBA). На это было выделено \$350 млрд. В Швейцарии принят пакет антикризисных кредитов малому бизнесу на 20 млрд франков. В Великобритании приняты четыре пакета мер, которые должны помочь компаниям и работникам пережить кризис, оцениваются в 60 млрд фунтов, а также гарантии по кредитам на 330 млрд фунтов, что

эквивалентно 15 % ВВП. Во Франции забюджетировано более 45 млрд евро на помощь бизнесу. Правительство Италии одобрило антикризисные меры на 25 млрд евро (\$27 млрд). Власти Канады пообещали неограниченную помощь и обнародовали выделение 202 млрд канадских долларов (\$143,4 млрд). Правительство Японии на этой неделе одобрило пакет почти на 108 трлн иен (\$1 трлн). Малые предприятия, пострадавшие от кризиса, смогут получить прямые выплаты из бюджета в размере до 2 млн иен (\$18 300) [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что в развитых странах уделяется особое внимание проблеме поддержки малого бизнеса. Малый бизнес в развитых странах является основой экономики государства. И Российской Федерации следует не просто «копировать» существующие в разных странах модели и формы государственной поддержки, а на основе анализа и сопоставления выработать аутентичные варианты для государственной поддержки малых отечественных предприятий.

Библиографический список

1. Версоцкий Р. Р. Зарубежный опыт поддержки малого и среднего предпринимательства и возможности его применения в современной России // Управление консультирование. 2019. № 7 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyi-opyt-podderzhki-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-i-vozmozhnosti-ego-primeneniya-v-sovremennoi-rossii>
2. Заболоцкая В. В., Хут Н. А. Сравнительный анализ мер государственной поддержки малого и среднего бизнеса в России и за рубежом // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-mer-gosudarstvennoy-podderzhki-malogo-i-srednego-biznesa-v-rossii-i-za-rubezhom>
3. Электронное периодическое издание «Ведомости». Как власти помогают малому и среднему бизнесу в разных странах. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/04/08/827470-pomogayut-malomu-biznesu>.

ЧАСТЬ II

**Кафедра гражданско-правовых дисциплин ВИУ РАНХиГС
при информационной поддержке
Волгоградского регионального
отделения общероссийской
общественной организации
«Ассоциация юристов России»**

**Материалы межрегиональной
научно-практической конференции памяти
Михаила Федоровича Медведева (1925–2011)
(Медведевские чтения)**

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

28 мая 2021 г.

г. Волгоград

УДК 347.51

**НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ,
СВЯЗАННЫЕ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ ВРЕДА ЗА НАРУШЕНИЕ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Агибалова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Наумов М. А., магистрант 2 курса юридического факультета

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В настоящей статье анализируются теоретические и практические проблемы возмещения убытков и компенсации за нарушения исключительных прав на произведения. Выделены основные подходы к определению правовой природы компенсации, её соотношению с категорией убытков. Определены особенности и выявлены проблемы, в правоприменительной практике. В результате исследования выявлены слабые места в отечественной юридической доктрине и практике.

Ключевые слова: возмещение вреда, исключительные права, компенсация, нарушения исключительных прав, убытки.

**SOME THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS RELATED WITH
COMPENSATION OF DAMAGE CAUSED BY VIOLATION OF THE
EXCLUSIVE RIGHTS OF WORKS**

Agibalova E. N., Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

Naumov M. A., 2th year master's student of the Law Faculty

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This article analyzes the theoretical and practical problems of damages and compensation for violations of exclusive rights. The main approaches to the definition of the legal nature of compensation, its correlation with the category of damages are highlighted. The features and problems of law practice are revealed. As a result of the study, weaknesses in the Russian law doctrine and practice were identified.

Keywords: compensation for damages, exclusive rights, compensation, violations of exclusive rights, damages

Российская юридическая доктрина о деликтах традиционно классифицирует виды деликтов в зависимости от основания возникновения обязательств, вследствие причинения вреда на общий (генеральный) деликт и специальные деликты.

При этом общий (генеральный) деликт устанавливает общие положения ответственности за причинение вреда, которые применяются ко всем деликтным обязательствам.

Специальные деликты в свою очередь представляют собой предусмотренные гражданским законодательством случаи причинения вреда, не подпадающие под общую конструкцию общего (генерального деликта).

В судебной практике сложилась позиция, согласно которой все специальные деликты четко обозначены Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ). К ним относятся: «ответственность за вред, причиненный актами власти; ответственность за вред, причиненный недееспособными, ограниченно дееспособными и лицами, не способными понимать значение своих действий; ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих; ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ, услуг» [4, с. 6].

Обязательства, возникающие вследствие нарушения исключительных прав, без сомнений следует относить к деликтным. Как видно, суды ответственность за нарушение исключительных прав не выделяют как специальный вид деликтного обязательства, однако мы не можем не отметить наличие специфических особенностей, которые позволяют говорить о том, что такие нарушения относятся к специальным деликтам.

Согласно пп. 3 п. 1 ст. 1252 ГК РФ «защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации осуществляется, в частности, путем предъявления в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, требования о возмещении убытков» [2].

Вместе с тем, лицо, чье исключительное право на произведение было нарушено, в соответствии с п. 3 ст. 1252 ГК РФ вправе вместо возмещения убытков требовать от нарушителя выплаты компенсации за нарушение указанного права.

В случаях нарушения исключительного права на произведения, выплата компенсации осуществляется в порядке и в размерах, предусмотренных ст. 1301 ГК РФ.

При этом компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения, а правообладатель освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков.

Вместе с тем, размер убытков является одним из элементов состава гражданского правонарушения. Так, в соответствии с п. 59 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, «для наступления ответственности, установленной правилами ст. 15 ГК РФ, необходимо наличие состава правонарушения, включающего: факт нарушения другим лицом возложенных на него обязанностей, наличие причинно-следственной связи между допущенным нарушением и возникшими у заявителя убытками, а также размер причиненных убытков» [3, с. 84].

Иными словами, законодатель предлагает лицу, чье исключительное право было нарушено, неравноценный выбор между двумя способами возмещения причиненного вреда, отличающимися друг от друга разным объемом элементов, подлежащих доказыванию.

Тогда мы можем говорить о том, что в случае требования выплаты компенсации за нарушение исключительного права, состав гражданско-правового правонарушения, по аналогии с уголовно-правовой доктриной, можно назвать формальным.

Следует полагать, что предоставление такого выбора ведет к значительному уменьшению доли судебных дел, в которых истцом заявлены требования о взыскании убытков в общем порядке. Так, М. В. Радецкая и А. Е. Туркина отмечают, что в большинстве судебных споров о нарушении исключительных прав на произведения, преобладают требования о взыскании компенсации. Причем в более половины случаев – в виде твердой суммы, определяемой в соответствии с п. 1 ст. 1301 ГК РФ [6].

Правовая природа компенсации за нарушение интеллектуальных прав в гражданском законодательстве не определена. В отечественной юридической доктрине существует несколько точек зрения о правовой природе компенсации.

А. П. Сергеев определяет компенсацию как разновидность убытков. Такая позиция связана со значительным влиянием американского института статутных убытков, который, вероятно, был заимствован в российскую правовую систему

[5]. Вместе с тем, законодательно установленная альтернативность компенсации и убытков, не позволяет говорить об их взаимосвязи.

Некоторые исследователи, например А. Н. Садиков, В. А. Хохлов, полагают, что компенсация представляет собой способ возмещения убытков. Правовая природа компенсации в таком случае, носит производный, если не произвольный характер: компенсация как категория не входит институт убытков, но заимствует некоторые его элементы, или ставится в зависимость от него.

С другой точки зрения, отсутствие явного указания на принадлежность категории компенсации к какому-либо правовому институту может свидетельствовать об автономной правовой природе компенсации и отношении к этой категории как к самостоятельному институту гражданского права и интеллектуального права в частности.

Следует полагать, что положения ГК РФ о компенсации за нарушение исключительного права сочетают в себе два вышеуказанных мнения, но не дают понимания, какой из вышеуказанных точек зрения придерживается законодатель.

В соответствии со ст. 1301 ГК РФ выплата компенсации осуществляется в трех формах:

- 1) в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения;
- 2) в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения;
- 3) в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель.

Указания в последних двух пунктах свидетельствуют, на наш взгляд, о штрафном характере данных форм компенсации. В таком случае, мы полагаем, нельзя говорить о том, что выплата компенсации и возмещение убытков преследуют одну правовую цель.

Если основная цель возмещения убытков преследует в первую очередь возвращение имущественного положения потерпевшего, существовавшего до нарушения его прав, то компенсация, по смыслу ст. 1301 ГК РФ, не только перекры-

вает убытки правообладателя, но ставит его в более выгодное экономическое положение чем то, которое существовало до нарушения его исключительного права.

В данном случае институт компенсации преследует практически те же цели, что и институт статутных убытков в американском праве:

- 1) «предотвращение будущих неправомерных действий (простое возмещение убытков в полной мере не достигает такой цели);
- 2) пострадавшее лицо должно быть вознаграждено за то, что оно осуществляет свои права в целях укрепления общего правопорядка;
- 3) дополнительное возмещение убытков правообладателя» [5].

Вместе с тем, институт статутных убытков подвергается значительной критике во всем мире и не отличается большой популярностью в применении. Так, «по данным за 2013 г., соответствующая мера гражданско-правовой ответственности предусмотрена законодательством лишь 23 государств – участников Всемирной организации интеллектуальной собственности, при этом 17 из них относятся к странам с развивающейся экономикой (в том числе Россия), и, лишь 6 – к странам с развитой» [7, с. 52].

Мы полагаем, что добровольная альтернативность убытков и компенсации в большинстве случаев ведет к выбору последнего способа возмещения вреда. При этом истец, в данном случае освобождается от доказывания размера причиненного вреда. Это, вкупе с презумпцией вины нарушителя исключительных прав (а в случае, если нарушитель осуществляет предпринимательскую деятельность – безвиновной ответственности), а также упрощенным порядком рассмотрения дел о нарушении исключительных прав в сети «Интернет», ведет, как правило, к материальным и процессуальным злоупотреблениям лица, чье исключительное право было нарушено.

Отсутствие необходимости доказывания размера понесенных убытков позволяет потерпевшему лицу заявлять завышенный размер требований о выплате компенсаций. Более того, это может распространяться даже на случаи, когда требования рассчитаны исходя из минимального размера твердой суммы компенсации.

Более того, Конституционным Судом Российской Федерации было вынесено Постановление от 13.12.2016 № 28-П, в соответствии с которым в случае, когда нарушение совершается одним действием прав на несколько объектов интеллектуальной собственности, суды, с учетом иных обстоятельств дела, могут определять размер компенсации ниже установленного предела.

Но даже в таком случае размер взыскиваемой компенсации может быть необоснованно высоким. К примеру, гражданин взыскал с организации компенсацию за нарушение исключительных прав на произведения в размере 60 000 рублей (по 5 000 рублей за каждое произведение). При этом в деле, согласно апелляционному определению Московского городского суда от 19.01.2021 по гражданскому делу № 33-2610/2021 имелись сведения лишь об однократном нарушении исключительных прав на произведения – путем распространения одного контрафактного издания [1].

Мы можем предположить, что возмещение вреда, причиненного нарушением исключительного права на произведения, путем выплаты компенсации может быть рациональным в случае, если судом будет признана невозможность доказывания размера убытков правообладателя.

Такая ситуация может сложиться в результате нарушения исключительных прав правообладателей в сети «Интернет», когда, например в результате «вирусного» нарушения, произведения, являющиеся объектами исключительных прав, могут неоднократно скачиваться и пересылаться другим пользователям, даже после блокировки или закрытия сайта-нарушителя.

В американской цивилистической доктрине это может свидетельствовать о причинении правообладателю непоправимого вреда, когда существует значительная вероятность того, что после окончательного решения стороны не могут быть возвращены на позиции, которые изначально занимали [9].

Вместе с тем, даже в случае пиратских нарушений, судам следует внимательно подходить к представлению доказательств нарушения. Поскольку гражданско-процессуальное законодательство не запрещает использовать в качестве доказательств распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, то существует вероятность, что не все произведения, доступные на пиратских сайтах могут нарушать исключительные права.

Кроме того, даже в подобных случаях мы вынуждены констатировать отсутствие должного правового регулирования оснований для оценки размера компенсации судом.

Так, абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ установлено, что размер компенсации определяется судом в пределах, установленных ГК РФ, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и спра-

ведливости. Это свидетельствует о том, что вопрос размера компенсации разрешается абсолютно абстрактными критериями разумности и справедливости, а значит, полностью зависит от усмотрения судей.

В качестве примера критериев определения размера взыскиваемой компенсации, может служить, например, умысел нарушителя и характер его деятельности. Например, размер компенсации может дифференцироваться в зависимости от того, имеет ли нарушение исключительных прав коммерческий характер или дальнейшее распространение осуществляется на безвозмездной основе.

Некоторые пиратские сайты, такие как Sci-hub или LibGen, безвозмездно распространяют научные произведения, тем самым поднимают вопросы о несправедливости рыночных отношений, возникающих в связи с распространением результатов научной деятельности. Многие известные юристы и ученые прямо и открыто поддерживают деятельности таких сайтов, указывая также на их существенное стратегическое значение для развития научно-технического потенциала государства [8]. На наш взгляд, подобные нарушения также могут обосновывать дифференциацию размеров взыскиваемой компенсации в отношении нарушений на иные объекты интеллектуальной деятельности.

Таким образом, мы можем сделать вывод о недостаточном правовом регулировании вопросов, связанных с возмещением вреда, причиненного нарушением исключительных прав. Привилегированное положение компенсации по отношению к категории убытков в вопросах возмещения вреда, причиненного нарушением исключительных прав, ведет не только к существенному снижению популярности взыскания убытков, но также и к большим возможностям для недобросовестного поведения правообладателей. Отсутствие единой позиции о правовой природе компенсации свидетельствует о ее производном и нейтральном статусе в гражданском праве, что ведет к ее буквально механистическому воспроизведению в правоприменительной практике, отсутствию единообразных критериев оценки размеров компенсации, подлежащих взысканию и дифференцированию их в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Библиографический список

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 21.01.2021 по гражданскому делу № 33-2610/2021 // Официальный сайт Московского городского суда. URL: <https://mos-gorsud.ru/> (дата обращения: 22.05.2021).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

3. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 сентября 2015 г.). URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/15153/> (дата обращения: 22.05.2021).

4. Обобщение судебной практики по спорам о внедоговорном причинении имущественного вреда (утверждено постановлением Президиума Арбитражного Суда Республики Марий Эл от 29 января 20018 года № 10/18). URL: <https://mari-el.arbitr.ru/files/pdf/vnedogor%20vred.pdf> (дата обращения: 21.05.2021).

5. Радецкая М. В., Спиридонова Н. Б., Туркина А. Е. Обзор иностранного законодательства и судебной практики по вопросам взыскания убытков и компенсации за нарушения исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 1 (31). С. 40–79.

6. Радецкая М. В., Туркина А. Е. Обзор судебной практики по вопросу взыскания компенсации за нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 27. С. 5–40.

7. Томилов А. Ю., Томилова В. А. Сравнительная характеристика института статутных и дополнительных убытков в праве иностранных государств за нарушение исключительных авторских прав // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 3. №. 2. С. 52–56.

8. Bohannon J. (2018). Who's downloading pirated papers? Everyone. URL: <https://www.sciencemag.org/news/2016/04/whos-downloading-pirated-papers-everyone> (дата обращения: 22.05.2021).

9. «Elsevier Inc. v. Sci-hub», Opinion No. 105999 in Elsevier Inc. v. Sci-Hub (S.D.N.Y., 1:15-cv-04282). (2015, October 30). URL: <https://www.courtlistener.com/docket/4355308/53/elsevier-inc-v-sci-hub/> (дата обращения: 22.05.2021).

УДК 346.62

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ:
ПРОБЛЕМАТИКА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Александрова Н. С., аспирант 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: Дерюгина Т. В., доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблематике, возникающей при рассмотрении вопроса возмещения вреда применительно к цифровым валютам. Сделан вывод о наличии противоречий между имущественной категорией и сущностью цифровых валют. Предложено рассматривать цифровые валюты в режиме, применяемом к бездокументарным ценным бумагам.

Ключевые слова: цифровая валюта, вред, ценная бумага, имущество, цифровизация.

**LEGAL REGULATION OF DIGITAL CURRENCIES: THE PROBLEM OF
CIVIL LEGAL LIABILITY**

Aleksandrova N. S., 2nd year postgraduate of the Faculty of Law

Supervisor: Deryugina T. V., Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law Disciplines

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This article is devoted to the issues that arise when considering the issue of damages in relation to digital currencies. It is concluded that there are contradictions between the property category and the essence of digital currencies. It is proposed to consider digital currencies in the mode applied to uncertified securities.

Keywords: digital currency, harm, securities, property, digitalization.

Цифровая валюта определяется как «совокупность электронных данных, содержащихся в информационной системе, которые могут быть приняты в качестве средства платежа, при этом, не являясь денежной единицей, и в отношении которой отсутствует лицо, обязанное перед обладателем таких электронных данных, за исключением оператора информационной системы» в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (далее – Федеральный закон № 259-ФЗ).

Цифровая валюта в целях применения некоторых нормативных актов признается имуществом. Так ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», п. 4 ст. 68 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» закрепляют имущественный статус криптовалюты. Иного статуса, помимо имущественного, за цифровой валютой в настоящий момент законодательно не закреплено.

Понятие «вред» неразрывно связано с категорией «имущество». Причиненный имуществу вред подлежит возмещению в полном объеме. Т. В. Дерюгина разделяет вред на вред в натуре и возмещение убытков [5]. В самом общем виде можно охарактеризовать имущественный вред как наступление неблагоприятных последствий для субъекта права, вызванные из-за повреждения либо уничтожения имущества.

В условиях признания имущественного статуса цифровой валюты возникает вопрос: может ли вред быть причинен цифровой валюте, и каковы последствия его причинения? Учитывая вышеприведённые понятия, условием наступления вреда будет являться повреждение либо уничтожение электронных данных, вследствие чего цифровая валюта утрачена. Важно понимать, что цифровая валюта является по сути уникальным сложно-зашифрованным алгоритмом, состоящим из последовательности символов. Учитывая специфику информационных технологий, изменение хотя бы одного символа в последовательности делает файл недоступным. В таком случае изменение тождественно повреждению. Такое изменение может произойти, к примеру, вследствие хакерской атаки, сбоя в системе, недобросовестных действий либо небрежности со стороны оператора системы. В результате обладатель цифровой валюты частично либо полностью утратит возможность распоряжаться ею, следовательно, виновное лицо будет обязано возместить вред в полном объеме.

Но что именно в рассматриваемом случае подлежит возмещению? Возмещение вреда возможно в натуре либо в виде возмещения убытков. Сама по себе запись кода (алгоритма) цифровой валюты очевидно вещью не является в силу своего существования вне объектов материального мира, законодатель также не называет цифровые валюты вещами. Соответственно, предоставление вещи того же рода и качества либо исправление вещи в смысле ст. 1082 ГК РФ невозможно [2]. Остается возмещение причинённых убытков. В этом случае необходимо возместить сумму расходов на восстановление права. В рассматриваемой ситуации неизбежно встает вопрос об оценке причиненного вреда. Если определенное количество единиц цифровой валюты исчезло либо стало недоступным, величину понесённых расходов следует принять как рыночную стоимость утраченного. Ввиду отсутствия в России легитимных бирж по обмену таких валют определение стоимости представляется также проблематичным.

О спорности отнесения криптовалюты к имущественной категории высказываются многие отечественные цивилисты. В частности, А. А. Ситник приходит к выводу о возможности отнесения цифровых валют к особым финансовым инструментам, обоснованно указывая на предоставленную законодателем возможность принятия таких валют в качестве средств платежа [7], а платежные услуги являются разновидностью финансовых услуг [4, с. 77]. Доцент права Е. Н. Агибалова указывает на схожесть цифровых прав с бездокументарными ценными бумагами [3], приводя также в работе позицию А. В. Асоскова, указывающего на перспективу существования единого правового института понятий ценных бумаг и цифровых прав [9, с. 42].

Более того, диалог о правовой природе цифровых криптовалют местами достаточно точно воспроизводит диалог отечественных исследователей, начавшийся более двадцати пяти лет назад относительно сущности бездокументарных ценных бумаг. Ряд авторов высказывался за применение к бездокументарным ценным бумагам имущественного, и даже вещного режимов [6, с. 30]. Сторонники иного подхода придерживались мнения о трансформации вещного права в обязательственное [8, с. 21-22].

Применительно к цифровой валюте следует отметить, что и ст. 141.1 ГК РФ, и положения Федерального закона № 259-ФЗ прямо или косвенно указывают на обязательственную природу цифровых прав. Закрывая глаза на то, что последний из приведенных нормативных актов различает понятия «цифровые права» и «цифровая валюта», очевидно, что понятия являются родственными и в силу

формы закрепления, и набору полномочий, предоставляемых владельцу. Обращается внимание, что термин «собственник» вообще не употребляется в указанном контексте, и вместе с тем в случае с цифровой валютой закреплён именно имущественный режим.

Полагаем, описанные сложности обусловлены также слабой разработкой понятийного аппарата терминов, обслуживающих цифровые права. Отсутствие структурности, разобщённость и хаотичность категориального аппарата порождает неизбежные проблемы, как у исследователей, так и у правоприменителей.

В любом случае, отнесение законодателем цифровой валюты к имуществу породило целый ряд проблем. Приведённый выше анализ демонстрирует о наличии явных противоречий между цифровыми валютами и имущественным режимом. Преследуя цель сохранения законодательства о ценных бумагах, в понятийный аппарат был введен целый комплекс терминов, разрозненных и не изложенных структурно. В рассматриваемом случае строить оказалось не менее сложным чем ломать.

Тем не менее, в случае признания цифровой валюты явлением, схожим с бездокументарными ценными бумагами, острота проблематики гражданско-правовой ответственности при операциях с цифровыми валютами нивелировалась бы наличием подхода, изложенного в ст.ст. 149.3-149.5 ГК РФ [1] о защите прав обладателей бездокументарных ценных бумаг. Разумеется, приведённые правовые нормы подверглись бы существенным изменениям.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
3. Агибалова Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-prava-v-sisteme-obektov-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 26.05.2021).
4. Гузнов А. Г. Регулирование, контроль и надзор на финансовом рынке Российской Федерации. М.: Юрайт, 2017. С.77.

5. Дерюгина Т. В. Теоретические и практические проблемы толкования и применения категорий «убытки», «вред», «ущерб» // Legal Concept. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-problemy-tolkovaniya-i-primeneniya-kategoriy-ubytki-vred-uscherb> (дата обращения: 23.05.2021).

6. Ефимова Л. Г. Правовые проблемы безналичных денег // Хозяйство и право, 1997. № 2. С. 28–49.

7. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-valyuty-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 26.05.2021).

8. Суханов Е. А. Заем и кредит. Финансирование под уступку денежного требования. Банковский вклад. Банковский счет // Хозяйство и право. 1996. № 7. С. 21–22.

9. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова, А. Габов, А. Савельев, А. Генкин, С. Сарбаш, А. Асосков, А. Семенов, Р. Янковский, А. Журавлев, А. Толкачев, А. Камелькова, М. Успенский, Р. Крупенин, В. Кислый, М. Жужжалов, В. Попов, М. Аграновская // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

УДК 347.5

РОССИЙСКИЙ И ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЛИКТНОГО ПРАВА

Высогурская Т. В., студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Агибалова Е. Н.**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматривается российский и германский опыт гражданско-правового регулирования деликтного права. Проводится сравнительно-правовой анализ регулирования обязательств из причинения вреда в данных государствах. Исследуются положения Гражданского кодекса Российской Федерации и Германского гражданского уложения.

Ключевые слова: обязательство, деликт, вред, причинение вреда, возмещение вреда, специальные деликты.

RUSSIAN AND GERMAN EXPERIENCE OF CIVIL LAW REGULATION OF TORT LAW

Vysogurskaya T. V., 2nd year student of the Faculty of Law

Supervisor: **Agibalova E. N.**, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article examines the Russian and German experience of civil law regulation of tort law. A comparative legal analysis of the regulation of obligations from causing harm in these states is carried out. The article examines the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the German Civil Code.

Keywords: obligation, tort, damage, infliction of damage, compensation for damage, special torts.

Взаимосвязь немецкого и российского законодательства обусловлена множеством факторов. Основной причиной воздействия одного национального

права на другое можно назвать тот факт, что немецкое законодательство являлось неким ориентиром для законодательства России на многих этапах исторического развития. Принесло это положительный результат или нет – вопрос дискуссионный, однако отрицать наличие данного фактора было бы не совсем верно. Помимо этого, важно подметить, что разработка любого национального права осуществляется с опорой на иностранные образцы. Вследствие чего мы можем проследить некое родство между правовой системой России и правовыми системами таких государств, как Франция, Австрия, Нидерланды, и соответственно Германия. Зачастую вопрос о взаимосвязи правового опыта России и правового опыта Германии поднимается во многих научных исследованиях, как с немецкой, так и с российской стороны.

Значимость германского гражданского законодательства в формировании отечественной цивилистики отмечается и дореволюционными, и современными правоведами. Данная роль проявляется как в рецепции отдельных институтов, так и в общем влиянии Германского гражданского уложения, ставшего одним из эталонов классического гражданского кодекса. В вещном праве значительное сходство российского и германского права нашло отражение, например, в Гражданском кодексе Российской Федерации. Даже сам стиль изложения и структура второго раздела («Право собственности и другие вещные права») с выделением института владения (ст. 209) и института права собственности (ст. 209) отсылает нас к соответствующим разделам и нормам Германского гражданского уложения (§ 854 и § 903). Указанные обстоятельства свидетельствуют о близости гражданского права России и Германии.

Таким образом, на основе вышесказанного, мы считаем, что исследование гражданского законодательства России и Германии является актуальным. Одним из самых существенных вопросов, является вопрос регулирования деликтного права в России и в Германии. Поэтому мы считаем целесообразным провести сравнительно-правовой анализ данных процессов. В данной работе изучены: происхождение деликтного права в романо-германской правовой семье, основные принципы деликтных обязательств в правовых системах России и Германии, их соотношение с договорными обязательствами, а также особенности причинения вреда и ответственности в деликтном праве России и Германии. Также в настоящей работе освещаются вопросы наличия специальных деликтов в законодательстве указанных государств, дается их характеристика, раскрываются их признаки.

Целью данного исследования является комплексный сравнительно-правовой анализ опыта гражданско-правового регулирования деликтного права России и Германии, выявление сходств и различий в институте деликтного права данных государств.

Немецкое деликтное право (*Deliktsrecht*) это один из основных институтов, выделяемых в гражданском праве Германии, которое наряду с правом на неосновательное обогащение связывает обязательственное право с вещным правом. В нем выделяется множество различных аспектов, актуальных для исследования: особенности привлечения лиц к ответственности, их категории, вопрос вины, причинение вреда, вопрос вменения, связь деликтного и договорного права и многие другие моменты регулирования данного института. Основным источником регулирования деликтного права в Германии является Германское гражданское уложение (ГГУ). Данный кодифицированный закон появился в Германии еще во времена Германской империи в конце 19 века. С тех пор он претерпел множество политических и других изменений, произошедших в государстве в прошлом столетии. Германия прошла и через Веймарскую республику, нацистский режим, западногерманский «социальный» капитализм, восточногерманский «реальный» социализм и объединение Германии после падения Берлинской стены в конце 20 века. В Германском гражданском уложении ответственности из причинения вреда было уделено тридцать один параграф. Изменения в эту часть вносились лишь в 2002 году. По итогу была создана конструкция деликтной ответственности, в которой представлены как общие положения этой ответственности, так и специальные деликтные правонарушения, которые являются основаниями для нее. В целом, причиной подобной модели можно назвать стремление немецкого законодателя оформить основную часть норм, регулирующих деликтное право, непосредственно в законе, чтобы не произошло лишней нагрузки на судебные органы. Так, немецкие цивилисты не поощряли судебную практику французских законодателей в отношении применения положений Гражданского кодекса Франции о деликтной ответственности, называя ее противоречивой.

Мы можем назвать известный из римского права принцип, согласно которому собственник несет причиненный его вещи вред (*casum sentit dominus*). Данный принцип означает: кому принадлежит вещь, тот и несет последствия ее повреждения. Этому принципу противостоят нормы деликтного права, перекладывая в качестве исключения ответственность на иное лицо. Подобный механизм в германском деликтном праве действует на основе такого способа привлечения к

ответственности, как факт вменения (*Zurechnung*). Здесь условия наступления ответственности другого лица за причинение вреда не только диктуются законом и другими правовыми актами, но и большое влияние в подобном вопросе имеет и преобладающие в стране представления о возмещении вреда и существующие традиции [9, с. 126].

Если рассматривать момент вменения в немецком деликтном праве, то нормы, регулирующие этот вопрос, подразделяются на две категории: ответственность за противоправное и виновное поведение (*Haftung für rechtswidriges und schuldhaftes Verhalten*), при которой перенос бремени доказывания в отношении вины не меняет характера ответственности, а также ответственность за пользование источниками повышенной опасности (*Gefährdungshaftung*), при которой ответственность наступает за вред, возникший в результате допустимой опасности (например, эксплуатация опасного объекта, содержание домашнего животного). Условия регулирования данных видов ответственности регулируются положениями ГГУ и являются центральными положениями вопроса об ответственности в деликтном праве Германии.

Если говорить о гражданском законодательстве Российской Федерации, то третий раздел Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает понятие обязательства и условия его надлежащего исполнения и прекращения. В данном случае предусмотрено деление обязательств на две группы: договорные и внедоговорные. Е. А. Суханов, считает, что: «классифицирующим признаком здесь является основание возникновения обязательств: договорные возникают главным образом из договоров, т.е. по соглашению сторон, а внедоговорные – из оснований, предусмотренных законом» [7]. Понятием «внедоговорные обязательства» охватываются два вида этих обязательств:

1) вследствие причиненного вреда (деликтные обязательства). Эти обязательства вместе с договорными занимают центральное место в системе гражданско-правовых обязательств. Они имеют первостепенное значение в ряде внедоговорных обязательств. Содержание деликтных обязательств – ответственность причинителя вреда.

2) обязательства вследствие неосновательного обогащения, т. е. приобретение или хранение имущества одним лицом в ущерб другому без необходимых правовых оснований».

Определения деликтного обязательства закон не дает. Однако основная идея, характеризующая его, содержится в п. 1 ст. 1064 ГК РФ, согласно которой

«вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред».

В гражданском законодательстве Германии вместо конструкции генерального деликта, который применяется в российском гражданском праве [2], используется специальная система, предусматривающая специальное разграничение составов правонарушений и их более подробное изложение. Однако немецким законодателем все-таки определен перечень общих норм, регулирующих ответственность за причинение вреда, который изложен в Германском гражданском уложении, их также принято называть «три малые общие нормы» или *drei kleine Generalklauseln* [4].

Одна из них подразумевает под собой наступление ответственности за совершение противоправных и виновных правонарушений правовых благ, которые перечисляются в статье (в первую очередь это жизнь, здоровье, тело, свобода, собственность) (§ 823 п. 1 ГГУ). Следующая норма, содержащаяся в § 823 п. 2 ГГУ, регулирует нарушение защитного закона (*Schutzgesetz*) и привлечение лица к ответственности за него. Последняя норма закрепляется в § 826 ГГУ, она предполагает ответственность за причинения вреда способом, который противоречит добрым нравам, хорошему поведению (*gute Sitten*).

В российском гражданском праве, в целом, теория деликтных обязательств основана на принципе упомянутого выше генерального деликта, которым открывается глава 59 ГК РФ, посвященная обязательствам, вследствие причинения вреда. Данный принцип определяет, что потерпевший не должен доказывать незаконность деликта или вину причинителя вреда, т.е. действует презумпция виновности при деликте. Помимо этого правила, существуют и другие, специальные правила, регулирующие исключительные ситуации, связанные с возможностью причинения вреда или фактом его причинения, однако принцип генерального деликта является базовым. Несмотря на то, что такой принцип также закреплен в законодательстве зарубежных стран (например, статья 1382 Гражданского кодекса Франции предусматривает, что «любое человеческое действие, причиняющее вред другому, обязывает того, по вине которого ущерб произошел, к возмещению ущерба [8, с. 1099]»), немецкий законодатель пошел по иному пути.

Если говорить о соотношении деликтного права и договорного права, то оно по-разному представлено в правовой системе России и Германии.

Яркой чертой германского права является конкуренция между нормами договорных и деликтных отношений. Зачастую в праве встречается одновременное применение данных норм. Это происходит из-за разных сфер защиты. При нарушении договорного обязательства охраняется «позитивный интерес» (*positives Interesse*). Он образуется вследствие неисполнения договора. В деликтном же правоотношении защищается непосредственно целостность объекта права (*Integritatsinteresse*). По итогу договорным правом охраняется имущество другой стороны, в то время как деликтное право защищает только определенные абсолютные права. В результате данные области защиты могут пересекаться, и тогда деликтное право подвергается ограничению, если его использование может повлечь утрату ограничений договорной защиты. Например, такое может произойти при коротком сроке давности или при договорном ограничении ответственности. Но в целом, стоит отметить, что в Германии истец вправе выбирать способ защиты в подобных случаях. Задача суда в таких ситуациях лишь установить, возможно ли применить этот способ защиты при конкретных обстоятельствах дела.

В российском же гражданском праве подобные совпадения норм деликтного и договорного права также встречаются, однако здесь юристы стараются ограничить такую конкуренцию исков. Конкретно в судебной практике и других источниках не найдено четкого решения подобной проблемы. С одной стороны, истец также может выбрать способ защиты, однако зачастую суды отказывают в удовлетворении таких исков, и как причину подобного отказа называют выбор ненадлежащего способа защиты. Поэтому можно сказать, что данный вопрос в российском гражданском праве урегулирован не до конца. Как решение этой задачи можно назвать два способа: это либо предоставление свободы в выборе основания возникновения требования у истца, как это происходит в Германии, либо применение специальной нормы, которая и будет устанавливать способ защиты, а при наличии конкуренций требований и деликтного, и договорного обязательства, установить преимущество на одно из них. Скорее, будет целесообразнее в данном случае выбрать договорную сторону, так как при договорном регулировании требования изложены более четко и подробно.

В отличие от российского права, где вина причинителя вреда (*Verschulden*) в обязательственном (п. 2 ст. 401 ГК РФ) и в деликтном (п. 2 ст. 1064 ГК РФ) праве предполагается, в немецком праве она предполагается только в договорных правоотношениях (§ 280 п. 1 предл. 2 ГГУ).

Бремя доказывания (Beweislast) по общему правилу несет потерпевший (Geschädigter). Однако законом предусматриваются случаи, когда вина предполагается (§§ 831, 832, 833 предл. 2, 834, 836-838 ГГУ), либо же ответственность может наступить и без вины (§ 7 п. 1 Закона о дорожном движении [5], § 1 Закона об ответственности изготовителя товаров [6] и др.). Помимо этого, встречаются и случаи, когда бремя доказывания лежит на причинителе, так как в некоторых ситуациях потерпевший не может понять и оценить внутренние процессы причинителя. Такие случаи были разработаны в судебной практике, например это встречается в случае ответственности производителя (Produzentenhaftung). Также стоит упомянуть, что к вине стороны в договоре приравнивается вина лиц, помогавших исполнить договор (Erfüllungsgehilfe, § 278 ГГУ), а в деликтном праве вина лиц, которые действовали в интересе и следовали указаниям поручителя (Verrichtungsgehilfe, § 831 ГГУ), не вменяется, а ответственность наступает только за собственные виновные действия при их выборе или при осуществлении контроля за ними.

Вышеизложенное подчеркивает необходимость обстоятельного рассмотрения вопроса о вине в деликтном праве Германии и России. Факт ее присутствия здесь представлен следующим образом. Противоправное нарушение немецкого законодательства только тогда влечет за собой обязанность возместить вред, если оно было совершено виновно. Вина (Verschulden) в немецком гражданском праве выражается в умысле (Vorsatz) и неосторожности (Fahrlässigkeit). При этом речь идет о вине непосредственно нарушителя. Согласно преобладающему мнению в немецком гражданском праве, умысел также включает в себя и незаконность, противоправность деяния, что приводит к тому, что любое неправильное представление о незаконности приводит к его исключению и возможности привлечения к ответственности только по неосторожности. Неосторожность, как и в российском законодательстве, также бывает двух типов (хотя здесь представлены несколько иные формулировки): простая и грубая (leichte und grobe Fahrlässigkeit). Неосторожно действует лицо, которое пренебрегает необходимой заботливостью или осмотрительностью. В данном случае речь идет об объективной шкале, то есть о том, какое внимание и осмотрительность нужно было проявить в той или иной ситуации. В соответствии с этим определяется, мог ли преступник, проявив необходимую заботливость и осмотрительность, предвидеть угрозу причинения вреда и предотвратить его.

В российском гражданском праве «вина – это условие ответственности за гражданское правонарушение: неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, незаконная сделка, причинение имущественного вреда и т. д.» [1]. Вывод о том, что вина является условием гражданской ответственности, отражен в действующем гражданском законодательстве [3]. Согласно пункту 2 статьи 1064 ГК РФ «лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине». Это правило указывает на то, что при причинении вреда (совершении правонарушения) возникает ответственность за деликт (основание для ответственности), однако принятие такой ответственности невозможно при отсутствии вины, то есть так делинквент освобождается от гражданской ответственности. Вина, как и в немецких законах, всегда выражается в форме умысла или неосторожности (это положение указано в ст. 401 ГК РФ).

Если говорить об институте совместного причинения вреда, то стоит упомянуть, что в обеих законодательных системах лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно (ст. 1080 ГК РФ и § 830 ГГУ). По заявлению потерпевшего и в его интересах суд вправе возложить на лиц, совместно причинивших вред, ответственность в долях.

В соответствии с российским гражданским законодательством обязанность возмещения ущерба может быть возложена на лицо, не являющееся причиной ущерба. Примером является неправомерное участие недееспособных и несовершеннолетних, предусмотренное ст. 1073–1076 ГК РФ. Например, если малолетний (лицо в возрасте до 14 лет) выступает в качестве причинителя вреда, то его родители (усыновители) или опекуны несут ответственность за причиненный им вред, если они не докажут, что вред причинен не по их вине. Также в случае, если несовершеннолетний ребенок в возрасте от 14 до 18 лет не имеет дохода или иного имущества, достаточного для компенсации вреда, ущерб должен быть возмещен полностью или частично его родителями (усыновителями) или опекуном, если они не докажут, что вред был причинен не по их вине.

В немецком гражданском праве в соответствии с § 829 ГГУ (а также и § 832), в котором содержится обязанность возмещения вреда по соображениям справедливости, также подразумевается возмещение вреда, которое может быть возложено на третье лицо, обязанное осуществлять надзор за несовершеннолетними, глухонемыми, лицами, находящимся в бессознательном состоянии или в состоянии болезненного расстройства психической деятельности, исключаящем

сознательное волеизъявление (§§ 827, 828 ГГУ). Таким образом, регулирование института возмещения вреда третьими лицами, не являющимися причиной нанесения ущерба, в российском и немецком законодательстве схоже. Однако в германском правовом регулировании мы можем увидеть, что условия изложены более подробно и детально, что в целом является характерной чертой законодательства Германии.

Касаясь вопроса наличия специальных деликтов, можно выделить как схожие черты, так и различия. Во-первых, и в российском, и в немецком законодательстве предусмотрены такие категории специальных деликтов, как крайняя необходимость (Notwehr) (ст. 1067 ГК РФ и §§ 228, 904 ГГУ) и необходимая оборона (Notstand) (ст. 1066 ГК РФ и § 227 ГГУ). Но в Германском гражданском уложении, помимо вышеперечисленных категорий, также выделяются самопомощь (Selbsthilfe) (§ 229 ГГУ) и согласие потерпевшего (Einwilligung). На основе этого можно сделать вывод, что положения деликтного права, касающиеся регулирования специальных деликтов, более широко представлены в Германии, чем в гражданском законодательстве России.

Также во многих мировых юрисдикциях предусматривается строгая (невиновная) ответственность за ущерб, причиненный продукцией, животными, огнем, опасными видами деятельности, о которых нельзя не упомянуть. Таким образом, в случае Германии строгая ответственность возлагается на субъектов, которые осуществляют виды опасной деятельности, перечисленные в специальном законодательстве. Другие правовые системы в гражданском праве предусматривают открытый перечень видов деятельности, представляющих повышенную опасность, субъекты которых несут ответственность независимо от вины (пусть, по которому пошел российский законодатель).

Таким образом, в данной статье был проведен сравнительно-правовой анализ деликтного права России и Германии. Выявлены отличия, сходства, характерные черты деликта в правовых системах данных государств. Несмотря на принадлежность к семье романо-германского права, обе системы в определенной мере отличаются друг от друга. Немецкий законодатель, в отличие от российского, отказался от системы генерального деликта. Также он допускает наряду с нормами о договорных отношениях применение норм о деликтных отношениях, что приводит к необходимости введения дополнительных механизмов для предотвращения обхода ограничений обязательственного права с помощью де-

ликтной ответственности. Помимо этого, Германское гражданское уложение содержит более конкретные формулировки правовых норм, детальнее изложены условия их применения. Это в то же время позволяет исключить пробелы в регулировании, которые могут возникнуть при правовом регулировании гражданских правоотношений.

Правовое регулирование любого института права – это сложный, комплексный, системный процесс. Безусловно, в каждом государстве оно представлено по-разному в силу внутренних механизмов развития общества. На примере регулирования деликтного права в России и в Германии нами было проиллюстрированы подобные различия. Однако вследствие рецепции данными государствами многих положений римского права мы обнаруживаем, что некоторые аспекты правового регулирования (особенно в гражданском праве) одинаковы, что в российской правовой системе, что в германской. Роль такого элемента правонарушения, как вина, наличие специальных деликтов, регулирование совместного причинения вреда и множество других элементов института деликтного права подобны друг другу в немецком и в российском праве.

Каково значение подобного родства между правовыми системами двух этих государств? На наш взгляд, оно имеет в основном положительные черты. Связь двух государств в данном аспекте, взаимодействие которых обусловлено множеством факторов (экономические, геополитические, социальные и др.), и которые являются одними из ведущих на международной арене странами, способствует взаимопониманию и успешному сотрудничеству государств в различных областях деятельности.

Библиографический список

1. Волкова Е. А. К вопросу определения вины в гражданском праве / Е. А. Волкова, Л. Р. Барашян // Молодой ученый. 2015. № 12 (92). С. 583–586.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Гражданское уложение Германии (Deutsches Buergerliches Gesetzbuch mit Einfuehrungsgesetz): пер. с нем. В. Бергман [Электронный ресурс]. URL:

<http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/1900-Гражданское-уложение-1.pdf>
(дата обращения: 18.03.2021).

5. Закон о дорожном движении на немецком языке. Straßenverkehrsgesetz (StVG) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stvg/> (дата обращения: 17.03.2021).

6. Закон об ответственности изготовителя товаров на немецком языке. Gesetz über die Haftung für fehlerhafte Produkte (ProdHaftG) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/prodhaftg/ProdHaftG.pdf> (дата обращения: 17.03.2021).

7. Суханов Е. А. Обязательства из причинения вреда // Гражданское право. М., 2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://be5.biz/pravo/g016/67.html> (дата обращения: 18.03.2021).

8. Французский гражданский кодекс: законы и законодательные акты / Ассоц. «Юрид. центр»; Ред. Д. Г. Лавров; Пер. А. А. Жукова, Г. А. Пашковская. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

9. Шмагин А. Основы немецкого деликтного права // Deutsch-Russische Juristenvereinigung. Германо-Российская ассоциация юристов. Сборник статей о праве Германии. 2015. № 1. С. 126–144.

УДК 349.6

**ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ**

Галкина Д. В., магистрант 1 курса юридического факультета

Научный руководитель: Агибалова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей наступления гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения, разрешения вопросов возмещения экологического вреда. В статье раскрываются понятия «экологического правонарушения», виды экологического вреда, правовые особенности его возмещения.

Ключевые слова: право на благоприятную окружающую среду, возмещение вреда, причиненного экологическим правонарушением, гражданско-правовая, эколого-правовая ответственность.

**CONCEPT AND LEGAL WAYS OF COMPENSATION FOR DAMAGE
CAUSED BY ENVIRONMENTAL OFFENSES**

Galkina D. V., 1th year master's student of the Law Faculty

Supervisor: Agibalova E. N., Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This article is devoted to the consideration of the features of the onset of civil liability for environmental offenses, the resolution of issues of compensation for environmental harm. The article reveals the concept of «environmental offense», types of environmental harm, legal features of its compensation.

Keywords: the right to a favorable environment, compensation for harm caused by an environmental offense, civil, environmental and legal responsibility.

Являясь трансконтинентальным, крупнейшим по территории государством, Российская Федерация обладает широким запасом природных ресурсов, что в свою очередь порождает огромное количество природопользователей.

Политика современного Российского государства направлена на обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина, в том числе экологических.

Одним из главных, первостепенных экологических прав каждого человека, является право на благоприятную окружающую среду, которое устанавливается, наряду с главным источником права РФ, международными актами [1, 2, 3].

Конституция РФ, гарантирует каждому человеку и гражданину право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Однако для понимания как осуществляется реализации права на возмещение вреда причиненного экологическим правонарушением, необходимо дать трактовку самому понятию «экологическое правонарушение», отграничить его от множества других видов правонарушений, необходимо четкое определение, трактование понятия, данного Конституцией, «благоприятная окружающая среда», а также следует выделить конкретные правовые способы возмещения вреда причиненного в результате совершения экологического правонарушения.

Федеральным законом «Об охране окружающей среды» [4] установлено, что благоприятная окружающая среда есть окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. Качественное состояние окружающей среды определяется законодательно установленными нормативами, определяемыми по различным показателям (биологическим, химическим, физическим и др.).

Современный темп развития научно-технической сферы ведет к появлению объектов оказывающих негативное воздействие на окружающую среду (речь идет о появлении объектов промышленности, новых видов энергии, оказывающих воздействие, сложных технологических процессах и т.д.).

Негативное воздействие – воздействие хозяйственной и иной деятельности, последствия которой приводят к негативным изменениям качества окружа-

ющей среды, то есть причинение вреда окружающей среде, и как следствие, зачастую, данное воздействие может повлечь причинение вреда жизни и здоровью граждан.

Таким образом, можно вывести понятие «экологического правонарушения». Экологическое правонарушение – действие (бездействие) природопользователя направленное на несоблюдение установленных нормативов качества окружающей среды, влекущее за собой причинение вреда природным компонентам, а также объектам материального мира.

Нарушение норм природоохранного законодательства влечет определенные правовые последствия для правонарушителя. Так, согласно Федерального закона «Об охране окружающей среды» за нарушение таких норм, в зависимости от обстоятельств (объекта посягательств, определенных последствий, в т.ч. размера причинённого вреда), может устанавливаться ответственность четырех видов: имущественная; дисциплинарная; административная; уголовная.

Имущественная (в научной литературе встречается как гражданско-правовая, реже – эколого-правовая) ответственность является объектом дискуссий цивилистов.

В целях эффективного применения мер гражданско-правовой ответственности к нарушителям норм экологического права в первую очередь необходимо выявить ее отличия от иных мер государственного принуждения:

- относится к частноправовой ответственности;
- основывается на нормах, закрепленных в Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 15 и глава 59) и Федеральном законе «Об окружающей среде»;
- имеет компенсационную функцию, назначение которой – восстанавливать нарушенную пропорцию распределения экономических благ;
- основанием привлечения является причинение вреда в результате умаления, ухудшения или уничтожения природных благ [5].

Нередко в своих научных статьях юристы экологи, указывают на пересечение экологических отношений с гражданско-правовыми. Данные пересечения возникают в результате того, что природные объекты, такие, например как земля, водные объекты относятся к объектам, включенным в гражданский оборот. Предоставление определенных прав граждан на объекты природы (окружающей среды) порождает и обязанность граждан по надлежащему их использованию, а при нарушениях возникает определенная ответственность.

Вопрос о возмещении вреда, причиненного экологическим правонарушением, регулируется нормами гражданского, экологического, финансового права и иных отраслей Российской системы права.

Ввиду указанных обстоятельств формируется понятие «экологический вред», представляющее собой собирательное понятие, включающее в себя два вида «вреда»:

1) первичный вред представляет собой такой вред, который причинен объектам (компонентам) окружающей среды (недрам, почве, водным и лесным объектам и т. д.);

2) производный (вторичный) – причиненный жизни и здоровью или имуществу граждан и (или) юридических лиц, в результате воздействия загрязненной окружающей среды. Данный вид экологического вреда в научной литературе называют «экогенный вред» [6, с. 294].

Возникает ряд вопросов относительно возмещения каждого из видов вреда: кто является субъектом правонарушения, к которому может быть применена гражданско-правовая ответственность, что является основанием для ее возникновения?

Так, в соответствии с нормами гражданского и экологического законодательства субъектами, привлекаемыми к данному виду ответственности, могут быть как физические, так и юридические лица в случаях установления факта их вины в причинении вреда объектам окружающей среды.

Ряд цивилистов полагает, что гражданско-правовая ответственность имеет главную роль в обеспечении стабильности имущественных отношений. При этом гражданско-правовая диспозитивность должна совмещаться с императивностью норм [7, с. 110; 8, с. 471].

Часть правоведов считает, что гражданско-правовая ответственность аналогична эколого-правовой, иные выдвигают различные теории о самостоятельности эколого-правовой ответственности. Основные аргументы данной позиции сводятся к следующему: экологические интересы носят преимущественно публично-правовой характер; природа, как правило, находится в публичной, государственной собственности; жизнь, здоровье, носят не только частный, но и публичный интерес [9]; вред окружающей среде причиняется вне рамок гражданского правоотношения [10. С. 55], внимание акцентируется на примере возмещения вреда, причиненного имуществу человека, вследствие различного рода загрязнения окружающей среды, – указывается, что оно должно осуществляться

исключительно по правилам гражданского законодательства [9], что ярко иллюстрирует различие этих двух видов материальной ответственности.

На наш взгляд, все-таки гражданско-правовая и эколого-правовая ответственности, хоть и основаны на компенсационной функции, но являются собой два самостоятельных вида материальной ответственности.

При таких обстоятельствах целесообразней термин «вред» относить к гражданскому праву и применять его при возмещении вреда, причиненного здоровью и (или) имуществу, вследствие экологического правонарушения. Касаясь же термина «ущерб», здесь следует определить сферу применения именно в экологическом праве за нанесение ущерба окружающей среде и ее компонентам вследствие совершения правонарушений природоохранного законодательства.

На федеральном уровне в законодательстве РФ вред окружающей среде определен как негативное влияние на окружающую среду, что в дальнейшем влечет ее изменения в худшую сторону в целом, а также деградацию экосистем и истощение ресурсов. Таким образом, вред причиняется не конкретному имуществу, а природной среде. Следовательно, основной целью такой меры гражданско-правовой ответственности как возмещение вреда является восстановление ее первоначального состояния на столько, насколько это возможно.

Практика показывает, что зачастую достичь поставленной цели не представляется возможным, так как невозможно определить размер вреда, причиненного природной среде в связи с наличием следующих причин [11]:

1. Отсутствие заранее установленной цены на природные объекты (вода, почва, экологические системы, флора, фауна и т.д.);
2. Возможность проявления негативных последствий для окружающей среды не сразу, а спустя некоторое время;
3. Размер ущерба, рассчитанный согласно утвержденным методикам и таксам, как правило, существенно занижает реальный.

В ст. 1064 ГК РФ установлена обязанность лица, причинившего вред, возместить его в полном объеме.

Пунктом 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» установлено: «Непривлечение лица к административной, уголовной или дисциплинарной ответственности не исключает возможности возложения на него обязанности по возмещению вреда окружающей среде. Равным образом привлечение лица к административной, уголовной

или дисциплинарной ответственности не является основанием для освобождения лица от обязанности устранить допущенное нарушение и возместить причиненный им вред» [12].

Порядок компенсации ущерба окружающей среде регламентирован ст. ст. 77 и 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды». Законодатель в указанных нормах заложил несколько возможных порядков возмещения вреда, а именно – добровольны или по решению суда (суда общей юрисдикции или арбитражного). Размер же такого вреда зависит от фактического размера затрат на восстановление окружающей среды. Вместе с тем возможно на основании ст. 78 Федерального закона № 7-ФЗ возложить обязанность по возмещению ущерба окружающей среде за счет правонарушителя согласно проекту восстановительных работ. В случаях же, если правонарушителем является юридическое лицо либо предприниматель, возместить ущерб он обязан согласно утвержденным таксам и методикам вычисления вреда, причинённого окружающей среде, либо в сумме фактических затрат на восстановление.

Как следует из буквального толкования ст. 1064 ГК РФ и судебной практики по привлечению к ответственности за экологические правонарушения, к основаниям для возложения обязанности возместить вред, нанесенный окружающей среде на правонарушителя, относится, во-первых, совершение лицом виновного противоправного действия в отношении окружающей среды, во-вторых, установление судом факта нанесения лицом своим действием вреда природным ресурсам и, в-третьих, обязательным условием является наличие причинно-следственной связи между совершенным правонарушением и причиненным вредом.

Таким образом, на основании вышеизложенного необходимо сделать вывод о том, что мерой эколого-правовой ответственности является возмещение убытков лицом, в результате действий которого природной среде был причинен ущерб. Данная позиция также находит свое подтверждение в определении Конституционного Суда РФ от 4 октября 2012 года № 1833-О [13].

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере природопользования, а также в области охраны окружающей среды, является Росприроднадзор.

Так, например, в рамках возложенных полномочий территориальным органом Росприроднадзора по Астраханской и Волгоградской областям совместно с природоохранной прокуратурой г. Волгоград выявлен факт причинения ущерба Волгоградскому затону вследствие затопления дебаркадера «Баламут»

на участке акватории по левому берегу р. Волги. Физические лица (два собственника судна) привлечены к административной ответственности по ч. 6 ст. 8.2 КоАП РФ за ненадлежащее владение и пользование объектом, повлекшие за собой причинение вреда окружающей среде. Нахождение в негодном техническом состоянии Судна создает угрозу безопасности судоходства при эксплуатации судов на участке акватории Краснослободского затона, загрязняет водный объект, на основании чего Росприроднадзором, в соответствии с п. 17 приказа министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 13 апреля 2009 г. № 87 «Об утверждении методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства» рассчитан ущерб, причиненный водному объекту, затонувшим судном (дебаркадер «Баламут») в размере 82 482 180 руб. Вышеуказанный размер вреда направлен в адрес собственников дебаркадера для оплаты в добровольном порядке [14]. Однако, требование не исполнено, что явилось основанием для обращения государственного органа с исковым заявлением в Центральный районный суд г. Волгограда. Решением суда требования федерального органа исполнительной власти удовлетворены в полном объеме.

Как показывает практика, суды довольно часто применяют нормы гражданского законодательства (ст. 15, 1064 и 1079 ГК РФ) при рассмотрении дел о правонарушениях, связанных с отказом добровольно возмещать нанесенный ущерб окружающей среде. Так, высшим судебным органом разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам, в своих судебных актах называет гражданский кодекс одним из первым в числе нормативных и правовых актов, регламентирующих вопросы возмещения вреда, причиненного окружающей среде [12], а возмещение вреда по утвержденным таксам и методикам признает повышенной имущественной ответственностью, предусмотренной гражданским законодательством, которая устанавливается с учетом не только материального вреда, но и экологических потерь.

Что касается возмещения вреда, причиненного здоровью и имуществу, вызванного загрязнением и иным воздействием на окружающую среду, можно выделить три основных способа.

Во-первых, возмещение такого вреда происходит путем экологического страхования. В настоящее время в Российской Федерации предусмотрено осу-

ществление двух видов экологического страхования – это обязательное экологическое страхование (ст. 18 ФЗ № 7) и добровольное. Добровольное страхование осуществляется на основании договора страхования и правил страхования [15], обязательное страхование – в силу закона.

Так, на сегодняшний день законодательством установлено обязательное страхование ответственности за причинение вреда при эксплуатации опасного производственного объекта [16]. Организация, эксплуатирующая опасный производственный объект, обязана страховать ответственность за причинение вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц и окружающей природной среде на случай аварии на опасном производственном объекте.

Гражданин может застраховать свое здоровье от риска причинения вреда вследствие неблагоприятного изменения окружающей среды (например, непредвиденного загрязнения), так же гражданин может быть застрахован как работник предприятия, организации, которые отнесены к категории источников повышенной опасности. При причинении вреда здоровью в данном случае гражданину выплачиваются страховые выплаты. Однако необходимо отметить, что экологическое страхование в настоящее время применяется крайне редко, хотя его правовые основы закреплены на законодательном уровне. Развитие института экологического страхования – это вопрос времени, и его полноценная реализация пока видится лишь в перспективе на будущее.

На текущем временном этапе отсутствуют правовые основания для установления и введения в действие обязательного экологического страхования для всех субъектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. Компаний, которые в добровольном порядке застраховали свои экологические риски крайне мало. Причиной являются отсутствие средств необходимых как для предотвращения и ликвидации негативных последствий, так и средств необходимых для компенсации вреда пострадавшим и возмещения убытков. Нехватка средств выявляется не только у предприятий и организаций, являющихся источником ущерба, но и у самого государства.

Во-вторых, вред может быть возмещен в административном порядке. На законодательном уровне закреплен административный порядок возмещения причиненного здоровью вреда. Для этого уполномоченный орган публичной власти выносит решение, которым определяются конкретные категории граждан, уполномоченных на получение государственной поддержки. Государственная поддержка реализуется в нескольких формах, а именно в форме денежной вы-

платы, и /или в форме социальных льгот. По временному характеру государственная поддержка характеризуется как единовременная, либо носящая длительный характер.

Ярким примером административного порядка возмещения вреда является федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» устанавливает, что, в случае чрезвычайных ситуаций лицо, которому причинен вред здоровью и (или) имуществу, имеет право на его возмещение.

В качестве наглядного примера возложения обязанности государства по оказанию мер социальной поддержки в различных формах, может служить поддержка государства гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне.

Также, в качестве примера можно привести меры социальной поддержки государства гражданам, проживающим в санитарно-защитных зонах аэропортов. Устройство самих санитарно-защитных зон предусмотрено именно для установления минимальных расстояний до жилой застройки с целью исключения негативного воздействия (вибрации атмосферного воздуха (шума)) на здоровье граждан. Юридически не допускается размещение жилой застройки в санитарно-защитных зонах, и не только это касается аэропортов, но и линий высоковольтных передач вызывающих электромагнитное напряжение и негативно воздействующее на здоровье человека.

Так, например, в 2019 г. в аэропорту «Шереметьево» в результате укрупнения, увеличения пассажиропотока, аэропортом была введена в действие третья взлетно-посадочная полоса. Прилегающие деревни, вблизи аэропорта оказались в зоне санитарно-защитных полос и подлежали расселению. Для этого Правительством РФ была выделена субсидия из федерального бюджета федеральному государственному унитарному предприятию «Администрация гражданских аэропортов (аэродромов)». Субсидия была направлена на выполнение работ по сносу зданий и возмещения убытков проживающим на территориях, попавших в санитарно-защитную зону. Однако, в настоящее время, ввиду не достаточности финансирования, несмотря на принятые государством меры государственной поддержки расселение жителей из санитарно-защитной зоны не завершено, хотя и юридически в санитарно-защитных зонах не допускается размещения жилой застройки. Фактически расселение жителей продолжалось и в 2020 г. [17].

Выделение субсидий в данном случае следует рассматривать как защиту прав граждан на проживание в благоприятной окружающей среде, так и охрану здоровья.

Третьим способом возмещения вреда является судебное разбирательство.

В соответствии с общими правилами судопроизводства, обратиться в суд с исковым заявлением о причинении вреда может сам потерпевший либо его законный представитель.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» в статьях 11-12 определяет круг субъектов, обладающих правом на подачу такого заявления. Так, установлено, что правом наделены граждане (такое право у них возникает независимо от причинения вреда их здоровью), а также общественные объединения и некоммерческие организации в области охраны окружающей среды.

Как в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», так и в теории права, акцент делается именно на видах вреда без указания на его экономическую составляющую, которая представлена гражданским законодательством. Однако, в постановлении Пленума ВС РФ № 21 данный пробел в законодательстве устраняется. Судом, со ссылкой на ст. ст. 1069, 1085 ГК РФ, указывается, что возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, осуществляется с учетом утраченного потерпевшим заработка (дохода), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенных расходов, вызванных повреждением здоровья, в том числе расходов на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств и других расходов (п. 34).

Если гражданин, пострадавший от неблагоприятного воздействия окружающей среды, претендует на возмещение вреда здоровью или имуществу, в его обязанности доказать наличие вреда, а также причинной связи такого вреда и совершенного правонарушителем экологического проступка.

Другими словами, потерпевший должен доказать следующие юридически-значимые факты:

1. Наличие экологического правонарушения. Доказательствами первого факта будут постановления постановление о назначении административного наказания, а также иные акты реагирования государственных органов: предписания, предостережения, представления.

2. Наличие вреда. Факт причинения вреда может быть зафиксирован актами компетентных органов исполнительной власти (например, акты проверок и рейдовых осмотров).

3. Факт причинения вреда здоровью и имуществу гражданина. В доказательство этого пункта потерпевший может использовать справку о состоянии

здоровья (больничный лист), документ подтверждающий приобретение лекарств, продуктов питания и т.д.

Наряду с возмещением имущественного вреда за совершение экологических правонарушений, согласно положениям ГК РФ, граждане, чьи права на благоприятную окружающую среду были нарушены, имеют также право на компенсацию морального вреда. В данном случае снова видим несоответствие регулирования ответственности за нарушения экологического законодательства между Федеральным законом № 7-ФЗ и ГК РФ в части отсутствия в специальном законе норм о компенсации экологического морального вреда.

Несмотря на это лица, чьи права были нарушены, не утрачивают права на получение компенсации. При разрешении подобного рода споров суды, как правило, руководствуются ст. 151 и гл. 59 ГК РФ. При этом основанием для компенсации является установление факта причинения вреда здоровью в результате негативного воздействия на экологию.

4. Причинно-следственная связь между негативным воздействием окружающей среды и самим вредом.

Данный предмет доказывания является наиболее сложным. Необходимо доказать факт нахождения лица в месте, где был причинен вред природе. Здесь возможно предоставление справки с места работы, места жительства и т. д., подтверждающей, что потерпевший в данное время находился в данном месте, следовательно, подвергался вредному воздействию окружающей среды. Также при установлении причинно-следственной связи могут использоваться в качестве доказательств, например, результаты испытательных лабораторий и заключения эксперта. Суду будет необходимо выяснить, не вызваны ли такие последствия иными факторами, в том числе естественно-природными, и не наступили ли они вне зависимости от совершенного правонарушения, а также не совершены ли противоправные деяния в состоянии крайней необходимости.

Осуществленный анализ гражданского и экологического законодательства, а также правоприменительной практики позволяет прийти к определенным выводам:

- нарушение норм природоохранного законодательства приводит к причинению ущерба окружающей среде, вреда здоровью человека и (или) ущерба его имуществу;

- вред, причиненный природным объектам, обладает существенной спецификой по сравнению с вредом, причиненным иным объектам гражданского

права. При определении экологического вреда подлежат возмещению не только материальные, но и экологические потери;

- основная задача мер гражданско-правовой ответственности – совместно с нормами экологического права обеспечить право каждого гражданина, гарантируемого ему Конституцией Российской Федерации на благоприятную окружающую среду и формирования устойчивого развития государства.

В заключение хотелось бы отметить, что исследование правовой природы экологических правонарушений показало, что в результате их совершения могут наступать различные последствия, одним из которых является экологический вред, обладающий достаточно сложной структурой. Учитывая то, что объекты экологических правоотношений обладают специфичными особенностями, характерными исключительно им при регулировании отношений с ними, как правило, возникает необходимость применения как норм экологического права, так и норм гражданского права.

Основная задача мер гражданско-правовой ответственности – совместно с нормами экологического права обеспечить право каждого гражданина, гарантируемого ему Конституцией Российской Федерации на благоприятную окружающую среду и формирования устойчивого развития государства.

Библиографический список

1. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. / Организация Объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 21.05.2021).

2. Всемирная хартия природы: принята резолюцией 37/7 Генеральной Ассамблеи от 28 октября 1982 года / Организация Объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (дата обращения: 21.05.2021).

3. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды: принята Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды от 16.06.1972 / Организация Объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declathenv.shtml (дата обращения: 21.05.2021).

4. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ // Российская газета. 2002 г. № 0(2874). Ст. 1.

5. Негодаева Е. Г. Проблемы привлечения к гражданско-правовой ответственности за экологические правонарушения // Юрист-Правоведь. 2020. № 2 (93). С. 7–11.

6. Бринчук М. М. Экологическое право / М. М. Бринчук. М.: Высшее образование, 2005. 472 с.

7. Боголюбов С. А. Особенности юридической ответственности в системе экологических правоотношений // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 105–119.

8. Берназ Л. П., Жочкина И. Н., Кичигин Н. В. и др. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный) / отв. ред. Н. И. Хлуденева. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2018. 528 с.

9. Бринчук М. М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности // Lex Russica. 2016. № 6. С. 26–47

10. Бринчук М. М., Боголюбов С. А., Болтанова Е. С. [и др.]. Возмещение экологического вреда – предмет эколого-правовой ответственности // Правовое регулирование возмещения экологического вреда: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. В. Кичигин. М.: ИНФРА-М; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. 368 с.

11. Хлуденева Н. И. Правовые пределы имущественной ответственности за вред окружающей среде // Журнал российского права. 2019. № 3.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

13. Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1833-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Райм Алексины Альбертовны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-04102012-n-1833-o-ob> (дата обращения: 21.05.2021).

14. URL: <https://rpn.gov.ru/>.

15. Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1 // Российская газета. 1993. № 6.

16. Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21.07.1997 № 116-ФЗ // Российская газета. 1997 г. № 145.

17. Власти Подмосковья не успели расселить за 2019 год жителей деревень вблизи новой полосы Шереметьево // ТАКИЕ ДЕЛА. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/01/10/ne-uspeli-rasselit/> (дата обращения: 21.05.2021).

УДК 347.51

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МОЗГОВЫХ ИМПЛАНТАТОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

Ивченко Н. И., студент 3 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Белова О. А.**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу одного из основных институтов в сфере гражданско-правовых отношений, а именно обязательств вследствие причинения вреда относительно технологии мозговых имплантатов. В результате исследования устанавливаются основные гражданско-правовые нормы, которые бы применялись в случаях причинения вреда в связи с мозговыми имплантатами, а также особенности подобного причинения.

Ключевые слова: мозговые имплантаты, нейростимуляторы, вред, гражданско-правовая ответственность, инновационные медицинские технологии, медицинский работник, медицинское учреждение, пациент.

SOME PROBLEMS OF CIVIL LEGAL REGULATION OF BRAIN IMPLANTS RELATING TO THE CAUSES OF HARM

Ivchenko N. I., 3th year student of the Faculty of Law

Supervisor: **Belova O. A.**, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of one of the main institutions in the field of civil law relations, namely, obligations due to harm caused by the technology of brain implants. As a result of the study, the main civil law norms are established that would be applied in cases of harm caused in connection with brain implants, as well as the features of such an infliction.

Keywords: brain implants, neurostimulants, harm, civil liability, innovative medical technologies, medical worker, medical institution, patient.

Принятие Гражданского кодекса РФ на современном историческом этапе предопределило начало нового периода гражданско-правовых отношений во всех сферах общественной жизни. Однако медицина является одной из тех немногих областей, где нормы нового гражданского законодательства не успевают за современными медицинскими разработками и технологиями.

Современная медицина ставит излечение заболеваний человечества на совершенно иной уровень, в виду чего исследование обязательств вследствие причинения вреда относительно применение мозговых имплантатов, как наиболее перспективного метода лечения таких заболеваний как болезнь Паркинсона, клиническая депрессия, эссенциальный тремор, обсессивно-компульсивное расстройство и др.

Подобные технологии часто требуют изменения существующих на сегодняшний день правовых предписаний. По нашему мнению, законодателю стоит задуматься о том, как поведение человека с мозговым имплантатом будет квалифицироваться с точки зрения права, прежде чем применение указанного метода станет общепринятой деятельностью и будет предметом обсуждения в судебной практике, в частности кто будет нести ответственность за вред, причиненный подобным пациентом. Возможно, уже в скором времени из зала судебного заседания будут доноситься такие слова: «Это не моя вина, это мой мозговой имплантат»!

Следовательно, один из самых важных и существенных вопросов относительно правового регулирования обязательств вследствие причинения вреда в отношении мозговых имплантатов, звучит так: «Кого винить, если что-то пойдет не так?»

Представим, что некий гражданин при управлении транспортным средством испытал острое желание направить автомобиль прямо на остановку общественного транспорта, полную людей. В итоге это привело к тому, что несколько людей получили тяжелые повреждения, а остановка была полностью разрушена. В ходе расследования обнаружилось, что у такого гражданина стоял мозговой имплантат для лечения обсессивно-компульсивного расстройства. Кроме того, по признанию самого лица, в месте, куда он направил свой автомобиль, никакой остановки общественного транспорта не было.

На основании того обстоятельства, что технологии, которые в современном обществе развиваются со скоростью, возрастающей с геометрической прогрессией, такой случай заставляет задуматься о вопросах ответственности гражданина с мозговым имплантатом перед законом. Стоит ли винить исключительно самого пациента? Можно ли возложить вину на мозговой имплантат как устройство, или на инженеров, которые его разработали, или возможно на производителя? А может, на нейрохирурга, который вживил подобный аппарат, или на невролога, который его запрограммировал? На сегодняшний день конкретных ответов на указанные вопросы дать невозможно.

Согласно общепринятым представлениям, ответственность перед законом самостоятельно несет лицо, которое поступает согласно своим умозаключениям и желаниям, ибо оно имеет возможность противостоять внешним силам, которые могут их исказить. Вместе с тем с развитием технологий мозговых имплантатов, все больше людей присоединяется к работе с ними.

Такие технологии, оказывающие глубокое воздействие на поступки человека заставляет задуматься, в какой степени пациент с таким прибором сможет контролировать свое поведение. Ведь если имплантат влияет на поступки человека, значит ли это, что он подрывает его самостоятельность? И если подрывает, можем ли мы считать подобного пациента ответственным?

В соответствии с вышесказанным, попробуем определить какие положения гражданского законодательства, будут регулировать обязательства вследствие причинения вреда относительно пациентов с мозговыми имплантатами, а также их особенности.

Так, на сегодняшний день установка нейростимуляторов в России имеет под собой правовую базу, а значит, является законной. Чтобы дать квалификацию побочным эффектам лечения, надо ответить на вопрос, был ли информирован пациент о проведении ГСМ, согласился ли он с процедурой, зная о возможных последствиях подобной терапии. Также важно, указаны ли наступившие последствия в инструкции или иной документации производителя мозговых имплантатов.

В возмещении вреда может быть отказано, если вред будет причинен по просьбе или с согласия пациента с мозговым имплантатом. Анализ судебной практики показывает, что наличие информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство имеет существенное значение при вынесении решения суда по возмещению морального вреда.

Следовательно, суд при принятии решения об обоснованности претензии пациента с мозговым имплантатом о нанесенном ему моральном вреде должен

будет исходить из того, был ли пациент проинформирован о методе лечения ГСМ, возможных осложнениях, последствиях лечения заранее – т.е. до момента начала лечения и дал ли пациент информированное добровольное согласие на такое лечение.

Не менее важным будет выяснение причин появления побочных эффектов. Так, если пациенту в рамках проведения терапии методом ГСМ было запрещено управлять автотранспортным средством, но он все равно сел за руль и спровоцировал ДТП, то его, вероятнее всего, привлекут к ответственности, если будет доказана причинно-следственная связь между совершенным правонарушением, ГСМ и наступившими последствиями, что созвучно и положению ст. 1083 ГК РФ [1].

Тем не менее, из этого правила возможны и исключения. Например, если пациент в рамках проведения терапии методом ГСМ, принял врачей за рок музыкантов или космонавтов то, скорее всего, такое лицо признают невменяемым.

Представляется, что есть возможность привлечения медицинской организации к ответственности вследствие причинения вреда согласно ст. 1079 ГК РФ даже в случае отсутствия с ее стороны нарушений в виду причинения вреда, который исходит от источника повышенной опасности - мозгового имплантата.

Но судебная практика на основе указанной нормы неоднозначна и ее применение возможно к медицинским организациям в связи с другими вмешательствами, а не только при ГСМ.

В настоящее время в правовой литературе отмечается, что основной формой ответственности медицинского учреждения является возмещение убытков, и что часто ненадлежащая медицинская деятельность влечет за собой и моральный вред [2, с. 21].

В виду этого, можно сделать вывод, что пациент с мозговым имплантатом в силу ненадлежащей деятельности медицинской организации будет иметь право требования компенсации морального вреда к соответствующей медицинской организации.

Наряду с этим, если будут доказаны нарушения со стороны врача – это еще не значит, что он или медицинская организация непременно будут нести ответственность за причинения вреда пациенту с мозговым имплантатом. Ведь изменения в психике подобного пациента могут быть не связаны с действиями врача при проведении метода ГСМ. Например, если пациент страдал болезнью Паркинсона, то в его случае психозы и галлюцинации это могут быть, как и естественное течение его заболевания, либо это могут быть побочные эффекты противосудорожных средств. Что именно стало причиной таких симптомов – ответ даст лишь судебная экспертиза.

Если причиной побочных эффектов или причинения вреда стали технические недостатки мозгового имплантата как товара, то ответственность будет возложена на его производителя, если он не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или несоблюдением со стороны пациента установленных правил пользования этим прибором. Причем отмечается, что персонально наказать исследователя или разработчика при этом нельзя.

Однако при определенных обстоятельствах в случае причинения вреда перед судом могут предстать несколько соответчиков, ответственность которых будет определена как долевая, а не солидарная, в виду того, что последняя подразумевает совместное причинение вреда при применении мозгового имплантата, что вряд ли сможет быть доказано.

Тем не менее, выводы о виновности, будь то медицинской организации, ее работников или даже самого пациента будут зависеть от обстоятельств конкретного дела и выводов судебных экспертиз.

Еще один повод задуматься – возможность преступного вмешательства в работу мозговых имплантатов, ведь исследовательские образцы имеют беспроводное подключение. В виду этой уязвимости, киберпреступники могут получить к ним доступ, чтобы использовать подобных пациентов в своих преступных целях, в том числе и в цели причинения вреда. На сегодняшний день отсутствует информация относительно злонамеренных вмешательств в работу мозговых имплантатов, т.к. исследования проводятся в лабораториях, однако уже известны случаи взлома имплантируемых кардиодефибрилляторов.

Отмечаются следующие потенциальные угрозы, связанные с использованием мозговых имплантатов, которые имеют возможность причинения вреда, в частности, это незащищенная инфраструктура с выходом в интернет, небезопасная передача данных между имплантатом, программным обеспечением и сетью, небезопасное поведение медицинского персонала и др.

Однако наряду с выявлением потенциальных угроз, связанных с использованием мозговых имплантатов в преступных целях, одновременно ведется работа по повышению уровня кибербезопасности мозговых имплантатов как технически сложных устройств. К числу мер по обеспечению безопасности мозговых имплантатов относят идентификацию пользователя, верификацию, а также управление доступом к устройству и др.

На сегодняшний день, затруднительно определить какие положения именно гражданского законодательства, будут регулировать обязательства

вследствие причинения вреда в виду преступного вмешательства в работу мозговых имплантатов через беспроводное подключение, решение этого вопроса лежит скорее в области уголовного законодательства.

Немаловажным вопросом является и определение формы правового регулирования обязательств вследствие причинения вреда в отношении мозговых имплантатов. Разумеется, что если, регулирование телемедицинских технологий допустимо осуществлять на основании приказа Минздрава, то регулирование вопроса о технологии, изменяющей сознание и поведение человека должно быть на законодательном федеральном уровне [3].

Представляется, что помимо анализа гражданско-правовых норм с целью возможности их практического применения по отношению к мозговым имплантатам, наиболее верным будет также принять отдельный закон, по аналогии с Законом РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [4] или внести соответствующие изменения в Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5].

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Токуев М. М. Гражданско-правовая ответственность медицинских работников за причинение вреда пациенту // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-otvetstvennost-meditsinskih-rabotnikov-za-prichinenie-vreda-patsientu> (дата обращения: 23.05.2021).

3. Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.05.2021).

4. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 62.

5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

УДК 347.4

**ДЕЛА, СВЯЗАННЫЕ С ПРИЧИНЕНИЕМ ЯТРОГЕННОГО ВРЕДА:
ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ПО СЛЕДАМ ОДНОГО
КОНКРЕТНОГО ДЕЛА**

Идрисов Х. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»; доцент кафедры правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный

Аннотация. Статья посвящена правовой характеристике вреда, причиненного жизни и здоровью человека в результате некачественного оказания медицинской помощи (услуги), так называемого «ятрогенного» вреда.

Анализ проблематики исследуемого вопроса проведен с опорой на действующие нормативно-правовые акты в указанной сфере, а также материалы судебной практики. Отдельно в рамках статьи приводится показательный анализ конкретного судебного дела, представителем по которому являлся автор данного научного исследования и в рамках которого нашли свое выражение ряд проблемных моментов, с которыми сталкиваются суды, при рассмотрении указанной категории дел. И данные проблемные моменты, выявленные автором, представляют из себя квинтэссенцию существующего подхода судебной практики в рамках всей совокупности дел, возникающих из причинения вреда жизни и здоровью в результате ятрогений.

Кроме того, в статье сформулированы авторские дефиниции таких понятий как: медицинская (врачебная) ошибка, ятрогенный вред, деликтные обязательства в медицинской сфере.

В заключение статьи сделан вывод о том, что так называемые «медицинские дела» требуют особого подхода при своём рассмотрении и разрешении судом с учетом обстоятельств, обозначенных в содержании приведенной работы. Более эффективное же их рассмотрение и принятие по ним объективных, справедливых решений возможно посредством реализации мер законодательного свойства, то есть закрепления в действующем законодательстве ряда легальных дефиниций, имеющих отношение к ятрогениям, введения специального состава преступления в нормы УК РФ и специального деликта в нормы части второй ГК РФ в сфере причинения вреда жизни и здоровью и человека.

Ключевые слова: ятрогения, ятрогенный вред, вред жизни и здоровью, врачебная (медицинская) ошибка, деликтные обязательства, Гражданский кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, моральный вред, компенсация вреда, гражданско-правовая ответственность, уголовная ответственность, юридическая ответственность.

CASES INVOLVING IATROGENIC HARM: FEATURES OF CONSIDERATION IN THE WAKE OF ONE PARTICULAR CASE

Idrisov H. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the department of civil law and process Chechen State University; Associate Professor of the Department of Legal Disciplines; Chechen State Pedagogical University, (Grozny)

Abstract. The article is devoted to the legal characteristics of the harm caused to human life and health as a result of poor-quality medical care (services), the so-called «iatrogenic» harm.

The analysis of the problems of the issue under study is based on the existing legal acts in this area, as well as the materials of judicial practice. Separately, the article provides an illustrative analysis of a specific court case, the representative of which was the author of this scientific study, and within which a number of problematic issues that the courts face when considering this category of cases were expressed. And these problematic points identified by the author represent the quintessence of the existing approach of judicial practice in the whole set of cases arising from causing harm to life and health as a result of iatrogenies.

In addition, the author's definitions of such concepts as: medical (medical) error, iatrogenic harm, tort obligations in the medical field are formulated in the article.

In conclusion, the article concludes that the so-called «medical cases» require a special approach in their consideration and resolution by the court, taking into account the circumstances outlined above. A more effective consideration of them and the adoption of objective, fair decisions on them is possible through the implementation of legislative measures, that is, the consolidation in the current legislation of a number of legal definitions related to iatrogenies, the introduction of a special crime in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and a special tort in the norms of Part two of the Civil Code of the Russian Federation in the field of causing harm to life and health and a person.

Keywords: harm to life and health, medical (medical) error, tort obligations, Civil Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation, moral harm, compensation for harm, civil liability, criminal liability, legal liability.

Статья 41 Конституции Российской Федерации относит право на охрану здоровья к числу основных прав человека и гражданина. Помимо Конституции РФ, как основополагающего юридического акта законодательства, отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации, регулируются Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон).

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона: здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма [13]. В п. 21 ст. 2 этого же закона определено, что качество медицинской помощи – это совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата [13].

В системе «Больница-Пациент» изначально слабым и зависимым звеном является пациент, ибо он обращается за медицинской помощью в надежде, что ее окажут профессионально, качественно и в соответствии с установленным порядком, и стандартами оказания такой помощи (о необходимости такого порядка и соблюдения стандартов ведётся речь и в п. 4 ст. 10 Федерального закона). Медицинские организации при оказании медицинской помощи должны руководствоваться, во-первых, в соответствии с п. 2 ст. 4 Федерального закона принципом приоритета интересов пациента при оказании медицинской помощи и во-вторых, в соответствии с п. 5 той же статьи Федерального закона должностные лица организаций ответственны за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья. Более того, согласно частям 2 и 5 статьи 70 Федерального закона лечащий врач организует своевременное квалифицированное обследование и лечение пациента, предоставляет информацию о состоянии его здоровья, по требованию пациента или его законного представителя приглашает для консультаций врачей-специалистов [13].

Медицинские организации и медицинские работники несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи. Вред, причиненный жизни и (или) здоровью граждан при оказании им медицинской помощи, возмещается медицинскими организациями в объеме и порядке, установленных законодательством Российской Федерации (об этом говорят части 2 и 3 статьи 98 Федерального закона).

Исходя из приведенных положений Конституции Российской Федерации и правовых норм федеральных актов законодательства, регулирующих отношения в сфере охраны здоровья граждан, право граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь гарантируется системой закрепляемых в законе мер, включающих в том числе как определение принципов охраны здоровья, качества медицинской помощи, порядков оказания медицинской помощи, стандартов медицинской помощи, так и установление ответственности медицинских организаций и медицинских работников за причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи.

Ятрогенный вред, медицинская ошибка – понятия, в большей степени имеющие отношение к медицинской сфере. Однако в юриспруденции они находят свое выражение посредством того, что последствия, связанные с причинением вреда жизни и здоровью человека, получают и соответствующую правовую оценку. Как правило, в таких случаях речь идёт об уголовной ответственности и (или) о гражданско-правовой. Вместе с тем, как показывает анализ законодательства, в правовых нормах не приводятся легальные дефиниции указанных понятий и это представляется проблемным обстоятельством для института защиты жизни и здоровья человека в уголовном праве и института деликтных отношений в гражданском праве.

Уголовно-правовая характеристика и квалификация деяний, связанных с причинением вреда жизни и здоровью человека коррелирует с главой 16 «Преступления против жизни и здоровья» Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) в рамках реализации ст.ст. 109, 118, 122, 124 УК РФ [12]. Между тем, необходимо отметить, что в случаях, когда причиняется вред жизни и здоровью пациента, то происходит это вследствие неправомерных действий специальных субъектов такой деятельности – медицинских работников, чему в действующей редакции УК РФ не придается уголовно-правового значения и что, по нашему мнению, не со-

ответствует объективному и справедливому положению дел. Такая непоследовательность законодателя ведет к возникновению проблемных ситуаций в правоприменительной деятельности, судебной практике. По нашему мнению, медицинский работник и организация, которую он представляет, являются субъектами повышенной ответственности, что должно найти свое законодательное отражение при вопросах возмещения вреда, вследствие ятрогений.

В свою очередь, гражданско-правовая характеристика и квалификация деяний, связанных с причинением вреда жизни и здоровью человека коррелирует с главой 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» части второй Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Анализ данной главы позволяет заключить, что в ней также не приводится дефиниций, связанных с врачебной (медицинской) ошибкой и специальной статьи, связанной с причинением вреда и порядком его возмещения вследствие оказания медицинской помощи (услуг) и даже больше: в ней не содержится даже само определение вреда, что, впрочем, характерно и для части первой (Общие положения) ГК РФ [5]. Хотя, при всем этом, свое отражение в главе 59 ГК РФ находят такие специальные деликты, как: ответственность юридического лица или гражданина за вред, причиненный его работником (ст. 1068), ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами (ст. 1069), ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст. 1070), ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними (ст.ст. 1073-1075), ответственность за вред, причиненный гражданином, признанным недееспособным, ограниченно дееспособным и неспособным понимать значения своих действий (ст.ст. 1076-1078), ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (ст. 1079) и др. [6]. Возникает вопрос: не указание специального деликта, связанного с медицинской (врачебной) ошибкой – это целенаправленное действие или упущение законодателя? Ответ, при внимательном изучении вопроса, представляется не столь однозначным.

Мы исходим из того, что врачебная (медицинская) ошибка – это случай причинения вреда жизни и здоровью пациента, находящегося в прямой причинно-следственной связи с действиями медицинского работника и наступившего из-за его неквалифицированного виновного воздействия на здоровье паци-

ента. Ятрогенный вред, в свою очередь, представляет из себя негативный результат в сфере личного неимущественного права человека (жизни и здоровья), наступивший из-за некавалифицированного виновного воздействия медицинского работника на здоровье пациента. Наличие врачебной (медицинской) ошибки и наступившего из-за этого ятрогенного вреда подразумевают возникновение деликтных обязательств в медицинской сфере, то есть правоотношений, в силу которых одно лицо (медицинская организация, ее работник), из-за действий (бездействия) которого был причинен вред другому лицу (пациент, получатель услуги), обязано возместить причиненный вред в полном размере.

В связи с обозначенными выше положениями, нами в очередной раз ставится вопрос об отражении и закреплении в рамках действующего законодательства легальной дефиниции врачебной (медицинской) ошибки, приводящей к ятрогенному вреду, а также введения в главу 16 УК РФ специального состава преступления, формулирующего ятрогенный вред и субъектом которого выступает специальный субъект – медицинский работник; введения специального деликта в состав главы 59 ГК РФ, формулирующего ответственность в связи с наступлением ятрогенного вреда. Данное обстоятельство позволит судам выносить адекватные, объективные, справедливые судебные решения, отвечающие проблематике указанного вопроса.

Что же касается судебной практики по рассматриваемому вопросу, то она противоречива, непоследовательна, порой, откровенно не объективна. В качестве иллюстрации к данному выводу приведем одно конкретное дело, которое буквально в период написания данной работы, получило своё разрешение в суде первой инстанции. Представителем истца по данному делу выступал, как раз таки, автор данного научного исследования.

Из обстоятельств указанного дела усматривается, что в начале 2020 г. в Моздокский районный суд (г. Моздок, РСО-Алания) было подано исковое заявление к ГБУЗ «Моздокская районная больница» о возмещении вреда, причиненного здоровью гражданина и компенсации морального ущерба [7]. Истец обосновывал свои требования тем, что в результате некачественного оказания медицинской помощи лечебным учреждением его здоровью был причинен вред, который выразился в наступлении аллергической реакции на лекарственные препараты, которые были применены во время лечения.

То есть, результате оказанного некачественного, некавалифицированного лечения здоровью истца был причинен вред, выразившийся:

1) в появлении аллергической реакции на назначенные препараты, выразившейся в состоянии удушья, нехватки воздуха, сильного озноба, сменяющегося жаром, болями в сердце и в спазме мышц, в покраснении шеи и отека гортани;

2) в образовании припухлостей в области шеи и в надключичной области, которые сохраняются продолжительное время;

3) в сохранявшемся полгода спазме мышц и повышенной температуре тела, невозможности поворачивать голову и сильных болях при этом;

4) в сохранявшейся продолжительное время покраснении кожи шеи и плеч, гематомах в области шеи;

5) прибавление в весе из-за повсеместных отеков;

6) при малейшей физической нагрузке в области шеи начинаются периодические боли, лимфоузлы остаются увеличенными до сих пор после аллергической реакции.

В результате некачественного оказания медицинской помощи и наступления вреда здоровью истец понес материальные издержки в виде расходов на последующее лечение, лекарства и проезд к месту лечения в общей сумме более 50 тыс. руб. (указан размер расходов на лечение, которые можно документально подтвердить). Кроме того, в результате некачественного оказания медицинской помощи ответчиком истцу были нанесены физические и нравственные страдания (последствия указанных выше симптомов, а также усилившаяся бессонница, плохое общее самочувствие, и как следствие, постоянный эмоциональный стресс из-за данной проблемы, повышенная нервная возбудимость, отчужденность от людей, даже близких из-за неприглядного облика в области шеи, постоянной необходимости ношения шарфа и шейного корсета и др.). Моральный вред истцом был оценен в размере 1 450 000 руб.

Необходимо отметить, что в так называемых «медицинских» делах существенное значение придается специальным познаниям в области медицины и превалирующим обстоятельством для вынесения соответствующего решения являются результаты судебно-медицинской экспертизы. В рамках данного дела по определению суда в феврале 2020 г. была назначена комплексная судебно-медицинская экспертиза, с представлением ее результатов суду к маю того же года. Ее проведение было поручено Государственному бюджетному учреждению Ростовской области «Бюро судебно-медицинской экспертизы». Однако результаты экспертизы были подведены лишь только к концу марта 2021 г. Более того, как

усматривается из выводов экспертизы достоверно установить является ли имевшаяся у истца клиническая симптоматика, сохранявшаяся «полгода» следствием аллергической реакции и связана ли эта реакция с внутривенными инъекциями, выполненными истцу при лечении в ГБУЗ «Моздокская ЦРБ» не представляется возможным по следующим объективным причинам: в связи с имеющимися в предоставленных документах противоречиями, не устранимыми экспертным путем и недообследованием пациента. Учитывая вышеизложенное, установить был ли причинен вред здоровью истца в результате оказания ему медицинских услуг в ГБУЗ «Моздокская ЦРБ» не представляется возможным. И вот при наличии вот таких выводов экспертизы, истцу было отказано в удовлетворении искового заявления в полном объеме в суде первой инстанции [11]. На данный момент по данному делу автором данной статьи ведется работа по обжалованию, вынесенного судебного решения, в апелляционном порядке в судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСО-Алания.

Судебное рассмотрение дел, связанных с причинением ятрогенного вреда опосредовано наличием ряда проблемных моментов, которые присутствовали и в указанном деле судебной практики. Отразим их и приведем краткую характеристику по каждому из таких обстоятельств:

1. Проблема медицинской документации.

Очень важным элементом судебного доказывания является наличие медицинской документации (стационарной и амбулаторной медицинских карт, в том числе). Между тем, данные документы с точки зрения доказательственной силы позиции ответчика по исковому заявлению в некоторых случаях не должны и не могут быть приняты в расчет с той точки зрения, что они заводятся, оформляются и ведутся при фактически полном, единоличном контроле со стороны лечебного учреждения. В данный процесс пациент никоим образом вмешиваться не может. При этом сам процесс ведения карты, отражения в ней сведений отдан полностью на откуп лечащему врачу, то есть, тому самому врачу, из-за действий которого, в том числе, наступает в будущем вред. Другими словами, отражаемые в карте сведения о состоянии больного, проведенных процедурах, назначениях и т.п. могут быть оформлены в соответствии с необходимыми целями самого интересанта, то есть больницы, так называемым «задним сроком». Данное утверждение базируется, в частности и на том, что в рамках обстоятельств, указанного нами выше судебного дела, после написания заявления в больницу о выдаче копии медицинской карты с историей болезни, истцу ее по факту не выдавали

больше месяца после запроса, ссылаясь на то, что карта находится в вышестоящем органе на проверке. Данное обстоятельство не исключает возможности предположения, что медицинскую карту с историей болезни приводили в «надлежащий» и «удобный» для больницы вид. Как правило, так и бывает на практике. Отдельного внимания заслуживает и судебно-медицинская экспертиза, заключение по которой, может быть «написано по заказу интересанта» при, конечно же, учете условия его (судебного эксперта) материального вознаграждения, т.е. попросту говоря, взятки. Случаи коррупционной составляющей в деятельности бюро судмедэкспертизы не редкость [3].

2. Проблема хронических заболеваний, имевшихся у пациента, до поступления в больницу.

Лечебные учреждения очень часто ссылаются на то, что пациент попадает к ним на лечение, уже имея «багаж проблем» со здоровьем, таким образом, предпочитая не разбираться в конкретной причине наступления вреда у пациента, а переводя суть спора в плоскость «вы и так были «дефектны» до того, как попали к нам». Данный подход лечебных учреждений сопряжен с практической трудностью установления причинно-следственной связи между действиями и наступившим вредом по факту оказания медицинской помощи (услуг), наличие которой должен доказать истец. Ведь на самом деле очень трудно эту связь найти, показать, а тем более доказать в суде. Этим и пользуются ответчики, которые обязаны доказать не отсутствие или присутствие причинно-следственной связи, а отсутствие своей вины согласно презумпции вины в гражданском праве.

3. Проблема свидетелей.

Не секрет и судебная практика это показывает, что дела о врачебной (медицинской) ошибке очень сложны в разрешении в силу влияния так называемой «корпоративной» медицинской этики. В таких делах для установления всей полноты картины и объективных обстоятельств по делу очень важным доказательством являются свидетельские показания. В основном, непосредственными свидетелями возникшего вреда, в силу нахождения пациента в лечебном учреждении, выступают сами медицинские работники. Вместе тем, и это показательно, сами сотрудники медицинского учреждения с неохотой идут на контакт с истцом по такого рода делам ввиду боязни репрессивных мер со стороны руководства лечебного учреждения, другими словами, работодателя.

По указанному нами делу свидетелями, то есть лицами, непосредственно владеющими информацией по обстоятельствам произошедшего, являлись: дежурная в смену медсестра <М.К.>, ухаживающая родственница соседки истца по палате <С.К.>, врач аллерголог, массажист и др. Данные сотрудники и пациенты больницы в качестве свидетелей выступить на суде отказались ввиду указанных выше причин, а лечащая соседка по палате – из-за боязни, что ей в будущем, если она выступит свидетелем, могут, как она пояснила, «ставить палки в колеса» при обращении в данное медицинское учреждение.

4. Проблема оформления листа информированного добровольного согласия (далее – ИДС) и постановки аллергопробы.

Важным моментом в доказательной базе составов правонарушений (в том числе и преступлений), связанных с возникновением у пациентов аллергических реакций на фоне проводимого лечения, является отсутствие письменного ИДС фиксирующего то, что врач проинформировал пациента о возможных аллергических реакциях, а пациент заверил врача в отсутствии аллергии на препарат. Это подтверждает и судебная практика [2]. В одном из дел, причинение вреда жизни, вызвавшее смерть пациента, наступило по причине реакции организма в виде лекарственного шока, который был вызван применением лекарственного препарата, блокирующего болевой рефлекс – «лидокаин». По результатам рассмотрения дела, медицинский работник был признан виновным в совершении, преступления, предусмотренного частью 2 статьи 109 УК РФ.

Суд обосновал свое решение тем, что медицинский работник нарушил требования статьи 20 Федерального закона в части оформления ИДС на медицинское вмешательство или отказ от медицинского вмешательства в письменной форме, удостоверяемого подписью пациента; и в части предоставления информации о методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи. В качестве необходимого условия для медицинского вмешательства установлено оформление письменного ИДС. В соответствии с частью 1 статьи 20 указанного Федерального закона: «Необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске,

возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи» [13].

А в соответствии с частью 7 той же статьи Федерального закона: «Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или отказ от медицинского вмешательства содержится в медицинской документации гражданина и оформляется в виде документа на бумажном носителе, подписанного гражданином, одним из родителей или иным законным представителем, медицинским работником <...>» [13].

То есть, отсутствие ИДС является доказательством того, что медицинский работник не выяснил у пациента наличия гиперчувствительности организма к медицинскому препарату в виде аллергической реакции. При этом, Апелляционный суд по указанному делу, отверг доводы осужденной и ее адвоката, согласно которым необходимая информация пациенту сообщается в устной форме, и своей подписью в бланке информированного согласия пациент подтверждает факт разъяснения ему указанной в бланке необходимой информации. В частности, доводам о том, что осужденная сообщила пациентке название применяемого в ходе операции обезболивающего препарата «лидокаин», суд обоснованно дал критическую оценку, обратив внимание на то, что сведения об этом, как и о риске, связанном с применением указанного анестезирующего средства, в подписанном бланке информированного согласия, на который ссылается осужденная, отсутствуют.

Важно также отметить и тот факт, что в тексте судебных решений не упоминается о том, что у пациента имелись случаи аллергических реакций до обращения за медицинской помощью. Возможно, у пациента отсутствовал аллергический анамнез и предсказать наступление анафилактического шока в данном случае было невозможно. Следовательно, при наличии грамотно оформленного ИДС медицинский работник, скорее всего, избежал бы ответственности.

Что же касается постановки аллергопробы, то согласно ГОСТ Р 52623.4-2015 «Технологии выполнения простых медицинских услуг инвазивных вмешательств» [4], подготовка к выполнению процедуры выполнения подкожного, внутрикожного и внутримышечного введения лекарственных препаратов, в частности, включает в себя обязанность медицинского работника «убедиться в наличии у пациента информированного согласия на предстоящую процедуру введения лекарственного препарата и его переносимость».

По мнению судов и судебно-медицинских экспертов обязанность по проведению лабораторных аллергопроб также вытекает из обязанностей медицинского работника. Также вывод об обязанности медицинского работника направить пациента на лабораторные аллергопробы при наличии у него в анамнезе аллергии, может быть сделан из профстандартов соответствующих медицинских работников. Например, профессиональный стандарт «Врач-хирург» содержит следующие требования к его квалификации (выдержка): «Трудовые действия: оценка эффективности и безопасности применения лекарственных препаратов; профилактика или лечение осложнений, побочных действий, нежелательных реакций, в том числе серьезных и непредвиденных, возникших у пациентов с хирургическими заболеваниями и (или) состояниями в результате диагностических или лечебных манипуляций, применения лекарственных препаратов» [10]. Аналогичные требования содержит также профессиональный стандарт «Врач сердечно – сосудистый хирург» [9].

Таким образом, лабораторные аллергопробы обязательны в случае подозрения на наличие у пациента аллергических реакций на лекарственные продукты. В частности, нам не удалось найти ни одного судебного решения, в котором защите удалось доказать обратное.

В связи с вышеизложенным, в соответствии с указанными позициями законодательства, рекомендуется следующий алгоритм действий медицинского работника перед проведением медицинского вмешательства, которые снижают риски несения им юридической ответственности:

1. Перед проведением процедуры (т.е. медицинского вмешательства) обязательно разъяснить полную информацию о методе медицинского вмешательства, лекарственном препарате, риске и возможных последствиях его применения. Письменно оформить ИДС пациента, где необходимо указать планируемые к применению лекарственные препараты и возможный риск их применения. Важно также собрать аллергоанамнез пациента, провести его опрос и зафиксировать в медицинской документации информацию об отсутствии у него аллергии на указанные в назначении лекарственные препараты. При наличии сведений о любой аллергии пациента необходимо направить его на проведение аллергопроб.

2. Строго придерживаться дозировок применения лекарственных препаратов, которые указаны в инструкции на лекарственный препарат.

3. Перед проведением медицинского вмешательства обязательно проводить провокационную пробу (аллергопробу) и зафиксировать данный факт в медицинской документации.

4. Обеспечить все условия для проведения возможных реанимационных мероприятий. В случае возникновения передозировки / отравления лекарственным препаратом; возникновения аллергии / анафилактического шока у пациента, немедленное (до прибытия реаниматологов / бригады скорой медицинской помощи) начало проведения таких мероприятий обязательно.

Соблюдение вышеуказанного алгоритма действий, способствует максимально снизить риск наступления ятрогенного вреда и последующего признания медицинского работника виновным, и, соответственно, снижает вероятность того, что медицинский работник станет субъектом юридической ответственности.

5. Проблема определения размера компенсации морального вреда.

Пунктом 1 ст. 150 ГК РФ определено, наряду с другим, что жизнь и здоровье и иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом [5].

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред (статья 151 ГК РФ).

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» разъяснено, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользо-

вание своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др. [8].

Вообще, говоря о компенсаторном характере механизма возмещения морального вреда, то именно данной функции гражданско-правовой ответственности (компенсационной или восстановительной) некоторыми авторами отводится роль главенствующей в обязательствах вследствие причинения вреда, подчеркивая, тем самым, специфику гражданско-правового деликта [1, с. 257].

Отдельным аспектом в рассматриваемой проблематике является вопрос о соответствии размера компенсации заявленного истцом вреда и размера возмещаемого вреда по судебному решению. Как известно, законодатель не установил какой-либо конкретный размер или лимит и формулу для его расчета тоже не приводит. Исходя из этого, порой, истцы заявляют астрономические суммы к судебному взысканию. Наряду с этим фактом и суды в своих решениях по вопросу определения размера компенсации морального вреда также не последовательны. Как правило, заявленный истцом размер компенсации морального вреда в итоговом решении судом снижается кратно к первоначальной сумме исковых требований. И это также представляется проблемным аспектом в судебной практике по вопросам компенсации морального вреда, наступившего вследствие ятрогений.

Подводя итог настоящему исследованию, сформулируем ряд выводов следующего характера:

Во-первых, врачебная (медицинская) ошибка – это случай причинения вреда жизни и здоровью пациента, находящегося в прямой причинно-следственной связи с действиями медицинского работника и наступившего из-за его не квалифицированного виновного воздействия на здоровье пациента.

Во-вторых, ятрогенный вред, представляет из себя негативный результат в сфере личного неимущественного права человека (жизни и здоровья), наступивший из-за неквалифицированного виновного воздействия медицинского работника на здоровье пациента.

В-третьих, наличие врачебной (медицинской) ошибки и наступившего из-за этого ятрогенного вреда подразумевают возникновение деликтных обязательств в медицинской сфере, то есть правоотношений, в силу которых одно лицо (медицинская организация, ее работник), из-за действий (бездействия) которого был причинен вред другому лицу (пациент, получатель услуги), обязано возместить причиненный вред в полном размере.

И наконец, так называемые «медицинские дела» требуют особого подхода при своём рассмотрении и разрешении судом с учетом обстоятельств, обозначенных нами выше. Более эффективное же их рассмотрение и принятие по ним объективных, справедливых решений возможно посредством реализации мер законодательного свойства, то есть закрепления в действующем законодательстве ряда легальных дефиниций, имеющих отношение к ятрогениям, введения специального состава преступления в нормы УК РФ и специального деликта в нормы части второй ГК РФ в сфере причинения вреда жизни и здоровья и человека.

Библиографический список

1. Агибалова Е. Н. Функции обязательств вследствие причинения вреда / Е. Н. Агибалова // Альманах современной науки и образования. 2007. № 2. С. 255–257.
2. Апелляционное определение Московского областного суда от 25.03.2014 по делу № 22-866 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2021).
3. В Краснодаре начальник экспертной лаборатории Минюста подозревается в должностном преступлении. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4660443> (дата обращения: 25.05.2021); Экс-руководителя бюро медэкспертизы Ставрополя обвиняют в 54 преступлениях. URL: <https://bloknot-stavropol.ru/news/eks-rukovoditelya-byuro-medekspertizy-stavropolya--742859> (дата обращения: 25.05.2021).
4. ГОСТ Р 52623.4-2015 «Технологии выполнения простых медицинских услуг инвазивных вмешательств» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 31.03.2015 N 200-ст) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 18.05.2021).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021). [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2021).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 20.05.2021).

7. Дело № 2-360/2020 по исковому заявлению к ГБУЗ «Моздокская районная больница» о возмещении вреда, причиненного здоровью гражданина и компенсации морального ущерба [Электронный ресурс]. URL: https://mozdoksky-wlk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.05.2021).

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 18.05.2021).

9. Профессиональный стандарт «Врач сердечно-сосудистый хирург» (утв. Приказом Минтруда России от 14.03.2018 № 143н) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 18.05.2021).

10. Профессиональный стандарт «Врач-хирург» (утв. Приказом Минтруда России от 26.11.2018 № 743н) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 18.05.2021).

11. Решение Моздокского районного суда от 19 мая 2021 года № 2-2/2021 по делу № 2-360/2020 [Электронный ресурс] // https://mozdoksky-wlk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 25.05.2021).

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 18.05.2021).

13. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 18.05.2021).

УДК 347.5

УСТАНОВЛЕНИЕ ВИНЫ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА: ПОДХОДЫ НЕЙРОПРАВА

Козлова М. В., студент 2 курса факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук

Научный руководитель: **Сергачева О. А.**, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается актуальное состояние и основные проблемы в области нейроправа в связи с возможностью установления вины причинителя вреда.

Ключевые слова: нейроправо, вина, ответственность.

ESTABLISHING GUILT FOR CAUSING HARM: NEURO-LAW APPROACHES

Kozlova M. V., 2nd year student of the faculty of social sciences of the Moscow higher school of social and economic sciences

Supervisor: **Sergacheva O. A.**, Head of the Department of Civil Law Disciplines, Candidate of Law

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. this study examines the current state and the main problems in the field of neuro-law in connection with the possibility of establishing the guilt of the harm-doer.

Keywords: neuro-law, guilt, responsibility.

Главной целью права можно назвать направление поведения людей путем предоставления оснований вести себя тем или иным образом. Такая направленность на поведение не может оставлять без внимания психическое состояние субъектов [5, с. 78]. Кроме того, право как активно развивающаяся область не может не принимать во внимание опыт и достижения других наук. Поэтому раз-

витие новой области так называемых нейронаук закономерно повлияло, например, на материалы доказательств вины или невиновности человека. Нейронауки как направление затрагивают вопросы поведения человека, строения и функций его мозга. Тут и появляются актуальные для права вопросы: насколько данные о поведении, собранные в ходе нейро исследований, релевантны для права как направляющего такое поведение [5, с. 79]? В каком-то смысле право и мозг даже подобны друг другу, поскольку они представляют собой многоуровневые сложные системы [1, с. 11]. Как и мозг, правовая система реагирует на внешние изменения и может подстраиваться под них, производя новые нормы. При этом, конечно, система права лучше изучена, она структурирована, логична и понятна, в то время как нервная система человека во многом остается для всех загадкой.

Одним из достижений нейронаук стала возможность проводить функциональную магнитно-резонансную томографию, измеряющую нейронную активность мозга. Кажется, что результаты таких сканирований могут однозначно определять состояние мозга человека. В этом и заключается интерес подобных исследований для права, ведь с помощью их результатов можно устанавливать вину в сложных случаях, когда ставится вопрос о психическом состоянии человека. Именно поэтому на стыке этих областей возникла новая – нейроправо. Эта наука занимается изучением того, как можно использовать достижения нейронаук в правоприменении. Впрочем, границы этой новой области пока что довольно сложно определить, поскольку доступное поле довольно быстро меняется.

Главными целями нейроправа являются вопросы о том, как мозг, строение которого до конца не изучено, влияет и осуществляет человеческие действия, а также определение уровней взаимодействия мозга и поведения [1, с. 14]. Отсюда вытекает вопрос о том, можно ли однозначно установить состояние на момент деяния и доказать вину, используя достижения нейронаук.

Безусловно, такие методы как нельзя актуальны в сфере уголовного права. Большой интерес для нейронаук представляет изучение мозга преступников, обвиняемых в убийствах, кражах и т.д. Кроме того, это дает и новый взгляд на изучение смерти, которая наступает, согласно самой распространенной версии, когда перестает функционировать мозг [1, с. 5]. Теперь подобные заключения могут быть подкреплены однозначным научным заключением. Впрочем, нейронаукам находится применение и в гражданском праве. Так, результаты сканирования мозга можно применять для установления дееспособности (не в зависимости

от формального возраста, а по степени развития мозга), определению, имело ли место давление при заключении договора [2, с. 531], определения психического состояния сторон.

Вина по общему правилу является основанием ответственности за причиненный вред. Вина причинителя вреда презюмируется, однако он может доказывать отсутствие своей вины. В некоторых случаях в судебном процессе может выясняться степень вины причинителя вреда и потерпевшего. Так, в ст. 1078 ГК РФ указано, что «Дееспособный гражданин или несовершеннолетний в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, причинивший вред в таком состоянии, когда он не мог понимать значения своих действий или руководить ими, не отвечает за причиненный им вред» [7].

Для установления ответственности необходимо понимать, в каком психическом состоянии находится человек, осознавал ли он происходящее. Попытки установить, как поступать в таких сложных случаях, начались еще задолго до развития нейронаук. Поводом задуматься над этой проблемой стало убийство Эдварда Драммонда, секретаря премьер-министра Великобритании. Его совершил Даниэль Макнотен, страдавший, как выяснилось, манией преследования. Он совершал убийство в полной уверенности, что защищается, наносит упреждающий удар в отношении премьер-министра, чья партия объявила ему войну. Макнотена признали невиновным и отправили на принудительное лечение. После широкого общественного резонанса были сформулированы несколько правил, которые вошли в историю как правила Макнотена. Ключевой в них является установка, что «Мир безумия структурно подобен миру здравого смысла», то есть в нем можно выявить правилами, которыми руководствовался обвиняемый, и на основании этого вынести решение [6].

Зачастую юристы полагают, что у них отсутствуют ресурсы, чтобы дать справедливую оценку фактам, и в таких случаях они прибегают к средствам науки [5, с. 81]. Впрочем, выясняется, что и наука не всегда может разрешить такие проблемы. Как и в деле Макнотена, для установления вины в сложных случаях к судебным процессам привлекаются эксперты психологии и медицины. Они могут провести осмотр и дать заключение о психическом состоянии человека. Кажется, что доказательства, полученные в результате сканирования, должны существенно облегчить им задачу. Кроме того, это значительно облегчает работу судей и ведет к максимальной объективности. Возможно, больше не нужно будет бояться, что у судьи могут быть скрытые предрассудки или разные

эмоциональные состояния [1, с. 18]. Тем не менее сразу возникает проблема того, что правильно интерпретировать данные способны только узкие специалисты, и проконтролировать их сложнее.

Это замечание приводит к вопросу о том, какие ограничения еще несут в себе подходы нейрорава. Отметим, что на данном этапе своего развития нейронауки представляют собой скорее фрагментарный «набор фактов», пока что в них отсутствует системность. Действительно, пока что можно говорить о нейронауках только как о наборе некоторых данных и гипотез, которым еще предстоит развиваться. Это неудивительно, учитывая то, сколько дисциплин вносит свой вклад в их развитие [1, с. 20].

Все чаще в суды предоставляются результаты сканирования мозга в качестве доказательств [3, с. 17]. Действительно, кажется, что такие изображения однозначно помогут определить состояние человека и его способность отвечать за свои действия [5, с. 82].

Функциональная магнитно-резонансная томография как метод тоже вызывает у критиков некоторые сомнения. С ее помощью замеряется количество насыщенной кислородом крови, идущей в определенный участок мозга, чтобы определить в нем степень нейронной активации. Отмечается, что этот показатель пока что остается единственным, а значит не всегда может быть надежным, тем более что один показатель невозможно полностью изолировать; скорее всего, он подвергается и другим воздействиям. Кроме того, сложности представляет и время между предполагаемой активацией и измерением [5, с. 82]. Впрочем, кажется, что такие недостатки будут решены с продолжением развития технологий и технического оснащения.

В настоящее время исследования непосредственно людей в области нейронаук все еще проводятся на малых выборках, то есть пока рано говорить о выявлении каких-либо статистических закономерностей и тем более предсказаний. Это же вызывает вопросы и к валидности экспериментов – насколько мы можем быть уверены, что сходные результаты будут наблюдаться и на более широких выборках? Кроме того, выборки объектов исследования трудно назвать репрезентативными. Если исследования проводятся в лабораториях при университетах, закономерно, что участвуют в них в основном студенты, которые не отражают всего многообразия населения. К тому же для исследователей интерес представляют скорее уже заранее известные отклонения, чаще всего им нет нужды изучать нормально функционирующий мозг. Таким образом, исследованиям не хватает неких контрольных групп, нейтральных элементов [5, с. 85].

Нельзя забывать и о самих субъектах, которые подвергаются сканированию. Можем ли мы быть уверены, что, находясь в непривычных и волнующих лабораторных условиях, человек ведет себя так же, как в обычной жизни? Насколько допустимо приравнивать поведение в лаборатории к поведению во время, например совершения убийства [5, с. 86]? Кажется, что в таком случае ответом будет использование сканирования только для выявления перманентных изменений мозга. Впрочем, все равно нельзя определить время их возникновения – вдруг изменение произошло уже после совершения преступления?

Кроме того, нельзя не принимать во внимание и некоторые проблемы скорее философского характера: можно ли приравнивать человека только к его мозгу как группе нейронов [2, с. 534]? Влияет ли на поведение что-то помимо нейронов [4, с. 51]? Эти вопросы сводятся к идеям редукционизма и детерминизма. Проводятся попытки установить отношение между мозгом и действием [5, с. 87]. Конечно, в действие сознание и поведение приводит именно мозг. Нейронный детерминизм учитывает только деятельность мозга, не принимая во внимание всего, что может влиять на него: социальных, семейных, культурных факторов [1, с. 44]. Нейроны и их сети не обладают собственным сознанием и ощущением времени, их деятельность нельзя направить с помощью правовых норм [5, с. 87]. Таким образом, их нельзя называть агентами или субъектами, которые этими признаками обладают.

Помимо этого, неясно, можем ли мы с уверенностью говорить о том, что, если повреждена одна область мозга, это приведет к изменению определенного поведения [1, с. 47]. Отметим, что за один тип поведения могут быть «ответственными» сразу несколько областей. Редукционизм же буквально уподобляет человека некой машине, всеми действиями которой управляет исключительно мозг. После этого возникает вопрос, кто же является собственно агентом действия и, соответственно субъектом права: человек или его мозг? Для нейронаук такие вопросы становятся особенно интересны, поскольку с помощью технологий стало возможно изучать непосредственно мозговую деятельность, а не только ее отдаленные последствия. Представляется, что нейронауки должны исключать психологию и обусловленные ею психические состояния [4, с. 60]. При этом право должно учитывать все факторы, могущие повлиять на человека, чтобы было возможно вынести справедливое решение.

Таким образом, в настоящий момент не приходится говорить об универсальности подходов, предлагаемых нейронауками, для области правоприменения. Впрочем, это не отменяет того, что доказательства в виде результатов сканирования мозга могут оказаться необходимыми в некоторых индивидуальных случаях. Например, можно делать выводы об общей осознанности субъекта и о

степени его контроля над собой, и использовать эти данные для вынесения решения. И все-таки, право руководствуется скорее поведенческими критериями, которые включают в себя действия и психические состояния, которые сложно отобразить даже на самом детализированном и технологически совершенном изображении [5, с.89]. При этом весьма вероятно, что новые достижения позволят нам по-новому взглянуть на поведение и мотивы, что может открыть новые пути для его регуляции.

Библиографический список

1. D'Aloia A. Law Challenged. Reasoning about Neuroscience and Law / A. D'Aloia, M. Errigo // Neuroscience and law: Complicated crossings and new perspectives. 2020. Pp. 1–39.
2. Desmoulin-Canselier, S. Another perspective on “Neurolaw”: The use of brain imaging in civil litigation regarding mental competence / S. Desmoulin-Canselier // Neuroscience and law: Complicated crossings and new perspectives. 2020. Pp. 529–547.
3. Jones O. Brain Imaging for Legal Thinkers: A Guide for the Perplexed / O. Jones, J. Buckholtz, J. Schall, R. Marois // Stanford Technology Law Review. 2009. №. 5. P. 17.
4. Moore M. “Nothing but a Pack of Neurons”: The Moral Responsibility of the Human Machine. / M. Moore // Neurolaw and Responsibility for Action: Concepts, Crimes, and Courts. 2018. Pp. 28–70.
5. Morse S. J. The promise of neuroscience for law: Hope or hype? / S. J. Morse // The Palgrave handbook of philosophy and public policy. 2018. Pp. 77–96.
6. Вахштайн В. С. Восприятие реальности: «правила Макнотена» и «Вторая жизнь». [Электронный ресурс]. URL: https://polit.ru/article/2013/01/28/ps_vakh_detective/ (дата обращения 03.06.2021).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

УДК 342.92: 347.73

К ВОПРОСУ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ И НАЛОГОВЫЙ ДЕЛИКТ

Кравченко Н. А., кандидат экономических наук

Российский государственный университет правосудия, Крымский филиал

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения административной и налоговой ответственности за налоговые правонарушения. Рассмотрены общие черты и различия между административным и налоговым деликтом. Предложено рассмотреть возможность исключения из Налогового кодекса РФ административных составов налоговых правонарушений, а квалифицировать эти деликты исключительно в соответствии с нормами административного законодательства.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство, административное правонарушение, налоговое правонарушение, административная ответственность, налоговая ответственность.

IN RELATION TO THE DISTINCTION BETWEEN AN ADMINISTRATIVE OFFENCE AND A TAX OFFENCE

Kravchenko N. A., Candidate of economic Sciences

Russian state University of justice, Crimean branch

Abstract. The article is devoted to an analysis of the relationship between administrative and tax liability for tax offences. General features and differences between administrative and tax tort are considered. It is proposed to consider the possibility of excluding administrative categories of tax offences from the Tax Code of the Russian Federation and classifying such offences solely in accordance with administrative legislation.

Keywords: administrative tort legislation, administrative offence, tax offence, administrative liability, tax liability

Рассматривая структуру системы налогового права, нельзя не рассмотреть институт ответственности в налоговом праве, а именно привлечение к ответственности за нарушение налогового законодательства. Эти вопросы всегда актуальны как для налогоплательщиков, так и для контролирующих органов. При этом вопрос относительно разграничения административной и налоговой ответственности в системе юридической ответственности, а также разграничения понятий административный и налоговый деликт был и остается дискуссионным.

Несомненным остается тот факт, что привлечения к ответственности имеет целью предупредить последующие правонарушения и возместить вред, причиненный противоправным деянием. Возмещение вреда неотвратимо связано с первопричиной его возникновения – с административным деликтом. Согласно официальной статистике именно административные правонарушения составляют большую часть всех противоправных деяний, совершаемых разными субъектами на территории РФ. При этом в сфере налоговых правоотношений применение норм административного, уголовного и гражданского права является правомерным и реализуется на равне с нормами налогового права, которые, для данной сферы должны рассматриваться как единственно правомерные [3, с. 153]. В связи с этим, возникает объективное противоречие, некая правовая коллизия, в части регламентации понятия административной ответственности, когда в соответствии со ст. 1.1. Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) именно кодекс является основным административно-деликтным законом. Хотя на практике разные виды правонарушений и санкции за них содержатся в других федеральных законах и кодексах (например, в Налоговом кодексе РФ (далее – НК РФ) [6, с. 266-267].

В этом ключе стоит обратить внимание на то, что с точки зрения деления состава правонарушения на формальный и материальный, налоговый деликт всегда влечет за собой привлечение к объективной административной ответственности. В части анализа налоговых правонарушений следует привести положения информационного письма Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 ноября 1992 г., «...налоговые правонарушения носят формальный характер, поэтому и ответственность налогоплательщиков наступает независимо от их вины, т.е. ответственность не ставится в зависимость от того, имелся ли в действиях работников предприятия умысел или нарушение допущено вследствие небрежности, неопытности или счетной ошибки» [4].

Усложняет вопрос правоприменения и тот факт, что составы административных правонарушений в сфере налогового законодательства тесно взаимосвязаны и даже дублируют друг друга. Основание для квалификации выступает субъект, совершивший правонарушение: если это гражданин или организация, то наступает налоговая ответственность (установленная НК), за то же правонарушение, совершенное должностным лицом – применяются меры административной ответственности в соответствии с КоАП РФ [10, с. 35]. В зависимости от основания правонарушения будет выбран и вид производства по делу: или в соответствии с главами 14 и 15 НК РФ, и в соответствии с законодательством РФ об административных правонарушениях.

В этом контексте следует рассмотреть Постановление КС РФ от 12 мая 2021 г. № 17-П, в котором среди прочего гражданка Н. Н. Корецкая оспаривает конституционность ч. 1 ст. 15.6 [9]. Анализ вышеназванного документа показал, что ОАО «Соликамский магниевый завод» было подвергнуто мероприятиям налогового контроля, в ходе которых было выявлено, что организация не в полной организации к ответственности в виде штрафа за совершение налогового правонарушения, предусмотренного п. 1 ст. 126 НК РФ. В отношении гражданки Н. Н. Корецкой, как начальника бюро главной бухгалтерии ОАО «Соликамский магниевый завод», был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 15.6 КоАП. Н. Н. Корецкая, обязанная по должностной инструкции представлять в налоговые органы сведения о доходах и удержаниях налога на доходы физических лиц с работников организации, не представила в нарушение п. 2 ст. 230 НК РФ в надлежащий срок налоговому органу сведения, необходимые для осуществления налогового контроля, за что и была привлечена к административной ответственности в виде штрафа в размере 300 руб. [8].

Гражданка Н. Н. Корецкая оспаривала конституционность ст. 1.5, ч. 1 ст. 2.1, ч. 1 ст. 15.6, п. 1 ч. 1, ч. 3. ст. 28.1. КоАП РФ, ссылаясь на необоснованность привлечения ее к административной ответственности в отсутствие допустимых доказательств и достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения, а также при недоказанности вины в таком правонарушении. В результате разбирательств КС РФ вынес решение о конституционности ч. 1 ст. 15.6. КоАП РФ, но с оговоркой, что если «действия (бездействия) налогоплательщика не получили правовую квалификацию в качестве

налогового правонарушения в соответствии НК РФ, правоприменительные органы обязаны при наличии на то причин специально обосновать возможность применения этой нормы – с учетом указанного обстоятельства – в отношении такого должностного лица» [9].

Из материалов рассмотренного Постановления КС РФ следует, что вопрос разграничения административной и налоговой ответственности требует ясного и однозначного решения. Следует акцентировать внимание на том что, ни в НК РФ, ни в КоАП РФ не дается определение налоговой и административной ответственности. Вышеназванные кодексы конкретизируют и определяют только лишь понятия налогового и административного правонарушений.

Так, в соответствии со ст. 106 НК РФ [8], налоговое правонарушение – это виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое НК РФ установлена ответственность. Административное правонарушение, в соответствии со ст. 2.1 КоАП РФ [7] – противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Общие признаки для такого рода деликтов – это противоправность, виновность, наказуемость, а различие – субъект, совершивший правонарушение. При этом ст. 107 НК РФ предусматривает налоговую ответственность для субъекта, аналогичную для административного правонарушения, т.е. квалификационным признаком будет еще и процессуальный порядок привлечения к ответственности: либо главы 24-30 КоАП РФ, либо главы 14–15 НК РФ. Заметим, нужно разграничивать административную ответственность юридических лиц и административную ответственность юридических лиц в сфере налоговых правонарушений: здесь к ответственности в соответствии с ст. 15.3 будут привлечены должностные лица организации [1, с. 70].

В указанном контексте следует подчеркнуть законодательно установленную возможность применения норм гражданского законодательства налоговых правоотношениях, установленную ч. 3 ст. 2 ГК РФ путем отсылок к нормам гражданского законодательства: ч. 2 ст. 27, ч. 7 ст. 73, ч. 6 ст. 74 НК РФ. Понятия и институты, установленные в ГК РФ, применяются в налоговом законодательстве не по аналогии, а в том значении, в котором они приведены ГК РФ (ч. 1 ст. 11 ГК РФ) [2].

Однако в последнее время правоприменительная практика претерпевает трансформации в сторону гражданско-правовых отношений. Например, налоговая недоимка может быть взыскана в судебном порядке с руководителя организации или главного бухгалтера, как имущественный вред, понесенный государством вследствие преступлений, предусмотренных ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.2 НК РФ. Ключевым фактором, позволяющим применять судом института деликтного обязательства (ст. 106 ГК РФ) по гражданскому иску в таком случае будет доказательство наличия причинно-следственной связи руководителем (бухгалтером) организации с совершенным налоговым преступлением. Здесь трудность квалификации заключается в правомерности определения налоговой недоимки как деликтного обязательства, ведь необходимо помнить, что НК РФ «не предусматривает применение института деликтного обязательства к взысканию налоговой недоимки. Неуплаченная сумма налога не может быть взыскана ни с руководителя организации, ни с главного бухгалтера, ни с иных физических лиц, ответственных за ведение бухгалтерского и налогового учета. Она взыскивается с организации-налогоплательщика как с юридического лица только за счет обособленного имущества организации (ст. ст. 46, 47 НК РФ)» [11].

Интересен также тот факт, что, несмотря на то, что существует судебная практика по применению деликтного обязательства в налоговых правоотношениях, привлечение к гражданско-правовой ответственности директора, бухгалтера либо другого физического лица противоречит нормам института обязательства, поскольку эти лица осуществляют свою деятельность на основании гражданско-правового договора и не могут нести ответственности за вред, причинённый юридическим лицом государству в связи с неуплатой налога и пени [11].

В этом контексте нельзя не согласиться с М. В. Карасевой (Сенцовой), в том, что с точки зрения гражданско-правового аспекта вред предполагает, что ухудшается первоначальное положение потерпевшего. По аналогии с этим подходом в результате неуплаты налога вред причиняется государству, а точнее государственному бюджету в результате неполучения планового дохода, другими словами первоначальное положение бюджета не ухудшается [5, с. 46].

Таким образом, налоговые правоотношения следует рассматривать как сложносоставные, сложноподчиненные и не лишённые правовых противоречий. С одной стороны, административно-деликтные отношения и отношения по установлению налоговой ответственности имеют общую административно-правовую основу, поскольку носят императивный характер и выстраиваются в системе

публичной исполнительной власти. С другой стороны, вопрос разграничения административного и налогового деликта остается дискуссионным, поскольку все признаки у этих противоправных деяний совпадают, а квалифицируются они разным основания и нормативно-правовым актам. Здесь главенствующую роль играет субъект деликта, при этом НК РФ в отличие от КоАП РФ оперирует понятием «организация», подразумевая юридическое лицо, должным образом зарегистрированное в соответствии с законодательством, а КоАП не предусматривает административной ответственности юридических лиц за налоговое правонарушение, только должностных лиц. В этом случае, возникает вопрос о правомерности использования дублирующих санкций при привлечении к налоговой и административной ответственности за одно и то же правонарушение. Более того, целесообразно рассмотреть возможность исключения из НК РФ административных составов налоговых правонарушений, а квалифицировать деликты исключительно в соответствии с нормами административного законодательства.

Что касается применения в судебной практике гражданско-правового деликтного обязательства к взысканию налоговой недоимки и другим налоговым деликтам, то при подобных обстоятельствах имеет место неправомерное применения аналогии, когда налоговые правоотношения подменяются гражданско-правовыми, имущественная ответственность перекладывается с юридического лица (организации) на физическое лицо (директора, бухгалтера). Однако, на наш взгляд, недоимка по налогу не может рассматриваться как ущерб (вред) в гражданско-правовом понимании.

Библиографический список

1. Воронов А. М. Особенности административной ответственности за правонарушения в области налогов и сборов / А. М. Воронов, С. И. Кондратьев // *Налоги – журнал*. 2013. № 3. С.70.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ. Часть 3: Федеральный закон от 26 ноября 2001 г. № 147-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Евсикова Е. В. Система административно-деликтного законодательства Российской Федерации / Е. В. Евсикова // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 151–165.

4. Информационное письмо ВАС РФ от 23.11.1992 № С-13/ОП-329. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1191/6ddd882172e1327c446e59503bb4a9ba04099bbd/ (дата обращения: 17.05.2021).

5. Карасева (Сенцова) М. В. Гражданско-правовые институты в налоговом правоприменении / М. В. Карасева (Сенцова) // Правоприменение. 2017. № 3. С. 42–48.

6. Кирин А. В. Административно-деликтное право: теория и законодательные основы. М., 2012.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001г. № 195-ФЗ: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

8. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 1: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2021 № 17-П. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105140002/> (дата обращения: 17.05.2021).

10. Руденко А. В. Проблемы института административной ответственности на современном этапе в научных трудах профессора Н. Г. Салищевой / А. В. Руденко // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 34-37.

11. Цветков А. А. О применении деликтного обязательства к взысканию налоговой недоимки / А. А. Цветков // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 2 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-primenenii-deliktnogo-obyazatelstva-k-vzyskaniyu-nalogovoy-nedoimki> (дата обращения: 17.05.2021).

УДК 347.51

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДЕЛИКТНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НРАВСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ

Летута Т. В., кандидат юридических наук, доцент

Оренбургский государственный университет

Аннотация. В работе анализируется развитие взглядов отечественных и зарубежных ученых о деликтной ответственности в контексте принципов справедливости, разумности, гуманизма. Приводятся примеры судебной практики, демонстрирующие неоднозначность применения нравственно-правовых принципов в конкретных казусах.

Ключевые слова: деликтная ответственность, возмещение вреда, нравственно-правовые принципы, гуманизм, справедливость, разумность, доктрина.

INTERACTION OF TORT LIABILITY AND MORAL AND LEGAL PRINCIPLES

Letuta T. V., candidate of law, associate Professor

Orenburg state University

Keywords: tort liability, compensation for harm, moral and legal principles, humanism, justice, reasonableness, doctrine.

Нравственно-правовые принципы, к которым относят справедливость, разумность, гуманизм, пронизывают все отрасли права, являясь базисом для выработки доктринальных, нормативных положений и правовых позиций на практике. Нравственно-правовые принципы представляют собой основные идеи, призванные обеспечить баланс интересов всех участников общественных отношений, которые базируются на представлениях о добре и зле на той или иной степени развития нравственного сознания и социального действия общества [7, с. 326]. Частное право ориентируется на данные принципы во всех регламентированных отношениях, но с особым акцентом справедливость, разумность, гума-

низм требуют своего внедрения в институте деликтной ответственности, возникающем в связи с причинением вреда. Компенсация вреда, с одной стороны, должна возместить все возможные имущественные потери, вызванные нравственными, физическими страданиями, с другой стороны, она не должна повлечь необоснованного ущемления прав лица, ставшего причинителем вреда в силу случайного стечения обстоятельств. Тонкая грань, позволяющая определить нравственно ли, справедливо и разумно ли решение суда по конкретному казусу, уже не одно десятилетие волнует умы ученых и практиков [1]. Особое значение нравственные принципы приобретают в переломные, переходные моменты развития общества. Цифровая трансформация общественных отношений, предупреждение и борьба с биологическими угрозами с неизбежностью констатируют формирование новой эпохи развития человечества, требующей соответствующего совершенствования правовых норм и институтов на основе незыблемости нравственно-правовых принципов.

Наиболее востребованным в юридической литературе нравственно-правовым принципом является справедливость. Значимость справедливости объясняется историей деликтного права, которое со времён римского права зародилось в качестве альтернативы, а позднее и замены принципу талиона «око за око, зуб за зуб», который ранее предусматривал возможность саморасправы, причинения такого же вреда обидчику. Поскольку на деликтное право возлагалась миссия замены психологически необходимого для человека инстинкта мести, он должен был предложить весомый эквивалент талиону. Этим «эквивалентом» стал деликт, несмотря на различные трактовки общий замысел которого заключается в провозглашении на уровне закона любого причинения вреда противоправным и требующим его компенсации. С развитием государственности, с ростом потребности правителей в искоренении произвола среди населения и в укреплении авторитета государственной власти принцип талиона стал постепенно вытесняться уплатой штрафа. В Законах XII таблиц содержалось правило о мести за членовредительство, если не было добровольного соглашения между сторонами об уплате штрафа. Но за иные деликты уплата штрафа уже являлась обязательной мерой ответственности. Так принцип талиона постепенно был вытеснен из источников права [3]. Нравственным и справедливым признавалось теперь возмещение имущественных потерь потерпевшему. А формирование института морального вреда позволило вести речь и о возможности имущественной компенсации нравственных, физических страданий.

Как верно указывал А. Ф. Черданцев любой вид справедливости меняется в ходе исторического развития [6, с. 7]. Например, в XIX в. в Российской Империи возмещение вреда, причиненного железнодорожным транспортом, было построено на началах вины [2]. Однако, это не мешало правоприменителям использовать варианты смешанной деликтной ответственности, при которой было возможно удовлетворение требований потерпевшего от железнодорожной аварии, в которой он виновен.

На сегодняшний момент возмещение вреда, причинённого вследствие деятельности, создающей повышенную опасность на основе безвиновной ответственности признаются наиболее соответствующим нравственным принципам, поскольку учитывает потенциальную вредоносность и тяжесть последствий для потерпевшего при взаимодействии с источниками повышенной опасности. Однако, например, возмещение вреда законными представителями при причинении вреда несовершеннолетними до сих пор вызывает научные споры и неоднозначные трактовки на практике. Согласно действующему законодательству (ст. ст. 1073, 1074 ГК РФ) конструкция рассматриваемого специального деликта возлагает обязанность возмещения на законных представителей в случае наличия их вины. Имеются разъяснение высшей судебной инстанции относительно объективной стороны такого правонарушения [4]. Суды, в одних случаях, руководствуются данными разъяснениями и устанавливают виновность их деяний. В других делах, возлагают обязанность по возмещению вреда на законных представителей по признаку причинения, т.е. исходя из самого факта причинения вреда несовершеннолетними. Последний подход представляется опасным не только с точки зрения некоего элемента возврата к талиону, но и с точки зрения современной цифровой действительности и психологии подростков. Он нарушает принципы справедливости, разумности и гуманизма в тех случаях, где потерпевшие до факта причинения им вреда длительно, систематически оказывали негативное психологическое воздействие на причинителя – несовершеннолетнего путём распространения сведений в сети Интернет, шантажа, угроз, иных безнравственных поступков. В одном из дел суд в противовес доминирования причинности справедливо существенно снизил размер компенсации морального вреда, указав в мотивировочной части решения, кроме прочего, о том, что телесные повреждения потерпевшей были причинены не в результате избития последней, а в результате драки, которая была спровоцирована самой потерпевшей. Конфликт между подростками носил длительный характер и дочь ответчика

была втянута в этот конфликт. В результате драки дочь ответчицы также получила телесные повреждения, но заявление в полицию они не писали [5]. После драки ответчик хотела уладить конфликт, неоднократно звонила истцам, направляла СМС с просьбой встретиться и урегулировать конфликт, однако все ее попытки игнорировались. Подобные решения, как представляется, демонстрируют соответствующий и нравственно-правовым принципам, и формальным основаниям в возложении деликтной ответственности.

Понимание нравственно-правовых принципов может весьма различаться не только в разрезе различия исторических эпох, но и с учетом традиций и уникальности правовых систем современности. Так, например, принцип справедливости в деликтном праве Китайской Народной Республики реализуется посредством правила о доленой («социализированной», «справедливой») ответственности, предполагающей, что суды имеют право по своему усмотрению просить потерпевшего и причинителя вреда при отсутствии вины с их стороны, распределить убытки в соответствии с их имущественным положением [9, с. 18]. В китайской литературе это право именуется также распределительной справедливостью, т.е. справедливостью, которая не позволяет потерпевшему от несчастного случая остаться «один на один» со своими физическими, нравственными страданиями и имущественными потерями. Иными словами, она распределяет имущественные потери между сторонами деликтного обязательства.

В российской правовой системе справедливость проявляется в установлении презумпции вины причинителя, в провозглашении обязанности возмещения вреда при правомерных действиях государственных органов, в наличии особых условий, при которых государство отвечает без вины, в учёте имущественных интересов причинителя вреда. Однако случаев возложения ответственности судом на лицо, исключительно по факту причинения вреда, без наличия состава правонарушения российское деликтное право не знает.

Традиционные моральные ценности могут идти в разрез со здравым смыслом и понятием справедливости в конкретном казусе. Примером, может служить дело, подробно описанное в работе Ц. Хао, где судебное решение, основанное на имевших место доказательствах, на фактических данных, вызвало осуждение и большой резонанс в китайском обществе [9, с. 26]. Потерпевшая настаивала на том, что ответчик, выходя из автобуса сбил её, причинив серьёзный вред и требовала компенсации вреда. К завершению уже второго судебного заседания ответчик связался со средствами массовой информации и сообщил, что он был

«добрым самаритянином», человеком, который помог истице, сбитой неизвестным, отвез её и родных в больницу, оплатил лечение. Согласно нравственным устоям Китая лицо, которое помогло потерпевшему, нуждающемуся в поддержке, не может быть привлечено к ответственности. Общество было возмущено самим фактом судебного процесса, где ответчиком являлся помощник, а также решением суда, опирающимся на «справедливую, долеую» ответственность, которым присуждалась компенсация вреда. Несмотря на то, что впоследствии ответчик признал, что на самом деле он был человеком, который причинил вред, сбив с ног истицу, что собственно фактически было подтверждено заявлением полиции в суде, китайская общественность полагала, что судебное решение оскорбляет традиционные моральные ценности уважения к старым и слабым, конфуцианское учение о помощи всем нуждающимся.

Подобный подход к толкованию нравственных принципов представляется не соответствующим отечественному пониманию справедливости. Хотя, следует заметить, вопросы о нравственности применительно к деликтному праву вообще являются трудноразрешимыми. Согласно работе зарубежных исследователей зачастую деликтная ответственность больше связана с неудачей, чем с незаконным или не соответствующим нравственным принципам поведением причинителя вреда [10, с. 1148]. Например, далеко не все случаи противоправного поведения на дорогах приводят к дорожно-транспортным происшествиям. Лишь определённое количество владельцев источников ПО попадают в ситуации, в которых причиняется вред. Соответственно деликтная ответственность налагается не в качестве возмещения убытков как кары, а в качестве справедливого и разумного распределения убытков, понесенных потерпевшим. Именно поэтому возмещение может происходить за счет лица, не являющегося фактическим причинителем вреда и именно поэтому, при решении вопроса о размере возмещения, происходит учет вины сторон деликтного обязательства, в определённых случаях, имущественного положения причинителя, законных представителей несовершеннолетнего причинителя вреда.

Нравственно-правовые принципы особо затрагивают вопросы возмещения вреда в связи со смертью лица. Имеются нормы, направленные на создание гарантий: возмещения вреда, причинённого смертью кормильца (ст. 1089 ГК РФ), возмещения вреда при причинении вреда жизни (п. 2 ст. 1083 ГК РФ), возмещения расходов на погребение (ст. 1094 ГК РФ), гарантий на компенсацию морального вреда родственникам (§ 4 гл. 59 ГК РФ).

Согласно п. 3 ст.1064 ГК РФ в возмещении вреда может быть отказано, если вред причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия деликвента не нарушают нравственные принципы общества. В России запрещена эвтаназия. Должно ли компенсировать моральный вред и/или вред в связи с потерей кормильца родственникам умершего лица, согласившиеся реализовать его желание на прекращение жизни. В ст. 45 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» содержится запрет на ускорение смерти деяниями медицинских работников или средствами. Различные способы ускорения смерти, используемые не только медицинским персоналом, но и любыми другими гражданами являются по российскому законодательству уголовно наказуемыми.

Понимание гуманного отношения к человеку может включать и представления об избавлении его от страданий. По данным аналитического обзора Всероссийского центра исследования общественного мнения каждый второй россиянин считает, что нужно разрешить эвтаназию людям с тяжёлыми болезнями [8]. Доля положительного ответа на данный вопрос среди респондентов моложе 24 лет составляет ещё больший процент – 64 %. Ответы на вопрос о нравственных принципах общества, демонстрирующие сострадание, желание помочь не позволяют однозначно заявить о том, что лица, согласившиеся реализовать волю пациента должны нести деликтную ответственность перед родственниками умершего. Здесь мотив совершенных деяний имеет прямую связь с нравственностью и позволяет взглянуть на понятие гуманного отношения к пациенту и с точки зрения избавления от страданий. В противном случае моральный вред можно было бы взыскивать с медицинского работника, который осуществляет, например, внутривенную инъекцию, поскольку такое вмешательство предполагает определённую болезненность и при наблюдении за ним родственники пациента могут испытывать нравственные страдания. Поэтому на сегодняшний момент развития правовой науки, учитывая зарубежный опыт легализации эвтаназии вопросы о нравственности действий лиц, ускоривших смерть пациента, остаются открытыми.

По итогам исследования необходимо отметить, что тематика взаимодействия деликтной ответственности и нравственно-правовых принципов – перспективное направление дальнейших научных исследований, нацеленных на сравнительный анализ различных подходов к построению института деликтной ответ-

ственности в различные исторические эпохи, в разных государствах. Выбор оптимальных моделей, соответствующих потребностям современной действительности является приоритетной задачей, обеспечивающей гармоничное развитие частного права.

Библиографический список

1. Богданов Д. Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. № 7. С.49–62.
2. Законы гражданские: (Свод законов, т. X, ч. I изд. 1914 г., по прод. 1914 г.) со включением узаконений, последовавших в порядке 87 ст. осн. зак. и разъяснений Правительствующего Сената с 1866 г. по 1 октября 1915 г. / сост. В. Л. Исаченко. Изд., неофиц. Петроград: Юридический книжный склад «Право», 1916. 1085 с., ст. 683. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=278432> (дата обращения: 13.04.2021).
3. Климович А. В. Обязательства из деликтов в римском праве / А. В. Климович // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1 (40). С.44–50.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», п. 16 // СПС Консультант+
5. Решение Сакского районного суда Республики Крым № 1567/2020 2-1567/2020~М-1120/2020 М-1120/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2-1567/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/q3upQqAe9QZ/> (дата обращения: 13.04.2021).
6. Черданцев А. Ф. Социалистическое право и справедливость Справедливость и право. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск. Свердловский юридический институт. 1989. С. 5–15.
7. Чешев В. В. Нравственные начала в жизни общества // Идеи и идеалы. 2020. Том 12. № 4, часть 2. С. 311–327.
8. Эвтаназия: за и против. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/evtanaziya-za-i-protiv> (дата обращения: 13.04.2021).
9. Jiang, Hao, Chinese Tort Law in the Year of 2020: Tradition, Transplants, Codification and Some Difficulties (June 9, 2020). Comparative Tort Law: Global Perspectives (2nd edition) (M. Bussani, A. Sebok eds, Edward Elgar Publishing, Forthcoming, Bocconi Legal Studies Research Paper, Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3622837> (дата обращения: 13.04.2021).
10. John C. P. Goldberg, Benjamin C. Zipursky. Tort Law and moral luck // Cornell Law Review. – 2007. – Volume 92. – Issue 6. – P. 1123–1175.

УДК 347.512.5

**ПРОБЛЕМЫ БЕЗВИНОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Мананкова Е. В., студент 3 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Белова О. А.**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В настоящем исследовании рассматриваются особенности привлечения к гражданско-правовой ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а также проблемы, возникающие на практике в результате привлечения предпринимателей к ответственности без вины.

Ключевые слова: лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, риск, вина, повышенная ответственность, безвиновная ответственность, нарушение интеллектуальных прав.

**PROBLEMS OF INNOCENT LIABILITY OF PERSONS ENGAGED IN
ENTREPRENEURIAL ACTIVITY**

Manankova E. V., 3rd year student of the Faculty of Law

Supervisor: **Belova O. A.**, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This study examines the features of bringing to civil liability persons engaged in entrepreneurial activity, as well as problems that arise in practice as a result of bringing entrepreneurs to responsibility without fault.

Keywords: persons engaged in entrepreneurial activity, risk, guilt, increased responsibility, innocent responsibility, violation of intellectual rights.

В условиях современного гражданского оборота и развития рыночной экономики большую актуальность приобретают вопросы, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности.

Поскольку такого рода сфера хозяйствования носит рисковый характер, предполагается, что лицо, ее осуществляющее, должно осознавать все возможные риски и делать все от него зависящее для того, чтобы предотвратить наступление неблагоприятных последствий. В этих целях лицам, осуществляющим подобную деятельность, требуется соблюдать должный уровень заботливости и осмотрительности.

В связи с неотделимостью предпринимательства от риска, вызывающего необходимость всегда «быть на чеку», лица, осуществляющие такого рода деятельность, должны осознавать и повышенный уровень установленной для них ответственности.

Ответственность лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, может возникать ввиду нарушения каких-либо договорных обязательств либо в результате причинения вреда. Нарушение договорных обязательств представляет собой нарушение условий договора, имеющегося между предпринимателем и другим лицом. Оно может выражаться, к примеру, в несвоевременной поставке товаров, в результате чего контрагент понесет определенные убытки.

Так как, деятельность предпринимателей может быть связана с потенциальной опасностью для окружающих, существует риск возникновения обязательств из причинения вреда жизни и здоровью граждан, а также имуществу граждан и юридических лиц. Вред жизни и здоровью граждан может возникнуть вследствие недостатков товаров, работ и услуг, предоставляемых лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. Осуществление деятельности, связанной с источниками повышенной опасности, к примеру, пассажирских перевозок или грузоперевозок, также может привести к причинению вреда жизни и здоровью граждан, а также имущественного вреда гражданам и юридическим лицам.

Для возникновения гражданско-правовой ответственности, как правило, необходимо наличие четырех условий: противоправное поведение причинителя вреда, наступление вредных последствий, причинная связь между поведением причинителя и наступившими вредными последствиями и вина.

Традиционно последний из указанных элементов, т.е. вина, считается необходимым условием для возникновения любой юридической ответственности, однако, для некоторых случаев законодателем устанавливаются исключения.

В частности, наличие вины не является обязательным условием наступления гражданско-правовой ответственности, к примеру, в случае причинения вреда недостатками товаров, работ и услуг (ст. 1095 ГК РФ), причинения вреда источниками повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ).

Согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ, для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, вина не является обязательным условием возникновения гражданско-правовой ответственности. Принцип безвиновной ответственности предпринимателей означает то, что освобождение от ответственности возможно только тогда, когда исполнение обязательства стало невозможным в результате воздействия непреодолимой силы [1].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» приводится перечень условий, которые необходимы для признания обстоятельства, в результате которого произошло правонарушение, непреодолимой силой.

В качестве таковых рассматриваются:

- 1) исключительность, необычность обстоятельства для конкретных условий;
- 2) невозможность предвидения и избежания такого обстоятельства или его последствий любым участником гражданского оборота, который осуществляет деятельность, аналогичную деятельности должника [6, с. 12].

Как правило, в качестве обстоятельств непреодолимой силы рассматриваются стихийные бедствия, чрезвычайные ситуации.

Обстоятельства, рассматриваемые в качестве непреодолимой силы, должны находиться в причинной связи с поведением причинителя вреда и наступившим вредом. Отсутствие такой связи исключает возможность освобождения от ответственности.

В качестве примера можно привести следующий случай из судебной практики.

ООО «Р» был предъявлен иск к ОАО «М» о взыскании задолженности по договору поставки. Ответчик выразил возражение против заявленных исковых требований, ссылаясь на то, что просрочка в поставке произошла в результате

воздействия непреодолимой силы. В подтверждение своих доводов он предоставил информационное письмо Управления ветеринарии Воронежской области, в котором указывалось, что поставка товаров не может осуществляться в связи с неблагоприятной эпизоотической обстановкой в данном регионе.

Суд представленное доказательство оценил критически. Вызвано это было тем, что ответчик не привел доводов в подтверждение относимости указанных в информационном письме обстоятельств, к спору, возникшему между ним и истцом [7].

Концепция безвиновной ответственности удостоилась интереса в кругу ученых-правоведов. Часть из них придерживаются позиции, что в некоторых случаях установление ответственности без вины является оправданной и необходимой, другая часть, считает, что наличие вины является необходимым условием для возникновения ответственности.

По мнению В. С. Тадевосян, установление повышенной ответственности для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, является вполне оправданным с точки зрения справедливости. Свою позицию он иллюстрирует в достаточно ярком высказывании: «Что бы, например, сказали авторы, отстаивающие ответственность только за вину, если бы, скажем, сдав вещи на хранение в ломбард и возвратившись из отпуска или командировки, они получили бы извещение из ломбарда о том, что вещей их уже нет, так как не по вине ломбарда они исчезли» [8, с. 86].

Е. А. Зверева также придерживается позиции нецелесообразности выделения вины, как обязательного условия наступления ответственности для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность [3, с. 120].

Такой подход к ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, соблюдается и в судебной практике.

Так, например, гражданин С. обратился в суд с иском к банку, незаконно удерживающему его денежные средства. С. обосновал свои требования о взыскании указанных денежных средств, неустойки и компенсации морального вреда тем, что он дал банку распоряжение о закрытии счета по вкладу, который перешел к нему по наследству от его матери, и списании с такого счета денежных средств. В тот же день банк самовольно провел операцию по восстановлению счета и возврату на него списанных денежных средств.

Суд первой инстанции в удовлетворении исковых требований С. отказал, ссылаясь на то, что причиной проведения указанных операций стала ошибка в работе программного обеспечения, используемого банком.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, однако апелляционное определение в последствие было отменено Судебной коллегией по гражданским делам ВС РФ со ссылкой на Закон о защите прав потребителей и п. 3 ст. 401 ГК РФ, которыми установлена безвиновная ответственность для предпринимателей, а дело направлено на новое рассмотрение [4, с. 9-10].

Однако, есть авторы, которые выражают несогласие с тем, что предпринимателей стоит привлекать к ответственности без наличия вины. Такого мнения, к примеру, придерживается Яковлев В. Ф., считающий, что привлечение к ответственности должно происходить в том случае, когда правонарушитель допускает нарушение установленного правопорядка сознательно или в результате непредусмотрительного поведения. По его мнению, привлечение к ответственности без вины способно скорее навредить обществу, чем принести ему пользу [9, с. 173-174].

Такая позиция представляется вполне справедливой, если обратить внимание на установление безвиновной ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, за нарушения в сфере интеллектуальных прав.

Согласно п. 3 ст. 1250 ГК РФ, меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав применяются к предпринимателям не зависимо от наличия их вины. В указанной норме также указывается, что по аналогии с п. 3 ст. 401 ГК РФ, лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, в этом случае может быть освобождено от ответственности только если докажет, что нарушение интеллектуальных прав произошло в результате воздействия непреодолимой силы [2].

Стоит заметить, что трудно представить себе такую ситуацию, при которой нарушение интеллектуальных прав могло бы произойти под воздействием непреодолимой силы. Получается, что, защищая правообладателей результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, законодатель ставит лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в такое положение, при котором они фактически лишаются возможности освободиться от ответственности при отсутствии своей вины в допущенном нарушении.

На практике не редкими являются случаи, когда на предпринимателей возлагается ответственность за нарушения в сфере интеллектуальных прав, допущенные третьими лицами.

В качестве примера можно привести случаи, когда к ответственности привлекается магазин, распространяющий печатные издания, в которых редакцией

средств массовой информации размещены произведения литературы или искусства без согласия на то автора указанных произведений [5].

И этот случай не является каким-то исключением из правил.

Однако, следует признать, что в приведенной ситуации принять меры должной заботливости и осмотрительности во избежание допущения нарушения не представлялось возможным, так как нарушение было допущено не самим предпринимателем, а совершенно другим субъектом. Сослаться на действие непреодолимой силы, как на условие освобождения от ответственности для предпринимателя, тоже не представляется возможным, поскольку подобная ситуация не может рассматриваться в качестве нарушения, произошедшего под воздействием непреодолимой силы.

Получается, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, сталкиваясь с такими ситуациями остаются в безвыходном положении, так как закону такие судебные решения вполне соответствуют и единственным основанием освобождения от ответственности может быть только доказательство того, что нарушение произошло под воздействием непреодолимой силы. А как уже было отмечено ранее, представить себе ситуацию, в которой нарушение интеллектуальных прав произошло под воздействием непреодолимой силы достаточно сложно.

В связи с вышеизложенным, представляется целесообразным внести корректировки в нормы, регулирующие привлечение к ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, за нарушение интеллектуальных прав.

Можно предложить следующие варианты изменений.

В качестве первого из возможных вариантов предлагаем внести в п. 3 ст. 1250 ГК РФ дополнение, согласно которому в случае, если предпринимателем будет доказано, что нарушение интеллектуальных прав произошло в результате действий третьих лиц, он будет освобождаться от ответственности.

Вторым вариантом может быть установление п. 3 ст. 1250 ГК РФ солидарной ответственности для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность и тех лиц, в результате действий которых произошло нарушение интеллектуальных прав.

В качестве третьего варианта можно предложить установление в вышеназванной норме Гражданского кодекса РФ права предъявления регрессного требования для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в том случае, если нарушение интеллектуальных прав произошло по вине третьих лиц.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52. Ст. 5469.
3. Зверева Е. А. Ответственность предпринимателя за нарушение договорных обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
4. Определение № 5-КГ14-124 Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) // БВС РФ. 2015. № 10.
5. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 02.04. 2014 г. по делу № А40-82533/2011. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/xRLgX4a94crL/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%9040-82533%2F2011&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=02.04.2021&arbitral-date_to=03.04.2014 &arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_ =1624913393692&snippet_pos =144 #snippet (дата обращения: 20.05.2021).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 04.04.2016. № 70.
7. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 22.02.2017 по делу № А45-26052/2016. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%9045-26052%2F2016&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=#search Result (дата обращения: 20.05.2021).
8. Тадевосян В. С. Укрепление социалистической законности в народном хозяйстве. М.: Наука, 1980.
9. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М.: Статут, 2006.

УДК 347.51

**РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПОНЯТИЯ ВРЕД, УЩЕРБ, УБЫТКИ В
ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

Минакова А. С., студент 4 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Иловайский И. Б.**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В отечественном гражданском праве правоведы оперируют очень близкими, и все же различными терминами «вред», «ущерб», «убытки», что не всегда понятно рядовым гражданам РФ. Поэтому целью настоящего исследования является разграничение этих юридических дефиниций, в свете ретроспективы их развития в отечественной цивилистике в дореволюционный, советский и современный период.

Ключевые слова: деликтные обязательства, вред, убытки, ущерб, упущенная выгода.

**DEVELOPMENT OF VIEWS ON THE CONCEPTS OF HARM, DAMAGE,
LOSSES IN DOMESTIC CIVIL LAW**

Minakova A. S., 4th year student of the Faculty of Law

Supervisor: **Ilovaisky I. B.**, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. In the domestic civil law, legal scholars operate with very close, and yet different terms «harm», «damage», «losses», which is not always clear to ordinary citizens of the Russian Federation. Therefore, the purpose of this study is to distinguish these legal definitions, in the light of a retrospective of their development in Domestic civil law in the pre-revolutionary, Soviet and modern periods.

Keywords: tort obligations, harm, losses, damage, lost profits

Когда-то французский поэт Никола Буало сказал: «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает» [3, с. 33]. Мы бы взяли на себя смелость и попытались перефра-

зировать эту сентенцию применительно к юриспруденции: «Кто понятно формирует правовые термины, тот успешен в их правоприменении». Как раз такого подхода, на наш взгляд, не хватает отечественной цивилистике при определении содержания таких дефиниций как «вред», «убытки», «ущерб». Несмотря на более чем вековой период использования в Российском гражданском праве и множество научных работ, посвященных их исследованию, отдельные аспекты указанных понятий до сих пор остается невыясненным и дискуссионными [4, с. 33]. Такая ситуация не может не отразиться в деятельности судов, поскольку перечисленные термины являются основополагающими при определении гражданско-правовой ответственности, а неясность в их толковании приводит к неоднозначным, а порой и не вполне верным судебным решениям. Поэтому, и в целях эффективно использовать средства охраны субъективных гражданских прав, мы предлагаем в настоящем исследовании рассмотреть каждое понятие из этих понятий в отдельности, а затем соотнести их между собой по содержанию.

В дореволюционной цивилистической литературе сложилось три точки зрения на понятие «вред». Родоначальником первого направления был профессор Д. И. Мейер. Главным тезисом такого рода позиции было то, что вред, как правовая категория, относится исключительно к области гражданского права, и он может быть причинен только имущественным объектам. А вот, неимущественный и нематериальный вред находятся за рамками гражданского права, их необходимо применять в других отраслях права, прежде всего, уголовного [5, с. 244]. Это мнение поддерживал Г. Ф. Шершеневич. Под вредом он понимал негативные изменения в имуществе потерпевшего. И в подтверждение этого тезиса, утверждал, что вред может выразиться в уничтожении вещи, в порче ее или в присвоении, а также в препятствовании поступлению тех ценностей, какие по обыкновенному ходу вещей должны были бы поступить [10, с. 210].

Представители рассматриваемого направления не проводили различий между понятиями имущественного вреда, ущерба и убытков, что отражало содержание действующего в то время гражданского законодательства, в котором не было установлено определенных критериев для их разграничения.

Вторая из анализируемых точек зрения на дефиницию вред, подходит к её определению несколько иначе. Его сторонники понимают вред в двух аспектах. Во-первых, вред, причиненный имущественным объектам; и, во-вторых, причиненный неимущественным субстанциям. Родоначальником этого направления является К. Н. Анненков, который утверждал, что вред может быть причинен как

вследствие уменьшения имущества, так и вследствие нарушения других благ потерпевшего: жизни, здоровья, чести и т.д. [1, с. 212]. Активное участие в становлении и защите второго направления принимал И. А. Покровский, отмечавший, что в цивилизованном обществе должны защищаться не только имущественные права, но и нематериальные интересы, а вот, игнорировать нематериальный вред в отечественном гражданском праве, он считал, «... чем далее, тем более... невозможным» [8, с. 127].

Редакционная комиссия по составлению Гражданского уложения 1916 года занимала близкую указанной выше позицию, отмечая, что «не только слово «убыток», но и выражение «ущерб» всегда указывают на видоизменение (уменьшение) имущества потерпевшего; что же касается понятия «вреда», то оно обнимает собою как уменьшение или ухудшение имущества, так, в особенности, и нарушение неприкосновенности лица, как, например, проступки против чести, причинение смерти и расстройства в здоровье.

Третья точка зрения на содержание вреда была высказана магистром права К. Д. Кавелиным, который утверждал, что вред может быть причинён только личности, а понимать под ним необходимо «...последствия нарушения, отразившиеся непосредственно на физической личности того, к кому нарушение относится. Сам по себе вред, нанесённый лицу, не подлежит имущественной оценке» [3, с. 602–603].

Современному гражданскому законодательству наиболее близок второй подход. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 26.08.2014 № 81-КГ14-10 было дано толкование значению вреда в соответствии с содержанием ст. 1064 ГК РФ, а именно под вредом понимается всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благе, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным) [7].

Из анализа положений Главы 59 ГК РФ можно прийти к выводу, что вред подлежит возмещению по основаниям внедоговорной ответственности, поскольку и само наименование этой части Гражданского кодекса РФ звучит как «Обязательства вследствие причинения вреда, т.е. деликтные, а не договорные обязательства.

В отношении дефиниции «убытки» до революции также сформировалось несколько точек зрения. Так, Д. И. Мейер отождествлял понятия вред, ущерб и убытки [5, с. 247]. Г. Ф. Шершеневич даёт определение убытков через категорию

вреда: «Вред, понесенный имуществом и состоящий в уменьшении его ценности, называется убытками» [10, с. 212]. Современное понимание убытков схоже с позицией К. Д. Кавелина, который указал, что «под убытками следует... разуметь ущерб имущественного характера, именно, когда он состоит или в повреждении имущества, или в расходах, вынужденных нарушением...» [3, с. 604].

В современном гражданском праве России убытки являются формой имущественного вреда. В силу п. 2 ст. 15 ГК РФ, под ними следует понимать все денежные затраты, которые причинитель вреда будет производить для того, чтобы восстановить нарушенное право, включая недополученные доходы.

Таким образом, в понятие убытки входят реальный ущерб и упущенная выгода. В пунктах 13-14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ» дается определение этим категориям:

- реальный ущерб – утрата или повреждение имущества, а также расходы, которые произведены (или будут произведены в будущем) лицом, право которого нарушено, для его восстановления;

- упущенная выгода – недополученные доходы, которые лицо, которому причинен вред, могло бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено [9, с. 46].

Схематично, изложенное выше можно изобразить следующим образом.

Рис. 1. Соотношение понятий «вред», «ущерб», «убытки»

Что касается дефиниции «ущерб», то, как было указано ранее, и «ущербу» и «убыткам» Д. И. Мейер придавал одинаковое значение, и понимал под ними «уменьшение или уничтожение ценности права» [5, с. 212]. Кавелин К. Д. говорит об ущербе как о категории, подведенной под категорию вреда или убытка, а именно «оба термина употребляются и в Своде законов, но они не имеют в нем точно определенного технического значения» [3, с. 604].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 дано современное понятие ущерба, причем дается оно с прилагательным «реальный».

Рассмотрев содержание понятий вред, убытки и ущерб, необходимо отметить, что термин «вред» относится к институту внедоговорной ответственности, а вот, «убытки» является дефиницией договорных обязательств и представляют собой средство восстановления нарушенного права. То есть действует правило, указанное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.12.2013 г. № 78-КГ13-37: «В случае, если вред возник в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, нормы об ответственности за деликт не применяются, а вред возмещается в соответствии с правилами об ответственности за неисполнение договорного обязательства или согласно условиям договора, заключенного между сторонами» [6].

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что и в отечественной цивилистической теории, в гражданском законодательстве и правоприменительной практике достаточно ясно разграничиваются понятия «вред», «ущерб» и «убытки». При наступлении неблагоприятных последствий за нарушение договорных обязательств применяется гл. 25 ГК РФ, где законодатель оперирует понятием «убытки». При наступлении неблагоприятных последствий по внедоговорным обязательствам используется терминология возмещение вреда (гл. 59 ГК РФ). А правила ст. 15 ГК РФ, являются общими по отношению к специальным нормам, сформулированным в главах 25 и 59 ГК РФ.

Библиографический список

1. Анненков К. Н. Система русского гражданского права. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899.
2. Буало Н. «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Как стать оратором // Аргументы и факты. 26.09.1987. № 38.

3. Кавелин К. Д. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству: Опыт систематического обозрения // Кавелин К. Д. Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003.

4. Картошкин С. В. Эволюция взглядов на понятие вреда в отечественной цивилистике // Законодательство. 2010. № 8.

5. Мейер Д. И. Русское гражданское право: В 2 ч. (По изд. 1902 г.) Ч. 1. М., 2003.

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 03.12.2013 г. № 78-КГ13-37. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases?®isterDateExact=off&considerationDateExact=off&numberExact=true&number=78-%D0%9A%D0%9313-37> (дата обращения: 21.05.2021).

7. Определении Верховного Суда РФ от 26.08.2014 № 81-КГ14-10. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases?®isterDateExact=off&considerationDateExact=off&numberExact=true&number=81-%D0%9A%D0%9314-10> (дата обращения: 21.05.2021).

8. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. (Классика российской цивилистики). М.: Статут, 2001.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8. С. 46.

10. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. (Классика российской цивилистики). Т. 2. М.: Статут, 2005.

УДК 388.14

**ДЕЛИКТНОЕ ПРАВО РОССИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
АМЕРИКИ: ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ**

Мхитарян С. Э., студент 2 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Агибалова Е. Н.**, кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В настоящей статье затронута тема деликтных обязательств, рассматривается сущность данного вида ответственности, проводится небольшое сравнение между деликтным правом России и Соединенных Штатов Америки, чтобы в конечном итоге, определить основные различия деликтного права данных государств.

Ключевые слова: деликт, внедоговорная ответственность, обязательство, неисполнение, законодательство, обязательственная ответственность.

**TORT LAW OF RUSSIA AND THE UNITED STATES OF AMERICA:
MAJOR DIFFERENCES**

Mkhitaryan S. E., 2th year student of the Faculty of Law

Supervisor: Agibalova E. N., Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. In this article covers the topic of the tort obligations, the essence of this type of responsibility, is devoted small comparison between tort law of the Russia and United State of America, so that in the end, identify the main differences of the tort law of these states.

Keywords: tort, non-contractual liability, obligation, default, legislation, liability.

Деликт является распространенным основанием возникновения гражданско-правовых обязательств. Деятельность российских компаний и организаций и поездки граждан России на внешнем рынке благоприятствуют созданию пред-

посылок для участия отечественных физических и юридических лиц в деликтных правоотношениях с иностранным элементом. В настоящее время благодаря развитию информационных технологий, а также коммуникационных систем, которые облегчают распространение и использование не только информации, но и результатов творческой деятельности между различными странами мира возникает вероятность появления данных ситуаций. Следовательно, возникают и правонарушения в области деликтных правоотношений. Наконец, отрицательные последствия некоторых деликтов для окружающей среды столь значительны, что выходят далеко за пределы одного государства.

Во всех этих случаях могут выявиться расхождения различных правовых систем, для разрешения которых коллизионное право государств наряду с традиционной привязкой к месту совершения деликта оперирует привязками к юрисдикции, с которой дело имеет более тесную связь, и которая имеет преобладающий интерес в деле, к domicilio потерпевшего и к закону суда. Иными словами, к обязательствам, вытекающим из причинения вреда российскими лицами или российским лицам, порой применимо право зарубежного государства.

Между тем, в области деликтного права правовые системы разных стран имеют немалые отличия, которые по-настоящему могут стать судьбоносными для истцов или ответчиков в нашем государстве.

Дела, связанные с деликтными обязательствами, занимают серьезное место в доле дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами. В Гражданском праве Российской Федерации есть два вида обязательства: договорные обязательства (глава 25), внедоговорные обязательства (глава 59) [2]. В гражданском кодексе РФ не упоминается данный термин, но указываются условия возникновения данного вида ответственности. Ответственность, как правовая категория закреплена в Конституции РФ (ст. ст. 2, 45) [1]. Суть ответственности заключается в восстановлении прежнего состояния или возмещения убытков. Можно сказать, что сущностью является применение к правонарушителю определенных негативных санкций и создание для нарушителя новых обременений.

Есть различные научные подходы к определению характера гражданско-правовой ответственности, которые помогут раскрыть сущность деликтной ответственности. По мнению П. Е. Недбайло, ответственность у физического лица наступает тогда, когда он приступает к исполнению своих обязанностей, а не

только за неисполнение или действия вопреки, как считали сторонники ретроспективной ответственности [7, с. 23]. С. Н. Братусь считал, что правомерность одностороннего деяния должна быть подтверждена, иначе это правонарушение и решение юрисдикционного органа, которое обязывает совершить определенные действия, для устранения правонарушения, по факту является установление юридической ответственности за содеянное [4, с. 14].

Деликтные обязательства включают в себя не только деликтные, но и иные обязательства. Многие ученые по-разному смотрели на данную проблематику. В. С. Ем, включал во внедоговорную ответственность исключительно два вида: обязательства вследствие причинения вреда и обязательства вследствие неосновательного обогащения. Но круг, который охватывают внедоговорные обязательства, намного шире. Причиной возникновения данных обязательств могут служить и другие различные юридические акты, такие как: односторонние сделки, юридические поступки.

Деликтные обязательства имеют важные отличия от договорных, они носят императивный характер и категорически исключают возможность действовать по усмотрению сторон при указании условий возникновения обязательств, а также размера возмещения ущерба [9].

В общем случае при наступлении вреда, в случае ненадлежащего или неисполнения обязательств, прописанных в договоре, вред должен возмещаться по нормам, которые регулируют договорные обязательства. Данные нормы могут быть прописаны либо в Российском законодательстве, либо в договоре. Но в нашем законодательстве есть немало исключений. Одним из них является вред причиненный жизни или здоровью гражданина. При исполнении договорных обязательств, связанных с данным видом вреда, возмещается по нормам о деликтных обязательствах. Если законом не предусмотрен более высокий размер ответственности, то применяются нормы деликтных обязательств. По своей сути, данный вид обязательств, как и другие обязательства являются относительными правоотношениями и происходят между определенными лицами, а именно между потерпевшим и правонарушителем [3, с. 7].

Российское деликтное право подобно германскому и швейцарскому, оно построено на принципе смешанного деликта. Это означает, что наряду с общей презумпцией противоправности любого причинения вреда личности или имуществу (генеральный деликт) имеются гражданско-правовые нормы, в которых

формулируются отдельные составы гражданско-правовых деликтов (специальные деликты). Законодательство некоторых стран ограничивается общей формулировкой понятия деликта, т.е. строится по принципу генерального деликта. В англо-американском праве, наоборот, используется система сингулярного (единичного, специального) деликта. Известны такие деликты, как небрежность (negligence), небрежные высказывания (negligent statements), нарушения владения (trespass), злобредность (nuisance), обман (fraud), насилие (battery), угроза насилием (assault), неправомерное лишение свободы (false imprisonment), диффамация (defamation), вторжение в частную сферу (invasion on privacy), умышленное причинение морального вреда (intentional infliction of emotional distress) и др. [5].

Чтобы получить удовлетворение, истцу важно грамотно подвести поведение ответчика под какой-либо деликт, показать, что в действиях или бездействии ответчика содержится состав этого деликта. При том, что одни деликты предусматривают виновную, а другие – безвиновную ответственность и различаются в отношении распределения бремени доказывания, многое зависит от оптимального выбора истцом состава деликта как основания своего требования. Например, в тех случаях, когда ответственность правонарушителя застрахована в пользу потерпевшего, жертвы умышленного причинения морального вреда порой сознательно выбирают другое основание для иска, ссылаясь на небрежность ответчика, чтобы не лишиться возможности получения страхового возмещения (страхуется, как правило, лишь риск ответственности за совершение правонарушений по неосторожности).

В англо-американском праве основным источником является судебный прецедент. Большинство составов деликтов сформулировано судебной практикой, кодификация деликтного права отсутствует (в США деликтное право кодифицировано лишь в тех немногих штатах, где приняты гражданские кодексы – например, в Луизиане; общефедеральная кодификация деликтного права имеет неофициальный характер).

Обязательным условием возникновения деликтной ответственности как по российскому, так и по американскому праву является наличие вреда. Правда, англо-американскому праву известно понятие номинальных убытков. Например, может быть вынесено решение о возмещении ответчиком убытков в сумме 1 долл. в знак того, что его поведение неправомерно, хотя истец и не понес убытков. С конца XIX в. компенсируется и моральный вред.

В контексте возмещения морального вреда важно известное некоторым правопорядкам разделение потерпевших на первичные и вторичные жертвы. Так, к первичным жертвам аварии могут быть отнесены те, чья жизнь или здоровье пострадали или подвергались опасности; вторичные жертвы – это те, кто переживал за своих близких, ставших первичными жертвами, оказывал им помощь или просто был невольным свидетелем событий. Если первые претерпевают «психический» вред наряду с физическим, то последние – только «психический». Английская судебная практика выработала некоторые формальные критерии для ограничения круга вторичных жертв (в частности, право на компенсацию признается только за близкими родственниками, ставшими очевидцами событий или увидевшими пострадавших в течение двух часов после происшествия).

Как правило, деликтная ответственность возникает в случаях виновного причинения вреда, причем, в отличие от российского права, в зарубежном праве вина причинителя вреда обычно не презюмируется. То есть истец находится в менее выгодном положении, на нем лежит более тяжелое бремя доказывания.

В ряде юрисдикций предусматривается строгая (безвиновная) ответственность за вред, причиненный продукцией, животными, огнем, опасной деятельностью. Можно выделить три подхода к определению опасной деятельности. Третий подход заключается в определении общих критериев строгой ответственности. Так, английское право (прецедент 1866 г. по делу Райлендс) устанавливает строгую ответственность землевладельца, на участке которого находятся опасные объекты, за вред, причиненный ими в случае утечки с участка [8].

Необходимым элементом состава деликта является причинная связь между поведением ответчика и вредом, претерпеваемым истцом. Исследование этого элемента состава деликта порой представляет большую сложность. Так, иногда налицо вред и противоправное виновное поведение ответчика, однако точно установить, что явилось причиной возникновения вреда, невозможно. Сложности при определении наличия причинной связи возникают в тех случаях, когда небрежность медиков сама по себе не причинила вред, но снизила шансы пациента на выздоровление (*loss of chance*) [6]. Например, истец в деле *Holson v. East Berkshire Area Health Authority* (1987 г.) в результате падения получил травму и в случае своевременного и правильного лечения мог полностью выздороветь с вероятностью 25 %. Однако из-за неправильной диагностики эта возможность не была использована, и он стал инвалидом. Суд первой инстанции удовлетворил

его иск частично, присудив ответчика к возмещению 25 % ущерба. Однако Палата лордов не согласилась с таким решением, указав, что инвалидность истца находится в причинной связи с падением, а не с небрежным лечением; в иске было отказано. Интересно, что иски к иным профессионалам, из-за небрежности которых увеличивается вероятность причинения вреда их клиентам, суды удовлетворяют более охотно, нежели иски к медикам.

Иногда противоправное поведение (например, продажа недоброкачественной продукции) осуществляется несколькими лицами, и сложно определить, кто из делинквентов причинил вред конкретному потерпевшему. Из американской судебной практики известны случаи, когда к ответственности по групповым искам покупателей привлекались все ответчики, предлагавшие вредоносный товар, пропорционально соотношению их долей на соответствующем рынке. Таким образом, суды пренебрегали доказательством причинной связи между поведением конкретного ответчика и вредом, причиненным конкретному истцу [5].

Любопытно применяющееся в англо-американской судебной практике «правило хрупкого черепа» («eggshell skull rule»), в соответствии с которым риск увеличения вреда из-за нетипичных особенностей организма потерпевшего, которые невозможно предвидеть, возлагается на ответчика. Например, работник из-за небрежности работодателя получил ожог губы; затем рана была поражена раком, и работник умер. Хотя вред в полном объеме наступил из-за особенностей организма потерпевшего, иск его вдовы о возмещении ущерба, причиненного смертью мужа, был полностью удовлетворен.

Подобным образом разрешаются дела в случаях, когда результатом небрежности ответчика становится беспомощность потерпевшего, его неспособность защититься от другой опасности. Например, в результате небрежности ответчика произошло столкновение автомобилей, и потерпевший, зажатый в перевернутом автомобиле, захлебнулся в луже глубиной в несколько дюймов. Виновник аварии понес ответственность за ущерб, причиненный смертью потерпевшего. Американская судебная практика даже признает лиц, по чьей небрежности потерпевшие теряют сознание, ответственными за ущерб, причиненный последним карманниками.

Практическую значимость имеет разграничение договорной и деликтной ответственности, поскольку одно и то же действие или бездействие может представлять собой как совершение деликта, так и нарушение договорных обяза-

тельств (причинение вреда потребителю недоброкачественной продукцией, пассажиру во время перевозки, страхователю недобросовестным поведением страховщика). Российское законодательство по общему правилу не допускает конкуренции исков, строго различая основания гражданско-правовой ответственности. Иной подход к конкуренции исков наблюдается в зарубежном, особенно в англо-американском праве. При том, что сроки исковой давности, бремя доказывания, объем подлежащих возмещению убытков, возможность компенсации морального вреда, возможность уступки права требования различаются для деликтных и договорных требований, потерпевшему при конкуренции исков важно наиболее выгодным для себя образом определить основание своего иска.

Ключевым отличием деликтных обязательств по англосаксонскому праву от аналогичных обязательств по праву России является отсутствие в англосаксонском праве связи между деликтным и договорным правом. Если российская система гражданского права предполагает объединение договоров и деликтов под общим понятием «обязательства», то англосаксонская система четко разграничивает эти понятия. В англосаксонской правовой системе возможно существование «штрафных неустоек» именно как института деликтного права. Основываясь исключительно на нормах договора сторон, истец, как правило, не может претендовать на компенсацию морального вреда и штрафных неустоек; напротив, деликтные обязательства предполагают такую возможность [5]. Таков во всяком случае традиционный взгляд на применение «штрафных неустоек» в договорных обязательствах. Лорд Аткинсон (Atkinson), вынося решение по спору *Addis v. Gramophone Co. Ltd.* (1909), выразил эту точку зрения максимально кратко и точно: «Во многих случаях нарушение условий контракта [одновременно] представляет собой обман, диффамацию, злой умысел или насилие, которое может представлять собой основание для иска из деликтных обязательств (action of tort), и если кто-то выберет такую форму возмещения, он, конечно, может просить о «штрафных неустойках»... однако если он выбирает возмещение на основе нарушения договора, то он должен соблюдать все правила такого возмещения... одним из таких условий, думаю, будет получение адекватной денежной компенсации того, что он получил бы, не будь договор нарушен, и не более того».

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к

Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

2. Российская Федерация. Законы. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 года №51-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – текст : непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Андреев Ю. Н. Гражданско-правовая ответственность государства по деликтным обязательствам: Теория и судебная практика / Ю. Н. Андреев. М.: Юридический центр, 2006. 160 с.

4. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юрид. лит., 1976. 214 с.

5. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве / под ред. М. А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2017. 597 с.

6. Москалец А. П. О реформе деликтного права США // Государство и право. 2009. Выпуск № 8 С. 72-77 [Электронный ресурс]. URL: <https://gospravo-journal.ru/s1026-94520000617-6-1-ru-1080/> (дата обращения: 23.05.2021).

7. Недбайло П. Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3.

8. Нуриев А. Х. Ответственность государства за причинение вреда участникам гражданских правоотношений в праве зарубежных стран // Право и государство. 2010. № 10. С. 131–138.

9. Шевченко А. С. Деликтные обязательства в российском гражданском праве / А. С. Шевченко. М.: Статут, 2013. 664 с.

УДК 347.51

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ
МОРАЛЬНОГО ВРЕДА**

Немчинова С. А., студент 3 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Белова О. А.**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В статье рассматриваются пробелы отечественного законодательства в части определения компенсации морального вреда, а также дается краткий анализ возмещения вреда за моральные страдания в зарубежных странах и в России.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация морального вреда, потерпевших, методика расчета, состояние здоровья, правовые пробелы.

**PROBLEMS OF DETERMINING THE AMOUNT OF COMPENSATION
FOR NON-PECUNIARY DAMAGE**

Nemchinova S. A., 3rd year student of the Faculty of Law

Supervisor: **Belova O. A.**, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article examines the legal gap in the legislation of the Russian Federation on the issue of determining compensation for moral damage, and also provides a brief analysis of compensation for moral suffering in foreign countries and in the Russian Federation.

Keywords: non-pecuniary damage, compensation for non-pecuniary damage, victims, calculation method, state of health, legal gaps

Институт компенсации морального вреда существует в Российском праве уже более двадцати семи лет. Несмотря на довольно длительный период существования института, при применении норм на практике возникает правовые

пробелы, в частности проблема определения размера морального вреда. В нормах Гражданского кодекса РФ и постановления пленума Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда [6] дается понятие морального вреда и основания его возмещения. Но вопрос о размере и способе расчета компенсации морального вреда в том или ином конкретном случае эти нормативно – правовые акты не регулируют так детально, как в этом нуждается российское общество. В ст. 151 ГК РФ называется лишь критерий «характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего», на наш взгляд указанный критерий имеет размытое понимание и, следовательно, не устанавливает конкретный способ расчета и размера компенсации морального вреда [4, с. 98].

Проблематика состоит в том, что законодатель не установил ясных тарифов выплаты компенсации морального вреда, а именно отсутствуют формализованные тарифы определения выплаты, неопределенны даже минимальные выплаты размера компенсации, то есть люди обращаясь за взысканием такого рода выплаты, по сути, не знают на какой минимум им рассчитывать. В этом выражается некий субъективизм судей к делу.

Если смотреть судебную практику, то в большинстве случаев сумма компенсации за одно и тоже деяния не одинакова. Например, ситуация такова, что гражданин К., обратился в суд за взысканием за причинения вреда о возмещении материального ущерба, компенсации морального вреда, причиненных в результате преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, суд оценил моральный ущерб в размере 500000 рублей. Другой случай, гражданин В., обратился в суд за взысканием за причинения вреда о возмещении материального ущерба, компенсации морального вреда, причиненных в результате преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, однако суд оценил моральный на 100000 рублей. В указанном примере мы видим существенную разницу в выплатах, что по естественным причинам, многим людям становится не понятно, казалось бы, ущерб одинаковый, следовательно сумма должна быть равной, но суд, по внутреннему убеждению, назначил разные. Такая ситуация подорвет авторитет судебной власти в глазах российского общества. По информационным данным уральского центра по защите граждан до 2016 года действовала методика расчета компенсации российского ученого, суть сводиться к тому, что в случае причинение вреда

жизни и здоровью причинитель должен был выплатить компенсацию потерпевшим в размере минимум 720 минимальных зарплат, дабы обеспечить пострадавшего всем необходимым на ближайшие 10 лет. К сожалению, в настоящей момент приведенная выше методика не применяется.

Можно заметить, что закон передает судьям важное полномочие, с одной стороны, это правильно, поскольку сам размер человеческого страдания довольно сложно определить, поэтому цифры, установленные в законе, не всегда определяют правильно фактический размер ущерба, причиненного человеку, все-таки только человек, а не закон способен понять страдания другого человека. С другой стороны, физическим лицам, который был причинен моральный вред, не знают о том, какую сумму они могут получить от причинителя вреда. В связи с чем, у людей падает вера в справедливость принимаемых судом решений. Так, например, за причинение морального вреда в связи со смертью кормильца, гражданин получил компенсацию в размере 50 тысяч рублей, а за убийство краснокнижного животного штраф составляет от 250 тысяч до 500 тысяч рублей. Поэтому создается обиденное мнение, а том, что жизнь человека не то чтобы не дороже жизни животного, а даже дешевле его [4].

Чтобы урегулировать пробел, юристы рекомендуют воспользоваться услугами специалиста, который проведет соответствующие сеансы и тем самым выдаст заключение о состоянии здоровья. В подобном заключении психолог описывает, как тот или иной факт повлиял на психическое состояние его пациента; какие последствия возникли в связи с противоправными действиями. На основе этой информации юрист составляет заключение, также рекомендуют ставить наиболее высокую сумму компенсации морального вреда, так как суд может уменьшить ее в любом случае, а увеличение компенсации встречается довольно редко.

В российском законодательстве нам не удалось найти пример, когда суд назначил компенсацию за моральный вред выше, чем установленный юристом размер. Однако, в США такой случай есть. Дело рассматривалось судом апелляционной инстанции и гражданке США было назначено возмещение вреда по инвалидности, полученной при ДТП, то есть вред причинен повышенном источнике опасности, в размере 6 миллионов долларов. Хотя ее адвокат требовал сумму в размере 3 миллионов долларов, но присяжные заседатели просили суд повысить размер выплат, и судья согласился с этими доводами [2, с. 92].

Если обратиться к отечественной правоприменительной практике о компенсации морального вреда, то можно увидеть, что от той суммы, которую просит за свои страдания истец, суд удовлетворяет такие требования или в частичном размере, или не удовлетворяет их вообще... Например, Вологодский районный суд рассматривая дело гражданки Поповой М. В., в суде первой инстанции по возмещению вреда здоровью оценил компенсацию морального вреда в размере 10000 рублей, хотя истица установила размер в районе около 1 миллиона рублей.

Другой пример, касается прецедента, когда суд полностью удовлетворяет компенсацию морального вреда. Гражданин Сергеев О.А. обратился в суд с требованием к ответчику ООО «П» о возмещении ущерба, причиненного его автомобилю, в связи некачественным ремонтом одной из квартир жилого дома. При замене пластиковых окон, работы были осуществлены не качественно и халатно, вследствие чего на указанное лицо произошло падение с 3 этажа, как самого нового пластикового окна, так и деталей демонтируемых старых окон. Кроме возмещения вреда, вследствие ненадлежащего исполнения работником ООО «П» своих трудовых обязанностей, истец указал и требование о взыскании компенсации морального вреда в размере 15 тысяч рублей. И суд удовлетворил их в полном объеме.

По мнению Ассоциации Юристов, помимо тяжести причинение вреда и нравственных страданий, нужно учесть, в каком регионе РФ ведется дело, так как уровень жизни населения в разных субъектах России может быть разным [5].

Анализируя зарубежное законодательство о компенсации морального вреда, можно заметить, что Российская Федерация во многом отстаёт от других стран в справедливости принимаемых решений в этой сфере. Проведем небольшое сравнение. В немецком законодательстве используется термин «компенсация за страдания», тем самым законодатель акцентирует внимание на том, что каждый человек, кто испытывал страдания может получить компенсацию за них. Такое возмещение подлежит и за физические, и за психические страдания. Российском законодательстве размер рассчитывается по внутреннему убеждению судей, на основе их правосознания, а в Великобритании это происходит несколько иначе. В стране начиная с 1994 года действует нормативно-правовой акт «Тарифная схема», который устанавливает четкий размер компенсации в результате причинение моральных страданий в случае причинение жизни и здоровью

человека. По мнению Н. В. Вукаловой, наиболее активно пользуется этим законом именно судьи, так как это позволяет им вынести законное и справедливое решение для участников процесса. Также в этой стране действует Закон о компенсации вреда от преступлений 1995 г. [2]. Указанным нормативным правовым актом размер компенсации рассчитывается в соответствии с существующими в стране стандартными формулярами – «Наибольшая величина компенсации, установленная в них, определена не более 500 тысяч фунтов стерлингов. В основу критерия определения моральных страданий положена продолжительность пребывания лица в таком состоянии. Так, закон определяет:

- умеренные моральные страдания – продолжительность от шести до шестнадцать недель;
- серьезные моральные страдания – продолжительность от шестнадцати до двадцать восьми недель;
- тяжелые моральные страдания – продолжительность свыше двадцать шести недель;
- последним критерием характеризуется наступлением полной утраты жизненной активности – очень тяжкие моральные страдания [1].

В Америке вопрос компенсации морального вреда относятся к полномочиям штата, поэтому вопрос возмещения морального вреда не регулируется на федеральном уровне, как в Великобритании и Германии, следовательно, штаты самостоятельно регулирует вопрос возмещения вреда. Однако, несмотря на разное регулирование компенсации морального вреда «в зависимости от штата, в большинстве штатов можно выявить некоторые общие основания наступления ответственности за психический вред:

- наличие или отсутствие умысла причинителя вреда к потерпевшему, который прямо влияет не только на сумму возмещения вреда, но и обязанность возмещения вреда;
- доказанность того, что психический вред – это следствие своевременного обоснованного страха, страданий, а также переживаний как в отношении себя лично, так и в отношении иного лица, являющегося родственником. Последнее имеет место, в случае смерти родственника, потерпевший будет не умерший, а родственник, который претерпевает нравственные страдания со смертью близкого;
- наличие причинно-следственной связи которая установит, что психический вред нанесён в результате диагностируемого телесного или психического расстройства» [4, с. 97–98].

Притом закон прописывает настолько большие размеры для некоторых причинитель вреда, что у последних возникает угроза закрытие, если юридическое лицо, или прекращение деятельности. Суд учитывает тот факт, что лицу остается жить с моральным вредом до конца жизни.

Для того чтобы решить проанализированный пробел в гражданском законодательстве Российской Федерации, на наш взгляд нужно скорректировать нормативно-правовую базу российского законодательства в области определения и расчета минимальных и максимальных сумм компенсации морального вреда для схожих ситуаций, но точный размер должен определять все-таки суд в отдельно взятых ситуациях.

Библиографический список

1. Великобритания. Журнал. Criminal Injuries Compensation Act 1995 [Electronic resource] // Website of UK Office of Public Sector Information // URL: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1995/Ukpga_19950053_en_1
2. Вуколова Н. В. Анализ современных зарубежных практик возмещения морального вреда, причиненного преступлениями // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление. 2015. № 2. С. 91–94.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Игнатьев Ю. Н. Краткий сравнительный анализ особенностей компенсации морального вреда в Российской Федерации с зарубежной практикой // Молодой ученый. 2019. № 43 (281). С. 96–98. URL: <https://moluch.ru/archive/281/63292/> (дата обращения: 06.05.2021).
5. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека от 3 марта 2020 г. Москва. URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredele-niyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n (дата обращения: 06.05.2021).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. 1995. № 29.

УДК 347.51

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИСТОЧНИК
ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ»**

Подъяпольская В. А., студент 3 курса юридического факультета

Научный руководитель: **Белова О. А.**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. Статья посвящена анализу подходов к понятию источника повышенной опасности, как одного из самых неоднозначных и дискуссионных. В результате исследования выявляются основные признаки, определяющие источник повышенной опасности. Указывается на недостатки норм законодательства, характеризующие источник повышенной опасности.

Ключевые слова: деликтная ответственность, гражданско-правовая ответственность, источник повышенной опасности, материальный объект, деятельность, риск, основание ответственности.

**THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT OF «SOURCE OF
INCREASED DANGER»**

Podyapolskaya V. A., 3th year student of the Faculty of Law

Supervisor: **Belova O. A.**, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. The article is devoted to the analysis of approaches to the concept of a source of increased danger, as one of the most controversial and controversial. As a result of the study, the main signs are identified that determine the source of increased danger. The flaws in the norms of legislation that characterize the source of increased danger are pointed out.

Keywords: tort liability, civil liability, source of increased danger, material object, activity, risk, basis of liability.

В современном обществе, как это ни печально, все чаще под угрозой нарушения оказываются гражданские права, в связи с чем, определяющей задачей

государства является эффективным восстановление нарушенного права и соответственно возмещение причиненного вреда.

Вопрос о возмещении вреда, который был причинен источником повышенной опасности, не без оснований относят к категории не «общих», а «частных» гражданско-правовых проблем. Значительную роль в этом случае играет количество споров, связанных с такого рода видом ответственности, для разрешения которых суд должен апеллировать конкретными категориями.

Тема ответственности, предусмотренной за вред, причиненный непосредственно источником повышенной опасности, остается востребованной не только среди ученых-цивилистов, она актуальна и для представителей других правовых отраслей.

В настоящее время ведется ожесточенная полемика относительно указанного вида гражданско-правовой ответственности в деликтных обязательствах. Основным камнем преткновения в этом вопросе является трактовка самого понятия «источник повышенной опасности». В доктрине сложилось три разных по своей составляющей мнения относительно определения вышеназванного термина.

Представители первой группы небезосновательно дают следующую трактовку понятию «источник повышенной опасности»: материально определенный объект, который характеризуется опасными качествами для окружающих, сам по себе несет вред и соответственно не поддается контролю.

Сторонники второй группы под «источником повышенной опасности» подразумевают некую деятельность, непосредственно создающую повышенную опасность, при отсутствии над ней контроля.

Представители третьей группы объединяют в себе мнения первых двух и под рассматриваемом термином понимают материально определенный объект, который только в процессе его использования создает повышенную опасность, при отсутствии контроля.

Дискуссия, которая ведется относительно установления ответа на вопрос, что следует понимать под «источником повышенной опасности» выявляет собой достаточно большой пробел для правоприменителя. Однако в одном ученые все же сходятся: этот термин должен включать в себя две составляющие – объективную и субъективную. Говоря о первой, стоит затронуть сам факт, того, что источник представляет собой все же некий материальный предмет, носитель. Субъективная составляющая включает в себя непосредственно участие некоего субъекта, который присутствует в неконтролируемом процессе.

Если обратиться к мнению законодателя и вышестоящих инстанций, то мы можем наблюдать, что в ст. 1079 ГК РФ, а также в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 26 января 2010 года, под таким источником понимается любая деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами [2, с. 27]. В то же время эта позиция явно непоследовательна, ибо в том же документе термин источник повышенной опасности используется и в значении предмета. Владеть можно лишь предметом, но не деятельностью. То же противоречие и в статье 1079 ГК РФ [1]. В указанном случае можно наблюдать, что налицо явное обобщение данного понятия и раскрытие его относительно третьей группы ученых, подразумевающих под таким понятием, как объект, так и деятельность.

Указанная норма не содержит в себе конкретного перечня источников повышенной опасности, а, следовательно, правоприменитель должен уделять особое внимание признакам и свойствам материальных объектов и предметов, которые могут использоваться лицом при осуществлении той или иной деятельности, для того чтобы безошибочно определить можно ли отнести тот или иной предмет к категории источника повышенной опасности [3, с. 323].

Обратимся все же к мнениям ученых относительно вопроса трактования рассматриваемого понятия. Так, профессор А. П. Сергеев отмечает, что «допустимо определять источник повышенной опасности и через понятие деятельности, и через понятие объекта при условии, что в обоих случаях указанные понятия будут неразрывно связаны друг с другом».

По мнению А. А. Собчак: «Источник повышенной опасности – это сложные материальные объекты, повышенная вредоносность которых проявляется в известной независимости их свойств от человека, что вызывает неподконтрольность ему в достаточно полном объеме самого процесса деятельности, а это, во-первых, создает опасность случайного причинения вреда и, во-вторых, влияет на объем и характер причинения. Учитывая, что не всякий источник повышенной опасности обладает сложностью в техническом смысле слова (бензин, дикие животные), необходимо отметить, что принцип сложности в данном случае неприемлем» [7].

О. М. Солдатенко приходит к выводу, что источником повышенной опасности, обладающий вредоносными свойствами, неподконтрольными или полностью

подконтрольными человеку, предмет материального мира, при эксплуатации которого создается возможность случайного причинения вреда окружающим.

М. А. Рожкова соглашается с тем, что термины «деятельность, создающая повышенную опасность» и «источник повышенной опасности» взаимосвязаны, но не тождественны друг другу. Под источником повышенной опасности автор понимает «материальный объект, который находится под контролем человека, но в силу присущих ему свойств не может полностью контролироваться последним, что создает высокую степень вероятности причинения вреда окружающим» [6].

А. А. Крыжановская, к примеру, выделяет среди источников повышенной опасности использование вредоносных программ, способных приводить к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы ЭВМ, системы ЭВМ (компьютерных вирусов, программных закладок).

В. М. Болдинов также считает целесообразным отнести к числу источников повышенной опасности, так называемые компьютерные вирусы [5].

Многолетняя дискуссия о понятии источника повышенной опасности носит терминологический характер. С очевидностью источник повышенной опасности – это предмет, не полностью подконтрольный и потому способный в процессе владения или пользования им причинить существенный вред. В любом случае речь идет о предметах материального мира, которые представляют повышенную опасность именно в процессе деятельности применительно к ним [4].

Таким образом, в настоящее время в научной и юридической литературе нет единого мнения относительно ответа на вопрос: «Что понимать под «источником повышенной опасности?»».

Законодатель не дает нам исчерпывающего перечня организаций и граждан, способных нести ответственность по возмещению вреда, который причинен источником повышенной опасности. Это и объяснимо, ведь мир не стоит на месте, он постоянно развивается и совершенствуется, в силу чего список вышеуказанных лиц приходилось бы обновлять постоянно.

Немаловажным остается факт: не всякий объект будет считаться источником повышенной опасности, для этого им должна создаваться именно «повышенная опасность». Подобный критерий в силу объективных причин является оценочным, и представляет собой наиболее высокую и вероятную степень определенной возможности наступления неблагоприятных последствий для потерпевшего от причинения вреда, чем при осуществлении обычной деятельности субъектом.

Для наиболее полного понимания всей совокупности элементов, характеризующих «источник повышенной опасности» необходимо обратить внимание на такие его критерии, как вредоносность и неподконтрольность человеку, которые следует оценивать в совокупности. Если вредоносность контролируется человеком, она не может явиться причиной той повышенной опасности, которая указана в законе. Когда вредоносность отсутствует вовсе, вообще невозможно говорить ни о какой повышенной опасности. Однако деятельность человека в этом случае тоже играет роль, т.к. указанные качества объект, как источник повышенной опасности проявляет лишь при непосредственной его эксплуатации, но никак не в состоянии бездействия. Потеря контроля над источником повышенной опасности конкретным специалистом является в некотором роде связью между объектом, от которого наступил вред и субъектом, благодаря которому он был приведен в состояние, способное причинить повышенную опасность.

В различных правовых актах не предусмотрено прямого указания на конкретный объект или же деятельность, которые можно было бы считать источником повышенной опасности, несмотря на то, что в научной литературе уделяется особое внимание определенным моментам – указание на предмет материального мира, его количество и качество, вредоносность, неподконтрольность.

Определенное затруднение в толковании анализируемого понятия определяется неоднородностью признаков, выделяемых в законодательстве и литературе, неустановленным перечнем объектов, относимых к категории источника повышенной опасности, субъектом ответственности, составом рассматриваемого деликта. Особенностью такого рода ответственности является отсутствие вины причинителя вреда.

Анализируя представленные выше мнения цивилистов, а также законодателя, «источник повышенной опасности» следует определять через все вышеперечисленные признаки и подразумевать следующее содержание: *источник повышенной опасности* – это конкретного рода деятельность, связанная с предметами, могущими нанести вред, в силу содержания их в определенном количестве и качестве при их непосредственном использовании, исключающем контроль со стороны лица.

Институт ответственности за причинение вреда развивается уже почти двести лет, однако до сих пор имеются разногласия у авторов и несоответствия их мнений законодательно предусмотренным положениям. Модели правового регулирования, содержащиеся в доктрине, законодательстве и применяемые на прак-

тике должны основываться на едином подходе к определению понятия «источника повышенной опасности» и соответствовать реалиям настоящего времени. Добиться этого достаточно сложно ввиду того, что вопрос об ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности является все в большей степени зависим от прогресса и развития деятельности человека. Благодаря открытиям человечества возникают все новые и новые технологии, которые несут не только пользу, но и вред. Значение обязательств из причинения вреда, как раз таки в том, чтобы возместить, причиненный вред.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3. С. 27.
3. Анисимов А. П., Козлова М. Ю., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Гражданское право России. Особенная часть в 2 т. Т. 1: учеб. для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 351 с. URL: <https://urait.ru/bcode/451570/p.1> (дата обращения: 20.05.2021).
4. Зенцова Е. А., Скурту И. Г. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 243–245. URL: <https://moluch.ru/archive/338/75740/> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Невзгодина Е. Л., Лантух Д. В. Источник повышенной опасности и возмещение вреда, причиненного животными, имеющими владельца // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. № 2. С. 50–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochnik-povyshennoy-opasnosti-i-vozmeshchenie-vreda-prichinyonnogo-zhivotnymi-imeyuschimi-vladeltsa> (дата обращения: 20.05.2021).
6. Раупова М. Т. Понятие и признаки источника повышенной опасности // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 6. С. 124–126. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30070439> (дата обращения: 20.05.2021).
7. Сухарев М. С. Понятие источника повышенной опасности // Аллея науки. 2018. № 8 (24). С. 593–596. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36327830> (дата обращения: 20.05.2021).

УДК 347.4

ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ОСОБЫЕ ОБЪЕКТЫ ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Романова Д. П., студент 3 курса факультета политико-правового управления

Научный руководитель: **Свечникова И. В.**, кандидат юридических наук, доцент

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС,
г. Саратов

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правового регулирования специального вида деликта – медицинского. В работе освещены основные нормативно-правовые акты по заявленной проблематике и предпринята попытка выявить пробелы в действующем законодательстве в целях их дальнейшего исследования и анализа. Автором делаются предложения по разработке конкретных изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации, регулирующий деликтные обязательства.

Ключевые слова: обязательства, медицинский деликт, вред, услуга, медицинская организация, трансплантация.

HUMAN ORGANS AND TISSUES AS SPECIAL OBJECTS OF TORT OBLIGATIONS

Romanova D. P., 3rd year student of the Faculty of Political and Legal Management

Scientific supervisor: **Svechnikova I. V.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

P. A. Stolypin Volga Region Institute of Management – Branch of RANEPА, Saratov

Abstract. The article is devoted to the consideration of the legal regulation of a special type of tort – medical. The paper highlights the main legal acts on the stated issues and attempts to identify gaps in the current legislation in order to further study and analyze them. The author makes proposals for the development of specific amendments and additions to the Civil Code of the Russian Federation, which regulates tort obligations.

Keywords: obligations, medical tort, harm, service, medical organization, transplantation.

В связи со значительными изменениями за последнее время в экономической, политической сферах государства, которые затронули основы оказания медицинской помощи, требуется пересмотр законодательства в сфере охраны здоровья. Необходимо разобраться с таким видом внедоговорного обязательства, как медицинский деликт.

Понятие «медицинский деликт» не закреплено законодательно, но не сложно представить, что, как и любое нарушение оно имеет свою особую правовую сущность и смысловое наполнение и для того, чтобы это уяснить, мы предлагаем рассмотреть одну из важных областей медицины.

Так, в настоящее время относительно новый и один из самых эффективных способов лечения, который является для пациента «счастливым билетом в новую жизнь», представляет собой трансплантация органов и тканей человека. Однако, на фоне стремительного развития направления «трансплантология» и достижений в таком роде «донорства» нередко возникают проблемы. В частности, во время не отреагировав на современные требования и складывающиеся тенденции в рассматриваемой области, существенные пробелы в российском законодательстве отражаются на субъектах данных правоотношений (донор и реципиент), происходит «сталкивание» их интересов.

Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации базируется на приоритете охраны и защиты высших неотчуждаемых благ человека. Основными руководящими документами практической трансплантологии являются Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [4], Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [15], Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» [16]. Перечень органов и тканей, разрешенных к пересадке, приводится в приказе Минздрава России и РАН от 4 июня 2015 г. № 306н/3 «Об утверждении перечня объектов трансплантации» [12].

Одной из наиболее важных и первоочередных не решенных проблем в законодательстве Российской Федерации, на наш взгляд, является неопределенное правовое положение органов и тканей человека, их отнесение к объектам граж-

данского права. В связи с чем происходит переплетение направлений юриспруденция и медицина. Во время оказываемой медицинской услуги в сфере трансплантологии не единичны случаи, когда возникают множество вопросов касаясь гражданско-правовой ответственности. Поскольку операция по трансплантации органов и тканей человека помогает реализовать конституционное право: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь» [6], данные объекты можно рассматривать как предметы материального мира, а как следствие – объекты гражданских правоотношений. Рассматриваемый вопрос является дискуссионным и приобрел затяжной характер, как в гражданском законодательстве, так и в науке гражданского права. Признание органов и тканей человека объектами гражданского права вызывает множество споров между учеными и по сей день. Ряд ученых [1, с. 187; 11, с. 80] предлагают включить в главу 6 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] в качестве объекта вещных прав «органы, ткани и иные биологические материалы человека». Так, по мнению Н. А. Маргацкой, органы и ткани человека следует отнести в отдельную группу объектов гражданского права, так как перечень объектов гражданского права не является исчерпывающим [9, с. 79]. В связи с этим можно считать их самостоятельным объектом гражданского права, ограниченным в обороте, к которому возможно применение правил, предусмотренных для оборота вещей в части, не противоречащей законодательным актам и существу объекта. Позиции «за» придерживается и М. Н. Малеина [7, с. 90; 8, с. 15]. В своих работах она неоднократно подчеркивала возможность отнесения органов и тканей человека к объектам права собственности. Принимая противоположную позицию, авторы ссылаются на тот факт, что органы и ткани человека являются неотделимой частью человека, они не подлежат денежной оценке, а значит, не могут рассматриваться в качестве объекта гражданского права. Так, Г. Н. Красновский отмечает, что органы и ткани не могут продаваться и покупаться, поскольку они, при всей их очевидной полезности, не являются ни товаром, ни имуществом [5, с. 53]. В противном случае можно было бы сделать абсурдный вывод о том, что человек одновременно и объект, и субъект правоотношений.

Важно, что отношения по оказанию медицинских услуг, точнее в сфере трансплантологии, по своей правовой природе носят гражданско-правовой характер. Нельзя не отметить, что с одной стороны, такое «включение» в сферу гражданского законодательства не создаст полноценную гарантию и защиту от различных злоупотреблений. Как известно, другие отрасли российского права

лишь частично затрагивают данный вопрос, например, таможенное законодательство Российской Федерации, в частности Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [13]. Однако, несмотря на наличие специального законодательства, мы считаем, что необходимо чёткое правовое толкование, которое бы обеспечило конкретное понимание соотношения института трансплантологии с институтами гражданского права. С другой стороны, непризнание органов и тканей человека объектами гражданского права и возможности их гражданского оборота – это следствие неполноценности и неточности правовой базы в данном вопросе, как итог – смерть человека, не получившего трансплантологическую медицинскую помощь. Именно поэтому, своевременность принятия нормативного акта, а именно определение правового статуса органов и тканей человека как объектов гражданского права могло бы послужить разрешению многих споров в области деликтного законодательства.

Не менее важной и актуальной является проблема, связанная с тем, что существуют два порядка изъятия органов: у живого и у умершего доноров. В последнее время многие исследователи затрагивают проблему прижизненного согласия на изъятие органов после смерти донора. Стоит отметить, что в настоящее время наблюдается противоречие двух нормативно-правовых актов, а именно Федерального закона «О погребении и похоронном деле» [14], который фактически закрепляет презумпцию несогласия на посмертное изъятие органов, и Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [4], который закрепляет презумпцию согласия на изъятие органов. Чаще всего проблема возникает с умершим донором, так как правовое регулирование в данном случае производится на основе установления критерия смерти человека, который является неоднозначным. Важным является момент, когда человеческие органы перестают функционировать, однако это может произойти по-разному, вследствие чего наступает необходимость определить, прекращение функционирования какого из них является сигналом к изъятию органов. Долгое время таким сигналом являлось сердце, но с развитием медицины, в том числе в сфере трансплантологии, когда стало возможным поддерживание жизни в теле человека искусственным путем после остановки этого органа, в нашей стране врачи «установили» новый критерий – смерть головного мозга – необратимая гибель человека. Стоит отметить, что презумпция согласия предполагает изъятие органов умершего донора без согласия родственников, за исключением случаев, в которых лицо само

выступало против процедуры. Данная норма содержится в ст. 8 ФЗ «О трансплантации органов и тканей человека» от 22 декабря 1992 г. Тем не менее, проблема соотношения института трансплантологии с институтами гражданского права, затронутая в начале нашей работы, приводит к судебным разбирательствам. Так, в Апелляционном определении Мосгорсуда от 16 сентября 2015 г. установлены следующие обстоятельства: истец обжаловала решение суда первой инстанции, поскольку суд признал законным изъятие Городской клинической больницы органов ее дочери без предварительного согласия. Она аргументировала это следующим: «Органы человека являются целой и неделимой частью самого человека, а в течение всей жизни человек имеет право как пользования, так и распоряжения своими органами, что является одним из квалифицирующих признаков собственности. Ввиду того, что человек является полноправным собственником своих органов, то в соответствии с действующим законодательством, а именно в соответствии со ст. ст. 1110, 1112 ГК РФ истец, считая себя единственным наследником погибшей дочери, полагает, что ответчик, произведя трансплантацию органов, нарушил ее права как наследницы всего, чем владела погибшая» [2]. С данными доводами истца судебная коллегия не согласилась, мотивировав это тем, что органы человека действующее законодательство к вещам не относит, следовательно, они не могут входить в состав наследственной массы, в связи с чем, требования удовлетворению не подлежат. Так, интересным представляется определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека». В Конституционный Суд РФ обратились близкие родственники умершей, узнавшие об изъятии у нее органов для трансплантации. Заявители ссылались на то, что закон не обязывает медиков информировать близких родственников потенциального посмертного донора о планируемом изъятии у него органов. Об этом родным не сообщают даже при наличии такой возможности, когда они непосредственно находятся в больнице. Данная жалоба была отклонена Конституционным Судом РФ, так как ранее перед ним уже ставился вопрос о проверке той же нормы (определение было вынесено еще в 2003 г.) [10]. Тогда он, в частности, подчеркнул, что предполагаемое согласие способствует развитию донорства и транспланта-

ции, спасению жизни как можно большего числа людей. При этом граждане могут выразить свое несогласие на изъятие у них органов и (или) тканей после смерти и довести своё решение до медучреждения. Следовательно, как уже отмечалось ранее, в российском законодательстве используется модель презумпции согласия на изъятие органов и тканей человека. В целом она основана на общепризнанных принципах и нормах международного права. Кроме того, считаем, рассмотреть медицинский деликт, а точнее, есть ли он в данном случае? Бесспорно, при оказании медицинских услуг и с учётом сложившихся обстоятельств, мы не можем рассматривать «стандартные» стороны (должник-пациент и кредитор-медицинская организация, реже сам врач) правоотношений, а как следствие – применять нормы гражданско-правового законодательства, в частности параграф 2 глава 59 Гражданского кодекса Российской Федерации. Поэтому, говоря о требованиях родственников умершей в виде взыскания компенсации морального вреда, необходимо выявить наличие вреда, который мог заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой близкого человека. В данной ситуации душевное состояние не может за собой влечь возникновения права на компенсацию морального вреда, поскольку факт того, что они не были вовремя осведомлены об изъятии органов и тем самым не смогли выразить свое несогласие, не является нарушением законодательства Российской Федерации. Мы согласны с позицией суда, потому что избранная модель правового регулирования в решении посмертного изъятия органов и (или) тканей для нуждающегося реципиента в нашей стране не допускает нарушений конституционно важных ценностей и охраняемых прав (право на жизнь, право на квалифицированную медицинскую помощь, право на достойное отношение к себе медицинского персонала, право на получение полной, достоверной и компетентной информации по вопросам медицинского характера), особое выражение находит проявление уважительного отношения как к умершему лицу, так и к его ближайшим родственникам. В предложенной для анализа судебной практике нет врачебной ошибки и тем более (что крайне важно) какого-либо противоправного поведения сотрудников медицинского учреждения, а значит нельзя говорить о таком понятии как «медицинский деликт – особый случай причинения вреда жизни и здоровью».

Нельзя не отметить, рассматриваемый выше случай на наличие деликтного медицинского обязательства, вероятно всего, является редким случаем. Чаше мы можем говорить о тенденциях развития медицинского деликта и о применении

норм гражданско-правового характера к правонарушителям непосредственно самим пациентом, заявляющий о дефектах оказания медицинской помощи, которые, в свою очередь, способствовали ухудшению его состояния здоровья. Исходя из этого, подчеркнем, для существования медицинского деликта в общих четырех достаточных условиях правонарушения обязательно наличие факта причинения вреда именно охраняемому и защищаемому Конституцией Российской Федерации [6] благу личности – здоровью.

Именно поэтому, изучение тенденций развития медицинских деликтов как особый случай причинения вреда жизни и здоровью актуально и требует повышенного внимания со стороны законодателя и государства.

Практическая значимость существующего пробела – отсутствие понятия на законодательном уровне «медицинский деликт» обусловлена тем, что без базового определения сложно и недостаточно точно можно юридически квалифицировать такой вид специального деликта. Устранение проблема позволит правильно дать правовую квалификацию низкого оказания медицинской услуги, не приносящей желаемого результата. Для эффективного применения вида ответственности необходима соответствующая законодательная база.

Таким образом, с учётом действующего гражданского законодательства, можно сделать заключение: в настоящее время существует такой вид специального деликта как медицинский деликт. Развитие данного деликта будет способствовать совершенствованию социальных отношений в общей сфере медицины, а также поможет избежать споров, возникающих в области личных прав, касающихся жизни и здоровья человека.

Подводя итог вышеизложенному, считаем возможным сформулировать следующие выводы и определить возможные, на наш взгляд, направления совершенствования правового регулирования деликтных обязательств:

1. Важно, чтобы наличие медицинского деликта определялось юридическими правилами, а не «профессиональными инструкциями» врача. Такой подход позволит разграничить направления: вред, причинённый при оказании медицинской услуги и причинённый вред, вытекающий из отношений, не связанных с профессиональным медицинским вмешательством врача.

2. Закрепление специального вида деликта будет способствовать укреплению гарантий конституционных прав граждан, дальнейшему развитию в нашей стране сферы здравоохранения.

3. Нельзя забывать, полученный нравственный вред, но при этом со стороны «должника» не было нарушений Закона не влечет за собой медицинское правонарушение. Особое значение имеет то, что информированность о допустимых телесных повреждениях и добровольное согласие пациента не рассматривается и не квалифицируется как особый случай причинения вреда жизни и здоровью, то есть медицинский деликт.

Библиографический список

1. Акопов В. И. Медицинское право: учебник и практикум для вузов / В. И. Акопов. М.: Издательство Юрайт, 2020.

2. Апелляционное определение Московского городского суда от 16 сентября 2015 г. по делу № 11–273911. URL: <https://base.garant.ru/119282608/> (дата обращения: 01.12.2020).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ред. от 08.12.2020) // Российская газета от 9 января 1993 г. № 4.

5. Красновский Г. Н., Иванов Д. Н. Актуальные вопросы правового регулирования трансплантации органов и тканей в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1993. № 5.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

7. Малеина М. Н. Человек и медицина в современном праве. М.: БЕК, 1995.

8. Малеина М. Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. № 11.

9. Маргацкая Н. А. Гражданско-правовые проблемы донорства и трансплантации: дис. ... канд. юрид. наук: М., 1984.

10. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о про-

верке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека». URL: https://sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-04122003-n_11/ (дата обращения: 25.11.2020).

11. Орлов К. А. Некоторые проблемы правового регулирования донорства органов и тканей человека // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5.

12. Приказ Министерства здравоохранения РФ и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. № 306н/3 «Об утверждении перечня объектов трансплантации» (ред. от 27.10.2020) // Российская газета от 26 июня 2015 г. № 138.

13. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (ред. от 01.05.2019) // Парламентская газета от 16 декабря 2003 г. № 232.

14. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (ред. от 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146.

15. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 22.12.2020) // Российская газета от 23 ноября 2011 г. № 263.

16. Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 125-ФЗ «О донорстве крови и ее компонентов» (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 30. Ст. 4176.

УДК 347.5

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НОТАРИУСА ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА

Сергеева Ю. А., студент 3 курса юридического факультета

Научный руководитель: Агибалова Е. Н., кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданско-правовых дисциплин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград

Аннотация. В данной статье проводится всесторонний анализ института ответственности нотариуса за причинение вреда. Исследуется правовая природа ответственности нотариуса за причинение вреда. Характеризуются основания привлечения нотариуса к уголовной ответственности за причинение вреда. Приводятся и анализируются статистические данные за 2020 год, связанные с ответственностью нотариусов за причинение вреда.

Ключевые слова: деликтная ответственность, договорная ответственность, уголовная ответственность, дисциплинарная ответственность, нотариат, нотариус, нотариальная палата.

RESPONSIBILITY OF A NOTARY FOR DAMNIFICATION

Sergeeva U. A., 3rd year student of the Faculty of Law

Supervisor: Agibalova E. N., Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

Volgograd Institute of Management – branch of RANEPА, Volgograd

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the institution of responsibility of a notary for causing harm. The legal nature of the liability of a notary for causing harm is investigated. The grounds for bringing a notary to criminal liability for causing harm are characterized. The statistical data for 2020 related to the liability of notaries for causing harm are presented and analyzed.

Keywords: tort liability, contractual liability, criminal liability, disciplinary liability, notary, notary, notary chamber.

Органы нотариата в Российской Федерации выполняют функцию защиты прав и законных интересов, обратившихся к ним субъектов (граждан и юридических лиц). Данная функция реализуется посредством совершения нотариусами нотариальных действий от имени Российской Федерации. В связи с этим, деятельность нотариусов можно охарактеризовать как публично-правовую.

Важность деятельности нотариусов накладывает повышенные стандарты несения ответственности. Так, ст. 17 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» [8] (далее – Основы) содержит подробную регламентацию ответственности нотариусов. Исходя из положений данной статьи, нотариус несет полную имущественную ответственность за вред, причиненный в результате совершения нотариального действия с нарушениями положений законодательств РФ имущественным или неимущественным правам обратившегося к нему клиента. Кроме того, частнопрактикующие нотариусы несут полную имущественную ответственность за:

- 1) реальный ущерб, причиненный неправомерным отказом в совершении нотариального действия;
- 2) вред, виновно причиненный его работниками или лицами, замещающими нотариуса.

Анализ норм ст. 17 Основ позволяет сделать вывод о том, что российская система нотариата восприняла основное положение системы латинского нотариата о полной имущественной ответственности нотариуса, занимающегося частной практикой [6, с. 111].

В отношении ответственности нотариусов, которые работают в государственных нотариальных конторах, следует отметить, что вред, причиненный действиями государственных нотариусов, компенсируется за счет средств казны Российской Федерации в порядке, установленном статьей 1069 ГК РФ [1].

Процесс возмещения вреда, причиненного частнопрактикующими нотариусами, существенно отличается от порядка возмещения вреда, причиненного нотариусами государственных контор. Сначала возмещение вреда происходит за счет средств страховой выплаты. В случае если этого страхового покрытия окажется недостаточно, то оставшаяся сумма ущерба возмещается за счет страховой выплаты по договору коллективного страхования ответственности, заключенного между страховой компанией и нотариальной палатой субъекта РФ, членом которой является частнопрактикующий нотариус. Если же и в этом случае стра-

хового возмещения окажется недостаточно, то взыскание обращается на имущество нотариуса, занимающегося частной практикой. Однако, если имущественный ущерб, причиненный действием (бездействием) частного нотариуса, оказался настолько велик, что совокупности страховых выплат и имущества нотариуса оказалось недостаточно, то сумма вреда возмещается за счет средств специально созданного компенсационного Фонда Федеральной нотариальной палаты РФ [11].

Как видно, законодательно предусмотрен механизм максимально полного взыскания ущерба, причиненного действиями как государственных, так и частных нотариусов.

Интересным и дискуссионным является вопрос о правовой природе отношений между нотариусом и обратившимся к нему клиентом. С одной стороны, нотариус выполняет публично-правовые функции защиты прав и законных интересов, обращающихся к нему лиц (например, удостоверяя подлинность документов). Следовательно, ответственность нотариуса за вред, в таком случае является деликтной. С другой стороны, в процессе реализации этой функции он оказывает юридические и консультационные услуги, и ненадлежащее качество оказанных услуг можно расценивать через призму договорной ответственности по аналогии с договором об оказании услуг.

Во французской доктрине сложилась представляющая интерес теория по поводу определения правовой природы ответственности нотариуса. Ряд французских правоведов предлагают применять положения о деликтной и договорной ответственности за вред, причиненный нотариусом, исходя из особенностей и обстоятельств причинения такого вреда. Так, существует теория, которая предполагает применение принципов как договорной, так и внедоговорной ответственности за вред, причиненный действиями нотариуса клиенту [7, с. 35-37]. В том случае, если для клиента размер возмещения вреда по договорной ответственности больше, чем по деликтной, то должны применяться принципы договорной ответственности. Если же условия договора между нотариусом и клиентом ущемляют права и законные интересы последнего, то в данном случае применяются положения о деликтной ответственности [5, с. 335].

Однако несмотря на то, что вышеуказанная теория реализует принцип защиты слабой стороны в обязательстве, позволяя применять принципы договорной ответственности за вред, причиненный нотариусом, во Франции господствует теория, относящая вред нотариуса к деликтной ответственности [2, с. 250].

Российская правовая доктрина придерживается аналогичного подхода, относя ответственность нотариуса за вред, причиненный имуществу и личности клиента, к виду внедоговорной ответственности.

Ответственность нотариуса за причиненный вред может носить не только гражданско-правовой характер. Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена санкция за злоупотребление полномочиями частными нотариусами. Ответственность установлена нормами статьи 202 УК РФ. Согласно ч. 1 ст. 202 УК РФ злоупотреблением является «использование частным нотариусом своих полномочий вопреки задачам своей деятельности и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние причинило существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства» [12].

Следует отметить, что термин «существенный вред» является оценочным понятием и в каждом случае определяется отдельно. Четких критериев для определения существенности причиненного вреда законодательство РФ не содержит. Также критерии определения существенного вреда, причиненного нотариусами, не установлены в постановлениях Пленумов ВС РФ. Поэтому, под существенным вредом можно понимать «причинение имущественного ущерба, наличие большого числа пострадавших, срыв нормальной работы предприятия, учреждения, организации, лишение возможности реализовать свои конституционные, гражданские иные субъективные права» [3].

Кроме того, деятельность нотариусов может быть квалифицирована как отмывание денежных средств, если нотариус использовал свои полномочия, зная о направленности сделки (п. 12 постановления Пленума ВС РФ от 07.07.2015 № 32 [10]). Квалифицируется такое деяние как пособничество в отмывании денежных средств в совокупности с превышением полномочий нотариуса.

Также следует отметить, что поскольку причинение вреда нотариусом вытекает из нарушения законодательно установленных требований о порядке совершения нотариальных действий или неправомерного отказа в их совершении, то возможно привлечение нотариусов к дисциплинарной ответственности. Основания наступления дисциплинарной ответственности установлены главой 10 Кодекса профессиональной этики нотариусов в РФ [4].

Для более полного представления о вопросе ответственности нотариусов за вред, обратимся к статистике. Следует отметить, что за 2020 год, по данным

сводного отчета Минюста РФ о нотариате [9], общее количество поступивших в суды жалоб на действия нотариусов составило 1 406 штук. Из них жалобы на отказ в совершении нотариальных действий составили 597 штук, а жалобы на совершенные нотариальные действия составили 449 штук. Судами удовлетворено 103 и 13 жалоб соответственно. Можно констатировать, что количество жалоб на действия нотариусов достаточно мало. Если рассматривать в процентном соотношении, то судами удовлетворено 17,2 % жалоб на отказ в совершении нотариальных действий и 2,8 % жалоб на совершенные нотариальные действия. Такое положение позволяет сделать два вывода:

- 1) нотариусы осуществляют свою деятельность на высоком профессиональном уровне, не допуская нарушений требований законодательства РФ;
- 2) граждане редко обращаются за защитой своих прав в суд по поводу оспаривания действий нотариусов.

В пользу первого вывода свидетельствуют данные статистики о привлечении нотариусов к уголовной ответственности по ст. 202 УК РФ. За 2020 год в отношении нотариусов было возбуждено 9 уголовных дел, одно из которых прекращено, а по двум в отношении нотариусов вынесены обвинительные приговоры.

Кроме того, интерес представляют данные статистики, касающиеся суммы возмещения ущерба, причиненного действиями нотариусов. Так, за 2020 год нотариусы в добровольном порядке возместили ущерб на сумму 3 000 рублей, а по судебным решениям сумма возмещения вреда составила более 4 млн. руб. При этом за 2020 год, согласно данным отчета, зафиксировано 9 страховых случаев, по которым выплачено в совокупности чуть больше 3 млн. руб. Также следует отметить, что 7 889 из 7 906 частнопрактикующих нотариусов имеют сумму страхования профессиональной ответственности более 2 млн. руб. По договорам коллективного страхования деятельности нотариусов в 2020 году не было зафиксировано наступления страховых случаев.

Таким образом, ответственность нотариусов следует относить к внедоговорной ответственности. Вред, причиненный нотариусами государственных нотариальных контор, возмещается за счет средств бюджета РФ. Для обеспечения возмещения вреда, причиненного нотариусами, занимающимися частной практикой предусмотрена целая система, позволяющая выплатить сумму ущерба в полном объеме.

Кроме того, за причинение вреда нотариусы несут дисциплинарную ответственность, а также уголовную, если в деянии содержатся признаки составов, предусмотренных статьями 174 УК РФ и 202 УК РФ.

Анализ статистики, представленной в отчете Минюста РФ о нотариате, позволяет сделать вывод о высокой компетенции нотариусов и недопущении ими нарушений норм законодательства РФ при осуществлении деятельности.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Ж.-Де Пульпике. Гражданско-правовая ответственность и дисциплинарные взыскания нотариусов. Л.Ж.Д.Ж. 1974. № 4. С. 250.

3. Жилко И. А., Глушкова Е. М., Купирова Ч. П. Злоупотребление полномочиями частным нотариусом: состав преступления, предусмотренного статьей 202 УК РФ // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-polnomochiyami-chastnym-notariusom-sostav-prestupleniya-predusmotrennogo-statiey-202-uk-rf> (дата обращения: 05.05.2021).

4. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (утв. Минюстом России 12.08.2019, 19.01.2016) (ред. от 23.04.2019) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Мохов А. А., Рабочий П. В. К вопросу от ответственности нотариуса за вред, причиненный имуществу или личности клиента // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 334-335.

6. Нотариат: учебник и практикум для вузов / А. О. Иншакова и др.; под редакцией А. О. Иншаковой, А. Я. Рыженкова. 2-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 470 с. URL: <https://urait.ru/bcode/468103> (дата обращения: 05.05.2021).

7. Обер Ж.-Л. Гражданско-правовая ответственность нотариусов. М.: Фонд развития правовой культуры, 2007. С. 35-37.

8. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 30.04.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

9. Официальный сайт Министерства Юстиции Российской Федерации. Сведения о нотариате в Российской Федерации (Сводный отчет по Минюсту России за 12 месяцев 2020 года). URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/svodnyij-otchet-po-minyustu-rossii0512012-notariat.xls> (дата обращения: 05.05.2021).

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Российская газета. 2015. № 151.

11. Соколова Е. И. Имущественная ответственность нотариусов // Вестник РУК. 2018. № 4 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imuschestvennaya-otvetstvennost-notariusov> (дата обращения: 05.05.2021).

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 368.86

**СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ДЕЛАМ О ПРИЧИНЕНИИ ВРЕДА В
КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ
СТРАХОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ВЛАДЕЛЬЦЕВ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ»**

Филиппов С. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Аннотация. Цель настоящей статьи проанализировать изменения, сложившиеся в настоящее время в судебной практике по делам, связанными с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств является крайне распространенным гражданско-правовым соглашением. Автор пришел к выводу, что для большей стабильности развития страхового права в рамках договора ОСАГО, необходима работа с понятийным аппаратом, следование устоявшейся системе обязательств гражданского права, в нормативно-правовых актах, посвященных страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Ключевые слова: договор, ОСАГО, ремонт, износ, суд, вред ущерб.

**JUDICIAL PRACTICE IN CASES OF HARM IN THE CONTEXT OF THE
FEDERAL LAW «ON COMPULSORY INSURANCE OF CIVIL LIABILITY
OF VEHICLE OWNERS»**

Filippov S. A., candidate of Law, associate professor of The Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Saratov State Law Academy

Abstract. The purpose of this article is to analyze the changes currently prevailing in judicial practice in cases related to compulsory civil liability insurance of vehicle owners. Compulsory civil liability insurance of vehicle owners is an extremely common civil law agreement. The author came to the conclusion that for greater stability in the development of insurance law under the OSAGO

agreement, it is necessary to work with the conceptual apparatus, adherence to the established system of civil law obligations, in regulatory legal acts devoted to civil liability insurance of vehicle owners.

Keywords: contract, OSAGO, repair, wear and tear, court, damage, damage.

Договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) является крайне распространенным гражданским соглашением – это договор страхования, по которому страховщик обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить потерпевшим причиненный вследствие этого события вред их жизни, здоровью или имуществу (осуществить страховое возмещение в форме страховой выплаты или путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы) [9].

Согласно п. 4 ст. 931 ГК РФ, в случае, когда ответственность за причинение вреда застрахована в силу того, что ее страхование обязательно, а также в других случаях, предусмотренных законом или договором страхования такой ответственности, лицо, в пользу которого считается заключенным договор страхования, *вправе* предъявить непосредственно страховщику требование о возмещении вреда в пределах страховой суммы.

По справедливому замечанию Р. К. Савинского и М. А. Данилочкиной, вопрос о возможности предъявления требования о возмещении вреда лицу, причинившему ущерб, и страховщику, застраховавшему его гражданскую ответственность, при всей своей кажущейся очевидности с момента вступления в силу Федерального закона от 25.04.2002 г. № 40-ФЗ (ред. от 24.04.2020 года, с изм. от 25.05.2020) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее по тексту Закон № 40-ФЗ) и до настоящего момента порождает множество дискуссий и ставят перед правоприменителями ряд вопросов, которые до настоящего момента не в полной мере разрешены ни в теории страхового права ни судебной практики [8, с. 37].

Еще в далеком 2002 г. Астраханский областной суд указывал, что отсутствует устоявшаяся судебная практика по данной категории споров, это вызвано тем, что в Законе об ОСАГО, и в Правилах обязательного страхования, многие нормы сформулированы некорректно, имеются противоречия и нестыковки с

нормами ГК РФ в результате чего, возникает их неоднозначное толкование при практическом правоприменении [5].

Такое несовершенство норм не устранено и в настоящее время. Тенденция, по которой следует судебная практика, порождает главный вопрос у потребителя: «Для чего страховать свою ответственность в рамках института ОСАГО?».

Причину такого непонимания, иллюстрируют следующий случай. Г., на праве собственности, принадлежит автомобиль HYUNDAI SOLARIS, гражданская ответственность владельца указанного транспортного средства застрахована Страховым акционерным обществом «ВСК» о чем страховщиком выдан страховой полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

08.07.2020 г. в г. Саратове Я., управляя принадлежащим ей на праве собственности автомобилем марки GEELY EMGRAND, не учла скорость движения и особенности своего транспортного средства, дорожно-метеорологические условия, интенсивность движения, в результате чего допустила столкновение с автомобилем HYUNDAI SOLARIS под управлением водителя Г. Гражданская ответственность владельца транспортного средства GEELY EMGRAND, застрахована АО «АльфаСтрахование», о чем страховщиком выдан страховой полис обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. В результате виновных действий Я., автомобилю Г. были причинены технические повреждения, а Г., как владельцу, материальный вред.

В силу положений п. 1 ст. 12 Закона № 40-ФЗ, потерпевший вправе предъявить страховщику требование о возмещении вреда, причиненного его жизни, здоровью или имуществу при использовании транспортного средства, в пределах страховой суммы.

20.07.2020 г. Г. как потерпевший обратился в Саратовский филиал Страхового акционерного общества «ВСК» с соответствующим требованием о возмещении вреда, причиненного его имуществу, представив все установленные ФЗ «Об ОСАГО» и «Правилами обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств», утвержденными Положением Банка России от 19.09.2014 г. № 431-11 (ред. от 08.10.2019) «О правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств» документы, необходимые и достаточные для выплаты страхового возмещения. 20.07.2020 г. Г. представил страховщику

поврежденное транспортное средство для его осмотра и (или) независимой технической экспертизы.

04.08.2020 г. Страховым акционерным обществом «ВСК» была осуществлена выплата страхового возмещения в размере 64 533 руб. 19 коп. Представители Страхового акционерного общества «ВСК» пояснили, что сумма страхового возмещения, отраженная в акте о страховом случае от 03.08.2020 г., в размере 64 533 руб. 19 коп., перечисленная платежным поручением, была исчислена *с учетом износа* комплектующих изделий транспортного средства.

После осуществления страховщиком выплаты страхового возмещения в указанном размере, в целях производства восстановительного ремонта принадлежащего транспортного средства, Г. обратился к официальному дилеру «Hyundai» в г. Саратов - в сервисный центр «АГАТ». Однако суммы страхового возмещения оказалась недостаточной для осуществления оплаты необходимого ремонта и полного восстановления нарушенного права Г. Как следует из дефектовочного акта составленного 18.08.2020 г. ООО «Гранд», общая стоимость работ и запчастей, подлежащих к замене, составляющих фактический размер расходов, необходимых для приведения транспортного средства в состояние, в котором оно находилось до момента ДТП, составляет 128 300 руб. 00 коп.

В связи с тем, что от возмещения причиненного ущерба Я. уклоняется, Г. вынужден обратиться в суд за защитой своего нарушенного права, а заявленные требования подлежат удовлетворению по следующим основаниям:

В силу положений п. 1 ст. 1064 ГК РФ, вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Согласно ст. 1072 ГК РФ, юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего (ст. 931, п. 1 ст. 935), в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба. В соответствии с п. 2 ст. 15 ГК РФ, под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

В соответствии с пп. «б» п. 18 ст. 12 ФЗ «Об ОСАГО», размер подлежащих возмещению страховщиком убытков при причинении вреда имуществу потерпевшего определяется: в случае повреждения имущества потерпевшего – в размере расходов, необходимых для приведения имущества в состояние, в котором оно находилось до момента наступления страхового случая.

Согласно п. 19 ст. 12 ФЗ «Об ОСАГО», к указанным в подпункте «б» пункта 18 настоящей статьи расходам относятся также расходы на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта, расходы на оплату работ, связанных с таким ремонтом. Размер расходов на запасные части (за исключением случаев возмещения причиненного вреда в порядке, предусмотренном пунктами 15.1-15.3 настоящей статьи) определяется с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте. При этом на указанные комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты) не может начисляться износ свыше 50 процентов их стоимости.

Размер расходов на материалы и запасные части, необходимые для восстановительного ремонта транспортного средства, расходов на оплату связанных с таким ремонтом работ и стоимость годных остатков определяются в порядке, установленном Банком России.

В п. 3.4 Положения Банка России от 19.09.2014 г. № 432-П «О единой методике определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства» (зарегистрировано в Минюсте России 03.10.2014 г. № 34245) также установлено, что размер расходов на восстановительный ремонт определяется с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене при восстановительном ремонте транспортного средства. Относительная потеря стоимости комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов) транспортного средства, их функциональных характеристик и ресурса в процессе эксплуатации характеризуется показателем износа.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 10.03.2017 г. № 6-П указал, что при исчислении размера расходов, необходимых для приведения транспортного средства в состояние, в котором оно находилось до повреждения, и подлежащих возмещению лицом, причинившим вред, должны приниматься во внимание реальные, т.е. необходимые, экономически обоснованные, отвечающие требованиям завода-изготовителя, учитывающие

условия эксплуатации транспортного средства и достоверно подтвержденные расходы, в том числе расходы на новые комплектующие изделия (детали, узлы и агрегаты) (абз. 4 п. 5).

В силу толкования Конституционного Суда РФ, содержащиеся в п. 5.3 вышеуказанного Постановления, положения ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072 и п. 1 ст. 1079 ГК РФ по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования (во взаимосвязи с положениями Закона № 40-ФЗ) предполагают возможность возмещения лицом, гражданская ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, потерпевшему, которому по указанному договору страховой организацией выплачено страховое возмещение в размере, исчисленном в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства с учетом износа подлежащих замене деталей, узлов и агрегатов транспортного средства, имущественного вреда исходя из принципа полного его возмещения, если потерпевшим представлены надлежащие доказательства того, что размер фактически понесенного им ущерба превышает сумму полученного страхового возмещения.

По мнению Конституционного Суда РФ, иное приводило бы к нарушению гарантированных статьями 17 (часть 3), 19 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть I), 52 и 55 (часть 3) Конституции РФ прав потерпевших, имуществу которых был причинен вред при использовании иными лицами транспортных средств как источников повышенной опасности.

В силу п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ», при разрешении споров, связанных с возмещением убытков, необходимо иметь в виду, что в состав реальной ущерба входят не только фактически понесенные соответствующим лицом расходы, но и расходы, которые это лицо должно будет произвести для восстановления нарушенного права (п. 2 ст. 15 ГК РФ). Если для устранения повреждений имущества истца использовались или будут использованы новые материалы, то за исключением случаев, установленных законом или договором, расходы на такое устранение включаются в состав реального ущерба истца полностью, несмотря на то, что стоимость имущества увеличилась или может увеличиться по сравнению с его стоимостью до повреждения.

Таким образом, исходя из вышеуказанных положений действующего законодательства РФ и приведенных выше обстоятельств, свидетельствующих о недостаточности выплаченного Г. страховым акционерным обществом «ВСК» страхового возмещения для полного возмещения причиненного материального ущерба, для взыскания с ответчика Я., разницы между страховым возмещением и фактическим размером ущерба, составляющей сумму в размере 63 766 руб. 81 коп. (128 300 руб. 00 коп. (фактический размер расходов) – 64 533 руб. 19 коп. (сумма страхового возмещения) = 63 766 руб. 81 коп.) имеются все законные основания [1].

В юридической литературе популярна дискуссия о том, должен ли нести гражданско-правовую ответственность перед потерпевшим причинитель вреда, застраховавший свою гражданскую ответственность в рамках договора ОСАГО. Перманентно, данный вопрос не теряет своей актуальности с начала действия реформы автогражданской ответственности.

Возникшие проблемы процессуального характера были призваны устранить высшие судебные инстанции.

Ранее Верховный Суд РФ отмечал, что в силу закона (глава 59 ГК РФ) потерпевший вправе предъявить требование о возмещении вреда непосредственно его причинителю. Однако, Закон № 40-ФЗ должен защищать права не только потерпевшего, но и самого страхователя, который уже и так произвел затраты по страхованию своей ответственности в соответствии с договором со страховой компанией, а нести дополнительные издержки связанные с ведением процесса, когда это не имеет существенного значения, не является правильным. Вопрос о возмещении вреда самим лицом, чья ответственность застрахована, решается в зависимости от выраженного им согласия на такое возмещение либо отсутствия такого намерения. В последнем случае к участию в деле должен быть привлечен страховщик. Если страховщик привлечен к участию в деле, то независимо от того, настаивает ли потерпевший на возмещении вреда его причинителем, ответственность которого застрахована по договору обязательного страхования, суду следует отказать потерпевшему в иске [6, с. 28].

В своем постановлении Конституционный Суд РФ уже реагировал на спорные обстоятельства, и, как видим из приведенного примера, сохранил правовую последовательность: «Так, в страховом правоотношении обязательство страховщика перед потерпевшим возникает на основании заключенного страховщиком со страхователем договора страхования гражданской ответственности, а не норм

главы 59 ГК РФ; выплату страхового возмещения обязан осуществить непосредственно страховщик, причем наступление страхового случая, влекущее такую обязанность, само по себе не освобождает страхователя от гражданско-правовой ответственности перед потерпевшим за причинение ему вреда. Смещение различных обязательств и их элементов, одним из которых является порядок реализации потерпевшим своего права, приводит к подмене одного гражданско-правового института другим и влечет неблагоприятные последствия для стороны, в интересах которой он устанавливался, в данном случае – потерпевшего (выгодоприобретателя), чем ущемляются его конституционные права и свободы» [7, с. 71].

Таким образом, Конституционный Суд РФ подразумевает возникновение двух независимых обязательств: деликтного у причинителя вреда и страхового у страховой компании.

Ю. Б. Фогельсон небесспорно считает, что потерпевший вправе сам выбирать, какое из этих требований предъявить, деликтное – причинителю вреда или договорное – страховщику [10, с. 47].

Положения Пленума Верховного суда РФ от 29 января 2015 г. № 2, казалось бы, должны были поставить точку в дискуссии субъектов ответственности. В абзацах 2 и 3 п. 28 этого акта было указано, что расходы, понесенные потерпевшим в связи с необходимостью восстановления права, нарушенного вследствие причиненного дорожно-транспортным происшествием вреда, подлежат возмещению страховщиком в пределах сумм, установленных ст. 7 Закона об ОСАГО (п. 4 ст. 931 ГК РФ, абзац восьмой ст. 1, абзац первый п. 1 ст. 12 Закона об ОСАГО). Исходя из положений ст. 15 ГК РФ и абзаца второго п. 23 ст. 12 Закона об ОСАГО в их взаимосвязи, с причинителя вреда на основании главы 59 ГК РФ могут быть взысканы лишь убытки, превышающие предельный размер страховой суммы.

В дальнейшем, Закон № 40-ФЗ как бы учел данный недочет системы обязательств и в п. 15.1 ст. 12 отметил: страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в РФ, осуществляется (за исключением случаев, установленных п. 16.1 настоящей статьи) путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре).

В последствии судебная практика все же разрешила вопросы процессуального характера. Однако вопросы материального права все еще нуждаются в совершенствовании.

В другом гражданском деле А. обратился с исковым заявлением к публичному акционерному обществу Страховая компания «Росгосстрах» о выплате страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда, а также к Н. о взыскании ущерба. А. просит взыскать с ПАО СК «Росгосстрах» в пользу истца невыплаченное страховое возмещение в сумме 87 900 руб., компенсацию морального вреда в размере 5000 руб., убытки по оплате экспертного заключения в размере 5150 руб., по оплате услуг по отправке почтового отправления в размере 370 руб., штраф в связи с отказом удовлетворения требований потребителя в добровольном порядке в размере 43 950 руб., неустойку в размере 879 руб. С второго ответчика Н. стоимость восстановительного ремонта в размере 131 083 руб., причиненного в результате ДТП, судебные расходы по оплате государственной пошлины в размере 1316 руб.; взыскать с ПАО СК «Росгосстрах» и Н. пропорционально судебные расходы по оплате услуг представителя в сумме 12084 руб.

Учитывая, что подлежащая взысканию со страховой компании страховая выплата недостаточна для полного возмещения причиненных истцу по вине ответчика убытков, ответчик Н. не доказал возможность восстановления поврежденного автомобиля истца без использования новых запасных частей, суд полагает законным, обоснованным и подлежащим удовлетворению требования истца о взыскании с ответчика Н. в пользу истца денежных средства в счет возмещения вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия, в размере 131 083 руб. из расчета: 218 983 руб. – 87900 руб. [3].

Получается достаточно неординарная ситуация, подорвавшая уровень доверия граждан к институту ОСАГО [4], и причиной тому постановление Конституционного Суда РФ № 6-П от 10.03.2017 г.

Водителю представляется, что если он застраховал свою гражданскую ответственность, заплатил немалую страховую премию, и если причинил ущерб, размер которого покрывает страховая сумма, то его обязательства уже выполнены, претензий к нему быть не должно. Однако, как мы видим из представленных примеров, а судебная практика развивается именно в таком направлении, это далеко не так.

Думается, претензии в адрес Конституционного Суда РФ не вполне уместны, мотивировочная часть названного постановления в полной мере согласуется с действующим материальным законодательством, законодателю же, на наш взгляд, следует обратить свой взор на упомянутые выше Закон № 40-ФЗ и

«Правила обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Поскольку страховая выплата производится с учетом износа узлов и агрегатов транспортного средства и это прямо указано в законодательстве, Конституционный Суд РФ, справедливо, защищая права потерпевших дал понять, что им довольно часто этой суммы недостаточно, и полно аргументировал данный тезис в п. 5 своего постановления.

Однако, представляется, что в нынешних условиях законодатель чрезмерно опекает, страховые организации. Не вызывает вопросов, когда поправками (см., ст. 16.1 Закон № 40-ФЗ в ред. Федерального закона от 04.06.2018 № 133-ФЗ) защищаются страховщики от непосильных штрафов, пеней и неустоек, которыми активно пользовались юридические фирмы по типу «авто-юрист».

В п. 5.2 названного постановления, Конституционный Суд РФ указал, поскольку размер расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства определяется на основании Единой методики лишь в рамках договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств и только в пределах, установленных Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», а произведенные на ее основании подсчеты размера вреда в целях осуществления страховой выплаты не всегда адекватно отражают размер причиненного потерпевшему фактического ущерба и, следовательно, не могут служить единственным средством для его определения, суды обязаны в полной мере учитывать все юридически значимые обстоятельства, позволяющие установить и подтвердить фактически понесенный потерпевшим ущерб.

Таким образом, напрашивается вывод, для того чтобы автолюбители не отказывались от страхования своей гражданской ответственности, не уходили в тень, страховщикам необходимо адекватно оценивать причиненный потерпевшему ущерб при оплате восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства (когда организация и оплата восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего на станции технического обслуживания восстановительный ремонт не производится), а законодателю отказываться от градаций с формулировкой в нормативных актах «с учетом износа или без» комплектующих изделий транспортного средства, ведь абз. 3 ст.15.1 Закона

№ 40-ФЗ, определяет при проведении восстановительного ремонта в соответствии с пунктами 15.2 и 15.3 ст. 12 названного закона, не допускать использование бывших в употреблении или восстановленных комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов).

Некий, положительный процессуальный сдвиг, произошел в результате принятия определения Верховного Суда РФ от 19.01.2021 г., и мотивировка которого заслуживает пристального внимания. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ рассмотрела гражданское дело по иску Саиляна Армана Ромаевича к публичному акционерному обществу «Страховая компания «Росгосстрах» о взыскании страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда и штрафа по кассационной жалобе Саиляна А.Р. на определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 марта 2020 г. Саилян А.Р. обратился в суд с иском к публичному акционерному обществу «Страховая компания «Росгосстрах» о взыскании страхового возмещения, неустойки, компенсации морального вреда и штрафа. В обоснование требований истец указал на то, что в результате ДТП его автомобилю «БМВ Х5» причинены повреждения. 24 января 2019 г. Саилян А.Р. обратился в ПАО СК «Росгосстрах» с заявлением о наступлении страхового случая и представил свой автомобиль на осмотр. Страховщик 6 февраля 2019 г. направил истцу письмо, в котором сообщил, что факт наступления страхового случая не установлен, поскольку повреждения автомобиля не соответствуют обстоятельствам дорожно-транспортного происшествия. Из заключения проведенной по делу судебной автотехнической экспертизы от 1 июля 2019 г. № 78-СЭ/2019 следует, что часть повреждений автомобиля «БМВ Х5», принадлежащего Саилян А.Р., соответствует заявленному механизму столкновения при ДТП, произошедшем 6 декабря 2018 г. Стоимость восстановительного ремонта автомобиля истца по повреждениям, полученным в указанном ДТП, в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной положением Центрального банка Российской Федерации от 19 сентября 2014 г. № 432-П, составляет без учета износа 346 300 руб., с учетом износа - 256 500 руб. При этом направление на ремонт Саилян А.Р. страховой компанией не выдано, и обязанность по организации и (или) оплате восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего не исполнена [2].

Судебная коллегия по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции с такими выводами не согласилась, указав, что страховое возмещение *взыскано в денежном эквиваленте*, а следовательно, размер

расходов на запасные части должен определяться в соответствии с п. 19 ст. 12 Закон № 40-ФЗ, т.е. с учетом износа комплектующих изделий. При этом, если размер понесенного потерпевшим фактического ущерба будет превышать размер выплаченного ему страховщиком страхового возмещения, в соответствии с п. 23 ст. 12 этого закона потерпевший вправе взыскать с лица, причинившего вред, сумму в размере части требования, оставшейся неудовлетворенной в соответствии с данным законом.

Ссылаясь на то, что возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности истца, должно производиться в форме обязательного восстановительного ремонта транспортного средства и рассчитываться без учета износа комплектующих изделий, суды пришли к выводу о наличии оснований для взыскания в пользу истца стоимости восстановительного ремонта в сумме 346 300 руб., то есть без учета износа.

Судебная коллегия же по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции с такими выводами не согласилась, указав, что страховое возмещение взыскано в денежном эквиваленте, а следовательно, размер расходов на запасные части должен определяться в соответствии с п. 19 ст. 12 Закон № 40-ФЗ, т.е. с учетом износа комплектующих изделий. При этом, если размер понесенного потерпевшим фактического ущерба будет превышать размер выплаченного ему страховщиком страхового возмещения, в соответствии с п. 23 ст. 12 Закона об ОСАГО потерпевший вправе взыскать с лица, причинившего вред, сумму в размере части требования, оставшейся неудовлетворенной в соответствии с данным законом и отменила определение суда апелляционной инстанции, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ находит, что обжалуемое судебное постановление принято с существенными нарушениями норм материального права и согласиться с ними нельзя по следующим основаниям.

Письмами от 6 февраля и от марта 2019 г. страховая компания со ссылкой на заключение эксперта отказала истцу в выдаче направления на восстановительный ремонт транспортного средства в связи с тем, что объем повреждений автомобиля «БМВ Х5» с технической точки зрения не соответствует заявленным событиям и получен при иных обстоятельствах.

Учитывая, что факт несоответствия повреждений автомобиля истца обстоятельствам исследуемого дорожно-транспортного происшествия своего

подтверждения не нашел, суды пришли к выводу о том, что ПАО СК «Росгосстрах» в нарушение требований Закона об ОСАГО не исполнило свое обязательство по организации восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, в связи с чем должно возместить потерпевшему стоимость такого ремонта *без учета износа* комплектующих изделий (деталей, узлов, агрегатов). Обстоятельств, в силу которых страховая компания имела право заменить без согласия потерпевшего организацию и оплату восстановительного ремонта на страховую выплату, судами не установлено.

Признавая эти выводы нижестоящих судов ошибочными, судебная коллегия по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции не учла закрепленное в п. 1 ст. 393 ГК РФ правило, согласно которому в обязательственных правоотношениях должник должен возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства.

Потерпевший ссылался на незаконный отказ страховщика в организации и оплате восстановительного ремонта и просил возместить стоимость такого ремонта, поскольку из-за отказа страховщика произвел ремонт самостоятельно [2].

Полагаем, что для большей стабильности развития страхового права в рамках договора ОСАГО, необходима работа с понятийным аппаратом, следование устоявшейся системе обязательств гражданского права, в нормативно-правовых актах, посвященных страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Библиографический список

1. Дело Ленинского районного суда г. Саратова от 19.08.2020 № 2-3456/2020. URL: https://leninsky--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=74824655&case_uid=e5381ba7-9891-4d33-bfb4-9c3d5b8aa41d&delo_id=1540005 (дата обращения: 07.09.2020).
2. Дело Октябрьского районного суда г. Владимира от 25.07.2019 № 86-КГ20-8-К2. URL.: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases?®isterDateExact=off&considerationDateExact=off&numberExact=true&number=86-%D0%9A%D0%9320-8-%D0%9A2> (дата обращения: 08.05.2021).
3. Дело Приозерского городского суда Ленинградской области от 20.05.2020 № 2-1005/2019. URL.: <https://sudact.ru/regular/doc/1w51764hA1X/> (дата обращения: 05.09.2020).

4. Исследование показало, что в случае существенного (двойного) подорожания полиса 24 % автомобилистов намерены вовсе отказаться от покупки ОСАГО. Еще 10 % граждан намереваются приобрести поддельный полис «автогражданки» и ездить с ним на свой страх и риск. Не менее интересно и то, что 12 % респондентов уже отказались от покупки автомобильной страховки либо приобретают фальшивые полисы из-за ее дороговизны. URL.: <https://www.gazeta.ru/business/2020/08/24/13208731.shtml> (дата обращения: 07.09.2020).

5. Обобщение Астраханского Областного суда на 2-е полугодие 2007 года по рассмотренным гражданским спорам, связанным с применением Федерального Закона от 25 апреля 2002 г. «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». URL.: http://www.region-court.astranet.ru/ss_detale.php?id=5750. (дата обращения: 30.07.2020).

6. Ответ на вопрос 11 обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2007 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2007 г.) (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 10. С. 28.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 г. № 6-П «По делу о проверке Конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами государственного собрания Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской Областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С. Н. Шевцова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 4. С. 71.

8. Савинский Р. К., Данилочкина М. А. Некоторые вопросы возмещения вреда при наличии договоров ОСАГО // Юридическая и правовая работа в страховании. 2007. № 4. С. 37.

9. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 25.05.2020) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Российская газета. 2002. № 80.

10. Фогельсон Ю. Б. Правовое регулирование ОСАГО. Решенные и нерешенные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 9. С. 47.

ФОТООТЧЕТ

**Межрегиональной научно-
практической конференции памяти
Михаила Федоровича Медведева
(Медведевские чтения)**

**ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ДЕЛИКТНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ**

ФОТО № 1. Открытие конференции руководством юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС.

В центре – декан юридического факультета,

кандидат юридических наук **Андрей Валерьевич Егоров.**

Справа от него – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин кандидат юридических наук, доцент **Ольга Александровна Сергачева.**

Слева от декана – руководитель Организационного комитета и генеральный модератор конференции кандидат юридических наук, доцент **Елена Николаевна Агибалова**

ФОТО № 2. Члены семьи М. Ф. Медведева и почетные гости конференции.
Справа налево – дочь М. Ф. Медведева заместитель начальника отдела законодательства о юридических лицах, член Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ **Татьяна Михайловна Медведева**;
заместитель руководителя аппарата Губернатора Волгоградской области
Наталья Николаевна Лисименко;
внучка М. Ф. Медведева – **Анна Юрьевна Голицына**

ФОТО № 3. Члены семьи М. Ф. Медведева.

Справа налево – внучка М. Ф. Медведева **Елизавета Игоревна Буш**;
зять М. Ф. Медведева – руководитель Историко-информационного центра
ММВБ, кандидат исторических наук **Юрий Петрович Голицын**;
дочь М. Ф. Медведева врач-хирург, преподаватель ГАПОУ «Волгоградский
медицинский колледж» **Елена Михайловна Буш**

ФОТО № 4. Почетный гость конференции
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор **Петр Мартынович Филиппов**

ФОТО № 5. Почетный гость конференции
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики,
доктор юридических наук, доцент **Мадина Таукеновна Аширбекова**

ФОТО № 6. Почетный гость конференции
заместитель Председателя Совета Волгоградского регионального отделения
общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»
Олег Александрович Коробов

ФОТО № 7. Почетный гость конференции
ученица М. Ф. Медведева судья Центрального районного суда г. Волгограда,
кандидат юридических наук, доцент **Ольга Борисовна Новикова**

ФОТО № 8. Почетный гость конференции

секретарь Ученого совета и доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», кандидат юридических наук, доцент **Александр Иванович Бортенев**

ФОТО № 9. Почетный гость конференции
ученица М. Ф. Медведева, доцент кафедры гражданского и международного
частного права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
кандидат юридических наук, доцент **Елена Витальевна Смиренская**
(в центре)

ФОТО № 10. Коллективное фото участников конференции

ФОТО № 11. Выступающий докладчик на конференции
ученица М. Ф. Медведева преподаватель кафедры общественного здоровья и
здравоохранения Института НМФО «Волгоградского государственного
медицинского университета»,
кандидат юридических наук **Юлия Владимировна Севастьянова**

ФОТО № 12. Выступающий докладчик на конференции
старший преподаватель кафедры юриспруденции Волжского филиала ФГАОУ
ВО «Волгоградский государственный университет»
Лариса Евгеньевна Стрилец

ФОТО № 13. Выступающий докладчик на конференции
доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградского
института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,
кандидат юридических наук, доцент **Анна Юрьевна Чикильдина**

**ФОТО № 14. Актив студенческой творческой мастерской и кружка по
Гражданскому праву Волгоградского института управления – филиала
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»**

ФОТО № 15. Организаторы конференции.

Слева направо – руководитель Организационного комитета
и генеральный модератор конференции
кандидат юридических наук, доцент **Елена Николаевна Агибалова**;
1-й заместитель руководителя Организационного комитета
и генерального модератора конференции
кандидат юридических наук, доцент **Игорь Борисович Иловайский**;
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
кандидат юридических наук, доцент **Ольга Александровна Сергачева**;
2-й заместитель руководителя Организационного комитета и генерального
модератора конференции, старший преподаватель, магистр права
Наталья Викторовна Рахманина

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО
И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

Часть I

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Часть II

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ**

Сборник научных трудов

Электронное издание

Процессор Intel® или AMD с частотой не менее 1.5 ГГц
Операционная система семейства Microsoft Windows или macOS
Оперативная память 2 Гб оперативной памяти
Пространство на жестком диске 23,4 МБ

Дополнительные программные средства: Программа для просмотра PDF
Издательско-полиграфический центр ВИУ РАНХиГС
г. Волгоград, ул. Герцена, 10